

ДЕВЯНОСТЫЕ —
ГОДЫ ТЯГОТ,
НАДЕЖД
И СВЕРШЕНИЙ

Москва • Челябинск

УДК 94(470+571)"1991/2000"

ББК 63.3(2)64

Д25

РОО ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Составитель *Е.Г. Ясин*

Ответственный редактор *Н.М. Плискевич*

Д25 Десяностые – годы тягот, надежд и свершений / [сост. Е.Г. Ясин ; ответств. ред. Н.М. Плискевич]. – Москва : Социум, 2019. – 508 с.

ISBN 978-5-906401-96-0

1990-е годы были одними из самых тяжелых и сложных для людей в послевоенной истории нашей страны. Но это было также время огромных надежд на то, что удастся совершить решительный поворот в нашем развитии, создать принципиально новую, рыночную экономику и демократическое общество. В чем-то эти надежды сбылись, в чем-то нет, но нельзя отрицать, что именно девяностые изменили Россию. Об этом времени Евгений Григорьевич Ясин десять лет назад, когда нюансы событий были еще свежи в памяти многих, беседовал в студии радиостанции «Эхо Москвы» со своими коллегами-реформаторами, пионерами российского предпринимательства, экспертами в различных сферах экономической, политической и общественной жизни. Сегодня эти беседы воспринимаются как документ эпохи – перед читателями разворачивается картина тех «лихих и славных» лет во всей их сложности и противоречивости.

Собеседники Е.Г. Ясина откровенно рассказывают о проблемах, с которыми пришлось столкнуться реформаторам, о своих ошибках, разочарованиях и достижениях. Речь идет не только о том, что получило развитие в более благоприятных условиях нулевых годов, но и о том, что, напротив, стало постепенно демонтироваться. Однако фундамент, заложенный в девяностые, оказался столь прочным, что многими «наработками» тех лет мы пользуемся до сих пор, а иные еще ждут своего часа и способны дать новый толчок развитию страны.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, прежде всего молодых, желающих разобраться в том, что на самом деле происходило в 1990-е годы.

УДК 94(470+571)"1991/2000"

ББК 63.3(2)64

ISBN 978-5-906401-96-0

© ООО «ИД «Социум», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>Е.Г. ЯСИНА</i>	5
I. НЕИЗБЕЖНОСТЬ И БОЯЗНЬ РЕФОРМ 1990-х ГОДОВ	9
1. ПРИЧИНА КРИЗИСА: К ЧЕМУ ШЛА СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА (<i>Е. ЯСИН</i>)	11
2. АВГУСТ 1991 ГОДА. ГКЧП (<i>Е. ЯСИН</i>)	37
3. РАССТРЕЛ ПАРЛАМЕНТА В 1993 ГОДУ (<i>Е. ЯСИН – Е. ГАЙДАР</i>)	52
II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1990-х ГОДОВ	69
4. РЕФОРМЫ 1992 ГОДА (<i>Е. ЯСИН – Е. ГАЙДАР</i>)	71
5. РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС 1990-х ГОДОВ (<i>Е. ЯСИН – О. КИСЕЛЕВ</i>)	91
6. УСПЕХИ БИЗНЕСА В 1990-е ГОДЫ (<i>Е. ЯСИН – Д. ЗИМИН</i>)	108
7. ПРИВАТИЗАЦИЯ (<i>Е. ЯСИН – В. ТАМБОВЦЕВ</i>)	126
8. ВТОРОЙ ЭТАП ПРИВАТИЗАЦИИ (<i>Е. ЯСИН</i>)	147
9. ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ (<i>Е. ЯСИН</i>)	165
10. ЗАРОЖДЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА (<i>Е. ЯСИН – С. АЛЕКСАШЕНКО</i>)	185
11. БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА В 1990-е ГОДЫ (<i>Е. ЯСИН – С. ДУБИНИН</i>)	203
12. СОЗДАНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ (<i>Е. ЯСИН – И. ТРУНИН</i>)	220
13. ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС 1998 ГОДА (<i>Е. ЯСИН – М. ЗАДОРНОВ</i>)	236

III. ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ	236
14. Вооруженные силы в 1990-х годах (Е. ЯСИН – А. СИТНОВ)	257
15. Ситуация в науке (Е. ЯСИН – Б. САЛТЫКОВ)	271
IV. ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ.	293
16. Роль интеллигенции в 1990-е годы (Е. ЯСИН)	295
17. Странности рынка труда 1990-х годов (Е. ЯСИН – Р. КАПЕЛЮШНИКОВ)	311
18. Неравенство в материальном положении (Е. ЯСИН – Л. ОВЧАРОВА)	329
V. ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО	347
19. Судебная реформа: первые шаги (Е. ЯСИН – С. ПАШИН)	349
20. Суд присяжных (Е. ЯСИН – Л. НИКИТИНСКИЙ)	367
VI. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО 1990-Х ГОДОВ.	383
21. Гражданское общество в 1990-е годы (Е. ЯСИН – А. АУЗАН)	385
22. Формирование многопартийной системы (Е. ЯСИН – А. КЫНЕВ)	403
23. НКО в 1990-е годы и сегодня (Е. ЯСИН – С. САНОВИЧ)	423
24. Свобода слова в 1990-е годы (Е. ЯСИН – А. ВЕНЕДИКТОВ)	443
VII. РОССИЯ В МИРЕ.	465
25. Внешняя политика России в 1990-е годы (Е. ЯСИН – Г. КУНАДЗЕ)	467
VIII. ЕЛЬЦИН.	483
27. Реформы и Борис Николаевич Ельцин (Е. ЯСИН – А. ЧУБАЙС)	485
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	504

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время летит быстро. И нам, пережившим очередной слом эпох отечественной истории, свершившийся на рубеже 80–90-х годов прошлого столетия, даже немного удивительно сознавать, что с того времени прошло уже почти тридцать лет. В народной памяти события тех времен устойчиво закрепились (к тому же поддерживаемые уже более десятилетия официальной пропагандой) в виде идеологического клише «лихие девяностые». Правда, дело тут не только в пропаганде. Для большинства наших сограждан это действительно было время тяжелых испытаний, поставившее массу семей просто на грань выживания. И сегодня поколение миллениалов узнает о тех временах от родителей или старших членов семьи, в чьей памяти те годы связаны прежде всего с перенесенными лично ими трудностями, нередко с крушением возможностей по-прежнему заниматься любимой профессией, на освоение которой еще в советских условиях было затрачено много сил и времени. Свою лепту вносит и та психологическая особенность большинства людей, которая заставляет собственные успехи относить исключительно к личным способностям, деловым качествам и т.п., а отнюдь не к тем возможностям, которые вдруг открылись перед ними именно благодаря проводимым в стране реформам.

Я понимаю причины господства таких настроений, сочувствую людям, для которых те годы оказались, возможно, самыми тяжелыми в их жизни. Но вместе с тем категорически не согласен с этими настроениями. Для меня это годы успехов, поистине славные девяностые. Ибо я осознаю, какие грандиозные, не имевшие прецедентов в мировой истории преобразования удалось осуществить в те годы в нашей стране. Причем в ситуации, когда накопившиеся в старой советской системе проблемы и диспропорции достигли уже такого масштаба, что ее крушение вполне могло бы пройти по гораздо более жесткому сценарию.

Разумеется, молодые реформаторы команды Гайдара, которые, можно сказать, шли по минному полю, дела-

ли ошибки. Многое просто не удалось осуществить из-за обострившегося политического противостояния. Многие меры оказались половинчатыми из-за боязни возрастания социального недовольства. И все же то, что удалось сделать, позволило уже к 1997 году начать медленный восстановительный рост.

Конечно, тут сразу вспомнят кризис 1998 года, не отдавая себе отчета в том, что и его во многом породили те смягчения политики, на которые правительство, нередко неоправданно, вынуждено было идти в предшествующий период. И как раз кризисная ситуация 1998 года позволила правительству Евгения Максимовича Примакова впервые за несколько лет провести сбалансированный бюджет, придерживаться жесткой финансовой политики, на которую раньше не соглашалась Государственная Дума. В результате в стране начался рост производства. Причем это произошло еще до повышения мировых цен на нефть.

Хочется вновь напомнить, что сегодня, даже не сознавая этого, мы имеем для преодоления новых трудностей систему, фундамент которой был заложен именно в 1990-е годы. К сожалению, многое из заложенного тогда могло быть намного успешнее развито в 2000-е годы. В тех гораздо более благоприятных условиях можно было заняться устранением дефектов, которые нередко были связаны со спецификой политической борьбы в предшествующее десятилетие. Но этого не произошло. Напротив, часть из созданных в 1990-е годы несущих конструкций нового общества была или демонтирована, или искажена. В то же время многое сохранилось и вполне может получить новый импульс развития.

Именно поэтому мне вновь захотелось рассказать, прежде всего молодому поколению наших сограждан, о том, что представляли собой реформы 1990-х годов во всей их сложности. Для этого я решил обратиться к циклу моих бесед на радиостанции «Эхо Москвы», посвященных тем самым славным девяностым. Тогда, в 2008 году, удалось побеседовать со многими реформаторами (кое-кого уже нет с нами, как Егора Тимуровича Гайдара), с экспертами по разным аспектам реформирования отечественной экономики и общества в целом. Тогда мы обсуждали с самых раз-

ных сторон преобразования советских плановых и авторитарных реалий в новые, основанные на принципах рынка, а значит — экономической свободы, и политической демократии. Причем в памяти участников этих бесед были еще свежи не просто общие принципы реформ, но и их важные детали, о которых сегодня многие наши сограждане могли забыть или не знали о них вообще.

Эти беседы вошли в книгу в обработанном варианте. Напомню высказывание нашего знаменитого литературоведа и мастера устного рассказа Иракия Луарсабовича Андроникова: слово написанное и слово сказанное — разные способы выражения одних и тех же мыслей. А кроме того, спустя десять лет после этих бесед в прямом эфире что-то хотелось бы уточнить и дополнить. Ведь тогда я и мои собеседники были ограничены строгими рамками хронометража передач, и на объяснение каких-то нюансов нередко просто не хватало времени.

Но главное — читатели книги смогут узнать мнения людей, непосредственно занимавшихся трудным делом реформирования, познакомиться с мотивами, которыми они руководствовались, принимая те или иные решения. Не меньший интерес представляют и свидетельства того, как реформы тормозились, саботировались, а потом начали отчасти потихоньку сворачиваться. Все это поможет читателям более трезво взглянуть и на то, что происходило в 1990-е годы, и на то, как развивались события в 2000-х годах, и на то, что происходит в наши дни.

Е.Г. Ясин

2019 год

I. НЕИЗБЕЖНОСТЬ И БОЯЗНЬ РЕФОРМ 1990-Х ГОДОВ

1

ПРИЧИНА КРИЗИСА: К ЧЕМУ ШЛА СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА (Е. ЯСИН)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, обращаясь к теме «Славные девяностые» — думаю о них как о «славных», а совсем не как о «лихих», хотя проблем там хватало, — я хочу в начале наших бесед попросить вас перенестись в период, который предшествовал этому. Ведь не секрет, что многие наши соотечественники теперь с тоской вспоминают советские времена, говорят о том, что была некая стабильность; если ты не «высовывался», то жизнь катилась по привычной колее, не было ощущения, что в любой момент вдруг все обрушится. У кого-то были сбережения, на которые теоретически можно было купить хоть машину, хоть квартиру. А в том, что они вдруг обратились в ничто, обвиняют, как вы знаете, команду либералов-реформаторов. В магазинах было пусто, но холодильники оказывались полны. Бесплатное образование, бесплатная медицина; правда, о том, какова она была, можно почитать у Жванецкого, да и образование было далеко не одинаковым. То есть все как будто было хорошо. Но в то же время, наверное, если все было крепко и все стояло так, как надо, это не могло рухнуть само по себе. Тогда возникает вопрос: почему рухнула советская власть?

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Это вопрос очень серьезный. И мне кажется, об этом надо говорить, объяснять людям, почему все получилось так, а не иначе. Могло ли получиться иначе, а самое главное — насколько иначе. Почему тогда мы не могли пойти, скажем, по китайскому пути, почему у нас потери оказались гораздо больше, чем в Польше, или в Чехии, или в каких-то других странах. Но, при всех пережитых трудностях, начиная эту беседу, я считаю чрезвычайно важным сказать, что в действительности 1990-е годы — это были

великие времена, не просто славные. Это были времена, когда действительно решалась судьба нашей страны. Хотя, разумеется, я не тешу себя надеждой, что смогу убедить всех. Это невозможно. Я знаю, что многие годы формировалось — и «сверху» и «снизу» — абсолютно отрицательное отношение к 1990-м годам очень многих людей, в том числе и тех, кто в период перестройки поддерживал демократические реформы, демократизацию в нашей стране и т.д. Но тем не менее я попытаюсь показать и неизбежность краха советской системы, и корни тех трудностей, через которые нам пришлось пройти, выходя из нее.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Так в чем же вы видите корни кризиса?

Е. ЯСИН: Главные факторы этого кризиса — это Октябрьская революция, это установление плановой системы хозяйствования, бюрократической системы. Провозглашалось, что мы строим социализм, но на самом деле это был самый жесткий вариант государственно-монополистического капитализма. Его увидел еще Ленин в Германии в годы Первой мировой войны, когда, естественно, все имеющиеся ресурсы были сконцентрированы на военных целях, а государство брало себе значительные регулирующие полномочия. И Ленин, как, может быть, помнят те, кто учился еще в Советском Союзе, писал, что именно эта система «есть полнейшая материальная подготовка социализма», есть та ступенька исторической лестницы, между которой и ступенькой, называемой социализмом, «никаких промежуточных ступеней нет». Для того чтобы перейти на эту ступеньку, надо просто взять власть, установить так называемую диктатуру пролетариата, на деле вылившуюся в закрепощение трудящихся, лишенных всяких возможностей отстаивать свои интересы, по сути — тоталитарную политическую диктатуру. Все это привело к установлению в стране крайней степени монополизма, административно-командной иерархии. Она управлялась как единая фабрика с палочной дисциплиной. Я бы даже о госкапитализме не говорил: капитализм предполагает хоть какое-то наличие рыночных механизмов. А у нас остался только колхозный базар.

Я имею в виду прежде всего 1930-е годы, ну, в общем, до смерти Сталина. Но и в последующие десятилетия монополизм бюрократии и в экономике, и в политике, и в идеологии оставался ключевым элементом системы. Были, конечно, моменты некоторых послаблений, но они не меняли сути. Такая ситуация, возможно, удобна для военного времени, но в условиях мира так долго жить нельзя. Проблемы накапливались, темпы роста экономики резко упали. Да и люди, пусть тихо, стали все больше задавать вопросов. Почему они живут так бедно, несравнимо с тем, что они увидели в Европе в период наступления наших войск в 1945 году, да и позже, когда железный занавес чуть-чуть приоткрылся?

Вспомним кровавые события в Новочеркасске в 1963 году. А ведь тогда то тут, то там возникали и менее трагические локальные брожения, связанные с крайне низкой оплатой труда и вынужденным, но неизбежным повышением цен на продовольствие. Я, в общем-то, непосредственно столкнулся с нашей экономикой только тогда, когда уже стал учиться в университете. Начало 1970-х годов. Я был в аспирантуре, общался с друзьями, коллегами на нашем факультете, на баюстраде, там, где теперь расположен факультет журналистики. И я помню наш разговор со Славой Бессоновым, тогда аспирантом, а сейчас профессором Высшей школы экономики. И он сказал: «Я не могу понять только одного, как эта система еще работает? Почему ходят трамваи, почему есть вода в кране? Потому что она, эта система, алогична». Она создает проблемы, которые решать можно только героизмом. И стало быть, со временем подойдет кризис и этот кризис придется каким-то образом разрешать. И ясно, что это будет непросто. Значит, это действительно было так. Я удивился тогда степени своего согласия с Бессоновым.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но ведь до начала семидесятых были так называемые косыгинские реформы...

Е. ЯСИН: Конечно. Этот разговор был, по сути, следствием провала первой попытки реформирования системы — «косыгинских реформ». Однако сам факт, что руководство решилось на такой шаг, свидетельствует о серьезных неполадках в системе, копившихся все послевоенные годы.

Это понимало и руководство страны, и наиболее умные, незашоренные экономисты, которым иногда удавалось опубликовать работы, вызывавшие оживленные дискуссии. Вспомним хотя бы знаменитую книгу Геннадия Степановича Лисичкина «План и рынок», где он доказывал, что мы не так глупы и плохи, что это планы не учитывают реальных потребностей. Причем Лисичкин был к тому периоду не только ученым, за его плечами было председательство в колхозе на целине, в Казахстане. Эта книга дала импульс известной в те времена дискуссии «товарников» и «антитоварников», то есть тех, кто пытался показать перспективность внедрения в советскую систему, пусть в ограниченном виде, рыночных отношений, и их противников. Я уже сравнивал когда-то роль книги Лисичкина с солженицынским «Одним днем Ивана Денисовича». Она пробила брешь в монолите официальной советской экономической теории. Но главное — уже в 1950-х годах стало понятно, что при таком уровне эксплуатации люди долго не выдержат. Да и отставание стало расти.

И тогда новое руководство, пришедшее после свержения Хрущева, объявило о начале реформ под лозунгом «материального стимулирования» трудовых усилий. Были разработаны системы премирования за выполнение планов, была введена так называемая тринадцатая зарплата и т.д. Предлагалось также дать некоторую самостоятельность предприятиям, выполнившим плановые задания. Но тут, правда, скоро оказалось, что на это нет ни времени, ни ресурсов.

Еще на один момент я хотел бы обратить внимание. Провозглашая реформы и понимая, что в результате у населения появится больше наличных денег, авторы реформ заложили в директивы VIII пятилетки утвержденное XXIII съездом КПСС задание, согласно которому производство товаров народного потребления должно было бы расти больше, чем производство средств производства, а в этой позиции обычно «пряталось» и вооружение. Так вот: это задание было сорвано. По итогам VIII пятилетки производство средств производства выросло все же больше, чем производство предметов потребления. То есть

сама система отторгала попытки ее перенастройки на нужды людей. А это значит, что росли структурные перекосы, экономика все больше деформировалась. И все это очень больно ударило потом — в 1990-е годы.

Замечу также, что в дальнейшем никаких попыток изменить соотношение производства средств производства и предметов потребления в пятилетних планах не предпринималось. Кроме того, «косыгинские реформы» предполагали, пусть в микроскопических дозах, дать возможность предприятиям проявлять инициативу. Разумеется, этого было недостаточно, но все же какой-то шаг от абсолютного монополизма с развитием этих реформ, возможно, и стал бы реален. Думаю, если бы провозглашенные реформы тогда развивались, шаг за шагом, при всех сложностях и накопленных проблемах все же был шанс двинуться к рыночной экономике более плавным, эволюционным путем, избежать тех потрясений, которые пришлось пережить уже в 1990-е годы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Часто говорят, что у нас реформы делали неправильно, а вот в Китае — правильно.

Е. ЯСИН: Проблема китайского пути — сложная и многогранная. Кроме того, китайские реформы еще не завершены. Сегодня многие предупреждают о массе проблем, которые ждут эту страну впереди. Да и вряд ли наши люди обрадовались бы переселению в эту страну. Там и сейчас уровень душевых доходов населения в целом существенно ниже российского. Но главное — совершенно другие условия, масса сельского населения, которое можно быстро перебрасывать на разные индустриальные объекты. Этот ресурс в СССР к 1990-м годам был уже исчерпан. Единственное, что могу подчеркнуть: если бы мы начали реальное реформирование хотя бы в 1960-х годах, переход к рынку проходил бы несравнимо легче. Но, как известно, к концу шестидесятых политическая ситуация сложилась явно неблагоприятная.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тут случилась «пражская весна»...

Е. ЯСИН: Для нашей темы важно, что это была не только идеологическая, но и политическая попытка изменить существующую систему, построить, как тогда говорили,

«социализм с человеческим лицом». Была и серьезная экономическая программа. Главным чехословацким реформатором 1960-х годов был Ота Шик, возглавлявший тогда Институт экономики Чехословацкой академии наук. К тому же он был руководителем комиссии по экономической реформе и заместителем председателя правительства. Они пытались совместить на практике план и рынок, сделать экономику более эффективной и привлекательной, но, по сути, подняли руку на святая святых нашей системы — монополизм. А этого у нас очень испугались, и реформы были свернуты.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: О том, что стало с «пражской весной», достаточно известно. Однако проблемы, о которых вы говорили, не исчезли. Почему же столь неэффективная система просуществовала еще больше двадцати лет?

Е. ЯСИН: Тут советскому руководству очень повезло. Напомню, что в 1973 году произошло резкое повышение цен на нефть. Это было первое столь масштабное повышение цен. Потом последовал еще скачок в 1979 году. Был еще один скачок, и по сравнению с началом семидесятых цены на нефть поднялись, наверное, раз в восемьдесят. А у нас незадолго до этого были открыты знаменитые месторождения Самотлора и были очень хорошие нефтяники, которые быстро учились и резко увеличили добычу нефти. Сравните: товарищ Сталин, выступая в 1946 году перед выборами в Верховный Совет, говорил о задаче поднять добычу нефти до 60 млн тонн. Мы в 1970-х — начале 1980-х годов подняли добычу нефти более чем до 600 млн тонн, то есть в десять раз больше. Мы заработали на нефти за эти годы примерно 180–200 млрд долларов, причем напомню, что в те времена доллар «весил» существенно больше, чем сейчас. Но это упавшее с неба богатство мы не вкладывали в стабилизационный фонд, оно расходовалось очень широко, даже расточительно. Правда, за счет этого мы смогли повысить уровень жизни, покупали продовольствие. А с этим после «успехов» коллективизации было очень плохо. К 1990 году ежегодные закупки зерна составляли примерно 40 млн тонн. Шли закупки и одежды, и обуви, и постельного белья, и зубной пасты и т.д. и т.п.

Причем это был государственный импорт, потому что иначе было нельзя, но деньги на это были. Кроме того, закупалось оборудование, хотя далеко не во всех сферах, в которых нам бы хотелось, ведь шла холодная война и Западом было наложено эмбарго на закупки того оборудования, которое могло бы быть использовано в военных целях. Строились трубопроводы по схеме «газ — трубы»: мы покупали трубы, клали трубопроводы, а потом расплачивались поставками газа. И так далее. Например, в 1987 году у нас производство предметов потребления составляло лишь 24,9% промышленного производства. А в 1940-м, довоенном, году, когда явно готовились к войне, этот показатель составлял 39%. И надо понимать, что такие структурные перекосы в экономике — это не просто какая-то макроэкономическая проблема. За всем этим стоят судьбы людей, связавших свою жизнь с предприятиями, производящими, по сути, ненужную продукцию или продукцию, которая в новых условиях была государству просто не по средствам — на нее не было денег.

А у противников реформ всегда был аргумент — как же мы можем лишить людей работы, заработка. Причем в 1990 году была уже другая, гораздо более тяжелая ситуация, когда цены на нефть упали и плановые рычаги перестали работать почти совсем. Помню, уже в 1990 году обсуждали программу «500 дней», а представители Правительства СССР, в том числе Валентин Сергеевич Павлов, будущий последний премьер-министр Советского Союза, и ряд других министров, убеждали, что наши предложения принять нельзя, ибо для этого нужно остановить строительство, скажем, трех авианосцев и тогда люди останутся без работы. А мы не знаем, что с ними делать. Мы не можем остановить производство вооружения, потому что это тоже люди, и соответствующие ведомства тоже аналогичные заключения давали.

Должен сказать, что в тот вечер я был ошеломлен. Потому что гораздо больше стали ясны последствия того, что в действительности надо сделать. И был выбор. Можно ничего не делать, но что тогда будет? Будет продолжаться развал, который становится все опасней и опасней. Потому что уже на границах регионов стали выстраиваться ба-

рьеры, которые препятствовали перемещению товаров. Центр не справлялся с концентрацией и распределением фондов. Такая вот была ситуация.

Но люди сейчас не думают о сложившихся за долгие годы структурных деформациях, сталкивающих страну в пропасть. Они помнят одно: после начала реформ на их оборонном предприятии или работающем с ним НИИ — а такие у нас были особенно привлекательны и по зарплате, и по разным социальным благам — вдруг не стало работы, исчез госзаказ и они вынуждены были искать средства к существованию, забыв прежнюю, нередко весьма интересную и престижную специальность, свою квалификацию, на достижение которой ушли годы, и заняться, например, торговлей, челночным бизнесом и т.п. Этого реформаторам до сих пор не могут простить. Хотя вина тут не их, а той самой плановой системы, которая изначально дала людям неверное направление. Но до этих событий было еще далеко, а сейчас я вернусь в 1970–80-е годы.

Я хочу все-таки акцентировать внимание на негодности этой системы. Плановая система была уже нежизнеспособна, но благодаря взлету цен на нефть она получила отсрочку. А потом, в 1985–1986 годах, цены упали в несколько раз. Раньше все проблемы в какой-то мере тушились нефтяным дождем. Затем же они обострились с новой силой. Да и раньше они нарастали. Неслучайно время от времени принимались «судьбоносные» постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР уже в годы «нефтяного изобилия», например в 1979 году, но все они оказывались неисполнимыми. Потому что они не касались сути системы, а отсюда эффект от таких указаний оказывался ничтожен. То есть проблема была системная, и без ее решения нельзя ограничиваться какими-то частными новациями на предприятиях, например по внедрению научно-технических инноваций — тема, очень волновавшая наше руководство уже в 1970-х годах. Тут и героические усилия не помогали, да и соглашались на них лишь единицы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А были ли у нас тогда ученые, понимающие всю глубину проблем и думающие о серьезных изменениях системы?

Е. ЯСИН: Конечно, были. Не стану рассказывать об известных семинарах молодых ученых Москвы и Ленинграда, организованных Гайдаром и Чубайсом, где разбирались серьезные системные проблемы и нащупывались меры их решения. Были и грамотные экономисты более старших возрастов, но своими идеями они могли делиться только в узком кругу единомышленников или писать в стол. Вспоминается, кстати, «Новосибирский манифест» Татьяны Ивановны Заславской — ее доклад на семинаре в Новосибирске весной 1983 года. В нем, если коротко, было четко показано, причем в строго марксистской терминологии, что существующие в стране производственные отношения не соответствуют современному уровню развития производительных сил. И эти производственные отношения необходимо менять. Доклад был засекречен, но кто-то не сдал его обратно в «первый отдел» и доклад попал на Запад, был там опубликован. В результате директора института академика Абеда Гезевича Аганбегяна и саму Заславскую чуть не исключили из КПСС. А наша пропаганда долго уверяла, что это фальшивка. Правда, к концу года, очевидно в связи с болезнью Андропова, шум как-то утих. Эта история свидетельствует о том, как сложно было высказать свою точку зрения. Но когда началась перестройка, такая возможность появилась, прежде всего в литературных «толстых» журналах. В «Новом мире», «Знамени», других подобных изданиях стали появляться первые статьи экономистов, вызвавшие широкую общественную дискуссию о состоянии отечественной экономики.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это было, так сказать, в широком общественном пространстве, а в научной среде?

Е. ЯСИН: Здесь перестройка также открыла большие возможности. Можно вспомнить много имен — и Анчишкина, и Яременко, и Примакова, и Петракова, и многих-многих других. В научной среде новые идеи необходимо было пробовать. Они встречали огромное сопротивление и ученых, привыкших к старым идеологическим клише, и видных хозяйственников, не желающих подрывать свое монопольное положение. Но все же общая картина необходимости перемен становилась очевидной многим к началу

1990-х годов. При этом нужно четко осознавать, что в мировой истории точно такой, как у нас, ситуации не было никогда. Потому что не было случая перехода от планового хозяйства к рыночному в столь большой и очень милитаризованной стране. Не было такого случая, поэтому, кого бы вы ни взяли, каким бы опытом он ни обладал, этот опыт был абсолютно бесполезен. Ничего точно не было известно. Поэтому мы оказались не готовы давать конкретные рекомендации. Но мысли о том, что дела идут не так, как надо, беспокоили многих.

Хочу тут вспомнить, что я написал книгу, которая называлась «Хозяйственные системы и радикальные реформы» и вышла в 1989 году, незадолго до того, как я перешел на работу в аппарат Совета Министров СССР. Я долго над ней мучился, раза четыре переписывал и пришел к следующему выводу. Мы имеем феномен очень интересный, а именно: каждая из этих двух систем — плановая и рыночная — внутренне очень логична. Даже плановая, особенно если брать ее вместе с репрессиями. И в то же время эти системы абсолютно несовместимы. Что бы вы ни стали делать, если начинаете что-то менять, обязательно получается хуже, потому что нарушается целостность, внутренняя согласованность. Я пришел к выводу, что единственный случай, когда такая совместимость возникает, — это при установлении цены равновесия. Но все дело в том, что эти цены равновесия могут сложиться только в условиях рынка. План, сколько бы ни говорили о некоем «оптимальном планировании», практически сделать это не может.

Значит, если вы хотите выскочить из этой ловушки, остается одно: надо выбирать или одну систему, или другую. Если плановая экономика, как показала к тому времени сама жизнь, исчерпала свой потенциал, надо делать усилие и переходить к развитию рыночной экономики. Эти мои соображения о пагубности попыток улучшить плановую систему, внедряя в нее некоторые рыночные элементы, продемонстрировали принимаемые в 1987–1988 годах законы, призванные, казалось бы, оживить советскую экономику, прежде всего Закон о государственном предприятии (объединении) и сопровождающие его постановления пра-

вительства. То же получилось в итоге и с законами о кооперации и об индивидуальной трудовой деятельности. Сейчас эти решения выглядят двусмысленными и разрушительными. Двусмысленность вытекает из желания совместить несовместимое, изменить реальность декларацией благих намерений. С одной стороны, основные идеи как бы продолжали то, что предлагалось и в 1965, и в 1979, и в 1983 годах, хотя уже можно было бы извлечь уроки из воплощения этих идей на практике. Все это было известно, и реализация этих идей в нашей системе носила разрушительный характер. С другой стороны, предприятиям позволялось гораздо большее, чем раньше, расширение самостоятельности. Но разрушительного было несравнимо больше. Особенно отмечу положение о выборности руководителей и вообще о производственной демократии. Ведь, при всех моих демократических убеждениях, я знаю, что есть сферы, где должно быть жесткое руководство. Вспомните, например, о великом нашем режиссере Георгии Александровиче Товстоногове, который говорил, что театр должен строиться по принципу «добровольной диктатуры» своего руководителя. Только тогда ему обеспечен успех.

Процессы, которые в результате пошли в советской экономике, вылились и в начало демонтажа планово-распределительной системы, и в разрушение управления экономикой как таковой. В общем, к началу 1990-х годов стало очевидно, что мы подошли к порогу, когда нужно было принимать очень серьезные решения, не оглядываясь ни на что, потому что все могло обернуться гораздо хуже. Это могло пахнуть и гражданской войной, и бунтами, и голодом и т.д. и т.п.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Об этом пишет и Егор Гайдар в «Гибели империи».

Е. ЯСИН: Очень советую почитать эту книгу. Это, правда, серьезное чтение, но все-таки очень полезное, я бы даже сказал — необходимое для российских граждан. Но самое главное, вновь повторяю, надо понимать, что трудности, даже трагические, начала девяностых случились не по вине Гайдара и его команды. Они были подготовлены длительным периодом развития нашей плановой, социалистиче-

ской экономики. В этом все дело. В ней были некие внутренние пороки. Во-первых, это была необычайно громоздкая система. Вся страна управлялась как одна бюрократичная компания, и всякое решение требовало проработки в Центре. На принятие любого решения уходила масса времени, мы никогда не могли сделать ничего вовремя. Во-вторых, были убиты внутренние стимулы. Можно сказать так, что у человечества всегда есть как бы два главных вида стимулов — принуждение, вплоть до репрессий, либо конкуренция. Значит, если вы отказались от конкуренции, вы должны переходить к принуждению, к репрессиям. И наоборот. Отказавшись от массовых репрессий, мы в каком-то смысле вынесли системе приговор. Потому что она в условиях мирного развития, на материальных стимулах могла рождать только инфляцию. Однако, поскольку цены были заморожены — а я уже говорил о деформациях системы, — вместо инфляции появлялся дефицит. Но где дефицит, там и теневая экономика. С появлением теневой экономики плановая система становилась еще менее эффективна. Те деньги, которые люди получали в виде заработной платы, но не могли потратить на приобретение нужных им товаров, они несли к разного рода теневицам или относили в сберкассу и ждали, когда эти товары появятся. Но этот отложенный спрос в полной мере никогда не мог быть удовлетворен.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но люди вспоминают, что на сберкнижках лежали деньги, на которые можно было купить две машины или три квартиры.

Е. ЯСИН: Во-первых, далеко не у всех. Есть статистика вкладов конца 1980-х годов. Средняя величина вклада составляла около 1500 рублей, а у многих вообще их не было, они жили от зарплаты до зарплаты. Во-вторых, если у вас были деньги, хоть в сберкассе, хоть дома, то купить на них нужный товар было совсем не просто. Это касалось не только квартир или машин, но и гораздо менее дорогих и «престижных» товаров — ковров, мебели, телевизоров, которые, кстати, часто взрывались. Я вспоминаю своего товарища по работе, который сказал: ну что за страна, что за условия, я хочу купить машину и не могу. Хочу купить дом, кусок земли, но ничего не могу. Что это за экономика такая.

Откуда у меня появятся какие-то стимулы для работы? Вот такая была система, и, когда начали падать цены на нефть, наступил момент истины. Уже в 1987 году дефицит бюджета дошел до 20%. Причем, как я говорил, предлагаемые в 1980-х годах меры лишь усугубляли ситуацию.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но ведь в такой ситуации уже требовались достаточно радикальные решения.

Е. ЯСИН: Вспомните, что наши экономисты были в основном не экономистами, а идеологами. Их не готовили для создания хорошо продуманной программы спасения экономики. Мы не были готовы, предлагали общие размышления, а кроме того, рассчитывали, что у нас много времени. А времени у нас уже больше не было. И опыта не было. Мы поглядывали, Горбачев поглядывал: ну, что там в Югославии, что там в Венгрии, что там в Польше? А тут не надо забывать, что эти страны всегда намного меньше нас тратили на оборону. Они были в каком-то смысле «под крышей» Советского Союза, который их спасал от масштабных, экономических неудач. И при этом у них экономика была гораздо более сбалансирована. То есть не было такого острого дефицита. Не было такого инфляционного навеса, который был у нас. Поэтому, скажем, в Чехословакии, после того как они провели «бархатную революцию» и либерализацию цен, там цены повысились где-то на 30–50%, ведь на рынке многое было. Там совсем другая ситуация сложилась, чем у нас. А здесь мы все больше выпускали денег. Была мечта, что мы сможем постепенно перейти к рыночной экономике. Кстати, до 1987 года и само слово «рынок» у нас нельзя было произносить. О нем серьезно стали говорить только в 1990–1991 годах.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но может быть, после начала гайдаровских реформ надо было обстоятельно объяснять людям, что случилось со страной, что происходит? И тогда отношение к переменам было бы другим.

Е. ЯСИН: Знаете, вспоминаю те времена, когда я неоднократно попадал в ситуации, когда должен был отвечать на подобные вопросы, и мне нечего было сказать. Потому что объяснять тогда, что происходит, пенсионерке, которая не имеет денег, чтобы купить хлеб и молоко... ну, мне

нечего было сказать. Это невозможно объяснить. Можно объяснить что-то более благополучному и более образованному человеку. Но простым людям, вдруг лишившимся привычной работы, заработка, это объяснить было невозможно. Это надо было пережить, и всё. Мы все прекрасно понимали, что благодарности не дождемся. Но была ответственность за то, что мы должны вытащить страну. Просто остановить катастрофу.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Однако мы несколько забежали вперед. Ведь была еще попытка исправить ситуацию. После I съезда народных депутатов СССР было утверждено новое правительство, и в нем вице-премьером, отвечающим за экономические реформы, стал академик Леонид Иванович Абалкин.

Е. ЯСИН: Совершенно верно. Леониду Ивановичу поручили возглавить Комиссию Совета Министров СССР по экономической реформе, которая должна была разработать ее новую концепцию. Само это назначение можно считать уникальным сдвигом, поскольку раньше ученых в правительство не приглашали. Абалкин был известным экономистом, возглавлял Институт экономики АН СССР. Работать в этой Комиссии он пригласил меня и Григория Алексеевича Явлинского. Нам было поручено разработать концепцию развития реформ, которую предполагалось обсудить на научно-практической конференции в октябре 1989 года. В тот период Абалкин был одним из авторитетнейших экономистов, хотя и воспитанных старой школой, но четко понимавших, что сложившаяся система нуждается в серьезном реформировании. Потом, в 1990 году, наши взгляды разошлись, но тогда я с радостью принял его предложение. Я вспоминаю выступление Абалкина, после которого он завоевал мое к себе уважение. Это было выступление на XIX партийной конференции летом 1988 года. Тогда он высказал Горбачеву и всему залу простую мысль: «Вы одновременно хотите высокие темпы и какие-то реформы. Но так не бывает. Давайте смотреть на вещи реально. Ведь вы хотите произвести серьезное функциональное изменение». Тогда слова «институты» еще не знали, но он своими словами так сказал. Речь у Абалкина, говоря сегодняшним

языком, шла о серьезных институциональных изменениях, реформах, которые должны были сделать советскую экономику более эффективной. Но если мы беремся за такие реформы, нельзя сразу ожидать роста экономики, должно пройти время, чтобы реформы стали давать отдачу. И я отдал Абалкину свое сердце, свои симпатии и после его выступления понял, что с ним я могу работать.

В Комиссии мы подготовили документ «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долгосрочные меры». Он был распространен для обсуждения перед конференцией. Надо сказать, что потребность в такого рода документах тогда была огромна. Что-то происходило, и никто не мог понять, что именно, куда мы будем двигаться дальше, что будем делать. Поэтому и наступила эпоха программ. Напомню, что потом были программы и «400 дней», предложенная в 1990 году для Правительства РСФСР, а Явлинский стал заместителем председателя правительства, ответственным за проведение реформ, и более известная программа «500 дней», разрабатывавшаяся уже для правительства СССР и РСФСР. Концепция готовилась как полуофициальный правительственный документ, поэтому через десять лет читать ее просто смешно. Там говорилось, например, о социалистическом выборе. И тут же впервые с 1917 года заявлялось, что «рынок — главная форма координации деятельности участников общественного производства», что должно быть «многообразие форм общественной собственности» — к ней по идеологическим причинам относилась и акционерная собственность. Была проведена критическая оценка пройденного пути, сделано признание, что административные методы уже не работают, а экономические, рыночные, еще отсутствуют.

Пожалуй, наиболее интересный момент документа — анализ возможных вариантов перехода к рыночной экономике. Первый — консервативный — был основан на стратегии постепенного встраивания в новую хозяйственную систему. Чрезвычайные меры носят в основном административный, запретительный характер: замораживание цен, ограничение деятельности кооперативов, запреты производителям сокращать объемы производства, отка-

зваться от заключения договоров и т.д. В общем, это был «списанный с натуры» вариант как карикатура, которая, как предполагалось, должна быть отвергнута. Второй вариант — радикальный, описанный в терминах неоправданного риска, чтобы задать другую, крайнюю, альтернативу, также тогда неприемлемую, но позволявшую оттенить достоинства варианта, предлагаемого как единственно правильный. Это радикально-умеренный вариант, в принципе похожий на предыдущий, но его главное отличие — поэтапность: в снятии контроля над ценами, в реализации социальных мер поддержки населения. Он предполагал создание особого хозяйственного механизма переходного периода и был рассчитан на пять лет. Тогда процесс представляется управляемым, эволюционным, более мягким и потому легче воспринимаемым обществом.

На конференции нашу программу поддержали по принятому тогда принципу поддерживать официальную позицию, а мы выражали официальную позицию, с докладом выступал сам Абалкин. Ведь тогда уже было видно, что мы приближаемся к довольно острым, сложным временам, что надо принимать серьезные решения. Но все же, несмотря на блестящий доклад Абалкина, мы столкнулись с жесткой оппозицией. Прямо на конференции с резкими заявлениями в духе «нам предлагается отказ от социализма» выступил, например, Георгий Степанович Хижа — кстати, будущий вице-премьер кабинета Гайдара, а затем многолетний председатель Экспертного совета при Правительстве России. Рядом с Колонным залом, где проходила конференция, свои демонстрации проводил Объединенный фронт трудящихся под лозунгом «Долой абалканизацию всей страны!».

Но тут я бы отметил специфику работы тех лет, связанную прежде всего с неуверенностью и непониманием всей сложности проблем. В частности, это выразилось в том, что в самом правительстве над программой, которую предстояло представить II съезду народных депутатов СССР в декабре 1989 года, работали еще две группы — Юрия Дмитриевича Маслюкова, по направлениям XIII пятилетнего плана, и Льва Алексеевича Воронина, по неотложным мерам. Все это предполагалось потом слить воедино. И когда сли-

вали, стало понятно, что наша концепция — флер, словесные декларации, удобные для прикрытия прежней политики. Госплановская группа предложила отложить все новации на два года и за это время сбалансировать пропорции.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть ваша попытка провалилась.

Е. ЯСИН: Тут я хотел бы сказать о неких событиях, которые происходили в глубине экономического закулисья. II съезд народных депутатов СССР принял отрицательное решение по поводу всяких реформ. Но было понятно, что время уходит, а ситуация в мире и в стране накалялась. Съезд прошел, и Николай Иванович Рыжков уехал в командировку, дав поручение Маслюкову, своему первому заместителю, подготовить другую программу.

Абалкин был крайне недоволен. И для будущего президента СССР, который, как уже было ясно, будет избран в марте 1990 года, он приготовил записку о том, что на самом деле надо делать в экономике. И если не делать, то будет все очень плохо. Записка была короткая, президентам не пишут большие записки, и пять страниц текста Абалкин, естественно, написал сам. Этот документ лежал у него в сейфе, в ожидании избрания Горбачева. Но через три дня ему звонит Маслюков и говорит: «Мы стараемся, но у нас ничего не получается, у тебя, наверное, что-то там припасено?» Короче говоря, Леонид Иванович отдал Маслюкову ту записку, которую он подготовил для будущего президента. Тот посмотрел, посоветовался со своими сотрудниками и снова звонит: «Леонид Иванович, годится. Давайте начинайте». Здесь наступили самые главные дни в моей жизни.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В результате появилась все-таки концепция в обход съезда.

Е. ЯСИН: Появилась, но как? Мы с Явлинским сразу же после разговора с Маслюковым получили задание. Стали готовить уже развитые эти пять страниц так, чтобы их можно было отдать Рыжкову и начать переговоры. Написали тринадцать страниц.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То же, что и в первый раз?

Е. ЯСИН: Нет, это уже было другое, потому что прошло время. И ситуация в стране ухудшалась, и уже в Польше Ле-

шек Бальцерович проводил реформы. Там все кипело во круг. И я понимал, что мы запаздываем, а правительство не ощущает этого опоздания. Короче, наша записка — я считаю ее самым главным трудом в моей жизни — была передана Маслюкову, тот еще повозился у себя со своими орлами и потом встречал самолет Рыжкова вместе с этим сочинением. Мы все сидим ждем. Пару дней прошло, звонит Маслюков и говорит: «Принято. Давайте, ребята, немедленно садитесь за работу над программой». Я хочу в этом пункте сказать — я многим моим коллегам, да вообще всем людям, желаю, чтобы у них в жизни было несколько дней, которые я переживал тогда. Чтобы вы понимали: что такое проект программы, которую мы пишем на таком уровне? Это значит, что она могла быть реализована. И, исходя из содержания, из того, что там было написано, это был бы поворот в истории страны. Через два дня от Рыжкова поступает распоряжение — пишите программу. Эта программа была написана. Я должен сказать, что в ней была предусмотрена либерализация цен, приватизация и многие другие вещи, которые мы обсуждали между собой, там было смело об этом написано. Мы, авторы, то есть я, Явлинский и Абалкин — начальник, получили добро. И был вечер, когда нас пригласили к Абалкину и мы сидели вчетвером: я, Явлинский, Абалкин и Маслюков. Обсуждали, когда решение Рыжкова было получено. И мы чувствовали себя победителями. Программа реформы, которую мы написали в марте, потом была передана президенту Горбачеву — его уже избрали. А он в апреле провел президентский совет, который отверг нашу программу, и было принято предложение Валентина Сергеевича Павлова о том, чтобы для создания равновесия в стране, сокращения дефицита цены на все продовольственные товары повысили вдвое, а на хлеб — в три раза. С этим через несколько месяцев, это было 24 мая, как сейчас помню, на сессии Верховного Совета СССР выступил Рыжков. Эффект был необыкновенный. Ясно было, что ничего менее удачного в этот момент предложить было нельзя. В магазинах редкие остатки продуктов сразу исчезли.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А сейчас у меня другой целевой российский вопрос: а что было делать? Вот, скажем, очень час-

то говорят: проклятые девяностые, плохие Ельцин и Гайдар. История не знает сослагательного наклонения. Если бы в этот момент, я не знаю, реформы взяли бы в свои руки другие люди, скажем «крепкие хозяйственники»?..

Е. ЯСИН: Наблюдал я этих «крепких хозяйственников». Со многими знаком. Многих уважаю по-человечески. Но в начале 1990-х годов уже сложилась ситуация, которую нельзя было разрешать с помощью старого опыта. Там нужны были какие-то совершенно другие подходы. Неоднократно проблема серьезно обсуждалась с разных сторон, и в конце концов мы более-менее выяснили, в каком положении оказались. По сути, в ловушке. Когда я говорю «мы», речь идет не о реформаторах, а об СССР, о России. Мы оказались в ловушке, потому что страна разваливалась, экономика разваливалась, старые рычаги теряли силу. Вы могли дергать за какие-то рычаги, скажем директивных показателей, заданий по выпуску продукции или фондов и т.п. Сейчас уже, наверное, никто не знает, что такое фонды. Но люди старого поколения помнят, как Госплан выделял фонды. Потом фондовые извещения приходили на предприятия, по ним выписывали наряды. И только после этого заключали хозяйственные договоры. Пока все это не было сделано, с нового года не начинала работать экономика. Пока все зависело от раздачи фондов, от директивных заданий, вся старая административная система вроде бы крутилась. Но к 1990 году уже ничего не работало, потому что предприятия не стали заключать хозяйственные договоры. Я очень хорошо помню, как в 1990 году, в декабре, в Госснабе СССР в Орликовом переулке было собрано совещание, на котором присутствовали 2,5 тысячи директоров крупнейших предприятий и т.д. И Павел Иванович Мостовой, тогдашний председатель Госснаба, сказал так: ребята, вот вы тут сидите – пока не заключите договора по выданным нами нарядам, раньше вы не уйдете. В представлении Мостового и людей, которые работали в Москве в центральных органах, незаключение договоров – это был крах всей системы планирования. И они не понимали, как экономика будет завтра работать без их указаний. Но это система перестала работать. И директора поступали по-своему очень

разумно. Они не знали, получают они продукцию под эти договоры, по этим нарядам или не получают. И директора рассуждали просто. Сейчас это называется: они готовились к продажам на спотовом рынке. То есть на рынке случайных связей, где устанавливались контакты и продажа велась без участия вышестоящих организаций. Таким образом как бы самопроизвольно, спонтанно начинал формироваться рынок. Но для Госснаба это был кошмар. И в новой ситуации были большие опасности. Потому что начинал формироваться рынок, но, куда пойдет продукция, как все сложится, было неясно. Поэтому я хочу подчеркнуть: дергать за привычные рычаги было бесполезно. Все это ситуация уже конца 1990 года.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, но все-таки я хочу вспомнить наших соотечественников, которые считают себя обделенными и говорят: «Вы, специалисты, представляли себе ситуацию, а мы всю жизнь работали, копили денежки там на что-то. И в один прекрасный момент эта наша заначка оказалась изъятой. Почему? Так нечестно!» Пафос понятен?

Е. ЯСИН: Я много раз уже отвечал по этому поводу. Вспомню новеллу Проспера Мериме, посвященную горцукорсиканцу, — «Коломба». Он анализирует характер этих племен и говорит, что у этих людей нет понимания того, что может быть случайное, непредвиденное стечение обстоятельств, в котором никто не виноват, но которое случилось. Вы понесли потери, и с этим ничего нельзя сделать. А есть ощущение, что в этом кто-нибудь должен быть виноват. Поэтому у человека в голове зреет план вендетты, он спускается с гор, находит того, кого считает виноватым, и убивает. Такая реакция, такой характер соответствуют определенному уровню культурного развития.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Убедили. Меня убедили. Тогда позвольте задать вопрос: неужели в мире все-таки не произошло ничего подобного?

Е. ЯСИН: Точно такого примера, с такими структурными диспропорциями, с семидесятилетним разрывом в хозяйстве с нормальными экономическими связями не было, не было точного аналога. За год до этого начались ли-

беральные реформы в странах Центральной и Восточной Европы, но они шли в существенно иных условиях, потому что там степень деформации экономики была намного слабее. Но, готовясь к нашему разговору, я обратился к книге Людвиг Эрхарда «Полвека размышлений». Перечитал страницы, посвященные событиям, которые происходили в 1948 году и позже. Картина оказалась очень похожей.

Нужно сказать, что после войны экономика Германии была сильно разрушена. Объем производства составлял примерно треть от довоенного уровня. Половина производства птицы, мяса, молочных продуктов и т.д. Никак не удавалось ничего восстановить. Была призвана на помощь команда американских специалистов, включая банкира Джозефа Доджа, который потом в 1949 году сделал еще денежную реформу в Японии. С нее начался подъем японской экономики. А в этот раз они приехали и составили такой проект, где предполагалось резкое сокращение избыточного количества денег: оно было примерно в пять раз больше, чем в довоенное время, при меньшем количестве товаров. Это очень важно — убрать денежный инфляционный навес. И затем нужно было решать, что делать с ценами, с прочим. Война нанесла тяжелый удар по всем европейским экономикам. В западных странах, в том числе в Великобритании, у власти была партия социал-демократического типа, такого марксистского толка. Поэтому там предлагалось вводить карточки, устанавливать квоты на выдачу тех или иных продуктов, устанавливать твердые цены, чтобы не было никаких неожиданностей, и т.д. и т.п. Такие меры специалисты предлагали применить и в Германии.

Эрхард принял первую часть предложенного плана, а именно денежную реформу. А вторая часть его плана заключалась в том, что нужно строить рыночную экономику. Он доказал американцам и англичанам, что надо вводить свободные цены и обеспечивать конкуренцию. Только в этом случае можно выйти из кризиса. И в конце концов именно это и было сделано. Денежная реформа проводилась в 1948 году. Кстати, примерно по такому плану денежная реформа проводилась в то же самое время в Советском Союзе. Зарплаты обменивались один к одному на

новые марки, тогда рейхсмарки были заменены на дойчмарки. А сбережения и всякие другие активы обменивались в отношении один к десяти до определенной суммы. Все остальное реквизировалось, чтобы снова не появилась избыточная денежная масса. Такой обмен привел к тому, что денежная масса все равно оказалась большой, поэтому цены стали быстро расти примерно через пять-шесть месяцев после того, как была проведена денежная реформа. И так же, как потом у нас, были либерализованы цены и создавались условия для конкуренции. Никаких льгот, никаких денежных вливаний в экономику, естественно, не было. Там все было сделано для того, чтобы избыток денег исчез и появились мотивы для нормальной предпринимательской и трудовой деятельности. Причем либерализацию предлагал только Эрхард.

Англичане и американцы были против: они были за карточки. А Эрхард категорически настаивал. И конце концов огромную роль сыграл его замечательный характер, его колоссальная сила убеждения, воздействовавшая не только на американцев и англичан, но также на немецких парламентариев и, самое главное, на народ, на публику. Он очень часто выступал перед людьми, объясняя им суть своей политики. В конце концов потребовалось все-таки четыре года. В 1952 году уже стали ощутимы серьезные результаты. Первые месяцы были просто ужасными. Но потом стало совершенно очевидно, что ситуация начинает улучшаться. И на свободных выборах, но не общегерманских, тогда была Западная Германия — ФРГ и Восточная — ГДР, 1953 года партия Аденауэра — Эрхарда одержала убедительную победу. И это такой пример, к которому мы должны присматриваться. Ведь именно Эрхард — автор концепции социального рыночного хозяйства. А Гайдар, в конце концов, в 1992 году делал примерно то же самое. И если вы возьмете программу «500 дней», которая была закончена в августе 1990 года, то увидите, что там предлагалось примерно то же самое. Но только там предлагалась не немедленная либерализация цен с последующей жесткой денежной политикой, а, кроме этого, еще и ликвидация денежного навеса до того, как будут либерализованы

цены. Но к 1992 году была уже другая, гораздо более тяжелая ситуация.

Думаю, стоит напомнить слова Людвиг Эрхарда, что переход от рыночной экономики к плановой не составляет никакого труда. Потому что все пропорции отлажены. Если вы завтра начали планировать, то немедленно еще ничего не происходит. У вас сложившаяся структура, в которой в целом сбалансированы спрос и предложение. И поэтому первое время все получается более-менее нормально. Проблемы начинаются потом. Но обратный переход гораздо сложнее, потому что вы на входе имеете уже деформированную экономику, в которой производство не равнялось на спрос в течение определенного периода. А в случае СССР/России он затянулся на 74 года. Производство равнялось не на спрос, а на плановые задания и т.д. Возникли очень большие диспропорции. И это не просто диспропорции. Это заводы, это люди, это определенные работы и т.д. И вы должны решиться от всего этого отказаться, понимая, что иначе последствия будут гораздо хуже. У меня просто волосы на теле и остатки на голове торчали все время. Потому что я не представлял, как это можно сделать. Но надо было решаться на это. Вот что дальше сказал Эрхард: обратный путь гораздо тяжелее, потому что нарушены пропорции. А Лешек Бальцеревич, заместитель премьер-министра и министр финансов в первом некоммунистическом правительстве Тадеуша Мазовецкого, сказал так: «Сделать из капитализма социализм — все равно что сварить уху из аквариума с золотыми рыбками. А потом сделать из социализма капитализм — это все равно, что взять уху и из нее сделать аквариум с золотыми рыбками». Я признаюсь, Бальцеревич несколько перегнул палку. Но суть от этого не меняется. Это было исключительно тяжелое мероприятие. И чем дольше существует плановое хозяйство, чем глубже оно проникло во все поры экономики — а в Советском Союзе было каноническое плановое хозяйство, — тем больше будут диспропорции. У нас же существовал еще и колоссальный перекос в сторону милитаризации. И одновременно — огромные проблемы, связанные с производством более или менее качественных конкурентоспособных това-

ров. Ну, вспомните телевизоры, которые взрывались или не работали. Разве можно их сравнить с теми телевизорами, которые вскоре появились в продаже? Это совершенно разные вещи. А мы не могли просто ничего сделать, чтобы эти заводы, которые делали взрывающиеся телевизоры, не продолжали бы свою, по сути, вредную работу.

Надо было становиться на реальную почву, как-то приспособиться к тому, что дальше будут другие закономерности.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но и аргументы господина Павлова, вы о них раньше говорили, о заводах по строительству авианосцев были резонны?

Е. ЯСИН: Тут важно понять, в каком смысле. Либо вы будете продолжать делать заказы на авианосцы, которые были заложены, когда была еще дорогая нефть и когда плановая машина еще кое-как работает. Но как это сделать, когда она фактически развалилась? Это просто невозможно. Вот представьте себе, что вы стоите перед такой необходимостью, нужно решиться, зная, что будут большие потери, будут серьезные испытания, но такой шаг был необходим.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но от людей есть много вопросов такого характера: «Вот вы умные, ученые люди. Могли ли вы сделать так, чтобы простые граждане пережили этот переход с меньшими потерями?» Насколько я понимаю, не было вариантов?

Е. ЯСИН: Не было. Это значит, что, жалея своих сограждан, вы печатаете деньги, раздаете им зарплату, потому что больше нам займы никто уже не давал. А это значит, что такая «жалость» оборачивается не только инфляцией, но и гиперинфляцией. Правда, я хотел бы сделать одну оговорку. Многое зависело не только от общего курса реформ, решений правительства, но и от руководителей конкретных предприятий. А они были разные. Одни продолжали требовать от правительства денег, которых у него не было. Другие, используя разные схемы, выводили ликвидные активы из оказавшихся у них в полном распоряжении предприятий. А третьи начинали, при всех трудностях, работать по-новому, искать перспективные ниши для развития своего бизнеса. Как-то Татьяна Ивановна Заславская, изучавшая

состояние разных страт населения в 1990-е годы, отметила, что во всех сферах, включая даже оказавшиеся в самом сложном положении в ходе реформ, она находила примерно 20% тех, кто смог приспособиться к новым условиям и стать успешными. И в этом заслуга как новых, так и старых, опытных руководителей этих производств. Пример тому — Дмитрий Борисович Зимин, бывший руководителем одной из структур ВПК, но уловивший потребности времени и создавший компанию мирового уровня. Это была удача не только Зимина, но и тех людей, которые работали вместе с ним. Они также пережили трудности 1990-х годов, но смогли находить новые решения в новой ситуации, позволившие выстроить по-настоящему рыночную компанию. Поэтому важна была и инициатива «снизу».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Подводя итоги нашей беседы и исходя из ваших аргументов, получается, что Ельцина и Гайдара не проклинать надо повсеместно, а благословлять и благодарить.

Е. ЯСИН: Я лично так считаю. Самое главное в том, что произошло в 1990-х годах, — это воля к принятию таких крайне непопулярных решений. И были два человека, которые взяли на себя ответственность за это: Ельцин и Гайдар. Я спрашивал Гайдара: что вы намерены делать в такой сложной ситуации? Это было в октябре 1991 года. Он мне сказал: «Вы знаете, то, что нам надо сделать, можно сделать только при двух условиях. При жесточайшей военной диктатуре или при харизматическом лидере, который покроет своим авторитетом сложившуюся ситуацию и заложит свой авторитет. Положит его на алтарь этих самых жестоких реформ, и страна выйдет на какую-то магистральную дорогу, по которой сможет развиваться». Нам счастье подвалило. Оно состоит в том, что у нас был Борис Николаевич Ельцин, который обладал необходимой харизмой и положил свой авторитет на алтарь реформ. Егор Гайдар и очень небольшая команда, с которой он работал, в действительности знали, что делать. И поэтому я считаю, что это был подвиг. Вот представьте себе — вы должны решиться на что-то подобное. Я думаю, что этот подвиг не меньший, чем многие другие исторические свершения нашей родины. И поэтому,

когда я услышал, что американцы думают устанавливать памятники победителям в холодной войне, я должен сказать, что их представления ложны. Потому что не они победили нас в этой холодной войне. Мы сами победили свои недостатки, а это гораздо тяжелее и гораздо важнее. И конечно, гордиться надо тем, что среди нас нашлись люди, которые смогли этот подвиг совершить.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, вам тут письмо. Его смысл в том, что надо для людей создать такой «книжный экономический ликбез», чтобы вы рекомендовали логическую последовательность книг по ликвидации экономической безграмотности.

Е. ЯСИН: Я сейчас бы посоветовал популярную книжку по экономической части. Она называется «Перевал». Написал ее Леонид Исидорович Лопатников. Он очень интересный человек. Ветеран Великой Отечественной войны, который давно занимается популяризацией экономико-математических исследований и т.д. Книга написана очень легко и читается легко. Это первое, что я могу посоветовать. Но на самом деле таких книжек немало.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А вы сами ничего не написали на эту тему?

Е. ЯСИН: Есть книжка, которую я написал и использую для обучения студентов в Высшей школе экономики. Она называется «Российская экономика. Истоки и панорама реформ». Там гораздо более подробно затронута вся проблематика, которую мы обсуждали и еще будем обсуждать. И конечно, книжки Егора Гайдара я тоже советую, прежде всего «Гибель империи». Главное — понять, что к началу 1990-х годов страна зашла в тупик, из которого не было легкого выхода.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Закончим на этой пессимистической, я бы сказала, ноте, но цикл «Девяностые — время надежд» лишь начинается, и Евгений Григорьевич, а также приглашенные им гости постараются дать развернутые ответы на вопросы, которые по-прежнему волнуют наше общество. Спасибо, Евгений Григорьевич!

2

АВГУСТ 1991 ГОДА. ГКЧП (Е. Ясин)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: В предыдущей беседе вы, Евгений Григорьевич, рассказали о том, как деформировалась советская система хозяйствования, как положение в экономике с каждым месяцем приближалось к катастрофе. Для многих становилась очевидной необходимость перемен. И тут 19 августа 1991 года ранним утром было объявлено о введении чрезвычайного положения, о создании так называемого ГКЧП, под предлогом болезни отстранившего от власти Михаила Сергеевича Горбачева и выступившего с программой, означавшей поворот назад, утрату всех достижений в социально-политической сфере, которых удалось добиться за годы перестройки. Правда, ГКЧП продержался недолго. Уже утром 21 августа из Москвы стали выводить войска, а 22 августа состоялся грандиозный митинг у Белого дома — оплота защитников демократии во главе с Борисом Николаевичем Ельциным. Именно во время этого митинга прозвучала идея о провозглашении триколора официальным российским флагом. С тех пор этот день и стал Днем российского флага. Правда, теперь об этом дне власти, да и большинство населения, стремятся забыть, не вспоминать всех тех событий. Многие переменили к ним отношение. А что значит для вас день 22 августа?

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Для меня 22 августа — это истинный национальный праздник свободной России. Я в этот день на своем доме вывешиваю трехцветный российский флаг. И вспоминаю при этом не последующие события 2000-х годов с возвращением советского гимна и т.д. и т.п., а атмосферу того солнечного дня, общее ощущение душевного подъема после трех тяжелых дней путча. И еще не могу не вспомнить то огромное полотнище триколора, которое еще 19 августа, когда было совсем не ясно, чем все кончится, несли к Белому

дому российские предприниматели как символ несогласия с позицией ГКЧП и символ готовности разделить ту ответственность и ту борьбу, которая в те дни проходила вокруг Белого дома. Кстати, у нас часто вспоминают разного рода «цветные революции», во множестве прокатившиеся в последние годы и по бывшим советским республикам, и по странам арабского мира. К ним у властей сложилось определенное отношение как к результатам неких происков спецслужб, прежде всего американских. Считается, что эти революции — колоссальная опасность для России.

Однако стоит вспомнить, что наша собственная государственность — плод именно такой «цветной революции». Наша «цветная революция» прошла именно в те августовские дни 1991 года. Ее движущими силами были те активные народные слои, которые понимали катастрофичность разворота назад, предлагаемого ГКЧП. Никакие иностранные спецслужбы не могут так воздействовать на всю атмосферу общества, как это было на протяжении всего 1991 года. Революция не заговор, не переворот, она результат истинно национального движения, назревавшего в 1990–1991 годах и завершившегося кульминацией августовских событий.

Можно также сказать, что первая «цветная революция» состоялась именно тогда, в России. Она была истинно национальная, российская, первая в Советском Союзе. Конечно, можно сказать, что что-то подобное раньше было в Прибалтике. Но и нашим балтийским коллегам стоит вспомнить, как несколько сотен тысяч москвичей вышли на демонстрацию и митинг в январе 1991 года с протестами против событий в Вильнюсе. Думаю, это было существенной помощью нашим балтийским коллегам в их борьбе. А после нашей августовской победы страны Балтии официально получили независимость. Для того чтобы Россия избавилась от наследия коммунизма, чтобы она почувствовала себя новой страной, новой демократической страной, ей нужно было испытать то чувство эйфории, которое разделяли все защитники Белого дома и сочувствующие им в те дни как в Москве, так и в других городах, прежде всего в Петербурге, где Анатолий Александрович Собчак умело организовал сопротивление пугачистам и даже не допустил

ввода войск в город. Я просто хочу это напомнить. У меня все время в памяти две фотографии. Одна — Борис Николаевич Ельцин на танке, точнее бронетранспортере. И другая — Мстислав Леопольдович Ростропович, великий музыкант, специально прилетевший 20 августа в Москву из Парижа, в Белый дом, чтобы разделить судьбу его защитников. На фото у Ростроповича на плече уснул приставленный к нему для охраны молодой человек, а сам музыкант держит его автомат. Вот это навсегда остается в памяти. И это — свидетельства настроений того времени, того подъема истинно народного духа.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Евгений Григорьевич, нам приходит много сообщений об этих событиях от самых разных людей, даже от тех, кто тогда еще не родился или был слишком мал. Вот, например, Надежда пишет. «Если честно, я не помню про это ничего. Мне тогда было семь лет. Но мои родители, живя на тот момент в глубинке, говорили: а, опять в Москве что-то происходит. Им что больше заняться нечем?»

Е. ЯСИН: Да, я знаю результаты многих опросов, касающиеся этих событий. В частности, в 2016 году, когда миновало 25 лет со времени этих событий, «Левада-центр» задавал целый комплекс вопросов. Причем благодаря тому, что они ведут мониторинг основных вопросов, можно выявить динамику изменений общественного мнения. Должен сказать, что практически половина опрошенных в 2016 году, 48%, выбрала ответ «Не знаю / не помню». Да и изменения в ответах за 2000-е годы говорят о том, что большинство признается, что по тем или иным причинам не может дать им оценку. И доля таких растет. Хотя в 2016 году противников ГКЧП было больше, чем сторонников: 13% против 8%. Колеблются и кривые, характеризующие оценку этих событий. В последние годы несколько выросла доля тех, кто воспринимает их как «трагические события с гибельными последствиями» и, соответственно, сократилась доля тех, кто видит в них «просто эпизод борьбы за власть». И только вариант, что это была «победа демократической революции, покончившей с властью КПСС», все эти годы, с минимальными отклонениями в ту или другую сторону, колеблется вокруг цифры 10%.

Эти опросы отражают отношение наших сограждан к тем событиям четвертьвековой давности. Однако надо учитывать, что это отношение зависит не только от значимости самого события, но и от массы субъективных особенностей опрашиваемого: не только от его образования и общей компетенции, но и от воспоминаний о тех трудностях, которые ему и его семье пришлось пережить в ходе реформ. А ведь 1990-е годы были для многих очень тяжелыми, болезненными. И даже если кто-то смог обеспечить себе и своей семье достаточные средства к существованию, скажем благодаря челночной торговле, но при этом вынужден был оставить интересную и престижную работу, то такая потеря статуса не могла не сказаться на общей оценке событий. Есть одно латинское изречение: *post hoc non est propter hoc* — после того, но не вследствие того. А у нас многим по-прежнему кажется, что все беды, обрушившиеся на них после начала реформ, — следствие поражения ГКЧП, распада СССР, ибо начались после этих событий. Но мы с вами говорили в прошлый раз о том, в каком состоянии была советская экономика к концу 1991 года. И то, что нам удалось спасти страну от полного краха, связано прежде всего с победой над реакционными силами в августе 1991 года.

Поэтому, понимая причины результатов многих социологических опросов и искренне сочувствуя людям, пережившим тяжелые времена, я все же не считаю, что по этим вопросам, вернее по ответам, можно судить о характере и значимости событий. Ведь важно то, каковы фактические последствия того или иного события. Важно то, насколько существенные перемены они вызвали в стране. Являются эти перемены положительными или нет. И я могу сказать, что для меня результат августовской победы над ГКЧП — событие с очень большим положительным знаком. Я знаю, среди моих соотечественников есть много людей, которые думают иначе. И я себе очень хорошо представляю то обстоятельство, что революции делаются в столицах, причем активным меньшинством. Основная масса людей, и рядовых граждан, и высоких начальников, тогда просто выжидали, чем все кончится. И в Москве, и в Петербурге встало на защиту демократии, по сути, меньшинство. И в других

частях страны чем меньше город, тем меньше эти события вызывали какой-то отклик. Но таково свойство любой революции. Так же было и в 1917 году. Так же было и во время Великой французской революции. В тот день, 14 июля 1789 года, когда в Париже взяли Бастилию, король Людовик XVI в своем дневнике написал, что в этот день ничего значительного не произошло...

При оценке события, определении его значимости важно, каковы были его последствия, влияние на последующий ход событий. Вспомним нашу предыдущую беседу: все понимали, что дело движется к катастрофе. Не только понимали, но и разрабатывали программы действий по изменению политики, способных отвести страну от этой катастрофы. Программы эти предполагали преодоление серьезных преград, смягчение неизбежных последствий падения уровня жизни населения, хотя чем раньше мы начали бы реформы, тем слабее был бы удар для населения. Но руководство боялось непопулярных мер и ничего не делало, как страус прятало голову в песок. Я сам это наблюдал, до апреля 1991 года работая в аппарате Правительства СССР.

Помню, как мы, небольшая группа, боролись, действительно старались добиться того, чтобы начались реформы. Потому что страна задыхалась. Мы, как экономисты, понимали, что нужно сделать некие шаги для того, чтобы повернуть события, вытянуть страну из трясины. Но ясно было, что делавшееся тогда в правительстве результата не даст. Например, принимались решения о производстве посуды или каких-то других товаров народного потребления на оборонных заводах, чтобы, так сказать, наполнить рынок товарами, а я говорил в прошлый раз, каковы были к тому времени структурные деформации в экономике. И было ясно, что количество денег, выдаваемых людям в виде зарплаты, денежного довольствия силовикам, пенсий, пособий и т.д. и т.п., не подкрепленных товарами, в сотни раз превышает то, что могли предложить эти оборонные предприятия на потребительский рынок. К тому же для работников самих этих предприятий, от руководителей до рабочих, такое задание было в какой-то мере оскорбительным. Подумайте: они заняты государственным делом — работают на оборону,

а тут какие-то сковородки и т.п. Хотя по соседству со многими такими предприятиями располагались огромные полигоны, заставленные уже произведенными танками, бэтэрами, гаубицами и т.п.; их запасов хватало бы на много лет вперед.

Но в правительстве, в руководстве страны все еще господствовало заскорузлое мышление, страх перед тем, что придется идти на какие-то непопулярные меры. Он парализовал правительство. Значит, нужно было действовать. Значит, когда-то эта плотина должна была быть прорвана. И она была прорвана в августовские дни 1991 года. Реформы стали возможны, потому что августовские события завершились победой над консерваторами ГКЧП. Причем победой почти бескровной.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Здесь мы не можем не вспомнить Дмитрия Комаря, Илью Кричевского и Владимира Усова. Может быть, увидев самоотверженность таких людей, готовых на смерть, выступивших безоружными против бронетехники, руководители ГКЧП дрогнули. Кстати, сегодня задают и такой вопрос: «Почему путчисты бездействовали, провоцируя, по сути, развал Союза?»

Е. ЯСИН: Я бы не согласился. Они не бездействовали. Просто тут надо иметь в виду, что стиль нашей российской, советской элиты — это подковерные интриги разного вида. Путчисты старались действовать, но действовать не публично. Потому что, в частности, для такой авторитарной элиты крайне важно, чтобы лидер был окружен неким авторитетом, влиянием, уважением и т.д. Те, кто помнят пресс-конференцию членов ГКЧП 19 августа, дрожащие руки Янаева, понимают, что об уважении тут не было и речи. А с другой стороны, консервативные силы могли блокировать даже самые нужные проекты прогрессивно настроенного лидера. Я знаю, что программу «500 дней» остановил не лично Горбачев. Его заставили. Напомню и события начала 1991 года в Вильнюсе, потом в Риге, но он и не наказал виновников... Не думаю, что Горбачев был их инициатором. А потом было и выступление Горбачева в Белоруссии, совершенно не свойственное ему. Тут, правда, надо помнить, что сам Горбачев в конце 1990 года произвел перестановки

в правительстве, усилившие консервативное крыло. Лишь к весне 1991 года, после событий на Пленуме ЦК КПСС, когда Горбачев даже подавал в отставку с поста генерального секретаря, в итоге не принятую Пленумом, он попытался выскользнуть из объятий той группировки, которая вокруг него сложилась. Работа над Союзным договором тому подтверждение.

Привычные подковерные действия осуществляли и члены ГКЧП. Нельзя также не отметить, что и Ельцин действовал в те дни таким же образом, вел переговоры с рядом руководителей военных, с руководителями регионов и т.п. И можно предположить, что их результаты также сказались на ослаблении давления на защитников Белого дома. Отмечу, что такая стилистика преобладает в наших властных структурах и сегодня. Да, играли не публично. Это была не публичная политика. Но она была привычна. Остается привычной и сейчас.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все же в чем причины победы демократических сил? В современных СМИ эта тема стыдливо замалчивается или сводится к трясущимся рукам членов ГКЧП. Каковы причины победы демократов? Кто, с вашей точки зрения, сыграл наибольшую роль в победе демократической революции?

Е. ЯСИН: На эти дни надо смотреть как на кульминацию российской революции, на революционное разрешение демократических процессов перестройки. Свой вклад в развитие и углубление этих процессов внесли многие люди — тогда наиболее активных из них называли «прорабами перестройки» — и сформировавшиеся тогда «снизу» новые организации, бескорыстно помогавшие демократическим кандидатам побеждать на выборах 1989–1990 годов. Вспомним и широкое движение «Демократическая Россия», и Межрегиональную депутатскую группу, сложившуюся из народных депутатов СССР и много сделавшую для демократизации союзного законодательства. Но, вспоминая эти времена, я хотел бы выделить трех человек, вклад которых выделяется на общем фоне. Я считаю, что наибольшую роль в победе демократической революции сыграли Михаил Сергеевич Горбачев, Александр Николаевич Яковлев

и Борис Николаевич Ельцин. Это очень разные люди, отношения между ними были очень сложными, прежде всего я имею в виду Горбачева и Ельцина. Но в общем ходе событий каждый взялся за решение определенной задачи и что мог, то сделал в той или иной мере.

На Горбачеве лежала задача как раз демократизации. И первые шаги демократизации, подъем демократической волны и появление первой оппозиции в виде Межрегиональной депутатской группы — это было его время. Это было его достижение. Александру Николаевичу Яковлеву, который был секретарем ЦК КПСС, отвечавшим за идеологию, выпала другая миссия. Он внес огромный вклад в развитие гласности и демократизации. Неслучайно в 1990 году консерваторы его сместили с этого поста, а Горбачев, пошедший на такой компромисс с ними, лишился в последний период своего правления умного советника. Консерваторы ненавидели его. Напомню, что как раз накануне августовских событий его даже исключили из КПСС. До сих пор в СМИ можно встретить хулу и ругательства в его адрес. Но, с моей точки зрения, он был одним из отцов российской демократии и таким останется. Потому что в России, я убежден, будет демократия, которая даст должную оценку этому человеку. Именно он задумывал многие действия, многие шаги, которые потом реализовывались, и в том числе Михаилом Сергеевичем Горбачевым.

Конечно, в тройку лидеров входит и Борис Николаевич Ельцин. Этот человек обладал редкостным свойством. У него действительно была колоссальная интуиция. В нужный момент он делал нужные шаги, принимал нужные решения. Отмечу также, что он единственный из руководителей союзных республик сказал твердое нет путчистам. Благодаря ему было легитимизировано сопротивление им. И то активное меньшинство, которое было готово к сопротивлению, получило лидера. Его речь с бронетранспортера навсегда останется в истории России. И это было в тот момент, когда все другие лидеры республик или поддерживали переворот, или выжидали. Все боялись репрессий. Но именно Ельцин встал на пути путчистов и одержал победу в, казалось бы, безнадежной ситуации. Гэкачеписты не

учли, что тогда были массовые демократические настроения. Пусть не в масштабе страны, но определенно массовые в Москве. Они сыграли решающую роль. Потому что, когда путчисты хотели привести в действие войска, те командиры, которые получили приказ, говорили: «Нам придется убивать много людей, мы не хотим».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но тогда возникает вопрос. Август 1991-го — время романтических надежд на то, что Россия создаст гражданское общество, что власть будет служить нам, а не мы власти. Почему же произошел откат назад? Почему народ отдал власть силовикам, да еще из спецслужб?

Е. ЯСИН: Тут, я думаю, надо учитывать много факторов. Прежде всего, беспрецедентность задач реформ в нашей стране. Не будем забывать, что наш социалистический эксперимент длился более семидесяти лет. Такого не было ни в одной из постсоциалистических стран Восточной Европы. В прошлой беседе мы говорили о том, в каком плачевном состоянии находилась наша экономика. Отмечу, что мы еще многого не знали. Егор Гайдар, который понимал всю сложность проблем реформирования советской экономики, придя в правительство и получив доступ к закрытой информации, рассказывал, что пришел в ужас. Ситуация оказалась гораздо хуже, чем он предполагал. Но реформы все равно проводить было необходимо. Стране, прежде всего крупным городам, грозил голод, надвигалась холодная зима. Эту зиму нам всем надо было пережить. А ведь у большинства наших сограждан, многие из которых с началом реформ потеряли работу, нередко любимую, или за их труд платили жалкие гроши, на которые невозможно было прожить, не было никакой подушки безопасности. Ведь раньше многие жили от зарплаты до зарплаты, а те, у кого были сбережения, лишились их из-за инфляции. К тому же тогда хотя большинство населения и желало реформ, одновременно было категорически против их отрицательных моментов. Помню опросы середины 1991 года, которые фиксировали, что 60–70% населения за реформы и переход к рыночной экономике, но те же 60–70% одновременно заявляли, что они против таких неизбежных последствий реформ, как безработица,

падение доходов, закрытие нерентабельных производств и т.п.

И тем не менее надо отдать нашему народу должное — он стойко переносил трудности первых лет реформ. Вспомним референдум апреля 1993 года и вопросы, сформулированные для него Съездом народных депутатов РСФСР и направленные против Ельцина и правительства, — знаменитые «да, да, нет, да». Тут второе «да» — ответ на вопрос «Одобряете ли вы экономическую политику Ельцина?». Расчет был на то, что большинство скажет нет, но 52% сказали да, поддержали реформы. На мой взгляд, Ельцин весной 1993 года не воспользовался результатами референдума. Именно тогда ему надо было действовать гораздо решительнее. Но он медлил — возможно, искал компромисс.

В дальнейшем кризис 1993 года завершился указом № 1400 о роспуске народных депутатов РСФСР и новых выборах, которому значительная часть депутатов не подчинилась. Противостояние завершилось кровавыми событиями 3–4 октября, финалом которых стал так называемый расстрел парламента, хотя к нему все сводить нельзя: там была очень сложная ситуация, требовавшая компромиссов с обеих сторон. Но главное — на улицах Москвы пролилась кровь, погибло много людей. Это не могло не отразиться на общественных настроениях, что и вылилось в декабре 1993 года в победу партии Жириновского на выборах в Думу по партийным спискам, хотя — об этом мало говорят — в целом в Думе 1993 года фракция Гайдара «Выбор России» была самой многочисленной благодаря большому количеству демократически настроенных одномандатников.

Но такие события, а затем и чеченская война серьезно сказались на настроениях населения. К тому же период экономического спада и высокой инфляции сильно затянулся. Лишь в 1997 году появились первые, хотя и слабые, видные, пожалуй, только специалистам, и то не всем, признаки того, что реформы стали давать отдачу. А тут дефолт 1998 года, снова ужасные потери для населения. Люди устали. Им казалось, что реалии, связанные с либерализацией экономики и политики, мешают наладить нормальную жизнь. Казалось, что главное — «порядок», необходима «твердая рука»,

чтобы навести порядок. Мысли, прямо скажем, привычные для советского человека.

Но ответ на ваш вопрос, мне кажется, надо искать не здесь. Все это конкретные исторические события. Они могли быть такими, они могли быть другими. Но важно все-таки, что революция 1991 года стала значимым событием, потому что она открыла дорогу реформам, без которых очень скоро страну ожидал крах. Кроме того, это была такая переломная точка и такая народная эйфория, вера в то, что назавтра мы победим, что будут у нас и демократия, и демократическое государство, и рыночная экономика — все свойства цивилизованного современного государства.

Пусть я ограниченный правым флюсом экономист, но я считаю, что ключевая задача тогда состояла в том, чтобы перейти от плановой экономики к рыночной. И события августа обеспечили решение этой проблемы. Они вывели на рыночные реформы, которые начались с конца 1991 года. И если мы сегодня добились каких-то успехов, то прежде всего благодаря этим реформам. Это действительно была пора надежд, которые потом были в значительной степени погашены в ходе труднейших преобразований и убиты в последние годы. Вот это мне, конечно, не нравится.

Также я хочу сказать, что, кроме этого, была очень серьезная проблема. У нас сложились качественно иные условия начала реформ по сравнению и со странами Центральной и Восточной Европы, и с бывшими союзными республиками СССР. Ведь Россия, как и бывший СССР, — империя. Время империй кончилось, так страна не могла больше развиваться. Но из-под ее имперского влияния вырвались сначала восточноевропейские страны, а затем и бывшие союзные республики. Для массового сознания народов этих стран сам факт отрыва от России воспринимался как акт освобождения. Это давало силы переносить иногда даже более жесткие экономические реформы, чем в России, вспомним, например, страны Балтии. У нас же на объективные трудности, связанные с реформами, наложился еще и так называемый имперский синдром. Свершившееся воспринималось как утрата «величия страны». И сейчас этот «им-

перский синдром» резко выплеснулся в связи с присоединением Крыма к России в начале 2014 года.

Подчеркну, что я в свое время был сторонником сохранения Союза и ужасно злился на Гайдара за то, что он и его коллеги соглашались с выделением России, даже боролись за это. Я долгое время не поддерживал такую позицию. Но со временем, после долгих размышлений я согласился с тем, что в основном Гайдар и его коллеги были правы. Мы получили возможность построить демократическое национальное государство, то есть современное государство гражданской — не этнической — нации. При этом вновь подчеркну, что и для меня распад СССР был очень тяжелым событием. Приведу простой факт: у меня отец похоронен в Москве, а мать — в Одессе. И я не мог считать Украину другой страной. Мне было с этим трудно смириться. Но история на наших глазах это сделала. В течение всего четверти века мы наблюдали, с одной стороны, фантомные боли империи, а с другой — всплеск национализма не только в республиках, отделившихся от России, но и в самой России. Это очень сложная и тонкая проблема. Ведь националист часто стремится переложить ответственность за свои беды на другого, а надо понять и тех и других и, повторю, в каждой из новообразованных стран надо строить именно гражданскую нацию, а не этническую.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, я хотела бы вернуться на шаг назад. Вы упомянули, что в левадовских опросах лишь малая доля людей оценивает август 1991 года как победу демократической революции. Почему?

Е. ЯСИН: Я уже не раз упоминал о том, что было два фактора. Один, объективный, фактор — очень тяжелые испытания в годы рыночных реформ от либерализации цен, колоссальной инфляции, потери сбережений и в 1992 году, и от дефолта 1998 года. Это действительно были жуткие потрясения. И рассчитывать на то, что такие события кого-то приведут в восторг, было невозможно. А второй момент, конечно, это действие пропагандистской машины, которая все время, надо сказать с возрастающим искусством, промывает мозги. И поэтому мы наблюдали, особенно в 2000-е годы, как меняются настроения. Я не хочу этот фактор отделять от первого.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Факторы факторами, но согласитесь, что так называемые демократические партии не проходят в Думу. Или это тоже пропаганда?

Е. ЯСИН: Нет, конечно. Тут есть и вина самих демократических партий, и отсутствие прочной демократической традиции. Вот интересно, мы в «Либеральной Миссии» издали книжку Ричарда Пайпса о русской консервативной мысли. Он обратил внимание на такое интересное обстоятельство. В литературе об общественных движениях в России все время и на Западе, и в России речь идет о левых радикалах. И почти никогда — о консервативных людях. А уж тем более не о демократах и либералах. Единственный либерал, которого упоминали иногда, был Иван Сергеевич Тургенев. Относили к либералам также Константина Дмитриевича Кавелина, Бориса Николаевича Чичерина, хотя их много было на самом деле. Все это был истеблишмент — дворянство, разночинцы. Но в основном преобладало, с одной стороны, правоконсервативное течение в поддержку самодержавия, включая националистическое, начиная с Александра III, а с другой — революционеры, которые считали, что стоит только сломать, разрушить, уничтожить частную собственность, как наступят всеобщая справедливость и счастье всех угнетенных.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, вновь спрошу: почему то, что произошло в августе 1991 года, надо рассматривать с позиций подталкивания начала реформ? Если бы этого не было, то?..

Е. ЯСИН: Я бы ответил так. Горбачев, безусловно, реформатор. Нет никакого сомнения: его вклад в эти события велик. Но нельзя не видеть и того, что он просто не мог решиться, боялся непопулярных мер. Поэтому тянул, считал, что мы имеем возможность сделать все очень постепенно. Вот и у меня было такое ощущение. Но мне в определенный момент, это случилось уже в январе 1990 года, стало ясно, что постепенно не удастся. Что уже потеряны рычаги управления. Поэтому нужно было решаться. И это можно было сделать только тогда, когда сменится власть. Так и получилось.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, еще один острый вопрос, который нам задают: «Почему за время гай-

даровских реформ после августа 1991 года население возненавидело демократов и либералов?»

Е. ЯСИН: Я отчасти это уже объяснил. Еще раз хочу напомнить, что в то время демократические настроения очень сильно преобладали, и они были, на мой взгляд, слишком радикальными для того, чтобы умеренность, компромиссность во взглядах и в событиях взяли верх. К тому же тогда сложилось очень тяжелое противоречие между экономическими проблемами, которые нужно было быстро решать посредством рыночных реформ, и демократическими, политическими преобразованиями. Мои друзья политологи все время говорят, что Ельцин не решил главную задачу, он не ликвидировал российскую традицию моносубъектности власти, по сути старую традицию самодержавия, концентрации чрезмерной власти в руках одного человека. Это надо было ликвидировать в первую очередь, многие так думают и сейчас. Но вспомним, что тогда ситуация в экономике была катастрофическая. Реально грозил голод. Даже если бы вы выстроили идеальную политическую систему, есть-то надо все равно. Значит, надо было в первую очередь решать экономические проблемы, а они к тому времени могли быть решены только мучительными, трудными, непопулярными мерами, откладывая которые уже не было возможности. Как не раз говорил Гайдар, такие реформы можно провести или в условиях жесткой диктатуры, или при опоре на харизматического лидера, который понимает безвыходность ситуации и готов пожертвовать своей популярностью во имя реформ. У нас на это решился Ельцин. Но сама ситуация, расклад политических сил требовали тогда усиления президентской власти. Напомню, что ранее в целях борьбы с коммунистами и затем при противостоянии Ельцина с Верховным Советом постоянно принимались, даже просто с голоса, поправки в Конституцию РСФСР, усиливающие власть Верховного Совета и ограничивающие президента.

Ну как было разрешать противоречия? Ведь в то время ставка была на то, чтобы все сделали демократы, которые пришли к власти. Она была довольно утопической, потому что нужен был опыт для перестройки всего управления,

нужно было время и нужно было срочно решать экономические проблемы. Это кричащее противоречие. И в тех сложных условиях часто приходилось делать не самый лучший выбор. Но одновременно не могу не сказать, что уровень демократии в стране был несравнимо выше, чем он стал в 2000-е годы. Можно ли себе представить, что, например, сегодня на выборах в Думу по партийным спискам побеждает ЛДПР Жириновского, как в декабре 1993 года, или что большинство в Думе оказалось у коммунистов, как в 1995-м, или что Совет Федерации отвергает назначения, предложенные президентом, как не раз бывало в 1990-е годы, или что на губернаторских выборах регулярно побеждают оппозиционеры? Так что если в начале 1990-х годов президентская власть и укрепилась, то она все же держала себя в определенных рамках, не переступала многие красные черты, через которые мы переступили в 2000-е годы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В заключение хотела бы спросить, что было бы, если бы цена на нефть в середине девяностых была бы долларов восемьдесят-девяносто за баррель?

Е. ЯСИН: Если бы цены стали подниматься, предположим, не с сентября 1999 года, а хотя бы с сентября 1992-го, то ситуация была бы существенно иная. Мы бы не имели такой сумасшедшей инфляции. Мы бы быстрее справились с нашей финансовой стабилизацией, у нас не было бы такого бюджетного кризиса. И возможно, что развитие шло бы гораздо более спокойно и без таких потерь для населения. Но отсутствие демократической традиции, отсутствие определенной политической культуры, я боюсь, долларами все равно нельзя было бы возместить. Поэтому я считаю, что определенный откат от демократических достижений того времени был в каком-то смысле неизбежен. В каких масштабах? Конечно, они могли бы быть намного меньше. Лично я считаю, что тех шагов, которые сделал Владимир Владимирович Путин к 2003 году, было достаточно. Дальше уже можно было не закручивать гайки. Ну, он посчитал иначе, поэтому мы сегодня видим то, что мы видим. И это совсем не радует.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Большое спасибо, Евгений Григорьевич!

РАССТРЕЛ ПАРЛАМЕНТА В 1993 ГОДУ (Е. ЯСИН — Е. ГАЙДАР)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: В этой беседе с Евгением Григорьевичем Ясиным и Егором Тимуровичем Гайдаром мы обсудим тему, которую стало принято называть «Расстрел парламента». Хотелось бы начать с письма, пришедшего по интернету: «Уважаемый Егор Тимурович, согласны ли вы с такой точкой зрения. В октябре 1993 года перед президентом стоял тяжелейший выбор. Либо пойти на создание прецедента нарушения Конституции (это, по сути, так), но и спасти страну от кровавой реставрации, либо отступить перед распоясавшимся парламентским большинством, потерять все результаты только что начавшихся реформ, но не создавать первым прецедента нарушения основного закона. По большому счету правильно ли поступил Ельцин с точки зрения полученных результатов? Не является ли сегодняшняя комедия с выборами отзвуком той легитимизации права на политическую целесообразность?»² А приходят и письма, авторы которых безапелляционно заявляют, что, дескать, вы в 1993 году расстреляли ту демократию, которую в 1991 году и провозгласили. Таких сообщений, реплик множество.

ЕГОР ГАЙДАР: Да, охотно верю. Это чуть-чуть неприлично, но хочу ответить вопросом на вопрос. Вот если бы не сейчас, не через пятнадцать лет¹, когда многое забылось, а 4 октября 1993 года вечером, когда все было на экране телевизора или на улицах, жителей Москвы спросили, считают ли они, что президент сделал правильно, используя войска для того, чтобы обеспечить порядок в Москве... Как вы думаете, сколько москвичей тогда сказали, что Ельцин поступил неправильно?

¹ Беседа состоялась в марте 2008 года.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ну, я думаю, что много.

Е. ГАЙДАР: Тогда был опрос, и так ответили 12%. Причем это люди, которые только что пережили трагические события. Тут не реакция людей, которые через пятнадцать лет вспоминают, что тогда было, или даже просто ориентируются по чужим рассказам либо по известной телевизионной картинке горящих верхних этажей Белого дома. Это тогда отвечали те, кто только что пережили те дни и видели все происходящее. И 78% москвичей сказали, что да, президент поступил правильно. А президента на следующий день ругали в газетах за то, что он долго ждал. Как можно было это терпеть? Как можно было это допустить? Как можно было поставить страну на грань ситуации, в которой люди со свастикой (а такие были в «дружинах» Белого дома) придут к власти в Москве? Неужели вы думаете, что мы все тогда были сумасшедшими? Я не адресую этот вопрос к тем, кому сейчас до тридцати лет. Они в то время ничего не понимали. Но мы с вами были здесь, в Москве, видели происходящее, и подавляющее большинство из нас сказало, что да, решение правильное, но только запоздалое.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Егор Тимурович, но приведу старый аргумент. Эти люди, даже со свастиками, пришли по зову тех, кого мы тогда имели в качестве парламентариев, избранных в результате демократических выборов 1990 года. Таких людей выбрал народ.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Это не совсем точно. Просто потому, что заседавшие в парламенте свастик не носили. Многие из них были большие демократы и защитники демократии, как они ее понимали. Просто потом, 3 октября, когда произошли захват здания мэрии рядом с Белым домом и штурм Останкино, оказалось, что в атаку пошли другие люди. А это довольно существенно, потому что де-факто инициатива перешла именно к этим людям и их руководителям. Но самое главное, что 3 и 4 октября 1993 года стали лишь финалом длительной цепи событий, продолжавшихся, по сути, больше года. Шло жесткое противостояние Верховного Совета РСФСР, точнее его руководства, проводимым реформам. А какие вехи в этом противостоянии вам, Егор Тимурович, представляются ключевыми?

Е. ГАЙДАР: Суть проблемы была заложена 19–21 августа 1991 года. Когда де-факто рухнул Советский Союз и власть в России — на территории бывшего Советского Союза — по существу, перестала существовать. Это было похоже на то, что происходило в России начиная с 27 февраля 1917 года. С этого времени начинается длинный период, когда в России фактически власти не было. Да, в 1917 году существовало Временное правительство, а также Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. А у нас были президент и Съезд народных депутатов — до 1993 года, но реально власти не было. Конституция РСФСР в том виде, в каком она существовала по состоянию на август 1991 года, была неприменима. Она была нормальна в условиях, когда ясно, что все и так решает Политбюро ЦК КПСС, а остальное — бантики. Когда же выяснилось, что по этому закону должна жить ядерная сверхдержава, все фундаментальные противоречия просто вышли наружу. Например, с одной стороны, в основных положениях Конституции записано: есть разделение властей. Там есть президент, судебная власть и т.д. С другой стороны, написано, что Съезд народных депутатов может принять к своему рассмотрению любой вопрос. То есть, например, вопрос о том, надо ли вам сегодня отрезать голову или нет, проголосовать его и решить. Я, конечно, утрирую, но в Конституции так было написано. И как с этим жить в реальной ситуации ядерного государства? На это никакого ответа не было. Ельцин пытался его искать, и главное, что его отличало от очень многих лидеров России на протяжении тысячи лет: он хотел решить этот вопрос без крови. Главная слабость его состояла в том, что он хотел решить его без крови. В этом в сложившейся тогда в стране ситуации была его главная слабость... Потому что его противники прекрасно понимали, что он хочет выйти из тупика без крови. И играли на этом.

Е. ЯСИН: Вы были в эти годы достаточно тесно связаны с Борисом Николаевичем и, очевидно, знаете о его позиции по отношению к сложившейся ситуации, к противостоянию Верховного Совета реформам не понаслышке. Но сегодня в обществе весьма популярна точка зрения, согласно которой на самом деле шла борьба не за демократию, а про-

сто за то, кто захватит власть. И кто будет потом управлять. Что это просто была схватка людей, каждый из которых хотел власти. Причем использовал те традиционные в России методы, которые в этом случае применяются. Но вот Егор Тимурович сказал, что на самом деле у Ельцина было желание избежать такого развития событий. Но и не отдать власть тоже. Это естественно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А я попросила бы пояснить тезис, который прозвучал в прежней нашей беседе с Егором Тимуровичем, об инвестировании в реформы бешеного ельцинского рейтинга, выражаясь современным языком. Ведь в самом начале девяностых только что на груди портрет Ельцина не выкалывали.

Е. ЯСИН: Ельцин был харизматиком от Бога. Причем такие бывают очень редко. Представьте, человек, который в столице авторитарного государства, где вся власть против него, где все официальные средства массовой информации против него, где вся система подсчета голосов против него, получает на выборах 1989 года 90% голосов поддержки; представляете, 90%, даже не 70, а 90. И искренних, без каких-либо манипуляций.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Такого не бывает...

Е. ГАЙДАР: Такого в мировой истории не бывает. Потом в одном из крупнейших городов России, в Екатеринбурге, в 1990 году получает 84% голосов. Потом на выборах президента России в первом туре, когда против него работает вся государственная машина, получает 57%, а в столице — 75%. Это политик от Бога. А такие политики очень любят, когда их любит народ. И они, придя к власти, часто для поддержания такой любви делают очень опасные для своей страны, даже страшные, вещи. Им кажется, что надо сохранить эту любовь. Я это видел. А Ельцин — поразительный пример человека, поразительный, уникальный в мировой практике. Он конвертировал эту любовь к себе, свою харизму в то, чтобы решить две принципиальные задачи, чтобы спасти страну от надвигающейся катастрофы: не допустить гражданской войны, кровавой каши по югославскому сценарию и голода в России. Потом ему пришлось за это безумно дорого заплатить. Поэтому ему было особенно

тяжело, на него легла дополнительная тяжесть. Понимаете, мне было легко. Я не харизматический политик. Не люблю публичную политику, и, когда на меня взваливают ответственность за некоторые тяжелые проблемы, связанные с тем, что мы начали реформы в 1992 году и не допустили тогда голода, я могу это пережить довольно легко. Потому что я знал: народ не обязан меня любить. А Борису Николаевичу это пережить было неизмеримо труднее. Он же шел на это с открытыми глазами.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть он знал, на что идет?

Е. ГАЙДАР: Я ему сам об этом говорил подробно в личных беседах, когда мы обсуждали сложившуюся в России к осени 1991 года ситуацию и вопросы о том, как в этих условиях проводить реформы. Я ему об этом писал, и он сам видел, что делается вокруг, и читал разные бумаги, которые писались ему по этому поводу. То есть для него это был абсолютно сознательный выбор.

Е. ЯСИН: Я просто хотел бы два слова добавить. Не ключаю, что у Ельцина была определенная доля смелости неведения, как у ребенка, который не знает, чем все кончится. Ну, подумаешь, Гайдар описал некую картину. Он же тогда еще не был так известен, и они только недавно познакомились. Возможно, он все же, при всей критичности ситуации, верил, что такого, о чем говорил Гайдар, не будет. У меня есть такое ощущение. Это, кстати говоря, очень характерно было и для Горбачева. Видимо, тут существует некая спасительная черта и политиков, и вообще всех людей, которые решаются на какой-то мужественный поступок: вдруг повезет, вдруг станет лучше. Но тем не менее факт, что у Ельцина чувство ответственности перед страной, перед государством оказалось гораздо выше, чем его личная судьба. Это, как говорится, знак Божий. Это высший знак качества для государственного деятеля.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вернемся к событиям 3–4 октября 1993 года. Один наш слушатель спрашивает: «Почему это называют расстрелом? Расстрелом обычно называют стрельбу по вооруженным людям. А в Белом доме оружие было».

Е. ГАЙДАР: Да, было, и достаточно много.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но можно ли было избежать произведенных выстрелов?

Е. ГАЙДАР: Конечно, можно. Больше того, это было очень просто. Надо было просто выполнить решение VII съезда народных депутатов РСФСР, принятое 12 декабря 1992 года. Я имел некоторое отношение к этому решению, его подготовке, потому что его ценой была моя отставка. Я вел переговоры по этому поводу со стороны исполнительной власти. И убедил Бориса Николаевича в том, что это разумная цена. Надо понять, что, когда Конституция в принципе не может работать, а вам надо предпринять какие-то шаги, чтобы она заработала, чтобы был хоть какой-то порядок в стране, потому что иначе порядок этот будут наводить бандиты, нужно договариваться и соглашаться. И лучший судья, к которому можно апеллировать, — народ. Собственно, решение, согласованное 12 декабря на совещании в Кремле, которое организовал председатель Конституционного Суда Валерий Зорькин, состояло из двух принципиальных пунктов. Там всего было больше, но главных — два. Первое: мы вырабатываем согласованный вариант Конституции. Если мы не приходим к консенсусу, я имею в виду «мы» — это Верховный Совет и президент, то выносим два варианта Конституции на всенародный референдум. И пусть народ, как источник власти, исходя из конституционного принципа народовластия, решит, какой вариант Конституции он предпочитает. Ценой этого соглашения, которое было проголосовано 12 декабря, была моя отставка. Собственно, я считал, что это абсолютно приемлемая цена, потому что в этот период гораздо важнее было обеспечить хоть какой-то порядок в стране, чем все, что связано даже с экономическими реформами, тем более что все-таки угрозу голода удалось к тому времени отвести. Это было принято и проголосовано. Если бы просто придерживаться этого решения, никакой стрельбы у Белого дома не было бы. Больше того, у нас, конечно, не было бы такой Конституции, которую мы имеем сегодня, столь смещенной в сторону президентской власти. Я прекрасно знаю, какой бы вариант Конституции президент тогда вынес на референдум. Более чем уверен, что именно этот ва-

риант получил бы поддержку большинства населения, и он, конечно, был бы гораздо более похож на американскую конституцию или на французскую, чем то, что мы имеем сегодня. Значит, все, о чем я говорю, было проголосовано, согласовано, но потом Руслан Имранович Хасбулатов сказал, что это политическая ошибка. Они же уже получили то, что хотели, — отставку Гайдара, о которой мечтали. А то, что ими самими было обещано, — тут действовал принцип: мы же хозяева своего слова, мы его дали, мы его взяли, тем более что в нашей власти «рассмотреть любой вопрос». И Хасбулатов 12 марта 1993 года сказал, что никаких соглашений не было и быть не могло. Это же смешно: причем здесь народ? Какой народ будет определять, какая нам нужна Конституция? Мы как-нибудь сами определим все без всякого народа.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Как это быстро забыли-то...

Е. ГАЙДАР: Очень быстро. После этого Ельцин сказал: слушайте, я гарант Конституции, меня выбрали большинством голосов в моей стране. Я отвечаю перед народом. Давайте на референдум вынесем два простых вопроса, для меня опасных. Первое: доверяет ли мне народ? Второе: если народ мне доверяет, поддерживает ли он Конституцию, которую я ему предлагаю? Депутаты сказали: «Нет, вот таких вопросов мы ни в коем случае на референдум не вынесем. А уж если вынесем, то только те вопросы, которые мы сами поставим». После этого на референдум были вынесены следующие вопросы: 1) доверяем ли мы Ельцину; 2) поддерживаем ли мы экономическую политику, которая проводится с 1992 года; 3) хотим ли мы досрочных перевыборов Ельцина; 4) хотим ли мы досрочных перевыборов Верховного Совета? Замечательные вопросы. Прошел референдум, и были получены ответы, которых совершенно не ожидали: а) Ельцина поддерживаем; б) экономическую политику поддерживаем; в) Ельцина переизбирать не хотим; г) депутатов переизбрать хотим — этот вопрос набрал две трети голосов, правда не от всего списка избирателей, а от пришедших на референдум, чем потом и воспользовались, чтобы не признать этот результат. Вот ответы, который от народа получил президент, ответственный перед народом.

Е. ЯСИН: С тех пор запомнилась формула ответа: «да, да, нет, да». Но после этого президент опять стал искать мира, собрал Конституционное совещание и т.п. И его соратники, я догадываюсь, из ближнего круга говорили, что так революции не делаются, а революция ведь была в самом разгаре, что, если вы будете себя так дальше вести, вы власть потеряете. Потому что люди из Верховного Совета, руководствуясь тезисом действующей Конституции о том, что вся полнота власти в определении внешней и внутренней политики принадлежит им, стали шаг за шагом менять Конституцию в свою пользу. Причем вносить поправки в Конституцию ничего не стоило. Это делалось простым предложением в ходе заседания, никак не проработанным ни в соответствующих комитетах, ни среди экспертов. А так обращаться с Основным законом просто преступно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И ценой таких политических игр стало пролитие крови в Москве. Известно ли, скольких жизней нам это стоило?

Е. ГАЙДАР: Примерно 150 человек, погибших во время событий сентября-октября 1993 года. Жертвы примерно поровну распределены между событиями вокруг Останкино и вокруг Белого дома. Причем ни один народный депутат — когда говорят о расстреле парламента, надо все-таки помнить об этом — не был ни убит, ни ранен в ходе этих событий. Пострадали совсем другие люди. Причем очень много милиционеров.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Каковы, на ваш взгляд, уроки из произошедшего?

Е. ЯСИН: Егор Тимурович сейчас выскажет свою, другую, точку зрения, но я хотел бы, чтобы прозвучало и мое видение ситуации. Я пытаюсь понять ткань событий, понять, что возможно было сделать в то время. Я согласен с тем, что это события революционные. А революция имеет свои законы. И когда шел разговор в 1993 году, что должен предпринимать Ельцин, я просто понимаю: в таких условиях нужно добиваться победы. Несомненно, кто-то должен взять верх. Возможно, можно было избежать стрельбы, но то, что кто-то должен был победить, для меня очевидно.

Моя картина событий такова. Революция у нас продолжалась вместе с большой демократической волной и началом реформ с 1989 по 1993 год. В 1993 году мы расстались с советской властью. Мы должны были с ней расстаться или, может быть, остаться с ней надолго. Но выбор был действительно сложный, потому что, с одной стороны, все думали, что мы уже живем при демократии. На самом же деле это была не настоящая демократия, а протодемократия, когда люди не совсем были готовы к тому, чтобы получить свободу. Но протодемократия больше, чем снести коммунистический режим и дать возможность начать реформы, очень трудные, но абсолютно необходимые, больше сделать ничего не могла. Поэтому нужно было выбирать: либо спасти реформы, которые в конце концов создадут условия для развития демократии, либо следовать букве Конституции, причем Конституции, изрядно исковерканной многочисленными политически обусловленными поправками. Тут вы думаете, что отстаиваете ее, но на самом деле проигрываете все. Здесь нужно было иметь решимость. Мне кажется, Ельцин ее проявил. Но в условиях, конечно, революционных. Да, в указе № 1400 он вышел за конституционные рамки и сам об этом говорил. Но этим указом был дан шанс для мирного разрешения конфликта. Тогда же этим указом объявлялись новые выборы, и депутаты имели шансы обновить свои мандаты, а затем отказавшимся идти на новые выборы предоставлялись вполне приличные рабочие места, даже на уровне заместителей министров. Кстати, мне кажется, что отнюдь не все принявшие это предложение могли компетентно выполнять новые обязанности. Но вновь подчеркну — это была революционная ситуация. А революции по закону не делают. Революция потом сама начинает творить законы, которые описывают другую реальность. Это можно как угодно осуждать, но надо понимать, что все равно эти события должны были быть доведены до какой-то логической точки. Тот ход событий, которые мы пережили, имел следствием определенные жертвы, которые понесла зарождающаяся демократия. Мне лично это кажется несомненным. И какие-то последствия мы ощущаем и сегодня. Но тем не

менее я и сегодня убежден, что Ельцин был прав. И это было неизбежно.

Е. ГАЙДАР: То, что происходило между 1991 и 1993 годами, очень трудно понять, потому что это необычная ситуация. Легче понять, если хорошо, скажем, знать историю России между февралем 1917 и осенью 1918 года. Хотя и тут и там странная ситуация. Была великая империя, мировая сверхдержава Советский Союз или великая царская империя, мировая сверхдержава. И вдруг все развалилось. Вдруг выясняется, что ключевые для будущего мира вопросы решает то, у какой стороны окажется на несколько сот лишних человек. Вспомним октябрь 1917 года. Тогда были массовые демонстрации? Нет. Там все решал вопрос о том, что в распоряжении большевиков было 5 тыс. вооруженных и дисциплинированных людей, которые оказались способны установить контроль над ключевыми точками города. А у Керенского их не было. Когда обсуждается вопрос об июле 1918 года, то есть когда большевики чуть не потеряли власть во время восстания левых эсеров, вопрос был о том, у кого будет 3 тыс. вооруженных солдат. В это время счет идет на сотни, а не на сотни тысяч.

В октябре 1993 года лидерам Верховного Совета и их сторонникам удалось перевести развитие событий в насильственную плоскость, а этого больше всего хотел избежать Ельцин. У них было примерно 10 тыс. организованных людей, частично вооруженных. Это больше, чем у большевиков в октябре 1917 года. Они действовали строго по тем же сценариям. Пытались установить контроль над основными средствами массовой коммуникации, местами контроля власти, основными средствами контроля связи. Все строго по Ленину. И там и там была та же ситуация. Армия, милиция реально, как и в 1917 году, не хотела в этом участвовать. На что рассчитывал Керенский в 1917-м? Говорил, что большевиков поддерживает 5 тыс. человек, а у него гарнизон 180 тыс. Однако выяснилось, что реально у него нет ни одного батальона, который готов исполнять приказ. Что выяснилось в 1993-м? У Верховного Совета есть 10 тыс. организованных, вооруженных, готовых жестко действовать людей, а у Ельцина нет ничего. И здесь было принципиаль-

но важно не повторить ошибку, которую сделало в свое время Временное правительство в 1917 году. Ведь в Петрограде тогда было только офицеров 15 тыс. Но никто даже не подумал их организовать, позвать, выставить вооруженные силы. Там сформировать один батальон было достаточно, чтобы не было никакого октябрьского переворота. Вся история страны пошла бы по-другому. Наши оппоненты, противники были искренне убеждены, что мы поступим так же, как поступили Керенский или Чернов в 1917 году. Просто скажем, что мы подчиняемся насилию, и всё... Но мы поступили по-другому. И результат мог бы быть другим, если бы не масса людей, собравшихся у Моссовета, несколько десятков тысяч человек...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Вышедших по вашему призыву.

Е. ГАЙДАР: Да, по моему призыву. И они готовы были при необходимости взять оружие, которое там было. Понимаете, за Ельцина в Москве тогда было 80% населения. Ну, ясно, что нас больше. То есть, если мы готовы к противостоянию и сможем организовать, мы их сметем в любом варианте, без вопросов. Вот когда выяснилось, что мы не собираемся повторять опыт 1917 года, что мы не покоряемся насилию, а просто возьмем, соберемся и дадим отпор, тогда и армия начала действовать. Если вы посмотрите записки того времени, то увидите, в какой степени отношение москвичей повлияло на все, что делает армия. Как только армия думает, что стотысячная демонстрация идет на поддержку Верховного Совета, она получает команду зачехлить автоматы и прекратить стрельбу. Как только выясняется, что речь идет о людях, готовых поддержать тех, для кого штаб-квартирой стали Моссовет и Кремль, она расчехляет автоматы. Офицеры тогда говорят: «Так давайте лучше мы это сделаем, а не гражданский люд». По сути, мы были на пороге гражданской войны, но ее все же удалось остановить. Однако не могу не сказать, что для Бориса Николаевича Ельцина произошедшие 3–4 октября события стали тяжелейшей эмоциональной травмой. Он не хотел крови. И когда сегодня рассуждают о том, как ужасно все было сделано 4 октября, я вижу, что люди, говорящие это, не понимают, какая тут была травма для Бориса Николаевича.

ча. По Белому дому были произведены выстрелы двенадцатью учебными и двумя подкалиберными снарядами, от которых не погиб ни один человек, и не мог погибнуть, потому что на верхних этажах никого не было. Но для Ельцина все равно это было тяжелейшей травмой.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вот нам пришел вопрос: «Почему шанс “раздавить гадину” был бездарно упущен? После 4 октября надо было навсегда запретить компартию, почистить армию и объявить апологию пропаганды сталинизма уголовным преступлением».

Е. ГАЙДАР: Это, на мой взгляд, полностью справедливо. И я довольно много времени потратил на то, чтобы попытаться убедить Бориса Николаевича в том, что надо сделать именно это. Но в то же время я не могу его не понять, ему этого очень не хотелось. Ведь такая резкая позиция означала новое обострение ситуации. Не забудем, что во всех уголках страны были — и остаются сейчас — люди, придерживающиеся коммунистической идеологии. Это означало, по сути, продолжение противостояния, а Ельцину очень не хотелось нового обострения. И к тому же если вы перечитаете газеты следующих дней, то станет ясно, сколько народу было убеждено, и часто отнюдь не с одобрением, что он сделает именно так. Плюс к тому использует эти события для того, чтобы навсегда ввести режим личной власти. А такое поведение было бы как раз в рамках российской традиции. Это было бы так понятно, и, кстати, многие бы поняли. Его оппоненты прекрасно бы поняли, если бы Ельцин после 4 октября ввел бы режим личной власти, запретил бы всякую свободу слова, запретил бы те партии и движения, которые ему не нравились. Тогда это было бы всем понятно. Но он ввел цензуру только на три дня, а потом отменил ее. Через несколько месяцев, несмотря на все свое нежелание, не воспрепятствовал освобождению по принятой новой Думой амнистии всех тех, кто собирался повесить и его, и его семью тоже.

Е. ЯСИН: Говорят, что были расстрельные списки.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Были.

Е. ГАЙДАР: Я удостоился высокой чести вместе с Борисом Николаевичем Ельциным войти в список тех, кого не надо доставлять никуда...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Нас спрашивают и о том, было ли в Белом доме оружие?

Е. ГАЙДАР: Там было очень много оружия, явно переброшенного из Приднестровья, со складов четвертой армии. Все участники событий упоминают о наличии массы новых, явно недавно поступивших на вооружение автоматов в смазке. По всей видимости, там был и арсенал того подразделения Верховного Совета, которое не подчинялось руководству Вооруженных сил России. Оно было создано после 28 апреля — предыдущего кризиса в отношениях президента и Верховного Совета. Но там явно было и другое оружие.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Можно ли сегодня говорить о каких-то, скажем так, ошибках того времени?

Е. ГАЙДАР: Конечно, ошибки были. Но Бориса Николаевича уже нет. Поэтому не буду предъявлять ему претензии по ошибкам. И я считаю, что в целом его роль в российской истории этого времени велика. Когда-нибудь наше общество это осознает. Конечно, после всего, что произошло 3–4 октября, когда у нас был преодолен кризис двоевластия, когда, особенно после принятия Конституции РФ, у нас, в общем, появилась реальная власть, реальное государство, которого не было с 21 августа 1991 года, я много раз пытался убедить Бориса Николаевича, что сейчас самое время начинать проводить энергичные реформы, необходимые для того, чтобы создать базу устойчивого экономического роста. Все, что мы не могли делать, пока не было реальной власти, надо было делать тогда. Надо было останавливать инфляцию, вводить нормальную частную собственность на землю, гарантировать ее, проводить налоговую реформу, стабилизировать бюджет. Именно тогда для этого открылись возможности. Но была масса других людей, которые говорили ему, что люди устали от реформ, давайте повременим с преобразованиями и дадим им немного отдохнуть. И в итоге мы потеряли несколько лет. А сам Борис Николаевич политически за это потом довольно дорого заплатил. Он сделал ошибку, на мой взгляд. Но, с другой стороны, я не судья ему по поводу этой ошибки.

Е. ЯСИН: Я думаю, одной из таких серьезных ошибок было принятие решения о сроке полномочий избранной в 1993 году Государственной Думы в два года как думы переходного периода. Ведь практически ясно, что за два года ничего нельзя было сделать, а обстановка оставалась достаточно накаленной. И в составе той думы, несмотря на ту победу, которую одержал тогда Жириновский по партийным спискам, все-таки основную силу составляли демократически настроенные депутаты. Тогда можно было что-то делать. А потом мы получили уже другой парламент в 1995 году, с которым, конечно, работать стало очень тяжело.

Е. ГАЙДАР: Если можно, я просто добавлю к тому, что сказал Евгений Григорьевич, признаюсь в одном своем смертельном грехе. В 1993 году ведь самая крупная фракция в думе была не ЛДПР, а наша — «Выбор России». У нас было много одномандатников, и в целом наша фракция была больше. Не буду называть имен, но я получал всяческие сигналы от некоторых лидеров ЛДПР, которые говорили: «Вы не берите в голову, что мы говорили в предвыборной кампании. Вы взрослые люди. Ну, давайте договоримся и все сделаем как надо». Но я был в то время очень брезглив. К сожалению, и до сих пор. И просто не поддержал с этими людьми разговор. А так вообще, конечно, многое можно было бы сделать.

Подводя итоги разговора, хочу сказать: я сделал то, что мог, чтобы избежать произошедшего. Я действительно убежден, что цена за то, как мы разрешили кризис 1993 года, огромна и из этих событий вытекает масса нынешних проблем. Я также убежден, что в декабре 1992 года мы имели возможность всего этого избежать, включая все последствия, тянущиеся до сегодняшнего дня. Но раз судьба сложилась так, что события 3–4 октября произошли, я позволю себе процитировать человека, с которым у меня не всегда были одинаковые взгляды, но который вечером 3 октября абсолютно определенно сказал, что обязан сделать президент, — Григория Алексеевича Явлинского. Выступая по телевидению из резервной студии телеканала «Россия», он сказал: «Главная задача Бориса Ельцина на сегодняшнюю ночь? Привлечь все силы правопорядка для подавле-

ния фашиствующих, экстремистских, бандитских формирований, собранных под эгидой Белого дома. Если их будет недостаточно, необходимо рассмотреть вопрос об использовании регулярных вооруженных сил. Президент должен проявлять максимальную жесткость и твердость в подавлении бандитствующих элементов... Будущее, вот ради чего мы должны сегодня убрать насильников с наших улиц, выкинуть их из наших городов». Борис Николаевич Ельцин сделал то, о чем его в ту страшную ночь просил Григорий Алексеевич Явлинский. И не только он.

Е. ЯСИН: Кроме того, я хочу напомнить, что после подавления сторонников Верховного Совета немедленно началась подготовка новой Конституции, которая была принята на референдуме 12 декабря 1993 года и до сих пор работает. К ней можно предъявить претензии, она отдавала президенту слишком широкие полномочия. Это несомненно. Но в те дни трудно было себе представить что-то иное. Наверное, у Бориса Николаевича были, возможно, другие соображения, Скажем, он хотел закрепить свою власть. Но у меня нет основания считать, что он думал об этом или только об этом. А вот предотвратить то, что уже однажды произошло, ему очень хотелось. Что касается расстрела парламента, ну, мы уже об этом говорили. Это были тяжелые события, но никто из депутатов тем не менее не погиб. А то, что в истории страны случаются схватки, когда действительно решается судьба страны и ее поворот в одну сторону или в другую, это бывает.

Лично моя точка зрения заключается в следующем. Еще не вечер, прошло очень мало времени. Да, мы сегодня имеем неприятные последствия того, что случилось в 1993 году. Но это все равно не означает, что именно те события предопределили судьбу России. Я лично убежден, что главным фактором является то, что в России мы имеем пусть не очень совершенную, но работающую рыночную экономику, которая на самом деле тогда была спасена. И она в конце концов принесет и приносит России процветание. Это та база, на которой вырастет и демократия.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Егор Тимурович, у нас есть с Евгением Григорьевичем такая традиция: говорить о литературе

ре, которую имеет смысл почитать по теме. Можете что-то назвать?

Е. ГАЙДАР: Есть очень хороший сборник документов. Просто по минутам описывающий события 1993 года. Я сейчас, к сожалению, не помню точного названия. Он был издан в 1994 году. Это просто в основном документы, стенограммы заседаний Верховного Совета, съездов, совещаний. Статьи в «Известиях», в «Московском комсомольце», в «Московских новостях» этого времени. На мой взгляд, если его просто прочитать, многое станет ясно, там все есть.

Е. ЯСИН: Я назову еще одну книгу. Это книга Олега Мороза, которая как раз и посвящена этим событиям в парламенте. Это тоже очень подробное, ясное, заинтересованное обсуждение проблемы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Спасибо, Егор Тимурович, спасибо Евгений Григорьевич.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 1990-Х ГОДОВ

4

РЕФОРМЫ 1992 ГОДА (Е. ЯСИН — Е. ГАЙДАР)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня мы с Евгением Григорьевичем пригласили Егора Тимуровича Гайдара, чтобы попытаться разобраться в том, чем же были для России реформы 1992 года, которые в общественном сознании неразрывно связаны с именем Гайдара.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Прежде чем начать наш разговор, я хотел бы напомнить наши предыдущие беседы о том, каково в действительности было состояние советской экономики к середине 1980-х годов, насколько наша экономика была структурно деформирована. И как это усугубляла цепь непродуманных полумер, по сути направленных на то, чтобы что-то изменить, ничего не меняя по существу, с каждым годом, а затем и месяцем усугубляя и без того тяжелое положение. В результате к осени 1991 года страна оказалась в катастрофической ситуации. Время, необходимое для осуществления более плавных, постепенных реформ, было упущено. Вот в такой ситуации Борис Николаевич Ельцин получил от V съезда народных депутатов РСФСР мандат на проведение радикальных реформ. И хотя он сам возглавил правительство, фактически весь груз проведения этих тяжелейших реформ лег на плечи Егора Тимуровича и его команды.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А я хотела бы начать с двух сообщений, которые пришли Егору Тимуровичу от наших слушателей. Они отражают полюса отношения наших сограждан к экономическим реформам 1992 года. Сообщение первое звучит так: «Согласны ли вы, что именно ваши действия привели к гигантской инфляции, к падению рубля с 58 копеек за доллар в 1991-м до 210 рублей в 1992 году, при вашем правлении? Согласны ли вы, что ваша модель экономического развития была выгодна только иностранным произ-

водителям и иностранным торговцам? Разве на тот момент вы были специалистом по рыночной экономике? Считаете ли вы, что вы были компетентны проводить такие сложные реформы в разваливающейся стране? И согласны ли вы, что допустили огромную ошибку, пытаясь создать рыночную экономику, не создав реального рынка в стране?» А вот второе сообщение: «Спасибо вам за все, что вы сделали в девяностые. Я тогда был бедным иногородним студентом. Если бы меня спросили, в какое время я хочу вернуться, не думая вернуться бы в девяностые. Использую отношение к вам как лакмусовую бумажку для проверки людей на идиотизм. Если человек говорит, что Гайдар развалил СССР и обокрал людей, понимаю, что он за своими эмоциями, возможно, бедствиями и трудностями, которые тогда действительно были, не видит главного: страна смогла, несмотря ни на что, перейти на рыночные рельсы». Вот такой разброс мнений. Он свидетельствует о том, что многие люди ситуацию как-то недопоняли. И это недопонимание длится уже не одно десятилетие.

ЕГОР ГАЙДАР: Да, ситуацию, конечно, недопоняли. К тому же многие реалии советской жизни просто исчезли из памяти. Например, я очень хотел бы посмотреть на человека, который в 1991 году купил доллар за 58 копеек. Мне хотелось бы в глаза ему посмотреть. Я знаю прекрасно, когда был введен коммерческий курс доллара к рублю как легальный, и уже летом 1991 года он составлял примерно 60 рублей за доллар. Я прекрасно знаю, сколько составлял он к декабрю месяца, — 170 рублей за доллар. И я прекрасно знаю, когда он начал снижаться. Это произошло как раз после того, как были либерализованы цены. Но это лишь малая часть того, с чем мы все столкнулись в октябре 1991 года. Ведь мы пережили страшную катастрофу. И психологически вполне понятно, что тем, кто в то время жили, были взрослыми людьми, больше всего хочется просто стереть все это из памяти. Тут мы видим естественное желание, потому что пережитое настолько ужасно, что кажется: этого быть не могло.

Е. ЯСИН: И реальные воспоминания вытесняются мифами, трезвый анализ — поиском виновных, а затем моло-

дые люди, не жившие тогда или бывшие слишком маленькими, перенимают эту мифологическую картину от взрослых. А в мифе всегда должен быть главный злодей, виновник всех несчастий. Ведь не станешь же ты вспоминать о собственном неумении перестроиться в новых условиях.

Е. ГАЙДАР: Собственно, в XX веке Россия три раза проходила катастрофические ситуации, связанные прежде всего со снабжением зерном, хлебом крупных городов. Первый раз это было в 1917–1922 годах и привело к Русской революции, Гражданской войне, гибели миллионов людей. Второй раз это произошло на рубеже 1920–30-х годов, с началом коллективизации. И привело к массовому голоду на Украине, в Казахстане и во многих областях Российской Федерации. По этой причине страна потеряла, видимо, 6 млн человек, точных цифр мы не знаем до сих пор. А третий раз это происходило в 1991 году. Передо мной несколько официальных документов советского правительства, в которых описывается, что происходило еще до ГКЧП. С вашего разрешения, я сказал бы о них несколько слов. Прежде всего, в них речь идет о снабжении зерном крупных городов в последние годы Советского Союза. Оно зависело напрямую от двух вещей. Во-первых, от масштабного импорта. Мы были крупнейшим импортером, но только у нас кончилась валюта, потому что упали цены на нефть. И, во-вторых, от принудительных, по существу, заготовок зерна в сельском хозяйстве по нерыночным ценам. К 1991 году ни то, ни другое не работало. И валюты не было, и механизмов изъятия зерна толком не было. Вот что по этому поводу пишут люди, которые отвечали в то время за снабжение населения хлебом и продовольствием в целом в Советском Союзе и в России в частности. По состоянию на 1 января 1992 года остаток продовольственного, фуражного зерна составит 6,3 млн тонн при месячной потребности снабжения 4,3 млн тонн. Короче говоря, у нас с вами зерна, согласно официальному документу, будет до середины февраля. С учетом того что в настоящее время во многих областях близка к завершению уборка урожая, а продажа хлеба государству практически не ведется, предлагается начиная с 5 сентября рассматривать складывающийся баланс хлебных ресурсов по

каждой союзной республике, краю, области с учетом фактических закупок и сокращать фонды госресурсов. То есть если хлеба нет, то его надо меньше давать народу, так как в данный момент сложилась катастрофическая ситуация. Что касается импорта зерна, то, по официальным данным, поставки зерна по состоянию на 1 января 1992 года с учетом поступлений по импорту составят 4,3 млн тонн. А это уже в январе не позволит обеспечить снабжение хлебопродуктами. То есть в РСФСР — так тогда называлась наша страна — в начале 1992 года складывается катастрофическая ситуация... И это все документы, направленные «наверх» до того, как начинает работать наше правительство. До всякой шоковой терапии, до реформ. Если говорить коротко, опустить массу проблем, связанных со структурой советской экономики в целом, с разрушением финансовой системы страны и т.п., то самое важное, что встало перед нами осенью 1991 года, — это то, что в РСФСР сложилось катастрофическое положение с формированием зерновых ресурсов для снабжения населения, прежде всего крупных городов, хлебом, животноводства — кормами. Его дефицит составлял около 18 млн тонн.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть, Евгений Григорьевич, получается, исходя из тех документов, которые сейчас приво-дил Егор Гайдар, что страна, в правительство которой он вошел осенью 1991 года, должна была со дня на день начать пухнуть с голоду?

Е. ЯСИН: Да, это так. Во-первых, об этом свидетельствуют официальные документы. Во-вторых, вновь напомню о нашем обсуждении ситуации предшествующих лет и даже месяцев. Это была ситуация цугцванга. Есть такой шахматный термин, когда в партии складывается позиция, при которой каждый следующий ход лишь ухудшает положение, а не ходить нельзя. И тут некуда было ходить, потому что промедление с реформами подвело к приближению катастрофы. Некоторые уже осознавали это и среди тех людей, кто были заняты управлением страной, отвечали за эти задачи. И они имели достаточно знаний. Но, с одной стороны, старый управленческий механизм к тому времени перестал работать, а с другой — не было политической воли,

чтобы решиться на необходимые, но болезненные реформы. А промедление с началом таких реформ с каждым днем делало их еще болезненнее для людей. Надо четко осознать, что к тому времени, когда Гайдар начинал работать в правительстве и когда были приняты первые решения о либерализации и т.д., речь уже шла не просто о рыночных реформах, а о попытке спасти то, что уже рушилось, как-то предотвратить катастрофу. Потому что отсутствие продовольствия, прежде всего в городах с миллионным населением, действительно катастрофа. Но господствующее у многих мифологическое сознание — и у тех, кто жил тогда, и у их детей — выстроило иллюзорную картину, по которой все действительно тяжкие испытания девяностых устроил именно Гайдар с его либерализацией цен, со скачком инфляции, когда привычные доходы обесценились и на них действительно мало чего можно было купить. Причем все это было устроено якобы на ровном месте, где раньше все было в порядке. Я же видел уже тогда, что все катилось в тартарары. И благодаря работе правительства Ельцина — Гайдара самое худшее было предотвращено.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но мне хотелось бы еще послушать, что написано в документах.

Е. ГАЙДАР: Пожалуйста. Интересно проследить, как ситуация проявлялась в регионах России. Вот, например, письмо Эдуарда Росселя, главы администрации Свердловской области. Он пишет, что в области остатки муки резко снижены, составляют 6 тыс. тонн, что соответствует трехдневному запасу, обстановка грозит срывом снабжения населения хлебом. Это письмо написано до ГКЧП, до того, как я пришел в правительство. Есть также написанная до ГКЧП служебная записка из Бaleyского района Читинской области: облисполкомом выделено муки по 620 граммов на человека. Это ниже нормы военного времени, то есть ситуация с обеспечением хлебом критическая. А Могочинский район Забайкальского края устойчиво выполняет план пропуска поездов, объемов золотодобычи, но снабжение продуктами неудовлетворительное. И местные руководители сигнализируют, что в случае введения карточек на хлеб с нормой 350 граммов возможна остановка предприятий

железнодорожного транспорта. А это — Транссибирская магистраль. Нормированное распределение доходит до 300 граммов в день на человека! Читинский областной глава администрации пишет в правительство, что больше мы так не можем. Например, в Нерчинскозаводском районе остатки муки на конец года таковы, что власти могут обеспечить хлебом каждого жителя района по норме 150 граммов в сутки. Это норма блокадного Ленинграда! Из Пермской области сообщают, что резко увеличился расход печного хлеба, в магазинах огромные очереди. То есть сложилась взрывоопасная ситуация. Население остается без хлеба. Надвигается голод. Критическое положение в Читинской области и с производством комбикормов. 3 сентября все государственные комбикормовые заводы будут остановлены из-за отсутствия зерна, а 29 августа оттуда же сообщают, что в области продовольствия хватит на пять суток, фуражного зерна — на одни сутки.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это не телеграмма в правительство 1922 года, Егор Тимурович?

Е. ГАЙДАР: Нет, это телеграммы августа — сентября 1991 года. Я специально изучал ситуацию со снабжением зерном в 1917–1921 годах. И могу здесь рядом подобрать такие же телеграммы, поступавшие в Москву в 1918 году из тех же областей. Но хотел бы подчеркнуть, что все это было до начала реформ. Ни я, ни мои друзья и коллеги еще не работали в правительстве. Никаких радикальных реформ, никакой «шоковой терапии» еще не началось. Но реально такая ситуация сложилась в Советском Союзе, в России в это время. Еще пример: Челябинская область сигнализирует, что создается крайне напряженная обстановка в обеспечении хлебом. Из-за отсутствия муки норма отпуска хлеба ниже, чем в войну, в два раза. Начат сброс поголовья. Однако мощности мясокомбинатов не позволяют произвести убой скота в кратчайший срок. При такой обстановке животные обречены на гибель. Обстановка с обеспечением области продовольствием, фуражным зерном остается крайне напряженной. Создалась реальная угроза гибели 15 млн голов птицы и 180 тыс. голов свиней в крупных комплексах, а область имеет запас муки всего на три дня. У продовольствен-

ных магазинов выстраиваются многочисленные очереди, в которых граждане в резкой форме критикуют местное и центральное руководство. Отдельные граждане призывают к проведению акций протеста. Я дальше могу продолжать это чтение, оно может быть почти бесконечно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Егор Тимурович, а почему бы все это не опубликовать? Конечно, что-то было опубликовано в «Гибели империи», но там эта тема не была основной.

Е. ГАЙДАР: Собираюсь это сделать, сейчас работаю над новой книгой... Под условным названием «150 дней», которая будет описывать по дням развитие событий в Советском Союзе, в первую очередь в России, в контексте всего, что происходило с зерном, с продовольственным снабжением и валютой между крахом ГКЧП и началом реформ в России¹. Это страшная картина. Если бы вы еще спросили меня, что в это время происходило в армии и с сохранностью тактического ядерного оружия, вам было бы еще страшнее. Ну, просто не хочу расширять фронт нашей беседы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но неужели и Горбачев, и его министры, включая В. Крючкова, не знали обо всем этом? Или просто игнорировали, надеясь, что как-то обойдется?

Е. ГАЙДАР: Если бы они этого не знали, ГКЧП не отдала бы власть так легко. Вот если бы у нас валютные резервы были такие, как сегодня, 245 млрд долларов, то, поверьте мне, я бы в российском правительстве не работал. Думаю, у них были противоречивые чувства. С одной стороны, они не хотели отдавать власть. С другой стороны, они понимали: со всем этим надо что-то делать, а привычные советские методы уже не работали. Это очень хорошо проявляется в поведении во время путча самого информированного из лидеров ГКЧП – Валентина Павлова, премьер-министра. Он ведь 18 августа напился, это отражено в мемуарах председателя КГБ СССР Крючкова, до потери сознания.

Ведь что тогда было фундаментальным? Допустим, они подавили сопротивление. А зерно-то откуда возьмется? Откуда возьмется валюта? Ее ведь нет совсем. Как организо-

¹ Эту книгу Е. Т. Гайдар не успел написать.

вывать снабжение крупных городов? Что делать, когда там начнутся беспорядки, потому что они не снабжаются? Советское руководство прекрасно понимало эти риски, осознавало, что если пойти по этому пути и не решить продовольственную проблему — на уровне маломальского удовлетворительного снабжения на уровне крупных городов, то режим сметут. И за все это, а также за все, что произойдет дальше, будет отвечать совершенно нелегитимный, неуважаемый, не пользующийся поддержкой режим.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но что, собственно, было делать, когда вы в такой ситуации пришли в правительство? По сути, вы пришли в дом, у которого все стены валятся. Вы знали, как действовать? Представляли себе, что надо делать? Каков был пусковой комплекс?

Е. ГАЙДАР: Прежде всего я понимал катастрофичность ситуации, что если вдруг чудом не вытащить страну, мы окажемся строго там, где была Россия в 1918 году. И очень скоро. А я хорошо знал, что такое Россия 1918 года. С гражданской войной, с полным отсутствием какого бы то ни было порядка, с голодными карточками и бандами типа махновских, или, как их теперь называют, полевых командиров. Все это я знал. Было ясно, что если ситуацию чудом не повернуть, то мы там и окажемся на протяжении следующего полугода.

Е. ЯСИН: Причем надо сказать, что в данном случае российское общество того года полностью разделяло взгляды Егора Тимуровича. Согласно вЦИОМовским опросам, а тогда ВЦИОМ возглавляла академик Татьяна Ивановна Заславская, в большинстве своем оно ожидало голода, отсутствия тепла, электроэнергии, экономической катастрофы. Конечно, процент ожидающих катастрофы был выше в крупных городах, как наиболее уязвимых к проблемам продовольственного снабжения. В деревне или малых городах все-таки в большей мере жили на продовольственном самообеспечении. Доля централизованного снабжения там была невелика. Но и потеря, скажем, электроснабжения и там создала бы огромные трудности.

Е. ГАЙДАР: Главное было не в осознании опасности. Это, как сказал Евгений Григорьевич, понимали не только специалисты, но и большинство населения. Особенность

нашей ситуации заключалась в том, что стандартными методами вытащить страну уже было нельзя. Не буду входить в технические детали, почему стандартные методы, скажем, сработали в Польше или Чехословакии, тяжело, но сработали. Хотя и там раздавались проклятия реформаторам, которые, кстати, все являются моими друзьями. Почему так произошло? Попытаюсь объяснить в двух словах. Дело в том, что у нас соединился вместе крах социалистической экономической системы и крах многонационального Советского Союза. То есть у нас реально не было в руках инструментов власти, позволяющих навязать свою волю, например, Украине, или Прибалтике, или Грузии. Просто не было ни одной силовой структуры, ни одного боеспособного полка при всем их номинальном обилии. Они просто не выполнили бы приказа, что всегда бывает в условиях краха режима. Особенно в многонациональных империях. В результате нам для того, чтобы разморозить цены, хоть как-то запустить рынок, то есть избежать голода, нужно было то, к чему пришел Ленин в 1921 году. Нужен был НЭП — реальный механизм не изъятия из деревни ресурсов, а обмена, задействования рыночных механизмов. Ясно, что рыночные механизмы не могут работать, если у вас нет хоть какой-то валюты, пользующейся хоть каким-то доверием населения. Если же в стране с 1990 года сложилась ситуация, когда пятнадцать центральных банков союзных республик соревнуются в том, кто быстрее напечатает безлиличные рубли, вы не можете обеспечить товарооборот устойчивой валютой. Это нерешаемая задача. Вообще нерешаемая. С точки зрения экономической теории тут действительно лучшей реакцией, самой надежной было пустить себе пулю в лоб. Кстати, именно так мне говорили многие ведущие экономисты мира, когда потом я объяснял им особенности нашего положения осени 1991 года. Но только такой выход не решал ни одной проблемы. Именно катастрофичность ситуации вынуждала нас предпринимать меры, противоречившие всему, что говорит экономическая теория, но дававшие возможность отойти от края пропасти, перед которой стояла страна. Мы разморозили цены, потому что не могли их не разморозить, когда перед нами стояла реальность голодно-

го Питера и голодной Москвы, голодных Нижнего Новгорода и Екатеринбурга и многих других городов. Хотя в любом учебнике вы прочтете, что нельзя размораживать цены, если нет контроля над денежной массой. А контроль чисто технически можно было получить к июлю.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А зерна было до февраля.

Е. ГАЙДАР: Да, до февраля. Мы же реально устойчивые деньги могли получить в лучшем случае к июлю. Поэтому пришлось начинать с либерализации цен. Разморозили цены, делали все, что могли, чтобы как можно быстрее обеспечить контроль над денежным обращением. Такого в мировой истории никто никогда не делал. Конечно, очень многим людям было тяжело, но они сегодня не задумываются над тем, насколько тяжело им бы пришлось, если бы мы не решились на реформы. Да, мы получили огромную инфляцию в первые месяцы, но избежали голода, избежали гражданской войны, дожили до нового урожая. Да, признаю, с огромными издержками. Но все же я хотел бы напомнить, что развития событий по сценарию 1918 года удалось избежать.

Е. ЯСИН: Я здесь хочу ответить тем, кто говорит, что с началом либерализации цен мы получили высокую инфляцию. Спрашивают: нельзя ли было сделать так, чтобы этой инфляции не было? В том-то и дело, что если вы не контролируете денежную массу и все-таки разморозили цены для того, чтобы заработали механизмы спроса и предложения, то инфляция неизбежна. Вот она и выросла. Но за то время, пока она росла, уже были введены корреспондентские счета для национальных банков союзных республик. Затем был сделан следующий шаг: разделение рублевой зоны, но это смогли сделать только в августе 1993 года. Кроме того, думая о событиях 1992 года и всплеске инфляции я хотел бы кое-что напомнить. Сама инфляция лишь индикатор неблагополучия в экономике. В плановой экономике стабильность цен только камуфлировала реальное положение вещей. Да, казалось, цены не росли, все хорошо. Что тоже не совсем точно: время от времени проводилось плановое резкое повышение цен — и оптовых и розничных, — причем достаточно болезненное. Но быстро рос дефицит, охватывающий почти все группы товаров. А дефицит не что

иное, как скрытая инфляция. Цены были «стабильны», но товаров на прилавках не было. А снабженцам предприятий требовалось затратить много труда, прибегать к разным ухищрениям, чтобы их предприятия могли получить выделенные им официально сырье, оборудование и т.п. И в привычной для советских людей торговле из-под прилавка действовали другие цены. Даже для «своих». Поэтому всплеск инфляции 1992 года отразил переход скрытой инфляции – дефицита – в открытую, отразил процессы, длившиеся долгие годы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Егор Тимурович, хотелось бы также, чтобы вы ответили на вопрос, часто звучащий из уст наших сограждан. Правда ли, что наши реформы делались по иностранным лекалам? Хотя вы частично на него ответили, сказав, что вынуждены были идти наперекор экономической теории.

Е. ГАЙДАР: Конечно, мы просто не могли применять никакие иностранные лекала. Ведь у нас была совершенно уникальная ситуация, таких в мире не бывало, а потому ответов для нас в иностранных учебниках не было. Людям, которым никогда не приходилось сталкиваться с подобными ситуациями, какими бы они ни были квалифицированными специалистами, очень трудно в них разбираться. Мы, конечно, пытались советоваться с людьми, мнение которых уважали, с хорошими специалистами. Но ни один из них никогда бы всерьез не взялся за управление ситуацией, сложившейся в России осенью 1991 года. Они просто не жили в таких экономиках. Я также хотел бы, чтобы и наши критики, и наши сторонники учитывали еще одно. Когда в такой период тебе приходится войти в руководство страны, в какой-то момент ты понимаешь, что тебе придется нести ответственность за происходящее в ней. Одно дело – абстрактно рассуждать о чем-то по телевизору, другое – осознать, что ты, может быть, окажешься ответственным за то, как в реальности идут дела. И тогда у тебя происходит изменение сознания: ты начинаешь думать о том, что на самом деле надо доделывать в этой стране.

Е. ЯСИН: Я хочу напомнить историю. Еще в 1990 году мы с Егором Тимуровичем и практически всеми членами

его будущего правительства были на семинаре в городе Шопроне, в Венгрии. И там встречались со многими весьма видными специалистами из лучших университетов Соединенных Штатов, Британии, Японии и т.д. Можно было бы сказать, что там обсуждался некий план реформ, который на самом деле был не в единственном экземпляре, я знаком практически со всеми этими планами. И под конец между участниками семинара очень уж принципиальных различий не было. За исключением того, о чем только что говорил Егор Тимурович: о ситуации, когда невозможно контролировать денежную массу. Такую ситуацию даже трудно было себе представить. Но такие очень видные экономисты, как, например, Руди Дорнбуш или Билл Нордхаус, и ряд других очень видных ученых давали много полезных советов. Например, я честно говорю о себе, Егор, может быть, и знал, что есть такой эффект Оливера — Танзи: вы должны предусмотреть такое построение налоговой системы, чтобы она обеспечивала доходы бюджета при высокой инфляции, и расходы бюджета будут расти очень быстро. Но Яцек Ростовский меня просветил. И я сразу побежал и дал телеграмму в правительство об этом факте. Конечно, это выглядит смешно, но я тогда к тому же знал, что у нас вообще в 1990 году не было налоговой системы как таковой, потому что просто брали отчисления от прибыли. А прибыли, как я понимал, скоро бы не стало. Вот такая была ситуация.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но часто приходится слышать, что ваше правительство следовало указке Вашингтонского консенсуса. Что это такое?

Е. ГАЙДАР: Это набор представлений о том, какова должна быть разумная экономическая политика. На самом деле он в очень большой степени сводится, я бы сказал, к неким правилам хорошего тона и здравого смысла. Ну, не сморкайтесь себе в руку, если хотите, чтобы вас принимали в хорошем обществе. Желательно в приличное общество идти в чистой рубашке, а не в грязной. Просто это набор банальностей. Но от этого он не перестает быть правильным, его пока никто толком не опроверг опытно.

Е. ЯСИН: Я хотел бы уточнить, что обычно многие обвинения формулируются так, что мы якобы следовали ука-

заниям «вашингтонского обкома». И поэтому, собственно, получились такие плохие реформы. Про себя могу сказать, что я о Вашингтонском консенсусе узнал вообще через пять лет после начала реформ. Но представление о том, что надо было делать, у меня было примерно такое же, как у Егора Тимуровича. Важно еще одно обстоятельство. Как сказал Егор Тимурович, Вашингтонским консенсусом зафиксированы самые общие правила «хорошего экономического тона». Однако все страны, начинающие реформы, разные, а потому, помимо общих правил, в каждой стране нужно учитывать свои особые обстоятельства, искать свои способы решения сложных проблем. И при этом конкретная ситуация может диктовать те или иные варианты политики, не зафиксированные в Вашингтонском консенсусе. Егор Тимурович только что говорил об одной из проблем, с которой не сталкивались реформаторы в других странах. Для ее решения приходилось искать не существовавшие ранее ни в теории, ни в практике способы решения.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда позвольте задать вечный вопрос, связанный с представлениями о том, что вы просто обязаны были провести реформы менее болезненно для нас. Можно ли было менее болезненно?

Е. ГАЙДАР: Я понимаю, что для миллионов моих сограждан реформы были очень болезненны. Но у меня тут встречный вопрос: а что сделали для того, чтобы люди легче перенесли перемены, предшествующие советским правительства? Они как раз много думали, писали разные документы, но ничего не делали. А делать надо было срочно, еще когда в 1986 году рухнули цены на нефть. Уже тогда надо было честно сказать, что в стране, которая по платежному балансу, по импорту, по бюджету в колоссальной степени зависит от нефти, необходимо что-то начать делать. Мы же, по сути, закрыли на это глаза и стали думать о том, что кто-нибудь как-нибудь спасет. Вдруг цены на нефть начнут расти. Вдруг массу кредитов дадут. И додумались до той ситуации, которую я описывал в документах того времени. А уже тогда надо было и думать и делать одновременно. В режиме одного дня, желательно одного часа. Потому что, когда тебе рассказывают, что в крупнейших городах осталось хлеба на

два дня, а ты скажешь: «Да, хорошо, но я полгода подумаю, а потом разберемся», это вряд ли конструктивно.

Е. ЯСИН: Я должен сказать, что если бы те меры, которые были предприняты в начале 1992 года как пусковой комплекс рыночных реформ, осуществились несколькими годами раньше, то в итоге для людей многое прошло бы легче. Я не обвиняю ни Горбачева, ни кого-то другого, но, скажем, если бы в 1987 году были приняты другие решения, а не те, что только усугубили ситуацию, то картина могла бы быть другой. Но мы не были готовы к настоящим реформам. Более того, если бы вообще мы в свое время не остановили «косыгинские реформы», а плавно развивались бы, то ситуация была бы качественно иной. Мы могли бы шаг за шагом развиваться, как, например, Чехия, или Венгрия, или даже Польша. Тогда бы развитие пошло существенно иначе, даже с учетом того, что у нас экономика была гораздо более насыщена диспропорциями. Она как бы напрашивалась на особую тяжесть реформ. Ведь восточноевропейские страны не несли такой нагрузки с обороной, с производством вооружений и т.д. У нас же около половины ВВП занимала оборонка. И куда ее продукцию вы могли продать? Только отдать бесплатно, якобы в кредит Анголе, Мозамбику или еще кому-то. Когда же вы попали в ситуацию, в которой мы оказались в 1991 году, то встал вопрос, что делать с такими предприятиями. Их продукция в большинстве своем оказалась невостребованной, и государство не имело средств на ее покупку. А ведь там работали тысячи людей, у которых, кроме зарплаты, не было иных средств к существованию. Как спасти такие предприятия? Напоминаю, что в 1988 году оборонные заводы по поручению Николая Ивановича Рыжкова начали делать сковородки, кастрюли... Микроволновки оказались им не по зубам. Да тогда мы еще не знали, что это такое...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вот нас спрашивают: экономика и политика — одно суть продолжение другого. Это мы читали в детстве. Но тем не менее можно ли было отделить экономические реформы от реформ политических?

Е. ГАЙДАР: Вопрос можно интерпретировать в двух смыслах. Первое. Если вы прочтете массу политологиче-

ской литературы о поставторитарных переходах, то увидите одно и то же утверждение: ни в коем случае нельзя совмещать экономические и политические реформы. Их лучше разделять. Одни пишут, что лучше сначала проводить политические реформы, а потом экономические. Другие — наоборот. Все это прекрасно, интересно читать, особенно если учитывать, что социалистическая система предполагала жесточайшую интеграцию экономики и политики сверху донизу. И пусть плохо, но эта система работала. Потому что все знали, что председателей колхозов, которые не поставят зерно туда, куда они должны поставить, не потому, что они заинтересованы в этом, а потому, что им так приказали, снимут с работы, исключат из партии, а может быть, посадят. Но если такого рода связь существует, то отпадает, как чисто академический, вопрос, можно ли отделить экономические реформы от политических. У нас рухнула политическая система, а вместе с ней рухнула и связанная с ней экономическая система.

Е. ЯСИН: Я хотел бы добавить. С моей точки зрения, в принципе мы не могли проводить одновременно экономические и политические реформы. Что было возможно? Можно было бы постараться использовать демократическую волну для того, чтобы провести экономические реформы. Но эти реформы, как мы видели, не могли быть безболезненными. Они, к сожалению, начались тогда, когда по объективным причинам степень этой болезненности была уже гораздо выше даже той, с какой мы бы столкнулись, начнись они на год раньше. Я вспоминаю свой разговор с Егором Тимуровичем, который состоялся где-то в конце октября 1991 года. Я спрашивал о его намерениях, о том, что он собирается делать дальше. У нас тогда было много разногласий. Но то важное, что мне хотелось бы напомнить и сегодня, состоит в следующем. Он мне сказал тогда, что из той ситуации, в которой мы оказались, есть две предпосылки успешного выхода. Либо проводить реформы в условиях жесточайшей военной диктатуры, либо ее должен возглавить харизматический лидер, который способен повести за собой народ через все сложнейшие испытания. Нам, сказал тогда Егор Тимурович, исключительно повезло, что у нас есть Борис Николае-

вич Ельцин. Он в это время был в зените своей славы, своего авторитета, и самое важное, что он не побоялся ради спасения страны принести это все на алтарь реформ, на алтарь отечества. Он на самом деле пожертвовал своей харизмой во имя реформ, во имя будущего страны.

Реформы удалось провести. Каковы при этом были ошибки и просчеты — другой разговор. Сама ситуация была такой, что легче они не стали и не могли стать. Я думаю, что если что-то и можно было сделать лучше, то это касалось бы каких-то мелочей, не столь существенных, чтобы кардинально повлиять на ход событий. Это то, что ученые называют ошибкой в пределах погрешности. Не надо также предаваться иллюзиям относительно качества той демократии, которая сложилась в те годы. Совершенно очевидно, что это, по сути, была еще протодемократия, в значительной степени советская демократия. И Верховный Совет РСФСР — это, в общем-то, институт, продолживший советскую власть, причем на ее излете. Причем сейчас не вспоминают, а, возможно, стоило бы вспомнить, что и демократы 1990–1991 годов внесли свой вклад в те изменения Конституции РСФСР, которые дали Съезду народных депутатов и Верховному Совету право рассматривать и принимать решения по любому вопросу. Эти положения вносились в Конституцию РСФСР в период острой борьбы Съезда народных депутатов со всевластием КПСС. В тот период казалось, что, проведя такие поправки в Конституцию, демократы упрочили свои позиции в борьбе с партийной номенклатурой. Но когда начались реформы, положение изменилось. Тяготы реформ были налицо. И многие депутаты, либо поддавшись популистским настроениям, либо лоббируя интересы близких им отраслей или предприятий, либо ведомые личными амбициями, использовали сложившийся на предыдущем этапе перекося в разделении властей для борьбы с правительством реформаторов. К тому же ряд компетентных депутатов демократической ориентации перешли на работу в органы исполнительной власти.

Это еще больше ослабляло позиции реформаторского крыла внутри Верховного Совета. К чему все это привело в 1993 году, известно. Но надо помнить и о том, какая борь-

ба за реформы шла в течение всего 1992 года. Какой натиск приходилось выдерживать правительству. И если бы действительно не было воли у Ельцина противостоять этому давлению, то реформы не состоялись бы. Не только не удалось бы закрепить сделанное в 1992 году, но просто они бы откатились. Опять бы заморозили цены, а значит, ситуация вновь ухудшилась бы и все пришлось бы начинать сначала, но с гораздо большими трудностями, с гораздо худших исходных позиций. Это все быстро было забыто. Осталось клише: во всем виноват Гайдар. Ведь кто-то должен быть виноватым. И заключая эту часть разговора, я повторю: я искренне считаю, что экономические реформы в то время были важнее. Потому что если бы они не были проведены, то не были бы созданы условия для формирования той социальной структуры, которая в конце концов способна создать базу для нормальной демократической системы.

Е. ГАЙДАР: Разумеется, я убежден, что построение работающей демократии — важнейшая стратегическая задача нашей страны. Но, извините, в этой беседе я предпочел бы обсуждать более конкретные вещи. Конкретно Россия в конце 1991 года стояла на пороге крупномасштабной катастрофы. Это я готов доказать кому угодно с документами, фактами и статистикой на руках. Разница с 1917 годом была в том, что наша страна была напичкана ядерным оружием. И катастрофа у нас могла легко — я опять же это могу доказать с документами в руках — кончиться глобальной катастрофой. Человечество просто перестало бы существовать. Кстати, эта тема активно и на высоком уровне обсуждалась тогда в мире, как раз в эти 150 дней 1991 года, которые я и описываю. Она больше всего тогда волновала американскую элиту, европейскую элиту и, кстати, российскую элиту. Нам всего этого удалось избежать. Прецедентов подобного рода мировая история не знает. Может быть, кто-то, кто добьется подобного же результата, потом мне расскажет, что можно было действовать гораздо лучше, гораздо умнее, гораздо более тонкими методами. Когда такой человек появится, я с интересом с ним проведу беседу за чашкой чая на эту тему.

Е. ЯСИН: А теперь я продолжу немножко. Время было такое, что у правительства не было денег. И единственное,

что оно могло дать, это свободу. Люди, которые могут дать свободу, как раз либералы по убеждениям. Так они и действовали, в соответствии со своими убеждениями. И я вспоминаю одну небольшую историю, которая случилась в том же городе Шопроне еще в 1990 году. Мы сидели в кафе. Моя жена напротив Егора Тимуровича. И она его спросила: «Ну, хорошо, вот ты говоришь, что нужно провести либерализацию цен. Но ведь товаров нет. Если вы проведете либерализацию цен, то откуда они возьмутся?» Егор Тимурович ответил: «Дорогая Лидия Алексеевна, я не знаю, откуда они возьмутся. Но они возьмутся. Вот вы увидите». И это действительно произошло.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А откуда они взялись в итоге?

Е. ГАЙДАР: Как обычно в таких случаях. Откуда взялись товары при введении НЭПа? Вот ровно оттуда же. Как только ты перестаешь с грубым государственным орудием типа топора лезть в тонкий, затрагивающий миллионы хозяйственных субъектов организм, ты даешь ему жить и как-то функционировать. У человека нет предрасположенного инстинкта смерти. Он хочет выжить. Надо ему не мешать это делать, и он сам каким-то образом находит выход. И тот, кто до этого времени прятал нужный людям продукт, потому что его не устраивала утвержденная государством цена, предложил его на рынок по устраивающей его цене. А покупатель хотя и привык к другим ценам, но ничего не мог купить, признал справедливость требований продавца. А были случаи, когда запросы продавца оказывались завышенными. И тогда он либо снижал цену, либо разорвался, потому что у него ничего не покупали.

Е. ЯСИН: Я напомним, что в январе 1992 года был принят указ президента о свободе торговли. И на улицах Москвы появилась масса людей, которые с рук стали продавать кто что может. Тут были и те, кто днем покупал в магазине какие-то продукты, а вечером прямо у метро с небольшой наценкой перепродавал их тем, кто шел с работы и у кого не было времени дойти до магазина, и те, кто в годы дефицита или через знакомых продавцов, или на «распродажах» на предприятиях приобретали товары, им, по сути, не нужные, но дефицитные. Тогда появились и челноки, полу-

чившие возможность поехать за товаром, пользующимся спросом, за границу, а потом продать его тут. И это было одним из шагов по наполнению рынка товарами. Важно, что очень быстро была открыта экономика. Было разрешено вести внешнюю торговлю всем субъектам Российской Федерации. И частным лицам, и организациям и т.д. А это означало, что основные каналы притока товаров были открыты. Как люди ухитрялись, спросите у любого челнока, он вам расскажет о проблемах того времени.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Да, челноки в известной степени тоже спасли страну.

Е. ГАЙДАР: Кстати, это тоже не новое явление. Вспомните историю мешочничества во время Гражданской войны. Тогда реально половина снабжения Питера и Москвы шла по каналам мешочничества. То, что эти города полностью не вымерли от голода, в колоссальной степени заслуга мешочников, с которыми боролась власть. Их грабили, у них отнимали продукты. Но тем не менее с их помощью были накормлены крупные города.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А позвольте такой вопрос в финале нашей беседы. Мы начали с того, что многие обвинения в адрес реформаторов идут, скажем так, от непонимания ситуации. Оставим тех, кто не знают, не в курсе, не поняли. Но ведь и с самой высокой трибуны не раз звучало, что либералы-реформаторы оставили стану без штанов. Это от неведения или от желания понравиться большинству?

Е. ГАЙДАР: Ну, знаете, я могу, например, привести здесь документы, которые мне направлял мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак о катастрофическом положении с продовольственным снабжением города. О том, что продовольствия осталось на три дня и если я не разбронировать ему госрезервы или не дам немедленно валюту, которой у меня нет, то будет катастрофа. Я не думаю, что кто-нибудь из руководства Питера не знал этой ситуации или даже хотя бы не читал этой корреспонденции. Но политики есть политики. Есть правда, а есть соображения политической целесообразности.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А могли ли бы вы сегодня сказать, что все было сделано безупречно?

Е. ГАЙДАР: Разумеется, нет. Но я уже говорил, что мы должны были решать беспрецедентные в мировой практике задачи. Однако я признаю, что можно было бы лучше решить бесконечное количество технических проблем. Я бы, например, по-другому выстраивал систему регулирования внешней торговли начиная с 2 января 1992 года. По-другому бы решил вопрос с ценами на энергоносители — отпустил бы их сразу, 2 января 1992 года, а не послушал бы своих коллег, которые уговаривали меня подождать до конца отопительного сезона. Массу технических деталей можно было сделать иначе. Но принципиально это бы ничего не изменило.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Завершая, не могу не зачитать сообщение, которое мне очень понравилось: «Спасибо Егору Гайдару! За то, что он не страус!!!» Но одновременно идет очень много как бы альтернативных посланий о том, как надо было проводить реформы в 1992 году, таких как отсечь деньги союзных республик от денег России и т.п.

Е. ГАЙДАР: Замечательно, но хотелось бы знать, как вы это сделаете в течение двух дней. Вспоминаю, что тогда Сергей Михайлович Игнатьев занимался этим с огромным усердием и, по-моему, 24 часа в сутки. И у него на это ушло девять месяцев. Если кто-то расскажет ему, как это можно было сделать в течение одного дня, я бы с интересом почитал.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А вот вопрос провокационный: «Егор Тимурович, вы неоднократно говорили, что вахту сдали. Есть шанс, что вы вернетесь на вахту?»

Е. ГАЙДАР: Честно говоря, не хотелось бы. Я просто считаю, что каждое поколение должно решать свои задачи. Я думаю, мы сделали то, что должны были сделать. И дальше готовы помогать. Но если, не дай Бог, придется разруливать подобного рода кризисные ситуации, я бы предпочел, чтобы это делал кто-то помоложе.

Е. ЯСИН: А я бы просто напомнил, что при всех наших проблемах все-таки очередей у нас в магазинах нет. Рыночная экономика работает. Она, конечно, может работать намного лучше, это точно. Но не будем забывать, что она работает. Она работает благодаря сделанному в 1992 году.

5

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС 1990-Х ГОДОВ (Е. ЯСИН — О. КИСЕЛЕВ)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня к нам с Евгением Григорьевичем присоединился Олег Владимирович Киселев, один из первых предпринимателей, бывший председатель совета директоров инвестиционной группы «Ренессанс Капитал», бывший вице-президент РСПП, чтобы обсудить проблемы становления частного бизнеса в 1990-е годы. Не секрет: очень многие наши соотечественники убеждены, что российские бизнесмены — это хапуги, которые разворовали России и всегда думали только о личном обогащении, а отнюдь не о нуждах страны. Однако есть и другое мнение, которое я разделяю, что российский бизнес в непростых условиях 1990-х годов много полезного сделал для страны.

ОЛЕГ КИСЕЛЕВ: Конечно, нельзя не порадоваться тому, что мы ушли от эпохи полного единодушия и есть различия во мнениях. Среди них, конечно, присутствует и устойчивое суждение, что честно много заработать нельзя, что бизнес по определению нечестное дело и т.д. и т.п. И все же вновь и вновь стоит обрисовывать ситуацию, в которой оказались бизнесмены начала 1990-х годов. Ведь эти годы были очень тяжелыми для всех. Но большинству наших сограждан ближе и понятнее те тяготы и трудности, которые пережили они. А ведь это были трудные годы и для людей бизнеса. Представьте, насколько тяжело было в тех условиях налаживать производство, создавать предприятия в самых разных сферах экономики. Это было тяжелое время и в плане таких, например, вещей, как защита бизнеса от криминала, как выстраивание устойчивых отношений и с потребителями, и с поставщиками. Причем в условиях, когда доверие, а это важнейший момент деловой этики, упало до крайне низкого уровня. И тем не менее я могу сказать

о двух самых больших достижениях именно тех лет. Их мы получили в наследство от 1990-х годов. Это, во-первых, работающая рыночная экономика, благодаря которой мы спокойно можем купить то, что нам необходимо. И разнообразие доступных товаров достаточно велико. Разумеется, мне могут возразить, что эти товары не дешевые. Но для того, чтобы они стали подешевле, нужно и дальше работать, чтобы снижать издержки, в частности повышать производительность труда и т.д. То есть рыночную экономику мы построили, но она недостаточно эффективна. А второе достижение 1990-х годов — создание класса предпринимателей.

Я предлагаю людям задуматься. Если мы имеем плановую экономику, то какая там главная фигура? Десятилетиями нам внушали, что это рабочий человек, гегемон и т.п. Но это была притча, миф для большинства. На самом деле под прикрытием этого мифа правили чиновники. Ведь производство — сложнейший организм. И управление этим организмом осуществлялось через административную, партийную, советскую иерархию. А ее и представляли чиновники, которые в соответствии со своим местом в этой иерархии принимали решения — так, как они могли. Они стремились перепасовать ответственность наверх, а себе оставлять полномочия. Причем это было заранее известно. Потом исследовано, во многих теоретических работах показано, что у чиновника, особенно когда над ним слабый контроль, появляются определенные склонности и к коррупции, и к произволу, и ко многим другим вещам. И если ослабляется жесткая власть, например основанная на репрессиях и т.д., то начинается торг теми возможностями, которые у них есть. Собственно, это знали не только специалисты, ученые, но и рядовые наши сограждане. Ведь как раз в народе появилась поговорка: «Ты мне — я тебе». В такой среде действовали советские чиновники, от домоуправа до министра, и при этом они не несли никакой ответственности. Собственно, советская экономика в конце концов погибла даже не от того, что упали цены на нефть, а от того, что все больше и больше чиновники торговали между собой. Есть даже теоретические работы, которые характеризуют советскую экономику как экономику «бюро-

кратического торга», которая выросла внутри иерархии вертикали власти.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Эту идею «бюрократического торга» как некоего заменителя рынка внутри плановой экономики еще в 1980-е годы предложили Виталий Найшуль и Симон Кордонский.

О. КИСЕЛЕВ: Господствовавшей у нас модели организации экономики противостоит другая, рыночная, экономика, в которой есть свободные экономические агенты. То есть те люди, которые продают, покупают, производят и т.д. Причем делают это на свой страх и риск. Плохо просчитал свои ресурсы и риски при возможности сделки – можешь разориться, ведь ты сам отвечаешь за принятое тобой решение. Однако, несмотря на все трудности, эти люди тем не менее действуют, договариваются, находят какие-то общие решения, стараются минимизировать риски и т.д., все-таки они это делают. Да, делают из корыстных интересов. Я это признаю и подчеркиваю. Но в результате вся экономика страны начинает нормально дышать. И другие люди, не обладающие предпринимательскими талантами, благодаря этой активности получают возможность заработка на созданных предпринимателями рабочих местах.

Е. ЯСИН: То есть мы признаем, что рыночная экономика – это не просто стимулы, активность, сплошное благо, как писалось в некоторых книжках; впрочем, как не была таким иллюзорным царством гармонии и плановая экономика, о чем мы уже говорили. В жизни все было совершенно по-другому – гораздо жестче. Здесь действуют корыстные интересы. Но все же нельзя не видеть главное. Благодаря тому, что у рынка есть свои законы, в том числе законы конкуренции, благодаря тому, что предприниматель, задумывая запустить какое-то производство или создать сеть услуг, исследует потребности общества в том продукте, который собирается ему предложить, ориентируется на платежеспособный спрос на этот продукт и т.д., в конце концов получается, что, при всей своей корысти, он действует на общее благо. И в 1990-е годы мы такую рыночную экономику создали. В ней главным героем был как раз тот человек, который берет игру на себя, который берет ответ-

ственность за принятие рыночных решений. Он является частным собственником или менеджером, и все риски, так же как и эффекты, в значительной степени он берет на себя. Благодаря такому изменению мотивов в нашей стране как раз на рубеже 1980–90-х годов появляется очень важная фигура, которую теоретически очень хорошо знали все советские граждане, но справедливо говорили, что ее у нас нет. Эта фигура — хозяин. Собственно, когда появляется предприниматель — появляется и хозяин, появляется фирма, появляется жесткий экономический интерес и жесткое принуждение к тому, чтобы работать самому и работать так, чтобы учитывать интересы других. Ведь предприниматель сам отвечает за свои успехи или провал своих решений: найдет он покупателя на свою продукцию или нет. А в последнем случае его ждет разорение. Но все, о чем я говорю, достаточно абстрактная схема. В реальной жизни все гораздо сложнее. И предприниматель сталкивается не только с конкуренцией себе подобных, но и с массой других структур, и бюрократических и силовых. Тут огромная проблема. В этих взаимодействиях в конце концов и вырабатываются какие-то правила игры, а для этого требуется время, прохождение каких-то этапов развития, становления рынка. Я лично, когда мы начинали реформы, очень боялся, что российский гражданин отвык от всего этого и хозяйство не сможет получить достаточного количества предпринимателей. Они же должны были как-то проявиться, выйти из совсем других сфер — кто-то из производства, кто-то из науки, а кто-то просто со школьной скамьи. Однако потом я убедился, что все нормально, а Олег Владимирович одним из первых появился на арене.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Как хозяин.

Е. ЯСИН: Да, хозяин, предприниматель, и я хотел бы задать вопрос: с чего вы начинали, как вам пришла в голову идея быть предпринимателем, пойти на риск? Ведь вы же были научным работником, занимали видное положение и вдруг так резко изменили свою жизнь.

О. КИСЕЛЕВ: Прежде чем ответить на этот вопрос, я бы хотел все-таки вернуться к тому, о чем вы говорили, о чем, по сути, и Нателла говорила, — это проблема чест-

ности бизнеса. Нечестно делаются деньги или честно. Этот вопрос передо мной все время стоит. Его мне не раз задавали. Честность — это параметр нарушения или нена нарушения существующих законов. То есть в данном случае я подразумеваю юридическую основу деятельности, а также соответствие или несоответствие ее этике общества. Я очень легко отвечу на вопрос, честно или нечестно были заработаны деньги теми моими коллегами, которые, извините, не сидят в тюрьме. Их деньги были заработаны честно. Честно с точки зрения нена нарушения существующих законов. Да, в законах искались слабые места, в них искались лазейки, позволяющие, например, минимизировать уплату налогов. С этой точки зрения у меня претензий ни к самому себе, ни к моим коллегам нет. А вот что касается вопроса, соответствовала ли эта предпринимательская деятельность этике общества, в котором мы живем... Тут стоит о многом подумать. Причем этический аспект многогранен, на него наслаиваются и религиозные традиции, и национальные традиции, и исторические традиции. И вот, думая о практике ведения бизнеса в 1990-е годы, я не могу уйти от большого вопроса. И, может быть, вопроса даже не столько к предпринимателям, сколько ко всему обществу. Ведь не секрет, что сама среда, в которую погружен предприниматель, нередко вынуждает его делать неблагоприятные поступки, например «решать вопросы» с чиновниками разного уровня. На словах все это осуждается, но фактически принимается обществом. А способствует ли наше общество тому, чтобы развивалось предпринимательство? Не сдерживают ли наше развитие какие-то этические нормы общества, укоренившиеся в нем? Этот вопрос, по-моему, гораздо более интересный, многоуровневый. И если мы сосредоточимся на нем, то у нас просто не останется времени на обсуждение других тем.

Теперь о том, почему я пришел в бизнес. Вообще, шаг был достаточно сложный. И, в общем-то, ответственный. Я был достаточно взрослым человеком, должен был обеспечивать семью. У меня была хорошая зарплата. Но все же я решил изменить свою жизнь. Во-первых, без сомнения, я хотел жить лучше, материально лучше. А во-вторых,

было скучно. И когда вышел закон о кооперативах, вдруг передо мной открылась абсолютно неизведанная область, абсолютно непонятная. Но в то же время это была какая-то отдушина. Потому что вся жизнь человека моего поколения и моего положения была детерминирована. Я знал весь путь, все ступени...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Зарплата сто двадцать рублей, защита кандидатской диссертации, потом докторской, зарплата триста сорок рублей или даже пятьсот...

О. КИСЕЛЕВ: Совершенно точно. Кроме того, был возможен выезд за границу, чтобы преподавать или заниматься научной работой, заработать немножко где-нибудь в Алжире или в Югославии. Вернуться и купить кооперативную квартиру, машину, получить максимум профессора, а может быть, даже члена-корреспондента. Академиком стать было сложнее, потому что надо было, видимо, войти в академическую семью.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А у академиков свои дети...

О. КИСЕЛЕВ: Все это скучно, неинтересно. Я был уже зрелым, но достаточно молодым человеком, и мне было просто интересно попробовать. Время было такое: предчувствие перемен. И тот, кто был, возможно, чуть более авантюрен — а я не отрицаю, что, наверное, это была в большой степени авантюра, — был готов к риску. Я сам был готов к риску. Даже некоторые коллеги, которые меня окружали в академической среде, узнав о том, что я перехожу в кооператив, который с моими друзьями создал, просто переставали со мною здороваться, не протягивали руку. Такое было отношение к бизнесу в обществе. Это был тяжелый шаг, но я о нем совершенно не жалею. В результате реализовались те два желания, о которых я говорил: желание жить лучше с материальной точки зрения и желание жить интереснее. Вот, пожалуй, два таких основополагающих момента, которые меня заставили принять это решение.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Олег Владимирович, ну вот прошел год с того момента, как вы приняли это решение. Каковы были самые первые впечатления?

О. КИСЕЛЕВ: Фантастические. Фантастически интересные, потому что спустя год мне и моим друзьям казалось,

что мы можем все. Потому что как раз вокруг этих наших зон свободной деятельности мы почувствовали то, что классики марксизма называли свободный труд свободно собравшихся людей. И это были удивительно талантливые, предприимчивые люди. Сложилась такая ситуация, когда, с одной стороны, мы продолжали вариться в своей научной среде, потому что первый наш проект был связан как раз с продолжением нашей научной деятельности. Но, с другой стороны, это было строительство нового, совершенно уникального предприятия. К нам потянулись потрясающе талантливые, интересные люди, которые не могли реализовать себя в привычной для советского человека среде, в этой совершенно удушливой атмосфере.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но тут злопыхатели вам выскажут, что вы все были выучены советской властью, работали в советских академических институтах, а результаты своей умственной деятельности решили продавать для того, чтобы набить собственные карманы.

О. КИСЕЛЕВ: Нет. Это и так, и не так. Люди, пришедшие к нам, конечно, не бессребреники, но основной мотив, которым они руководствовались в те достаточно романтические времена, все-таки был следующий — реализоваться. Вся проблема заключалась в том, что закостеневшая в советский период достаточно затхлая, замкнутая атмосфера не давала возможности массе людей реализовать свои идеи. А появление этих зародышей свободного труда и свободного предпринимательства, свободы, не ограниченной сметами, фондами, лимитами и т.д. и т.д., стимулировало людей к тому, чтобы реализоваться. Конечно, вновь признаю, что мы, без сомнения, были не бессребреники. Но, во-первых, мы, выросшие в советских условиях, не очень хорошо представляли ценность денег. Во-вторых, вспомните конец 1980-х годов и потребительские возможности даже для успешного по тем временам человека. Что считалось тогда потолком с точки зрения потребителя? Хорошо, купил машину, кооперативную квартиру, построил домик на выделенных шести сотках, приобрел кожаную куртку. Мы могли больше, но был же потолок. Вот и все. Понятно, что ни яхт, ни самолетов, ни замков, ни вилл просто не существовало

на поляне. Поэтому говорить о том, что у нас был особый меркантильный интерес, абсолютно неправильно. Я не снимаю с повестки дня ценность денег. Я предприниматель, и мерилом труда для меня является, как и для моих коллег, все-таки прибыль. Это нормально. Но сейчас мне хотелось бы подчеркнуть, что в то романтическое время, которое можно было бы назвать детством нашего российского предпринимательства, все-таки главным моментом была самореализация.

Е. ЯСИН: Но я хотел бы немного изменить ракурс нашей беседы. Все-таки как вы заработали свои первые деньги? Как это происходило? Вы уже сказали, что действовали честно, хотя это понятие сложное, имеющее множество толкований, часто зависящих просто от системы взглядов того, кто выносит данное суждение. Возможно, именно поэтому большинство наших сограждан уверены, что предприниматель по определению не может заработать честно. Он должен воровать.

О. КИСЕЛЕВ: Мы получили свои первые деньги в качестве аванса за ту работу, которую должны были выполнить. И мы ее в конечном счете выполнили. Но если бы мы занимались только этой деятельностью и не пытались обратить внимание на то, какие процессы происходят в стране и что на самом деле выгодно, а что невыгодно, то, наверное, мы так и не смогли бы заработать серьезные деньги и создать достаточно серьезные корпорации. Все дело в том, что обстоятельства складывались таким образом, что, получив этот аванс, мы могли пускать полученные деньги в оборот. И мы, конечно, это делали. Естественно, процесс строительства идет определенное время. И в этот период мы вдруг выяснили, что нам выгодно закупать, например, компьютеры и продавать их без ущерба для нашего основного строительства. И нам удавалось несколько раз оборачивать эти деньги. А затем в стране начались уже более серьезные реформы, процессы, которые вы, Евгений Григорьевич, прекрасно знаете. Потому что вы сначала стояли рядом, а потом уже и возглавляли эти процессы как министр экономики. Что бы я тут отметил? Во-первых, конечно, либерализацию внешнеэкономической деятельности, гайдаров-

скую либерализацию. Потому что горбачевская либерализация в Советском Союзе была все же частичная. Если вы помните, можно было продавать сырье и отходы, но нельзя было вывозить сырье и продукцию. Либерализация внешнеэкономической деятельности при галопирующей инфляции, согласитесь, это золотое дно. И не воспользоваться этим было бы просто неправильно. И мы этим, конечно, воспользовались. Затем открылись такие сферы, как либерализация банковской деятельности. На смену неповоротливым стройбанкам, жилсоцбанкам пришли расторопные коммерческие банки. Мы просто их организовывали. И смогли собрать к моменту начала приватизации достаточно серьезный финансовый кулак. Рассказывая все это, я хочу подчеркнуть, что ни с миллиона, ни даже с каких-то иных фиксированных сумм начинается предпринимательство. Предпринимательство – это процесс. То есть мы на каждом этапе зарабатывали, исходя из той конъюнктуры, которая существовала, пока не начали профессиональную деятельность в определенных областях, но это уже другая история. Это уже история не детства, даже не юности, а зрелости предпринимательства.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все же, Олег Владимирович, мне хотелось бы прояснить ряд вопросов, часто задаваемых в самых разных аудиториях. Их смысл сводится к следующему. В 1990-е годы принимались и действовали законы с налоговыми лазейками. Эти законы лоббировались крупным бизнесом. По сути, из всего этого вытекает более широкое обвинение в том, что бизнес покушал власть.

О. КИСЕЛЕВ: Чтобы ответить на этот вопрос, давайте все-таки разделим 1990-е годы на их начало, середину и конец. В начале 1990-х годов правительство Гайдара сложно было лоббировать. Поверьте мне, работавшему в это время, его сложно было коррумпировать. Его можно было убеждать или не убеждать. У Гайдара была ясная, четкая либеральная модель, а степень коррупционности гайдаровского правительства... я не берусь говорить обо всех, но о ближайших его соратниках, таких как Чубайс, Васильев, было известно, что результат тут будет равен нулю или даже отрицателен. А поэтому говорить о том, что бизнесмены коррумпировали пра-

вительство Гайдара, бессмысленно. Его невозможно было коррумпировать. Влиять на налоговое законодательство правительства начала 1990-х годов было невозможно. Затем, в середине 1990-х годов, бессмысленно и никчемно было заниматься этой процедурой, потому что мы все были поглощены другим: приватизационными процессами. И лоббировать налоговое законодательство, искать, придумывать в нем какие-то лакуны, чтобы заработать деньги, было и хлопотно, и так же бессмысленно. Потому что была другая совершенно поляна, на которую мы выходили...

Е. ЯСИН: Я бы еще к этому добавил. В заданном вопросе прозвучало, что всем этим занимался крупный бизнес. Он покупал законодателей, правительственных чиновников высокого ранга. Но дело в том, что на начальном этапе, то есть до середины 1990-х годов, никакого крупного бизнеса еще не было.

О. КИСЕЛЕВ: По-другому мне видится ситуация со времени начала залоговых аукционов и возникновения крупных корпораций. Тогда, возможно, было даже не столько налоговое лоббирование, сколько игры во всякие льготы, преференции. Но вспомним и то, что пришедший вторично к власти Чубайс, а вместе с ним и Немцов стали самыми жесткими борцами с такого рода политикой. Причем не сразу, а когда они, опираясь на соответствующие политические полномочия президента, стали жестким образом давить все налоговые и прочие льготы. Вы, возможно, помните эти спортивные истории, когда спортивным организаторам, ходатайствующим о получении денег на развитие тех или иных видов спорта, давали право ввоза в страну наиболее ходового товара, не облагая его НДС. Какая часть из вырученных денег пошла спортсменам, покрыто мраком. Но все мы помним покушения, часто со смертельным исходом, на тех, кто этим занимался.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я помню, что такого же рода льготы тогда получала и РПЦ.

О. КИСЕЛЕВ: Да, тогда начались вот эти неприятные вещи. Были квоты на табачные изделия, на экспорт и импорт... Сложилась система квотирования и продажи квот на стратегические материалы. Это всевозможные импорт-

ные квоты, например на табачные изделия, которые породили огромный коррупционный пирог. С ним, конечно, боролись, но и соблазн кое у кого был велик, даже знаю кое-кого, кто этим занимался. Но сам я в этой истории не участвовал. А уже в период зрелого российского бизнеса, после дефолта 1998 года, когда мы занялись серьезной реструктуризацией компаний, начался новый этап, с которого можно говорить о зрелости российского бизнеса. И одним из признаков нового этапа стало то, что мы объединились в Российский союз промышленников и предпринимателей, РСПП. Кстати, представляя меня, вы сказали, что я бывший вице-президент. Но я продолжаю оставаться вице-президентом и членом бюро РСПП. За что благодарен своим коллегам, которые, несмотря на мое некоторое небольшое отсутствие, сохранили меня в своих рядах.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Да, извините, это моя ошибка.

О. КИСЕЛЕВ: Ничего, ничего, это нормально. С созданием РСПП мы получили возможность не для себя лично, но в интересах всего российского бизнеса совершенно организовано и публично лоббировать некоторые налоговые законы. Но в чем заключался лоббизм? Мы не просили просто понизить налоги, а предлагали изменить систему налогового администрирования. Потому что, например, администрирование НДС до сих пор крайне сложное, но неэффективное. И мы вступили в диалог с правительством, с властями, чтобы в этой сфере стало больше логики, больше системности и понимания. Так, чтобы не было возможностей злоупотребления ни со стороны бизнеса, ни со стороны власти.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Олег Владимирович, почему же все-таки многие наши соотечественники до сих пор уверены, что каждый рубль, или доллар, или евро, который заработали российские бизнесмены, был украден из их личного кармана?

О. КИСЕЛЕВ: Понимаете, к успешным людям в разных обществах относятся по-разному, но в целом не очень хорошо. Здесь надо вспомнить не только стереотипы советской пропаганды, которые крепко засели во многих головах, но и в целом социокультурные особенности нашей страны, где, к сожалению, богатство и успех почему-то начиная со

времен образования Руси принято трактовать как результат какого-то лукавства. Не честной деятельности, не таланта, не трудолюбия, а именно лукавства. Вспомните русские сказки. Там богатый всегда хитрый, лукавый, а бедный — хороший и добрый. И если говорить о религии — я отношусь к религиозным людям с уважением, хотя сам агностик, — то, к сожалению, нельзя не видеть, что некоторые религиозные догмы входят в противоречие, например, с потребностями сегодняшней рыночной экономики. В результате у людей в голове каша. С одной стороны, неприязнь к успешному и богатому соседу, с другой — жгучее желание самому быть успешным. А ведь это желание естественно. Однако, мне кажется, надо просто здраво посмотреть на ситуацию. Я никоим образом не отношусь к сторонникам социалиста Прудона, который говорил, что собственность — это кража. Разумеется, это не так, и мы знаем много примеров и в российской, и в западной действительности, когда как раз талант, трудолюбие делали огромные капиталы.

Е. ЯСИН: Я хочу дополнить эту тему. То, о чем говорит Олег Владимирович, имеет свое теоретическое и историческое обоснование. Зависть к богатым или плохое отношение к предпринимательству, торговле существуют не только в России. Я напому, что согласно конфуцианской этике торговля находится в самом низу общественных предпочтений. Это неуважаемая деятельность. На этом основании Макс Вебер позже говорил, что в Китае никогда не будет успешной экономики, потому что у них конфуцианский подход, как бы с вычеркиванием из активной хозяйственной деятельности самого деятельного слоя страны. Но на самом деле такой подход в свое время диктовался особенностями аграрной экономики. То же, скажем, было и в феодальной Европе, где люди, которые занимались бизнесом, торговлей и т.д., находились на низких этажах общественной иерархии, они как бы были презируемы. Ситуация изменилась только тогда, когда торговля стала развиваться в Древней Греции и в Древнем Риме — это была как бы такая историческая мутация, которая потом дала европейскую цивилизацию. И именно как о мутации, возникшей в древности в противовес господствовавшей в странах

Древнего Востока системе власти-собственности, писал об этом известный востоковед Леонид Сергеевич Васильев. Но это было распространено в любом типе аграрной экономики. И только время, развитие помогают такое состояние преодолеть. Здесь уместно упомянуть о двух крайне полезных книгах. Во-первых, о работе Авенера Грейфа «Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли», демонстрирующей процесс формирования рыночных институтов в Италии на заре становления капитализма. А во-вторых, о книге американского профессора Лоуренса Харрисона «Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма», где уже на современном материале показан путь становления современной капиталистической институциональной системы в совсем не похожих друг на друга культурных средах. Обе эти книги переведены на русский язык.

А говоря о российской ситуации, надо просто констатировать: мы достаточно консервативное, архаичное общество, которое из-за затянувшегося крепостного права, отмененного не так давно, и специфики советской власти, которая его продолжила, осталось, по сути, полуфеодальным обществом, в котором эти предрассудки живы. Это как раз те представления, те нормы, которые мы должны изживать. Иначе успешной экономики мы не построим и богато жить не будем. И здесь речь должна идти не только о власти предрержащих, но и обо всем обществе; причем, говоря о богатстве, я имею в виду не только его верхушку, но и наиболее бедствующих сегодня, хотя понятно, что уровни доходов этих групп будут различны.

А вот о том, что касается воровства и прочих вещей, я с той периодизацией, о которой говорил Олег Владимирович, не вполне согласен. Я согласен с тем, что первые попытки были абсолютно честными. Те, кто пошел на риск, могли зарабатывать честно. Но потом, когда появились какие-то деньги и т.д., действительно наступил период дикого капитализма. Я напому вам, сколько было убийств. Какую роль играли бандиты, которые стремились получить свою долю. Даже среди них складывалась своя дифференциация: были старые бандиты и новые бандиты. За своей «долей» пошли

и «правоохранители». Все они ворвались на строящийся рынок со своей моралью. Я имею в виду и выходцев из спортивных, и некоторых афганцев. Я все это видел...

Но важнее вопрос, который меня очень беспокоит, и, думаю, не только меня. Вот этот дикий капитализм, этот период хаоса был неизбежен? Или можно было его избежать, чтобы все так и остались честными, чтобы никаких проблем не возникало и мы сразу вошли в некий рыночный рай? Я предполагаю, что в то время мы попали в некую очень интересную историческую вилку. С одной стороны, мы расставались с советским временем, где раб не хочет быть свободным человеком, а хочет быть господином.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Скорее — надсмотрщиком.

Е. ЯСИН: Существуют такие отношения, которые не меняются сразу. Рыночного агента, приученного к честной торговле, к честному бизнесу, вы сразу не получаете. Но это одна сторона, а с другой стороны, вы знаете, что потом появится рыночная экономика, и если люди не придерживаются определенных правил, не соблюдают контрактов и не слушаются законов, которые разработало и приняло государство, то она не может работать. Просто для того, чтобы эта рыночная экономика созрела, чтобы она могла эффективно работать, нужно какое-то время, чтобы преодолеть в себе старые привычки, неприемлемые в новых условиях. И самое тяжелое в 1990-е годы было то, что мы оказались как раз в этой вилке. Между ситуацией, когда только зарождалось предпринимательство, и временем, когда уже все отлажено. Я думаю, что до сих пор мы в этом отношении еще далеко не все отладили.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А теперь, Евгений Григорьевич, я бы попросила вас перейти к теме отношения населения к отечественному бизнесу и бизнесменам.

Е. ЯСИН: Как известно, в свое время «Левада-центр» — тогда еще руководимый Юрием Александровичем Левадой ВЦИОМ — начал систематические исследования общественного мнения по программе, получившей затем название «Советский человек». Именно Юрий Александрович Левада задумал этот проект и был его лидером. Затем этот проект продолжили его ученики. Всего в его рамках постоянно

задавался вопрос: как вы считаете, целесообразно ли у нас вводить частную собственность? Скажем, в какой собственности должен находиться крупный бизнес, средний бизнес, мелкий бизнес, ваши квартиры, целесообразно ли это делать. Постоянно социологи получали ответы, что у населения в сознании существует некая жесткая установка. Большинство отвечало, что крупный бизнес — это обязательно государство, средний бизнес — в зависимости от обстоятельств, а мелкий бизнес может быть частным. А квартира, само собой, должна находиться в частной собственности ее владельца.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть что-то у человека должно быть свое.

Е. ЯСИН: Да, в отношении квартир так обычно отвечали 95 или 99%. Но установка, что крупный бизнес — государственный, все годы исследований оставалась неизменной. Причем отмечу, что на подобные вопросы, задаваемые даже в развитых капиталистических странах, звучат примерно те же ответы. И что вы думаете по этому поводу, Олег Владимирович?

О. КИСЕЛЕВ: Евгений Григорьевич, я тут остаюсь, к счастью или к сожалению, убежденным либералом. Я не считаю, что государство — эффективный собственник, какого бы размера ни было предприятие. Более того, сужу об этом по собственному опыту и наблюдениям: сталкиваясь со всей этой бюрократической, государственной машиной, я вижу, как она тяжело решает даже специфические, необходимые вопросы, которые призвано решать только государство. Без сомнения, частное предпринимательство гораздо эффективнее, чем государственный бизнес. В какой пропорции должны находиться собственность и бизнес в частных руках и у государства — это дело общества и его состояния, его развития. Вчера это была одна пропорция, сегодня другая. Я не могу полностью согласиться с некоторыми процессами, которые сейчас в России происходят. И кстати, как Путин, так и Медведев не раз говорили, что все эти государственные компании будут акционироваться. Что их образование — временно. Оно необходимо для консолидации каких-то ресурсов, для решения каких-то проблем.

Однако опасаясь, что из этого «временного» состояния нам будет очень трудно выходить. Мы помним прекрасно, в каком состоянии находилась экономика Британии, когда ее получила Маргарет Тэтчер. Какие болезненные начались процессы, как сложно проходила приватизация. Все это не дань моде и не придумка взбалмошной женщины, а объективная, закономерная, политически оправданная мера для повышения эффективности экономики Британии. И мы видим результат. Сегодня Великобритания — одна из процветающих европейских экономик. Мы видим, что ныне и во Франции, которая демонстрировала последние годы достаточно косную экономическую политику, начинаются процессы приватизации. Они пытаются всколыхнуть это французское болото, в котором скопилось огромное количество неэффективных корпораций. Все это отражает тенденцию в обществе. Вновь подчеркну: я остаюсь сторонником того, что частное предпринимательство предпочтительно в рамках существующих законов, которые обязательно не забывают при этом о социальной стороне жизни. Должны быть обеспечены люди, которые не могут себя прокормить, дети, пенсионеры, больные, инвалиды и т.д. и т.п. А через правильную бюджетную и налоговую политику частное предпринимательство их содержит. Это наиболее эффективный путь развития. Пока никто меня в этом не переубеждал. А вы, как мой учитель, меня только всегда в таких убеждениях поддерживали, насколько я помню.

Е. ЯСИН: А я хочу напомнить людям, уверенным, что крупное производство должно быть в руках государства, что оно в этих руках действительно было при советской власти. Да, и там были положительные примеры, которыми всегда ограничиваются при соответствующих дискуссиях. Но работавший в этих условиях хозяйственник отличался тем, что добивался успеха ценой расходования просто сумасшедших ресурсов. Таковы были условия. То есть хозяйственник считался тем лучше, чем он больше выбивал ресурсов, и это был как бы его естественный стимул. Но сейчас во всех странах с рыночной экономикой большинство крупных компаний являются публичными. То есть у них много акционеров, а это требует абсолютной прозрачности. И это создает опреде-

ленные взаимоотношения между акционерами, а стало быть, между собственниками и менеджерами. Правда, сейчас опять пошел ренессанс так называемых семейных компаний. Их доля тоже сейчас возросла во всех странах. Думаю, и в России этот институт получит соответствующее представительство. Но пока у нас было так, что во время приватизации — об этом мы будем говорить позже — большинство предприятий приватизировалось как открытые акционерные общества. На самом деле тут скрывается некое лукавство, потому что на самом деле они становились такими семейными компаниями с явными лидерами, которые контролировали большинство акций. Но сейчас это время проходит. И мы видим, что все больше и больше компаний выходит на IPO, выступает на российских биржах, на лондонской, нью-йоркской и т.д. Это нормальный процесс. И это процесс развития институтов частной собственности. Если мы пойдем по этому пути, то у нас сложится эффективная организация, доступная контролю общества.

Заключая разговор об истории развития российского бизнеса в 1990-е годы, хотел бы еще раз подчеркнуть, что это именно российский бизнес, перенесший все трудности, особенно после злосчастного дефолта 1998 года, позволил нам быстро выбраться из того кризиса. Он шаг за шагом организовывал производство, поднимал его, искал, куда лучше вкладывать деньги. Мы, например, теперь стали крупными экспортерами зерна. А в самые благоприятные годы советской власти мы его импортировали в огромных количествах. Теперь это выгодный бизнес. Евгения Серова, замечательный специалист в области экономики сельского хозяйства, мне говорила когда-то, что в России нет проблемы сельского хозяйства, а есть проблема сельского населения. Те, кто заняты, те, кто имеют возможность приложить свои руки к делу, уже достаточно неплохо живут. Но проблема сельского населения, которое не может найти себе там достаточного количества рабочих мест, существует. И влечет за собой массу других, уже социальных, проблем. Поэтому я еще раз хочу поблагодарить Олега Владимировича и за то, что он высказал здесь свои мысли, и, главное, за его каждодневную работу по созданию новой экономики нашей страны.

УСПЕХИ БИЗНЕСА В 1990-Е ГОДЫ (Е. Ясин — Д. Зимин)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Нам еще раз хотелось бы обсудить те проблемы, с которыми сталкивался русский бизнес и крупные компании в 1990-х годах. Для этого мы пригласили Дмитрия Борисовича Зимина — основателя и почетного президента компании «Вымпелком», профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», президента фонда «Династия», крупнейшего частного некоммерческого фонда, цель которого — поддержка научных исследований, в первую очередь молодых ученых, популяризация научных знаний¹.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Я хотел продолжить эту крайне важную для понимания процессов, разворачивавшихся в 1990-х годах, тему. Для меня принципиально важно, чтобы люди познакомились с достойными представителями русского бизнеса. Мы уже беседовали с Олегом Киселевым. Дмитрий Борисович Зимин широко известен и пользуется огромным уважением и в бизнесе, и в научных кругах. Причем я хотел бы особо подчеркнуть, что он еще и представитель крупного бизнеса, который был начат с чистого листа, что называется с нуля. И теперь основанная им компания по своей капитализации существенно превышает миллиард долларов.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Дмитрий Борисович, непосредственно для вас мы получили такое письмо: «Уважаемый Дмитрий Борисович, в 1990-е годы с нуля были созданы такие огромные компании, как “Вымпелком”, тогда они обеспечили достойную жизнь сотням тысяч, а сейчас миллионам людей. Спасибо Вам и всем тем, кто не испугался начать

¹ В мае 2015 года под надуманным предлогом фонд «Династия» был объявлен «иностранным агентом». Д.Б. Зимин, оскорбленный таким решением властей, заявил о прекращении существования фонда. В июле 2015 года фонд был закрыт.

тогда свой бизнес. Многие из тех, кто пошел с Вами, потом создали свои большие и малые бизнесы».

ДМИТРИЙ ЗИМИН: Ой, как приятно слышать. Спасибо большое.

Е. ЯСИН: Однако, к сожалению, большинство российского населения утвердилось во мнении, что крупные компании должны быть государственными и что вообще частные крупные компании — это паразиты, они не работают на пользу отечества и т.д. Вот почему мне представляется очень важной наша беседа. Напомню, что Виталий Леонидович Тамбовцев, с которым мы обсуждали проблемы приватизации, говорил, что во время социологического опроса на вопрос, сформулированный так: «Можно ли поручать управление крупными компаниями государству?», положительно отвечали 37%. А когда спросили: «Можно ли доверять управление крупной компанией чиновникам?», то получили только 21% положительных ответов. Понятно, что альтернативой крупным чиновникам являются только крупные бизнесмены.

Без крупных компаний не бывает крупной экономики. Потому что только такие компании могут решать серьезные задачи. В мировом масштабе транснациональные корпорации обеспечивают сегодня успехи Китая, Индии, Японии. То есть именно они в значительной степени обеспечивают современные успехи развивающихся стран. И у нас крупные компании тоже играют очень важную роль. Одна из таких компаний была создана Дмитрием Борисовичем. Напомню, что Зимин — это крупный ученый, к началу перестройки доктор наук, профессор и один из ведущих руководителей объединения «Вымпел», которое работало на оборонные нужды. Если я не ошибаюсь, перед ним стояла задача найти асимметричный ответ на знаменитую программу звездных войн США. Но к рубежу 1980–90-х годов, когда советская экономическая система погружалась в глубочайший кризис, чтобы как-то стабилизировать ситуацию, был выброшен лозунг, что можно самим открывать бизнес и работать. И тут Дмитрий Борисович совместно со своими товарищами создали компанию «Вымпелком». Начинали, я думаю, при своем институте, но это мне кажется не столь важным. Важно,

что Зимин и его соратники имели массу идей и знали, как их воплотить в жизнь.

И еще об одном факте мне хотелось бы сказать в начале нашего разговора. Зимин — представитель старинной русской династии промышленников, из той ее ветви, где были и Зимины и Гучковы. Он родственник Александра Ивановича Гучкова, председателя Третьей Государственной думы, руководителя партии октябристов, военного министра Временного правительства, возглавленного князем Георгием Евгеньевичем Львовым в 1917 году после Февраля. Не буду говорить о других заслугах представителей этой династии, я упомянул Гучкова как наиболее известного. Но знающие историю русской дореволюционной культуры наверняка вспомнят и частную оперу Зимина, сыгравшую значительную роль в популяризации русской оперы, прежде всего Мусоргского и Римского-Корсакова. Там, кстати, работали и Шаляпин и Собинов. То есть Дмитрий Борисович — человек со старинными русскими корнями, носитель самых лучших традиций нашего народа. Думаю, что представления о фамильной чести и традициях имели немаловажное значение при принятии Дмитрием Борисовичем решения о вступлении на путь частного предпринимательства. И я хотел бы прежде всего спросить, как все-таки создавался «Вымпелком». Каковы были первые шаги? По сути, как начинался российский капитализм в самом лучшем своем исполнении? Ведь вы создали одну из немногих крупных российских компаний, которая всегда отличалась честностью, открытостью. К ней никогда никто никаких претензий предъявить не мог. Кроме одного случая, когда сразу после ЮКОСа было предпринято нападение на «Вымпелком».

Д. ЗИМИН: Евгений Григорьевич, я просто не знаю, куда от смущения провалиться, когда при мне рассказывают такие ангельские истории. Меня, правда, спасает, что я уже не в том возрасте, когда, слушая столь лестные слова, можно откровенно зазнаться. Да и бронзоветь я просто уже не сумею. Так в чем был вопрос?

Е. ЯСИН: Как вы начинали? Как начинался «Вымпелком»? Я понимаю, у вас были в запасе определенные знания. Вы знали мировые тенденции в этой области.

Д. ЗИМИН: Евгений Григорьевич, это же был конец 1980-х — 1990-е годы, то есть период, когда очень интересные процессы шли внутри военно-промышленного комплекса. Там, с одной стороны, практически прекратилось финансирование, с другой — были всяческие взаиморасчеты, конверсии. Начали создаваться первые малые предприятия, одним из таких малых предприятий было КБ «Импульс» — оно до сих пор существует, — которое, кстати, потом даже стало учредителем «Вымпелкома». Но тогда этих фактически кооперативов, малых предприятий создавались десятки. Мы же были радиоинженеры, а значит, могли не только военную продукцию делать. Одной из первых наших разработок был радар-детектор. Знаете, что это такое?

Е. ЯСИН: Нет.

Д. ЗИМИН: В автомобиле, когда тебя облучает спидган — ГАИ облучает, он начинает звенеть, фиксирует, что тебя освещают радаром. Это приемник сигнала, там передатчика никакого нету. Мы продали документацию, но на этом не разбогатеешь. Даже выпить-закусить не хватило на компанию. А я еще одно время был ответственным за конверсию в Радиотехническом институте, и к нам стали приезжать всякие зарубежные делегации. В ходе таких встреч я познакомился с одним очаровательным американским семейством, члены которого стали потом моими личными друзьями, — это Оги Фабела. Они владели очень небольшой фабрикой по производству сотовой аппаратуры «Фабела». Кстати, Оги Фабела мне в сыновья годится. Сейчас ему лет пятьдесят, наверное, а тогда вообще был мальчишкой. Уже после моей отставки, когда совет директоров присвоил мне звание основателя компании и почетного президента, мой друг Оги, который был председателем совета директоров, стал кофаундером — сооснователем. Но тогда, в начале девяностых, мы подружились, решили сначала просто разрабатывать аппаратуру для сотовой связи, а не операторской деятельностью заниматься. Мы же, повторю, радиоинженеры. Разработали аппаратуру, но тут выяснилось, что продавать-то ее некому. Потому что для того, чтобы ее кому-то продавать, надо, чтобы были операторы. Поэтому стали заниматься операторской деятельностью. Вообще-

то, по этому поводу я написал книжку. Она даже продавалась одно время. Называлась «От двух до семидесяти двух». Там я описываю все эти истории. Ее можно найти на нашем сайте и посмотреть. Ведь всех деталей в короткой беседе не расскажешь.

Е. ЯСИН: Вы уже самое главное сказали о первых шагах и о том, что были знания, умения, которые можно было применить в новых рыночных условиях, и что Оги Фабела дал небольшой начальный капитал, с которого можно было делать первые шаги.

Д. ЗИМИН: Пусть будет так, хотя это очень грубо. Фабела дал кое-какую аппаратуру. С капиталом же там было сложнее.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Можете ли вы утверждать, что в 1990-е годы можно было создать частную компанию с нуля, причем честным образом, не вступая в контакты с бандитами, не используя связи, о которых не принято говорить?

Д. ЗИМИН: Это не только можно, но и реально делалось. Я просто могу привести примеры из истории Радиотехнического института имени академика А.Л. Минца, откуда, собственно, мы все родом. Этот институт занимался противоракетной обороной, и в те времена Александр Львович Минц был самым главным конструктором. Там на рубеже 1980–90-х годов были организованы — наверное, как на любых подобных предприятиях — десятки кооперативов, малых предприятий и т.д. Чем только они не занимались. Из них выжили три или четыре компании. Причем могу сказать, что в большинстве это были вполне добропорядочные компании. Кстати, очень характерная цифра — на 3 тыс. человек трое или четверо оказались более или менее успешными. Волею судеб «Вымпелком» был самой крупной. Но могу назвать еще одну очень неплохую компанию, которая много лет существовала. Это компания Вадима Зеленина, довольно известного предпринимателя.

Е. ЯСИН: Это он стал потом тверским губернатором?

Д. ЗИМИН: Нет, это его сын Дима — Дмитрий Вадимович. А его отец тоже очень талантливый человек. Он был в институте начальником одного крупного отдела. У него сначала было малое предприятие, а потом он организовал очень успешный бизнес — «Техмаркет». У него была сеть

магазинов. В том числе они ремонтировали электрооборудование, автоаксессуары и т.п. Я его знаю много лет, очень порядочный, честный человек, и у него совершенно честная компания.

Или другой пример — Игорь Всеволодович Каплун, сотрудник, кстати, моего отдела, создал телекоммуникационную компанию «Сатис» в те же годы, и сейчас она успешно работает как российский оператор спутниковой связи, интернет-провайдер, производитель оборудования наземных станций спутниковой связи и т.п. Причем они занимаются хайтеком: производят и продают, на Запад в том числе, так называемые висатовские спутниковые станции. Я, правда, уже давно не в курсе дела, но они и сейчас существуют, и успешно. Это небольшая компания, и там работают, наверное, несколько десятков человек.

Е. ЯСИН: В конце концов, хайтековские фирмы обычно не очень большие.

Д. ЗИМИН: Я просто привожу примеры успешных компаний. Вспомните, какое это было время — начало девяностых. Вообще говоря, когда рухнула старая система, людям зарплату не платили. А в институте трудилось 3 тыс. человек. Тогда бизнесом, по-моему, все хотели заниматься, но в итоге получилось у одной десятой процента. Вновь подчеркну: это тоже очень характерная величина для всего мира. Скажем, какой процент населения США можно отнести к бизнесменам?

Е. ЯСИН: Успешных бизнесменов, которые занимаются хайтеком, конечно, очень мало. Для этого нужны не только знания, но и определенные психологические данные. Надо брать на себя ответственность за все дело, понимая, что ты чем-то рискуешь, принимаешь решения, которые могут иметь самые разные последствия, и вообще проявлять в сложных, нестандартных случаях изобретательность, находить оригинальные решения в, казалось бы, безвыходных ситуациях. В этом состоят свойства бизнесмена. И если вы такими свойствами не обладаете, то, по-моему, в бизнес вам ходить не следует.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Возвратимся, Дмитрий Борисович, к вашей личной истории успеха. Как я понимаю, у вас были

некие разработки, которые вы хотели использовать. Однако, пытаясь их использовать, вы выяснили, что нет партнеров, правильно?

Е. ЯСИН: Не партнеров, а клиентов. Некому было их предложить, нельзя было добраться до потенциального покупателя.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но главное — вы в своем бизнесе использовали собственные мозги. Скажите пожалуйста, Дмитрий Борисович, с вашей точки зрения, какова была обстановка для ведения бизнеса, если сравнить горбачевскую пору и ельцинскую?

Д. ЗИМИН: Мне проще, наверное, даже сравнивать период советской власти на излете и первые времена новой России. Чем мы, собственно, занимались? Сотовой телефонией, то есть деятельностью, которая подлежит лицензированию. Надо получать частоты. Все это в значительной мере завязано на взаимодействии с властью, на лоббировании в хорошем смысле этого слова. Надо было устанавливать всяческие контакты, получать частоты, лицензии и т.д. Все это было совершенно новым видом деятельности, неведомым ранее управленцам, — сотовая связь только зарождалась. И я в таких условиях имел удовольствие достаточно плотно поработать с тем чиновничеством, которое было еще советским. А тут в условиях ельцинского периода, когда началась приватизация, появилась масса частных предприятий, деятельность которых чиновничество, воспитанное в советской модели управления, должно было регулировать, а значит, перестраиваться, искать новые формы и т.п. Очень интересные, конечно, были времена. И должен сказать, что в целом они у меня оставили по себе самые приятные воспоминания.

Много с Центробанком приходилось работать. Помню Владимира Борисовича Булгака, бывшего и в первом Правительстве РСФСР 1990 года, и в ельцинско-гайдаровском правительстве министром связи. Должен сказать, что Булгак вообще в известной мере был реформатором. Основная же масса чиновничества была, в принципе, советская, хотя и она все-таки понимала, что задачи изменились: и начальство говорит по-другому, и частный бизнес выдвигает какие-

то требования, а с ним надо работать. Все это у советских чиновников вызывало некое тяжелое чувство. Как же так, мы государственные люди, а тут какие-то частники приходят? Но вместе с тем, во-первых, это были достаточно грамотные люди, и, во-вторых, тогда чиновничество еще не смогло приватизировать государство в той мере, как оно сделало это в 2000-е годы. Можно было к любому чиновнику прийти. Между ним и бизнесменом могли быть самые разные личные отношения, но это был все-таки чиновник, управленец, профессионал. И напомним еще об одном: тогда он был бедный и нищий. Это все накладывало свои отпечатки. Но когда потом, через некоторое время ты стал приходить к чиновнику, то в нем подчас приходилось видеть собственника конкурирующей компании. Конечно, тут я утрирую, но что-то близкое в этом роде уже появлялось, то, что мы называем «приватизированное государство». Вот об этом, конечно, можно сказать как о резком контрасте по сравнению с тем, что было в начале. И это очень тяжело. Правда, я уже давно не в бизнесе и много лет только со стороны посматриваю. Но мои наблюдения подвели меня к выводу, что качество чиновничества, которое таким образом переродилось, особенно в 2000-е годы, по-моему, резко ухудшилось.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Дмитрий Борисович, мне кажется, что, говоря о ситуации в бизнесе 1990-х годов, нельзя ограничиваться отношениями бизнесменов и чиновников. Ведь в те времена на авансцену выходили самые разные персонажи. В бизнес, например, шли и люди того психологического типа, который в свое время описал, по-моему, «советский граф» Алексей Толстой в романе «Гиперболоид инженера Гарина». Такие скоробогатенькие, нувориши. Были представители интеллигенции, которые включились в предпринимательскую деятельность, пытались самостоятельно реализовать свои научно-конструкторские разработки, то есть капитализировать собственные мозги. Были просто люди, искавшие, где можно заработать. Был и криминал, рэкет. Вот, как мне кажется, пейзаж, на котором зарождался новый русский бизнес того времени.

Д. ЗИМИН: Я не уверен, что вы выбрали нужный ракурс для разговора на эту тему. Дело в том, что, действительно,

может быть, в каждом конкретном случае, обусловленном и объективными и субъективными обстоятельствами, возникла масса всяких случайностей. Не знаю, насколько история становления нашей компании типична. Ведь мы свое первое предприятие начинали создавать в недрах действительно закрытого, режимного предприятия с часовыми на входе и всеми прочими прелестями секретности. Это естественно: ведь мы там проработали всю жизнь. И когда наша группа решила идти своим путем, с другими коллегами тоже начинались всякие коллизии. Пришлось по-новому выстраивать взаимоотношения с альма-матер, с массой создавшихся вокруг нее предприятий. Но у нас никакого особого криминала вокруг не было. Меня как-то Бог миловал. Слышали, конечно же, всякое, но ни я, ни мои коллеги, о которых я говорил и которые создали столько успешных предприятий, с этим напрямую не сталкивались.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Дмитрий Борисович, а если взглянуть на ту ситуацию с другой стороны: власть и коррупция...

Д. ЗИМИН: Во-первых, если вообще говорить о коррупции, то существует какое-то, по-моему, не вполне правильное мнение, что коррупция — это спутник рыночной экономики. Я большую часть своей жизни прожил в советские времена и должен сказать, что там в каком-то плане коррупция, если не по масштабам оборота денег, то по охвату населения, была абсолютно массовым явлением. Просто мы, наверное, это забыли. Сколько в СССР было населения? Почти 300 млн. Уверяю, что все эти 300 млн находились друг с другом в неких взаимоотношениях, предполагающих и взятки и взяткодателя. Это явление особенно процветает в дефицитной экономике. Каждый ребенок знал: чтобы купить кусок мяса, надо быть в особых отношениях с мясником. А бензин купить, а в баньку сходить... Виды благ и услуг можно перечислять бесконечно — от лекарств до, скажем, билетов в театр. Это особенность страны дефицита. Такие отношения, отраженные в известном выражении тех лет «ты — мне, я — тебе», были повсеместны. И как раз переход к рыночной экономике, ознаменовавшийся наполнением полок магазинов, означал и то, что мы стали сталкиваться с коррупцией только во взаимоотношениях с властью.

Вы же, приходя в магазин, взятку не даете, да и не к чему. Наоборот, вам спасибо говорят за покупку. Ситуация, совершенно неслыханная в советское время.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вы в своей работе сталкивались с проблемой: разрешат или не разрешат? Позволят или не позволят?

Д. ЗИМИН: Конечно, все это было. Но вновь и вновь повторю: то начало, которое мы переживали в эти 1990-е годы, я вспоминаю как времена значительно более чистые, чем те, что пришли им на смену. Причем 1990-е годы были годами нищеты чиновников. Это тоже провоцировало всяческие коллизии. Но в целом складывающиеся отношения были куда чище, чем в те времена, когда я уже уходил в отставку. Тогда наступили другие времена и чиновник в значительной мере стал не только чиновником-регулятором, но и участником бизнеса. Сложилась совсем другая среда, в которой сейчас «купается» уже другое поколение бизнесменов. Я к ним, к счастью, никакого отношения не имею. Но кусочек захватил.

Е. ЯСИН: Должен сказать, что, вообще-то, я хочу присоединиться к Дмитрию Борисовичу. Когда я пришел на государственную службу, я тоже сталкивался с чиновниками советской поры, причем довольно высокого ранга. Потому что я работал какое-то время в аппарате Совета Министров СССР в комиссии Леонида Ивановича Абалкина. Сталкивался со многими представителями аппарата правительства, Госплана, разных министерств. И должен сказать, что я увидел людей, обладающих довольно высокой квалификацией и ответственно относящихся к своему делу. У них, правда, было такое представление, что именно они знают, что такое ответственность. А вы — вновь пришедшие реформаторы — люди случайные, потому мы вам не доверяем. Когда развалился СССР и возникла новая Россия с ее правительством «молодых реформаторов», Ельциным и т.д., во власть пришла довольно значительная плеяда демократически настроенных интеллигентных людей. Они существенно отличались от тогдашних советских бюрократов. Многие из этих бюрократов остались работать. И сложилась как бы смесь советской номенклатуры и этого демократического

призыва, которая образовала специфическую среду первых лет после 1992 года.

Надо сказать, что уже во времена Горбачева произошли довольно серьезные изменения. Во власть были призваны многие люди, которые не относились к чисто бюрократической среде. Вспомним того же Леонида Ивановича Абалкина. Это был академик, известный и уважаемый ученый. И, как мне кажется, это был первый случай, когда представителя интеллигенции позвали во власть. Не консультантом, не экспертом, а полноценным членом правительства со всеми свойственными такому статусу полномочиями и ответственностью. Было там еще какое-то количество людей такого же плана. Поэтому сложилась такая весьма своеобразная смесь. Но лично у меня, оказавшегося в гуще событий и регулярно общавшегося как с одними, так и с другими представителями этого сообщества, тоже было ощущение, что мы, при всех наших различиях, делаем общее дело. И это главное. Поэтому, когда все больше и больше стало появляться сведений о том, что кто-то где-то провёл некую комбинацию, что-то украл, где-то схитрил и т.д., я воспринимал это сначала просто с грустью. Потом понял, что я просто оторванный от жизни Дон Кихот, потому что вокруг многие люди стали пользоваться обстоятельствами и извлекать немалую выгоду из своего служебного положения. Тогда я понял, оценил по достоинству известное высказывание моего друга Гавриила Харитоновича Попова, который в бытность его мэром Москвы сказал: «Мы не можем нашим чиновникам заплатить столько, чтобы они не брали взятку. Значит, если мы разрешим им, чтобы они сами занимались бизнесом и сами зарабатывали, тогда они не будут брать взятку». По-моему, эта стилистика до сих пор сохраняется, причем не только в Москве или в Петербурге. Она «от Москвы до самых до окраин» дошла. В определенной степени мы видим логические последствия этого.

Уже в последние годы правления Ельцина было много фактов такого рода, затем они всё множились. И сам факт, что определенные люди стали очень богатыми, что они могут швырять деньгами просто в стиле загулявших русских купцов, но не староверов, как ваши предки, Дмитрий Бори-

сович, а из другой категории... Кроме того, у определенной породы людей появилось стойкое убеждение, что деньги могут все и за деньги можно купить что угодно. Я как-то уже говорил об этой обстановке социального цинизма, которая, безусловно, начала складываться в том числе и в 1990-е годы. Сейчас она достигла уже особенно крупных масштабов. Но если в начале девяностых были и рэкет, и такой расцвет криминалитета и т.д., то я одновременно хочу еще раз напомнить, что те банды, которые тогда орудовали, потом исчезли. На их место пришли главным образом те, кто нас должен был защищать от них.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Дмитрий Борисович, а у меня к вам в связи со всем сказанным возник вот какой вопрос. Вы до перехода в бизнес трудились в научно-исследовательском институте. Вы привыкли к традиционной для него атмосфере, обстановке. Понимаю, что там были разные люди — и те, кто жили в курилке, и те, кто в рабочее время занимались какими-то своими делами, и те, кто делали дело. А потом в этом налаженном мире появляется, например, Зимин, который начинает бизнес. К вам не возникали претензии? Например, не говорили, что мы всем институтом работали, а он, дескать, снял пенки и сливки?

Д. ЗИМИН: Конечно, есть всякие люди, но, понимаете, тогда волею судеб сложилась особая ситуация. Так как финансирование практически исчезло и все стали думать о выживании, то достаточно быстро в стенах института стало создаваться много всяких кооперативов, предприятий. И тут, в этой среде достаточно быстро выросло большое предприятие, масштабы которого оказались соизмеримы с самим институтом. Это, разумеется, вызывало напряжение во взаимоотношениях, всякое было. Но поразительная вещь заключается в том, что, пройдя эти на самом деле очень непростые в человеческом плане годы, ведь тогда у кого-то получилось, а у кого-то нет, мы вместе с тем остались, по сути дела, со всеми в хороших человеческих отношениях.

У меня, кстати, никаких особых иллюзий не было. Я проработал тридцать лет в военно-промышленном комплексе. Это особая система, связанная, скажем, с приори-

тетом секретности над эффективностью. Тем не менее мы и при таких условиях пытались, занимаясь прежде всего противоракетной обороной, сделать, например, видеомагнитофон с саратовским производством. Он был очень похож на «Панасоник», только плохо работал. Не получалось. Это абсолютно отдельная тема, связанная с общей проблемой существования таких чисто государственных структур, которые сидят на госзаказе или управляются чиновничеством. Они не могут быть светочем прогресса и эффективным предприятием. Лишь частные предприятия, возглавляемые не чиновниками, а теми, кто знает, что от качества их работы, от их идей и способности их воплотить зависит как их личная судьба, так и судьба тех, кто им поверил и пошел за ними, — лишь такие предприятия могут развиваться в рыночной среде. Руководители таких предприятий знают, что сегодня они этим командуют, а завтра, если дела пойдут плохо, их просто выгонят или предприятие обанкротится. А у чиновника нет устремленности в будущее. В открытом акционерном обществе понимают, что надо бороться за капитализацию, что все останется акционерам. А акционеры часто его родственники, сотрудники, очень большой слой людей.

Вот это — высшая форма, как я достаточно поздно стал понимать. Это вообще было изумительно, когда маленький кооператив перерастает в большую компанию, потом в открытое акционерное общество, его акции начинают котируются на бирже. Все как в сказке. Просто невозможно передать все эмоции, нельзя рассказать. Это поразительная вещь. Я пытался описать это в книге.

Е. ЯСИН: Все-таки расскажите, как вы проводили первые размещения ваших акций на бирже. Как это проходило в Нью-Йорке? Вы же были первой русской компанией, акциями которой стали торговать на нью-йоркской бирже.

Д. ЗИМИН: Это было поразительно, действительно чудо. Развиваются флаги России, флаги «Билайна» на Уолл-стрит. Просто слезы стоят в глазах. Правда, потом, когда вернулись в Москву, увидели в некоторых газетах — родину распродаете! И это было. Но, конечно же, все произошедшее воспринималось тогда на уровне чуда, полного чуда.

Какой-то был праздник! Кратко описать всю гамму чувств невозможно. Ведь тогда мы вышли на рынок, обладая лишь АМСом, этим Digital АМС, там GSM, и это означает ситуацию непрерывного кризиса как внутри компании, так и вне ее, с чиновниками, с лицензиями. Идет стремительный рост компании, движение, а движение, особенно быстрое, естественно порождает острые проблемы, кризисы и их преодоление. Собственно, это и есть развитие. Какие были кризисы внутри! Как мы несколько раз были, по сути, на грани провала, на грани уничтожения компании! Иногда по собственной глупости, иногда по чужой. Понимаете, мы же никогда не думали, что у нас будет большая компания. Ведь до этого, вновь повторю, мы были ученые в государственных институтах. Нам дают задания: делать радар-детектор или что-то еще. Мы и делаем. А тут тоже сначала была техническая задача – работа над сотовой телефонией. Это же интересно, и к тому же, возможно, какой-то будет заказик, аппаратурку сделаем и продадим. Ах, надо операторскую компанию делать? Какую? Все же занято. А что же американский диапазон? Он вроде свободен. Просим Минобороны: отдайте нам эти 800 мГц. Ну, не важно, что это американский стандарт. Да хоть китайский. Мы же на вас всю жизнь пахали, а сейчас, понимаете, хотим сами... Шла работа, переговоры, и вот появился в России этот самый АМС. Потом стало понятно, что на АМСе далеко не уедешь, надо бороться за GSM. Все это очень интересная история.

Е. ЯСИН: Это и есть бизнес. Это его жизнь.

Д. ЗИМИН: Это да, жизнь. А сколько кризисов в компании было! Просто ужас.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тот самый человек, который уже вам прислал комплимент, я вам зачитала в самом начале нашей беседы, задает вам вопрос: «К сожалению, большинство наших граждан не решилось на свободное плавание, сегодня у многих нет сил и воли что-нибудь менять. Вы им сочувствуете?»

Д. ЗИМИН: Я уже, прошу прощения, в летах, и поэтому пусть меня не обвиняют в зазнайстве. Я убедился в следующем. У человека есть очень много ролей. Он может быть бизнесменом. Он может быть менеджером. Но я не один раз

встречался с ситуацией, когда способный предприниматель оказывался достаточно бездарным менеджером. Просто это разные вещи, разные функции. Я могу сказать о себе лично. Мне доставляло колоссальное удовольствие работать, решать проблемы в тот начальный период становления российского бизнеса. Тогда было ощущение, что все можем, кайф давал этот почти партизанский период. Все можем, ребята! Все решалось за одним столом, даже была некоторая доля партизанщины. И задачи тогда были специфические: достанем денег, базу установим, бегом, скорее и т.д.

А когда стал стремительно формироваться большой регулярный бизнес, то и задачи изменились. Тут, откровенно говоря, мне через какое-то время стало скучно. Просто на новом этапе стали требоваться иные человеческие таланты, чем те, которые были нужны тогда, когда строилась большая компания. Вот, кстати говоря, скажу об одном из своих подвигов. У меня несколько подвигов. Один — выход на биржу. Другой подвиг я совершил, когда ушел в отставку. Там много чего было. Май 2001 года: связь, лицензии, частотный скандал... Компания продается второму акционеру, «Альфе». До этого я, кстати говоря, еще был контролирующим акционером, фактически владельцем компании. Тогда еще был «Теленор». Но, главное, я понял, что надо уступить управление другим людям, и подал в отставку... И после меня пришли на роль управляющих сперва Джо Лундер, норвежец, а затем Александр Вадимович Изосимов. Они наемные менеджеры. Но это исключительно талантливые люди. Мне до них как пешком до Пекина. Я считаю, что они как управленцы на порядок талантливее. Да, я создатель компании, но в новых условиях нужны другие таланты, чтобы управлять тем гигантским бизнесом, в который сейчас она развилась, где миллионы абонентов. Это компания, которая оперирует во многих странах, чья сеть раскинулась на многие страны. У компании огромная капитализация. И новым менеджерам просто икону можно поставить, и Лундери и Изосимову, он гений, на мой взгляд. Я бы не смог действовать, как он.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: По-моему, вам просто нравится, как они работают.

Д. ЗИМИН: А я вообще считаю, что компания «Вымпелком» по сравнению со всеми своими конкурентами обладает абсолютно уникальным менеджментом¹. А это получилось по вполне понятным причинам. Потому что все-таки, если сравнивать с другими участниками аналогичного рынка, у нас в значительно меньшей мере было то, что сейчас лукаво называется административным ресурсом. Да, я добивался симпатии властей, но такой волосатой лапы у нас никогда не было. И мы сами вынуждены были находить выходы из сложных ситуаций. Это же надо иметь в виду, и тому была масса исторических причин. Поэтому и менеджмент компании, конечно, уникальный.

Е. ЯСИН: Все-таки надо задать вопрос еще об одной ипостаси Дмитрия Борисовича, о его просветительской деятельности. Прежде всего о фонде «Династия», о премии «Просветитель». Как вы распоряжаетесь своим капиталом?

Д. ЗИМИН: Понимаете, я тут делаю абсолютно стандартные шаги. Думаю, что у любого крупного бизнесмена, у которого состояние существенно больше, чем его семейные потребности, когда он отходит от дел, появляется потребность сделать что-то полезное, с его точки зрения насуточно важное, для своих сограждан. Любой из наших крупных бизнесменов, когда доживет до моего возраста и уйдет от бизнеса, начнет, как во всем мире делается, включаться в какие-то благотворительные кампании. Никуда не денешься. Это закон природы. Просто для нормального человека других вариантов нет. Варианты лишь в сферах приложения своих усилий. Одних интересует, скажем, юношеский спорт, других — те или иные виды искусства, третьи сосредоточиваются на поддержке научных исследований или образования. Тут масса сфер приложения своей энергии и имеющихся финансовых возможностей.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Дмитрий Борисович, я в свое время читала книгу по истории русских благотворителей середины XIX века. И там была очень значительная фраза, что они как-то сразу поняли, что давать деньги чиновникам, го-

¹ С января 2018 года генеральным директором компании стал Василий Лацанич.

сударству неэффективно, средства не доходят до тех, кому они хотели бы помочь, а посему они стали напрямую помогать театру ли, художникам ли, другим ли нуждающимся в помощи структурам. А это актуально и в конце XX, и в начале XXI века?

Д. ЗИМИН: Не только актуально в начале XXI века — это актуально сейчас и будет актуально всегда. Есть несколько направлений деятельности, которыми именно я посчитал необходимым заниматься. Кстати, мне не нравится слово «благотворительность». Благотворитель поддерживает сирых и убогих.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда — меценат.

Д. ЗИМИН: Да, скорее это меценатство. Мы, в частности, поддерживаем науку, фундаментальную науку в том числе, пытаемся делать это профессионально. Естественно, что этим занимаются профессиональные люди, сами ученые. Причем наша деятельность не отменяет того, что есть вещи, которыми должно заниматься именно государство. Например, оно должно решать такие социальные задачи, как развитие качественного образования, медицины. Но есть некая задача, которую могут решать лишь частные фонды типа нашего. Например, поиск талантов, поиск редких талантов. Найти одного из сотни, из тысячи... Ведь на самом деле это очень узкий слой интеллекта страны. Он бесконечно узок, но бесконечно важен. Без него вообще нет страны. Нет народа фактически. А вот заниматься такими изысканиями, кропотливыми поисками — это в какой-то мере не дело государства. Это поиск отдельных талантов. И во всем мире таким делом занимается частный бизнес. Есть много других примеров. То есть такая деятельность не прихоть, а существенная часть жизни любого нормального общества.

Е. ЯСИН: Я знаю, что есть еще один очень интересный проект Дмитрия Борисовича. Его коллеги отбирают самые лучшие научно-популярные книги, которые есть в мире, а затем переводят и издают у нас в стране. Это просто потрясающие книги.

Д. ЗИМИН: Да, такие вот вещи мы делаем. Еще у нас есть стипендиаты среди талантливых школьников и студен-

тов. Пять-десять миллионов в год тратим на их поддержку. И кроме всего прочего, мы организовывали публичные лекции, читать которые приглашаем лучших ученых. Например, приезжал Андрей Дмитриевич Линде — по происхождению он наш ученый, правда сейчас в Америке живет и работает — и читал лекцию в ФИАНе, фактически для школьников, хотя там были не только школьники. Вы знаете, это поразительная вещь. Осень. Хорошая погода. И были три выходных дня. Какой-то праздник получился. Суббота. Москва какая-то пустынная, все уехали на дачу. Я вышел из машины, иду в ФИАН, думаю: кто сейчас там будет на какой-то заумной лекции насчет множественности миров? Вхожу в этот знаменитый зал, а там чуть ли не на люстрах висят! Школьники в том числе. Было совершенно поразительно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Дмитрий Борисович, задаю вам, к сожалению, последний вопрос, на который вы имеете возможность ответить только да или нет. С вашей точки зрения русский бизнес может быть локомотивом нашей экономики?

Д. ЗИМИН: Я прошу прощения, а кто еще может быть локомотивом экономики? Не чиновник же.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ну, это, собственно, то, что мы хотели услышать вместе с Евгением Григорьевичем. Спасибо!

ПРИВАТИЗАЦИЯ (Е. ЯСИН — В. ТАМБОВЦЕВ)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня с доктором экономических наук, профессором, заведующим лабораторией институционального анализа экономического факультета МГУ Виталием Леонидовичем Тамбовцевым мы с Евгением Григорьевичем Ясиным хотим поговорить о приватизации. Я даже предвижу, сколько гневных реплик мы получим в ходе этого разговора. Наверняка прозвучит лозунг «Пересмотреть итоги грабительской приватизации!».

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Я тоже выбирал эту тему с душевным трепетом. Но потом все-таки подумал, что от этого разговора не уйти. И все же с помощью Виталия Леонидовича — человека независимого, никоим образом не связанного ни с какими группировками, я надеюсь, мы сможем разобраться в сути процесса. И, возможно, у кого-то изменится позиция, он сможет взглянуть на прошедшие события более объективно. Этому, быть может, будет способствовать и то, что мы, разумеется, в чем-то друг с другом будем не соглашаться, спорить.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Итак, давайте начнем, что называется, от печки. Зачем приватизация потребовалась вообще? Ведь жили люди, и вдруг ваучеры, у заводов меняются собственники. Кто-то в итоге пустил свой ваучер на ветер, а кто-то разбогател, непонятно почему...

Е. ЯСИН: Все это, как говорится, до сих пор носится в воздухе. Ведь почему я вообще решил поставить эту тему? Прежде всего потому, что она всех интересует. И как только проблема приватизации, ее законности начинает утихать, немедленно находятся какие-то люди, которые опять активизируют этот разговор. А принципиально вопрос о необходимости приватизации очень прост. Суть его заключается в том, что государство — а у нас вся собствен-

ность была государственная — плохой хозяин. Оно само ничего не могло сделать, а нанимало приказчиков, которых было не в состоянии проконтролировать, потому что в то время не работал рынок. Неслучайно тогда о государственной собственности стали даже говорить, что эта собственность «ничья». Ведь в то время даже любая бабуля в очереди говорила: почему у нас такой бардак? А все потому, что у нас не было хозяина. В конце концов, что такое хозяин? Хозяин — это когда определенная часть ресурсов общества оказывается в его частной собственности. И тогда у этого хозяина появляется реальный интерес за ней следить, нанимать толковых управляющих, думать о том, как бы улучшить производство, внедрить какую-то новинку, чтобы обойти конкурентов, снизить свои издержки, чтобы и прибыль росла, и вместе с тем цены на продукцию снижались. Иначе на рынке долго не продержишься. То есть хозяин старается лучше организовать производство. А кроме того, известно, что рыночная экономика без частной собственности и без тех мотивов, которые она рождает, не работает. То есть был выбор: можно оставаться с государственной собственностью и плановой экономикой, но тогда наступит катастрофа. Мы уже об этом говорили. А с рынком и с частной собственностью у нас появлялся шанс ее избежать. Потому и нужна была приватизация. Хотя, конечно, другой вопрос — как ее проводить.

ВИТАЛИЙ ТАМБОВЦЕВ: Естественно, я с Евгением Григорьевичем полностью согласен по вопросу о необходимости рынка и частной собственности. Мировой опыт, экономическая теория, да и практика последних советских десятилетий, очень четко показали, что в итоге получается при развитом социализме. Вероятно, многие помнят декабрь 1991 года с безукоризненно белыми, а возможно, и грязными, но пустыми прилавками в магазинах. И могут сравнить их, скажем, с картиной марта 1992 года, когда ситуация резко поменялась. Удалось запустить какой-никакой, но рынок. Абсолютно прав Евгений Григорьевич, что рынок без частной собственности неполноценен. Конечно, иногда он функционирует и в таких экстремальных условиях, как тогда, но все же это очень частный, вырожден-

ный, нетипичный случай. Все-таки большинство благ, которые нужны и людям, и стране в целом, и предприятиям, производят именно частные фирмы по той самой причине, о которой уже было сказано. Это стимулы хозяина к тому, чтобы свое имущество использовать эффективно. И такие стимулы абсолютно отсутствуют у государственных служащих, которые командуют чужой, то есть государственной, собственностью.

Точнее, у них тоже есть стимулы, но другие — работать на себя. И тогда получается очень интересная картина: они, как бы это сказать, приватизируют выгоды, но перекладывают издержки своего управления на государство. Причем такая возможность в годы перестройки была даже оформлена законодательно, когда в 1988 году начал действовать Закон о государственном предприятии (объединении), освободивший, по сути, руководителя предприятия от контроля «сверху». Тогда его могли просто выбирать «трудовые коллективы», а в ходе большинства таких «выборов» применялись разного рода популистские методы. И бывало, что старых директоров (и толковых и безынициативных) сменяли люди, просто посулившие работникам перспективы, для достижения которых реально не было средств. Этот закон был введен еще в СССР, подчеркну: не в России, не при Ельцине. Именно тогда фактически назначенные менеджеры стали реальными хозяевами выгод, которые давали их предприятия. Важно также напомнить, что еще в СССР в связи с разрешением кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности вокруг таких предприятий стали образовываться мелкие частные фирмы, которым продавалась продукция или просто сырье по заниженным фиксированным ценам. А потом уже эти фирмы перепродавали полученное, но по рыночной цене. При этом, как правило, прямыми или косвенными организаторами таких фирм было само руководство предприятия, извлекавшее для себя немалую выгоду.

Этот большой комплекс явлений получил название «спонтанная номенклатурная приватизация». Она шла всюю при Советском Союзе. Тогда не хозяева, а назначенные руководители получали все «вершки», всю выгоду,

а «корешки» остались всем остальным, то есть государству. Вот ситуация, к которой страна пришла к началу реформ. И из нее просто не было другого выхода, кроме как перейти к нормальной частной собственности, к легальной приватизации. По оценкам Гайдара, размах номенклатурного разворовывания в 1990–1991 годах намного превосходил все, что мы имели на этой ниве в 1992–1994 годы. Система 1990–1991 годов с полной неопределенностью в правах на лжегосударственную собственность и с полной безответственностью тех, кто ею управлял, была специально создана, чтобы не боялись ничего, ничего не стеснялись и бесконтрольно обогащались. Об этом, например, можно прочесть в книге Егора Тимуровича «Государство и эволюция», вышедшей по горячим следам событий в 1995 году.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но у меня возникает вопрос. Вы объяснили, что частный собственник более эффективен, чем государственный, однако многие наши сограждане не очень улавливают связь между теоретическими частными собственниками и собственниками, которые реально появились у нас.

Е. ЯСИН: Разумеется, их рассуждения небеспочвенны. Но тут надо ясно видеть, в каких условиях действовали наши частные собственники. Во-первых, не было проработано законодательство, защищающее их права. Во-вторых, имелась масса случаев обретения этой собственности не совсем праведным путем — или в ходе той «спонтанной номенклатурной приватизации», о которой мы говорили, или с помощью тех или иных связей в местных государственных или силовых структурах либо в структурах более высокого уровня, или просто путем, граничащим с криминалом. Такой «собственник», естественно, не уверен в прочности своего положения и стремится извлечь из полученной собственности в самое короткое время максимально возможный доход и вывести его куда-то подальше. Этим настроениям способствовала и общая политическая неопределенность в стране начала 1990-х годов. В подобной ситуации о развитии, о совершенствовании производства, об инвестициях такой собственник не думает. И, к сожалению, сама ситуация как с законодательством того времени, так и особенно

с правоприменительной практикой делала такое поведение для любых собственников экономически рациональным. К сожалению, это так. Государство тогда было крайне слабым и не могло защитить ни интересы работников, ни интересы собственников, ни свои собственные.

Но, несмотря на это, приватизацию надо было проводить. И у нас было с самого начала два варианта. Первая модель — раздать собственность всем. Я напому, что Аркадий Найшуль, по-моему, еще в 1984 году написал про это книжку, которая ходила в списках. В ней он рассказывал, как сделать так, чтобы раздать всем государственную собственность и чтобы все были хозяевами. Он считается изобретателем ваучера. То есть каждый получает некую ценную бумагу — ваучер, а потом приобретает на него акции предприятий и т.д. По сути, это право на приобретение доли. У нас ваучер назывался приватизационным чеком. Это одна модель. Вторая модель предполагает, что вы продаете собственность тому ограниченному числу людей, у которых есть деньги, и стремитесь к тому, чтобы была достаточная концентрация капитала, чтобы новый хозяин мог его инвестировать. Получается, что если вы раздаете ваучеры, то не можете ожидать никакой эффективности и перестройки производства, потому что для этого нужен капитал, но у вас становится много собственников. Хотя ясно, что под те активы, хозяевами которых является масса простых людей, невозможно получить кредит на развитие производства.

То есть эти два пути противоречивы, а потому сама задача приватизации огнеопасная и, к сожалению, не имеет решения, которое понравилось бы всем. Кстати, отмечу, что, еще когда только шли дискуссии об этом, до реформ 1992 года, и Явлинский и Гайдар были едины в том, что собственность надо продавать и чтобы получить деньги в практически пустой бюджет, и с психологических позиций: заплатив за свои акции или пакет акций, человек ощущает ответственность за сделанную им покупку, а значит, начинает думать о развитии, о совершенствовании данного производства. Но в 1991 году уже законодательно было оформлено решение о чековой приватизации. Первый вариант у нас

был именные приватизационные чеки, по которому вложивший свои деньги в покупку собственник должен думать о том, как бы извлечь из нее доход. А для этого ему нужно было бы и реорганизовать управление предприятием, делая его более эффективным, и вкладывать новые средства во внедрение новых технологий и т.п. Но будет ли это делать масса образовавшихся собственников, которые не вложили в покупку своих акций ни копейки? К сожалению, еще до начала реформ в стране возобладала поддерживаемая многими «прорабами перестройки» мифология «народной приватизации». Именно в ее русле еще летом 1991 года Верховным Советом РСФСР был принят закон, согласно которому инструментом приватизации должны были стать именные приватизационные чеки. Даже обсуждался вопрос о том, чтобы каждому гражданину ставить печать в паспорте, которую он потом мог бы гасить, получая именной чек, и т.д. И при этом не было никакой надежды на то, что будет какая-то отдача, что сами приватизированные предприятия получат какие-то деньги на развитие, потому что у людей денег не было. Просто рассчитывали на чисто потребительский эффект, который многие в конце концов и получили, продав свой чек.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Да, известно, что и за бутылку продавали эти ваучеры.

В. ТАМБОВЦЕВ: Прошу прощения, я бы только хотел к этому добавить, что в случае именных приватизационных чеков их оборот был бы невозможен. Когда же они стали безымянными, возник промежуточный этап, ситуация, при которой ваучеры смогли обращаться на свободном рынке, продаваться. Помню, в метро стояли молодые люди с табличкой «Куплю ваучер». Когда началась эта кампания, его продавали примерно за 4 тыс. рублей, хотя его номинал был 10 тыс. рублей. Но с началом таких продаж возникла возможность их сконцентрировать. То есть в короткий период свободного обращения чеков между их раздачей и невозможностью использовать по прямому назначению возникла та концентрация, для которой в случае именных чеков потребовалось бы много лет. А у нас этот период составил несколько месяцев, максимум полтора года, по-

моему. А если бы применялись именные чеки, то последующий процесс концентрации оказался бы длинным.

Тут я также хотел бы напомнить некоторые факты из истории самого начала приватизации. Начав реформы, Гайдар и его команда стремились как можно скорее ввести приватизационный процесс в какое-то законное русло, чтобы положить конец идущей вовсю «спонтанной приватизации». А Верховный Совет — хотя закон о приватизации, как уже было сказано, был принят еще в середине 1991 года — всячески препятствовал этим намерениям правительства. В результате 29 января 1992 года Борис Николаевич Ельцин подписал указ «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», которым вводил в действие ряд нормативных актов, детализирующих механизмы трансформации государственной собственности в частную. Отмечу, что в тех условиях противостояния президента и Верховного Совета, не готового брать на себя ответственность за разработку приватизационного законодательства, именно указы президента стали основными нормативными документами, регулирующими изменения отношений собственности. Конечно, нельзя не учитывать и поспешность их разработки, из-за которой не были тщательно проработаны детали процесса, что открывало для чиновников особые возможности при приватизации отдельных объектов. Наконец, после принятия 5 июня 1992 года новой редакции закона о приватизации началась массовая ваучерная приватизация. Но, оценивая эти новации, я не могу не сказать, что, с моей точки зрения, провозглашаемые законом цели имели во многом декларативный характер. В тех условиях трансформационного кризиса они были просто недостижимы. Скорее всего, реальной целью было прекращение финансирования массы убыточных предприятий. И такая форма сбрасывания с плеч государства непосильной ноши подобного финансирования способствовала и сохранению гражданского мира в крайне тяжелых условиях.

Е. ЯСИН: В свою очередь и я хочу напомнить, зачем нужна была приватизация. Для того, чтобы в нашей стране возникла легальная частная собственность и чтобы она была

эффективной. Потому, когда речь пойдет о каких-то эффектах и результатах, мы об этом должны будем вспомнить. Но продолжу излагать разворачивающиеся события. В конце концов мы выбрали срединный путь. Согласно уже принятому ранее закону приватизацию должны были проводить через ваучеры, потому что нужно было обеспечить во всем процессе какую-то справедливость. Мы же жили в обществе, где все люди были уверены, что справедливость состоит в том, что «земля – крестьянам, фабрики – рабочим». И эта справедливость заключалась в том, что 29% всех акций приватизированных предприятий раздавались за ваучеры. А рабочие хотели получить фабрики. Их еще дополнительно уговаривала и администрация, потому что знала: если «фабрики – рабочим», это значит – им. Поэтому были придуманы льготы для трудовых коллективов. Согласно одной из них даже можно было получить 51% акций в пользу трудового коллектива. На такой вариант приватизации согласилось большинство предприятий.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, но я, например, никогда не работала на заводе. Но я помню, что у меня был ваучер. Так откуда он у меня взялся?

В. ТАМБОВЦЕВ: Вот об этом я бы хотел как раз добавить к тому, что сказал Евгений Григорьевич. Ведь «фабрики – рабочим, земля – крестьянам» – это здорово и всем понятно. Но при этом забывают, что есть еще дети, которые ни на фабрике не работают, ни землю не пашут. Есть пенсионеры, которые уже на фабрике не работают и землю не пашут. Есть очень большая бюджетная сфера – управленцы, учителя, врачи, военнослужащие и т.д. Это ведь огромная масса людей. То есть при подходе «фабрики – рабочим, земля – крестьянам» они оставались просто ни с чем. Поэтому, хотя у работников предприятий были льготы, всего они не получили.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда объясните мне еще одно. Насколько я помню, практически все граждане Советского Союза так или иначе были привязаны к некоему жилью институтом прописки. Но это жилье не было их собственностью. Защитники приватизации сегодня говорят: вы получили в собственность жилье. А противники утверждают, что мы ничего не получили, мы и так им владели.

В. ТАМБОВЦЕВ: Это я готов попробовать сделать. Придется употребить такой термин, как права собственности. Дело в том, что в советской системе формально никто не был владельцем квартиры, хотя на селе были, конечно, частники, владельцы своих домов. Но владельцем квартиры, в которой он жил, никто не был. Она формально принадлежала государству или кооперативу, если это были так называемые кооперативные квартиры и вы за свою квартиру сами заплатили, но оформлено это было как пай в кооператив. Хотя реальные права собственности были у жильцов этих квартир. Они могли, например, ее обменять, даже с приплатой. Правда, продавать ее юридически было нельзя, да и завещать родственникам, если они в ней не прописаны, также было нельзя. По сути, реально это была частная собственность, но несколько ущербная, не оформленная юридически. Поэтому, если речь идет о квартирах, правы те, кто говорит, что они и так были наши. Тут приватизация стала всего лишь юридической фиксацией многих реально существовавших возможностей.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Когда слышишь разговоры о приватизации, постоянно встречаются такие слова, как «незаконная», «грабительская», «несправедливая». Давайте поговорим о законности процедуры, а также о ее справедливости.

Е. ЯСИН: Я не раз пытался объяснить, что сделать приватизацию справедливой в смысле всем поровну — значит положить огромный камень на экономику, которая не могла бы работать эффективно, не могла бы найти инвестиции и т.д. Ведь главное в этом процессе — сменить государство, как неэффективного собственника, на тех, кто стали бы собственниками эффективными. А это означает, что нужна была определенная концентрация собственности в руках тех, кто способен ею эффективно распоряжаться. Это вообще довольно серьезный вопрос. Есть такая теорема Коуза. Не вдаваясь в теоретические детали, скажу очень просто. Суть заключается в том, что если нет каких-то особых издержек, то, в конце концов, неважно, кто станет эффективным собственником. Потому что в итоге все равно такой собственник будет найден. Но, к сожалению, у это-

го процесса есть определенные издержки, поэтому споры продолжаются до сих пор.

В. ТАМБОВЦЕВ: Я бы уточнил это так. Если нет препятствий для обмена, то в его результате любая вещь, любое благо попадет к тому, кто больше всего его ценит. Но препятствия для обмена реально всегда есть. И они оказываются просто чрезвычайно большими, запретительно высокими для того, чтобы товар нашел своего эффективного хозяина. То есть того, кто знает, как им распорядиться лучше всего. Такими непомерными издержками и стали бы в нашем случае именные ваучеры.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Значит, государственную собственность специально раздали не поровну?

В. ТАМБОВЦЕВ: Нет, раздавали-то всем поровну, но был этап, когда каждый человек решал, что сделать с этой бумажкой.

Е. ЯСИН: Тут я «выдам» Анатолия Чубайса. Его единственное изобретение — не знаю, его ли личное или его команды, — в сложившейся ситуации, когда приватизацию надо было проводить, а уже существовал закон о ваучерной приватизации, заключалось в том, что ваучеры, которые каждый получал лично, по паспорту, были такими, что на самом ваучере фамилия получателя не значилась. Поэтому стало возможным их продавать. С одной стороны, закон был соблюден, но с другой — была создана модель, позволяющая сразу начать оборот этой ценной бумаги. Кто-то, не зная, что с ней делать, решил ее продать, получив какие-то деньги. А кто-то скупал ваучеры с целью вложить их в интересующий его объект, на котором он рассчитывал стать весомым акционером, голос которого учитывается, влияет на политику руководства предприятия. Это именно тот результат, когда экономика начнет работать и инвестиции начинают вкладываться и т.д. Кстати, сейчас мы уже живем в этой экономике.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вот типичная ситуация. Работник сдает свой ваучер, скажем, в совхоз, где он работает. Так посоветовало начальство. Но сейчас совхоза уже нет, хотя земля осталась. Что в таком случае делать?

В. ТАМБОВЦЕВ: Такая ситуация не скажу что массовая, но, в общем, достаточно типичная. Есть два ответа на

вопрос. Один, скажем так, реалистический, другой — теоретический. Начну с теоретического. Теоретически можно было бы начать длительное разбирательство путей движения соответствующей собственности. Раз был совхоз, значит была какая-то доля, пришедшаяся на этот ваучер. У совхоза сменился владелец или он просто исчез. Если он просто исчез, то, наверное, сделать ничего нельзя. Если сменился владелец, значит можно начинать судебный иск по поводу того, что случилось с моей частью собственности и т.д. и т.д. Правда, как работает наша судебная система, все мы знаем. Поэтому этот путь теоретический. Путь реалистический — посыпать голову пеплом. Сказать, что не повезло и успокоиться.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Так что же все-таки было в этой ситуации: несправедливость или незаконность?

В. ТАМБОВЦЕВ: И не то, и не другое. Нет смысла тут рассуждать о справедливости. Ведь решение, куда вложить свой ваучер, принимал сам человек. Если я засунул палец в дверной косяк, закрыл дверь и мне стало больно, неужели я буду кого-то винить и взывать к справедливости? Действительно больно, но это же я сам туда засунул палец. Другое дело, что мне никто не объяснил, что пальцы-то в такое место совать не надо. Вспомните, при приватизации кто-нибудь проводил широкую разъяснительную работу с населением, куда, как вкладывать свои ваучеры? Нет, все жили слухами.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Так никто не проводил и никакой разъяснительной работы по поводу того, как эффективно распоряжаться свалившейся на голову собственностью.

В. ТАМБОВЦЕВ: Формально, конечно, проводили, но чисто формально.

Е. ЯСИН: На самом деле работа была, и довольно большая. Но, конечно, она была недостаточна по сравнению с тем, что и как требовалось объяснять людям в то время. Ведь они еще вчера вообще понятия не имели о том, что такое акции, что такое настоящая собственность. Вот мы недавно говорили о квартирах, которые просто получили и вроде как ничего не приобрели. А на самом деле мы должны осознавать, что, беря на себя ответственность соб-

ственника, мы берем на себя и обязанность содержать, поддерживать эту собственность, а значит, дополнительные расходы. Но это государство побоялось сказать. Я даже усугублю то, что сказал Виталий Леонидович по поводу совхоза и, соответственно, его земли. Мы должны были раздавать землю. Но вспомним наш менталитет. Сколько раз мы слышали: «Как же можно раздавать в собственность землю? Это кошунство!» И потом, кому какая земля в результате достанется... Тут же, вполне возможно, была бы кровь. Вспомним хотя бы дореволюционные страсти с регулярными переделами земли внутри общины. А тут в собственность! Даже сейчас этот вопрос еще не решен. Предложили некое решение с раздачей земельных паев, которое, по сути, не реализовано. Но такое полурешение способствовало тому, что все обошлось без всяких волнений. Хотя с точки зрения справедливости можно было добавить и землю к активам, которые шли на ваучеры.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А как вы сами лично распорядились своими ваучерами?

Е. ЯСИН: Я, например, а также мои жена и дочь отдали свои ваучеры родственнице. Не знаем, куда она их вложила, но, по-моему, там все пропало.

В. ТАМБОВЦЕВ: У меня ситуация более определенная. Где-то в последние дни на Краснопресненской работал такой большой центр. Моя семья – это любимая теща, любимая жена, я и сын – мы собрали наши четыре ваучера, пошли туда и отдали во что-то нефтегазовое, то ли «Сургутнефтегаз», то ли что-то еще. Это был 1994 год. С тех пор прошло немало лет. За это время получено дивидендов ноль рублей и ноль копеек.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но хотелось бы также узнать о международном приватизационном опыте, например стран Европы или стран бывшего СНГ.

В. ТАМБОВЦЕВ: Опыт, безусловно, был. Вообще, в конце 1980-х – начале 1990-х годов приватизация была общемировой тенденцией, причем в очень разных формах. В капиталистических странах, естественно, ни о какой ваучерной приватизации речи не шло. Там была нормальная продажа государственных активов частным лицам. Прави-

тельство Маргарет Тэтчер, например, продавало многие нерентабельные производства. Правда, тут случилась некая незадача: продавали по одной цене, а потом конъюнктурная ситуация изменилась и цена резко возросла. Тогда законопослушные британцы начали говорить о том, что новые частные собственники должны бы вернуть случайно свалившееся им богатство. В результате был введен специальный налог на излишки. И все остались довольны. В бывших соцстранах тоже действовали разные модели. Где-то была продажа за деньги. Но ведь всюду надо учитывать свои специфические обстоятельства. Продажа за деньги своим гражданам в России, да и в целом в Советском Союзе, была невозможна, поскольку достаточных денег у населения просто не было. Можно было продать за деньги иностранцам, но этот путь противоречил «ментальности» большинства нашего населения. Да и многие политики запугивали его: якобы все у нас скупают иностранцы и закабалят нас. Хотя в ряде постсоциалистических стран пошли по этому пути. Скажем, в Венгрии...

В целом же можно сказать, что западноевропейские страны, не боявшиеся того, что придут иностранцы и все скупят, естественно, получили большой выигрыш от денежной приватизации. У нас же население к этому было абсолютно не готово. Вспомните, какие тогда были лозунги и что о приватизации земли говорили: «Родина — мать, земля — мать, а мать не продают...» Продажа советских предприятий иностранцам за деньги была абсолютно неприемлема по чисто идеологическим, культурным и прочим основаниям. Разумеется, вполне можно было выделить какую-то их часть и действительно продавать. Но этого не случилось за весь период приватизации.

Е. ЯСИН: Продавать стало можно только на втором этапе, когда началась денежная приватизация.

В. ТАМБОВЦЕВ: Конечно. А вот в период массовой приватизации это было невозможно. Кстати, я бы еще вспомнил очень интересный опыт ГДР. Там ведь тоже до слияния государств — ФРГ и ГДР — местное социалистическое правительство оценило все имущество, если я не ошибаюсь, в 600 млрд дойчмарок. Его там только продавали, а не разда-

вали. Интересно отметить, за сколько реально продали это имущество формальной ценой 600 млрд марок. На порядок дешевле — за 80 млрд. Перенеся эти цифры на нас, можно предположить, что истинная оценка наших предприятий не соответствовала плановой, рассчитанной по социалистическим ценам и составлявшей по ним 1,5 трлн рублей. Жизнь показала, что они имеют совсем другую настоящую рыночную цену. Рынок не обманывает: вещь стоит столько, за сколько ее кто-то может и хочет купить. И если вы купили в бывшей ГДР завод за одну марку, значит цена его одна марка, хотя в балансовой и прочей бухгалтерской отчетности может стоять любая цена. Правда, надо признать, что договор о такой продаже обставлялся рядом жестких условий и по социальным гарантиям для работников, и по инвестиционным планам и т.п.

А у нас все шло по-другому. Вы никогда не задумывались, откуда появился номинал ваучера в 10 тыс. рублей? Простой расчет. Правительство оценило стоимость всего национального имущества. И третью часть, если я не ошибаюсь — 1,5 трлн рублей, поделило на 150 млн человек. Получилось 10 тыс. рублей на ваучер. Вот отсюда и возник тезис, что на ваучер можно купить две «Волги». Тогда «Волга» по оптовой государственной цене стоила 5 тыс. рублей.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Насколько я понимаю, в то время стоимость двух «Волг» для очень многих граждан Советского Союза — это было очень серьезно.

В. ТАМБОВЦЕВ: Да, это было очень серьезно. И деньги такие в конце 1991 года у многих людей появились. Одна беда — «Волг» не было просто физически.

Е. ЯСИН: И еще одно часто выдвигаемое антиреформаторами требование: верните хотя бы сбережения. Ведь уже в конце 1980-х годов инфляция стала вырываться наружу — раньше это был в основном дефицит как форма скрытой инфляции, которая вызывала недовольство, но к которой люди привыкли, приспособились. А в новой ситуации, с одной стороны, стали появляться некоторые товары, но по так называемым договорным ценам, которые были существенно выше официальных. А с другой стороны, особенно после денежной реформы В. Павлова начала 1991 года,

начали резко расти зарплаты, на которые по-прежнему нечего было купить. Начали быстро расти вынужденные сбережения, а кроме того, старые сбережения были заморожены. Но беда в том, что в сберкассах фактически этих сбережений уже не было, были просто некие цифры в сберкнижках. Деньги же были изъяты ранее для покрытия дыр госбюджета. Так что за зарплатами, которые выдавали людям, по сути, ничего не стояло. Не было реальных товаров, которые можно было бы купить по приемлемой цене.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Анатолий Чубайс в одном из интервью сказал, что истинной целью приватизации было создание крупного бизнеса, который бы не допустил возврата к социализму. Подтвердите ли вы это?

Е. ЯСИН: Чубайс постоянно говорит одно и то же: мы должны были иметь в нашей стране частный сектор, частную собственность для того, чтобы работал рынок. Но нельзя отрицать и наличие определенного политического мотива. Хотя он возник не в связи с приватизацией вообще, а на следующем этапе, когда приступили к денежной приватизации, когда начались залоговые аукционы и т.д. То есть тут речь может идти о 1995 годе. Тогда встал вопрос, кто в обществе может составить социальную базу и поддержку реформаторам. Стало ясно, что наиболее организованный слой — это крупный бизнес, на него можно опираться. Поэтому я думаю, что реформаторы сознательно пошли на то, чтобы предоставить определенные преимущества формирующемуся крупному бизнесу. Но это была политическая проблема определенного, очень короткого периода. Потом она сама обернулась своей противоположной стороной и превратилась в борьбу тех же самых реформаторов с теми же крупными капиталистами.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но если вернуться к первоначальным шагам, связанным с приватизацией, то у массы людей по-прежнему существует стойкое убеждение в том, что их просто надули.

Е. ЯСИН: Сам процесс перераспределения собственности очень сложен. В нем оказались задействованы разные люди, не все было продумано до конца, особенно с чековыми инвестиционными фондами, которые потом просто

«растворялись». Однако с самого начала не было никакого желания кого-то обманывать. Я хочу обратить внимание на то обстоятельство, что в тот период одновременно были запущены два процесса. Один — приватизация, другой — либерализация цен и финансовая стабилизация, а этот последний закономерно вел к кризису, к падению производства, к обесцениванию активов. Поэтому рассчитывать на то, что можно было выйти из сложившейся ситуации так, чтобы каждый обогатился, было просто невозможно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, Виталий Леонидович, в ходе нашей беседы пришли два сообщения от тех, кто вложили свои ваучеры в «Газпром» и «Сургутнефтегаз» и ежегодно получают дивиденды. Но почему их только двое среди массы недовольных? Неужели все остальные «счастливчики» — это только наши «олигархи»?

Е. ЯСИН: Я думаю, нет. Просто кто-то действительно продал ваучер за бутылку или за какую-то ничтожную сумму, но кто-то вложил его в «Газпром» и, конечно, оказался на коне. Думаю, что он купил хотя бы одну «Волгу» или, может быть, какую-нибудь иномарку. Вновь подчеркну: я бы поставил в вину разработчикам всего приватизационного инструментария одну существенную ошибку — создание чековых инвестиционных фондов, ЧИФов. Точнее — не были четко законодательно проработаны их права и обязанности, особенности функционирования и т.п. Считалось так: вы получаете ваучер, сдаете его в какой-то понравившийся ЧИФ, а этот ЧИФ обменивает ваши ваучеры на акции определенных предприятий или их набор. То есть он выступает как инвестиционный институт. Но это мы сейчас знаем, что такое инвестиционный институт, что это финансовая компания, которая работает на рынке. Но с ЧИФами, на которые реформаторы рассчитывали как на нормальные паевые инвестиционные фонды, из этого ничего не вышло. И мне представляется, что большинство потерь связано с тем, что практически все эти ЧИФы просто разорились. Они покупали акции не тех предприятий, и на самом деле это большая неудача первого периода чековой приватизации.

В. ТАМБОВЦЕВ: Я бы еще добавил к этому, что ощущение обмана идет как раз от того, о чем только что ска-

зал Евгений Григорьевич. Ведь примерно треть граждан, получивших ваучеры, действительно обратились в чековые инвестиционные фонды. Но при этом из-за недостатка информации со стороны реформаторов многим гражданам было все равно, с каким фондом иметь дело. Или это ЧИФ, или это «Гермес», или это МММ. Ваучер отдал и не получил ничего. Отсюда и обман. А рядом сосед, который отдал в «Газпром» и выиграл. А это уже воспринимается как несправедливость. Мы же сначала были одинаковые, но получили совсем разный результат. Но кто же признается в том, что он совершил ошибку с самого начала? Никто не признается и будет прав. Потому что информации было очень мало. И действительно, четкий провал с ЧИФами — это явный недосмотр государства, тут не граждане виноваты.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть можно было сделать все-таки лучше?

Е. ЯСИН: Безусловно, можно было.

В. ТАМБОВЦЕВ: Конечно, можно было. Но там был один важный фактор — время. Потому что те люди, которые занимались приватизацией, были уверены, что у них времени, в общем, нет. Потому что если они не успеют за короткий срок ее осуществить и пройти точку невозврата, то старый режим вернется. Потому что, окажись директора государственных заводов, так называемые красные директора, к следующим выборам полностью при власти и распоряжении собственностью, кому бы они давали деньги на выборы? Я думаю, уж во всяком случае не Ельцину или его сторонникам.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Кстати, нам приходили сообщения, что, дескать, денег на зарплату рабочим у директоров предприятий не было, но деньги на покупку ваучеров у них всегда находились.

Е. ЯСИН: Я думаю, что так и было.

В. ТАМБОВЦЕВ: Но тут надо уточнить. Ведь ситуацию с пресловутыми деньгами, которые были у руководителей предприятия на закупку ваучеров, будь то на свободном рынке или у своих работников, надо рассматривать сквозь призму асимметрии возможностей. Есть в экономической теории такое понятие — асимметрия информации, то есть

разные люди обладают разной информацией. А есть асимметрия возможностей. Сравните возможности условного рабочего Иванова взять у банка заем на приобретение ваучеров и возможности директора Петрова взять у банка заем на эти же цели. Даже такой простой пример сразу дает ощутить разницу в положении Иванова и Петрова. В результате директор Петров обычно использовал свою возможность, а рабочий Иванов не мог этого сделать по определению, чисто технически. Какой же банк даст ему на это деньги? Поэтому петровы скупали у ивановых ваучеры, которые в сложившейся ситуации часто становились для них просто бумажками. А деньги ивановым тогда были очень нужны, просто чтобы кормить семью. Но в итоге Петров становился хозяином, а Иванов оказывался в условиях невыплаты заработной платы. И все это для того, чтобы он смог все-таки прожить лучше лишнюю неделю на проданный ваучер. Тут кроется еще одно основание для ощущения несправедливости. И могу сказать — правильного ощущения.

Е. ЯСИН: Я добавлю, что лично глубоко убежден: распределение собственности, так же как и ее передел, справедливыми быть вообще не может. Кто-то в результате всех этих процессов выиграл, но он не придет хвастаться своими успехами. Напротив, он будет охранять свою кормушку, чтобы никого к ней не подпустить. Однако все остальные будут недовольны и станут громко протестовать, говорить о несправедливости, о том, что их ограбили. Так бывало везде, где бы ни происходили подобные операции. Напомню, например, распродажу национального имущества во Франции эпохи Великой французской революции. Какой был скандал во время Директории! Больше двух веков прошло, а до сих пор помним. Избежать какого-то недовольства, связанного с этим процессом, невозможно.

И в конце концов, понимая, что вызываю на себя огонь многих сограждан, но одновременно сознавая все недочеты и несправедливости процесса, я все же убежден, что главное было открыть дорогу повышению эффективности российской экономики, ускорить создание рынка, развитие инвестиционных процессов. И этому, при всех издержках, способствовала приватизация. Потому что наше будущее

заклучалось не в том, кто и сколько получит от тех активов, которые распределялись на советских предприятиях, а в том, что мы должны были построить новую экономику, создать ее именно с участием бизнеса. Ведь рыночная экономика без бизнесменов не работает. Поэтому в конечном счете я не интересовался судьбой своего ваучера. Я понимал, что не разбогатею, потому что начался трансформационный кризис и этот кризис будет очень тяжелый. Как в этих условиях требовать, а это говорил Юрий Михайлович Лужков, чтобы мне дали 2,5 млрд долларов за ЗИЛ? Кому он был тогда нужен за такую цену? Извините, дорогие работники ЗИЛа. Но все равно этот процесс нужно было пройти. Потому что, если в результате мы получаем рыночную экономику и сильный частный сектор, значительный слой собственников, тогда мы имеем будущее. В этом была главная задача.

В. ТАМБОВЦЕВ: И все-таки от темы справедливости и несправедливости приватизации, по-моему, уходить еще рано. Потому что остались кое-какие недоговоренности. Я прекрасно понимаю пафос Евгения Григорьевича относительно устремления в будущее. Но сегодня это будущее уже есть, и оно не совсем такое, как было задумано. И весь комплекс проблем, связанных с тем, как именно шла приватизация, утвердился в народном сознании. По оценкам многих социологических служб, и прогосударственных и независимых, на вопрос, считаете ли вы, что нужно вернуть все приватизированное государству, примерно 40% отвечают утвердительно. В результате и политики, и многие исследователи делают вывод о том, что российское общество, пусть не большинство, но примерно половина, считает, что приватизация была вредна, не нужна и т.д.

Но при анализе таких социологических результатов важны детали, то, как был сформулирован вопрос. В частности, мы проводили исследование, касающееся причин нелегитимности собственности в глазах многих. В чем была особенность нашего подхода? Мы немножко по-другому поставили вопрос. Сформулировали его так: «Считаете ли вы необходимым передать приватизированное имущество под управление чиновнику?». Это, по сути, одно и то

же — вернуть государству и отдать под управление чиновнику. Государство же не Бог, который незримо всем управляет. Это множество чиновников, наемных, выборных, неважно. Так вот, на сформулированный нами вопрос граждане дали в два раза меньше положительных ответов. Грубо говоря, согласны отдать чиновникам имущество только 20%. Но самое интересное было в другом. В стандартно задаваемых вопросах затруднившихся с ответом, то есть не уверенных в результате, если я не ошибаюсь, бывает где-то около 7% опрошенных. В нашем же варианте затруднились с ответом 30%. Этот опрос проводило уважаемое социологическое агентство — фонд «Общественное мнение», то есть это не самоделка, а серьезное социологическое исследование.

Какова наша интерпретация полученных результатов? В России в мыслях большинства россиян государство — это хорошо а ргіогі, потому вернуть собственность государству — значит вернуть ее в заботливые руки опекуна. Когда же человеку задают вопрос, вернуть ли под управление чиновника, тут срабатывают другие вековые стереотипы. Человек же прекрасно понимает, что такое чиновник, и в таком случае он отвечает совсем иначе. Отсюда треть затруднившихся с ответом, то есть в четыре раза выросло число людей, которые задумались, а чем же на самом деле может стать реприватизация или национализация. Кому все надо вернуть? Опекуну, который будет о вас заботиться, или в руки чиновника? Потому 30% не дали ответа, затруднились. Это очень серьезный результат.

Е. ЯСИН: Я всегда говорил, что в социологии самое главное, как задать вопрос.

В. ТАМБОВЦЕВ: Тут мы видим живое подтверждение этого тезиса. По сути, спрашивается одно и то же, но при разной постановке вопроса появляется принципиально разная картина. А полученные нами 20%, которые считают, что собственность надо вернуть государству, — это примерно эквивалент доле населения, голосующего за коммунистов. То есть это люди старой школы, согласно которой надо все вернуть государству, и тогда все будет хорошо. Несмотря на все то, что государство с ними проделывало. Это уже неизменяемо.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В заключение я, как обычно, прошу порекомендовать интересующимся полезные книги по нашей сегодняшней теме.

Е. ЯСИН: Во-первых, я бы рекомендовал почитать книжку, которая называется «Приватизация по-русски». Она была создана под редакцией Анатолия Борисовича Чубайса. Это, кстати, та самая книга, за которую на ее авторов набросились Гусинский и Березовский, объявившие войну реформаторам, не давшим им приватизировать в 1997 году по схеме залоговых аукционов «Связьинвест». Книжка на самом деле очень хорошая. Я ее рекомендую, если вам удастся ее достать. И под редакцией Виталия Леонидовича вышла весьма содержательная книга «Права собственности, приватизация и национализация в России». Поэтому я и попросил его прийти.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Спасибо, Виталий Леонидович и Евгений Григорьевич, за интересную беседу.

ВТОРОЙ ЭТАП ПРИВАТИЗАЦИИ (Е. Ясин)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Наша беседа, посвященная приватизации, ограничилась анализом ее первого, чекового, этапа, когда все граждане страны получили приватизационные чеки — ваучеры, дающие право претендовать на определенную долю так называемой общенародной — государственной — собственности. Распорядились они этим правом по-разному, и об этом мы уже говорили. Но в то же время после ваучерного этапа приватизации был и другой — денежный ее этап. О его особенностях и проблемах мы обещали поговорить.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Да, мы обещали закончить тему приватизации. И я постараюсь рассказать об этом втором этапе, о так называемом денежном этапе приватизации. И о том, как мы оцениваем его сегодня.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда начнем с 1994 года, с ситуации, сложившейся к его концу, когда вы стали министром.

Е. ЯСИН: Напомню, что программа массовой приватизации закончилась в середине того года. С июля 1994-го ваучеры, которые не были куда-то вложены, теряли силу. По сути, ваучеры создавали своеобразный искусственный спрос на государственную собственность. Их можно представить в виде неких искусственных денег, которые раздавались людям для того, чтобы они могли вложить их в собственность. Вся эта приватизационная кампания, как мы уже говорили, оказалась не слишком удачной. Только очень немногие могут сказать, что они на свои ваучеры получили акции, ценившиеся на фондовом рынке, с которых потом им платили дивиденды и которые затем можно было с выгодой продать. Все это было, и мы должны признать, что иллюзии массовой «народной приватизации», способной обогатить большинство, так и остались иллюзиями — впрочем, по вполне объективным причинам.

Но вместе с тем страна сделала колоссальный шаг вперед к новому экономическому порядку. Значительная часть государственной собственности оказалась в негосударственных руках. Это очень важно подчеркнуть. Потому что «Газпром», например, тоже оказался негосударственным предприятием: в нем всего 38% акций принадлежало государству. Однако с окончанием ваучерного этапа бурное движение в направлении разгосударствления имеющейся собственности приостановилось. И достаточно сложно было представить, что будет происходить дальше. Ведь ситуация в 1994 году была исключительно сложная. С начала года правительство просто лихорадило. Приходилось решать одну за другой проблемы, оставшиеся от прежнего хозяйственного уклада. Тут и северный завоз, и посевная, и другие насущные проблемы, требующие оперативного решения и, главное, дорогостоящие. В результате Министерство финансов в соответствии с совместным решением правительства принималось печатать деньги. Дефицит бюджета покрывался посредством эмиссии. Поэтому, собственно, 11 октября 1994 года и случился «черный вторник», когда рубль за один день упал на 30%. Немедленно стали искать виноватых, например банкиров, проводивших какие-то операции и скупавших доллары. Но на самом деле причина была проста: долго печатали много денег. И рубль обвалился. Вновь надо было думать о финансовой стабилизации. Это была уже третья попытка.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда вас и назначили министром экономики.

Е. ЯСИН: Да, в ноябре 1994 года меня назначили министром, уговорили. Я себе с трудом представлял, как это будет. Но в конце концов, как говорят, не боги горшки обжигают. Поэтому я взялся за эту работу. Первая задача состояла в том, что требовалось стабилизировать бюджет, прекратить эмиссионное финансирование дефицита. Об этом было принято решение. Но для его реализации нужно было выработать программу. Как это делать? Мне, как министру экономики, пришлось заниматься этим делом. Был проведен серьезный анализ, и мы пришли к твердому выводу, что есть только две возможности закрыть дыру

в бюджете. Первая — выпуск правительством долговых обязательств, тех самых государственных казначейских обязательств — ГКО, с которыми потом познакомилась вся страна. Решено было применять долговое финансирование бюджета вместо простого печатания денег, то есть открытой инфляции. Расчет был на то, что, запуская механизм долгового финансирования текущих нужд, мы как бы откладываем инфляцию в расчете на то, что, создав условия для подъема экономики, мы сможем уже не просто печатать деньги, а зарабатывать и уже из этих денег начнем и финансировать текущие расходы, и расплачиваться с долгами. Это так называемые неинфляционные источники финансирования бюджетного дефицита. А второй вариант, дающий возможность закрыть дыру в бюджете, — это приватизация, которая, в отличие от того, что было раньше, проводилась бы за деньги. Напомню, что общее недоумение по поводу первого этапа приватизации, о котором мы говорили, вызывал тот факт, что ваучерная приватизация не приносила казне дохода. Это было терпимо, пока главная задача состояла в разгосударствлении производства, получении частного собственника и снятии нагрузки с бюджета в виде дотаций нерентабельным производствам. Теперь же, как я сказал, сама задача приватизации изменилась.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А за какой срок вы собирались свою программу финансовой стабилизации реализовать?

Е. ЯСИН: Вообще-то, это программа, которая для своей качественной реализации требует много времени. У нас же времени для того, чтобы стабилизировать бюджет, было где-то года три, не больше. Как выяснилось потом, мы примерно за три года ее и решили. Но принципиально важно то, что мы пришли к Анатолию Борисовичу Чубайсу, который тогда был первым заместителем председателя правительства, с нашими выводами о необходимости начинать денежную приватизацию. Он позвал Альфреда Рейнгольдовича Коха, тогда возглавлявшего Госкомимущество, и тот сказал, что у него нечего приватизировать, что все уже приватизировали, а то, что осталось, — нельзя. Но потом все-таки в принятом на 1995 год бюджете в статьях доходов было зафиксировано, что от приватизации предполага-

лось получить около 8 трлн рублей. То есть приватизация должна была закрыть 16% дефицита консолидированного бюджета. Была идея продать часть акций нефтяных компаний, но их продаже запретил парламент. И к концу августа 1995 года от приватизации было выручено лишь 500 млрд рублей. И тогда на сцену вышли залоговые аукционы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, я не экономист, но понимаю логику ваших рассуждений, понимаю необходимость денежной приватизации в той сложной ситуации. Однако очень многие граждане России считают, что их в результате приватизации — и ваучерной и денежной — просто обокрали. Причем обычно называют имя Чубайса. А когда вы пытаетесь объяснить причины принятия решений того времени, то обвиняют и вас.

Е. ЯСИН: Я этому несколько не удивляюсь, ведь я работал в этом реформаторском правительстве. И я не снимаю с себя ответственности за его просчеты, хотя и от лавров за какие-то удачные решения и дела тоже не стал бы отказываться. Потому что не считаю, что наша работа была абсолютно проигрышной, как некоторые думают. Мы в прошлый раз говорили, что при проведении приватизации никогда нельзя добиться результата, который удовлетворил бы всех. Более того, большинство всегда будет недоволено. Не забудем, что десятилетиями в мозги людей вбивалось, что это не просто государственная собственность, а «общенародная». И в Конституции СССР она так и называлась: «общенародная (государственная)». Хотя над этим посмеивались, даже говорили, что государственная собственность — значит, ничья. Но когда эта собственность стала переходить к каким-то частным собственникам, то тут просто из подсознания всплывает: она же «общенародная», а потому в какой-то степени и моя. Причем понятно, что раздать эту собственность всем поровну невозможно. Не только потому, что весь этот огромный массив собственности состоит из разнокачественных объектов. Лишь по этому критерию при его разделе неизбежны и обиды, и недовольство, и ощущение, что именно тебя обманули. Вспомним, какие страсти кипели в дореволюционной крестьянской общине при переделах земли. А тут

мы сталкиваемся с ситуацией иного качества, неизмеримо большей сложности.

Но самое главное, при разговорах о приватизации обычно забывается, что собственность — это прежде всего ответственность. Ею надо управлять, и управлять эффективно. Найти же сразу того, кто сможет управлять выделенным ему объектом эффективно, не получается. Ведь поначалу каждый уверен, что именно он может это делать, а на самом деле не каждый может и не каждый умеет. Конечно, некоторым иногда просто везет, а потом они уже используют результаты своего везения. Но в целом и у нас, и в других странах есть лишь небольшой процент людей, способных наладить эффективную работу того или иного бизнеса. А потому predetermined, что даже при первоначальном «равном» разделе собственности одни ее быстро теряют, а другие, проявив необходимые знания, умения, предпринимательское чутье и, не будем лукавить, нужные связи, оказываются владельцами приватизированных производств. То есть по объективным законам собственность должна была достаться не большинству, а большему или меньшему меньшинству. Так оно и вышло, и, естественно, оказавшееся в проигрыше большинство не может не быть недовольным. Хотя ни у кого ничего не отняли. Потому что речь шла о государственной собственности, которой реально не распоряжался никто из простых граждан Советского Союза. Это каждый прекрасно знает. Ну, конечно, были директора, министры, разные крупные чиновники, которые выполняли те или иные функции по управлению этой собственностью. Но они в большинстве и получили большей частью свою долю.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Все это так, Евгений Григорьевич, но, когда речь заходит об истории денежной приватизации, особенно 1995 года, сразу всплывают залоговые аукционы с кредитами в обмен на акции. Тут вряд ли можно ограничиться общими рассуждениями.

Е. ЯСИН: Да, до этого периода мы как раз и дошли. Собственно, для того, чтобы подойти к нему, я и рассказал о том, что нужно было найти деньги для бездефицитного финансирования бюджета, о том анализе текущей ситуации, которым

я сам занимался. Итак, мы пришли к Чубайсу, а Кох сказал, что приватизировать нечего. Однако реальная проблема заключалась в том, что теперь основной посыл приватизации по сравнению с первым, ваучерным, этапом поменялся. Раньше задача заключалась в том, чтобы собственность каким-то образом распределить среди населения, учесть интересы трудовых коллективов и т.д. Потом вся научная общественность обрушилась на нас с критикой за то, что наша приватизация была инсайдерской. Это значит, что акции предприятий покупал кто-то изнутри. Сначала это был трудовой коллектив — основная масса предприятий приватизировалась по схеме, согласно которой трудовому коллективу сразу предоставлялся 51% акций. А потом у рядовых работников их акции скупали администраторы, становясь таким образом хозяевами предприятия. Но бывало и так, что администраторы напрямую по каким-то схемам получали эту собственность.

Все это была плата за иллюзии большинства людей, уверенных в истинности лозунга советской власти самой первой поры «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам!». Не прислушаться к этому было невозможно. Пренебрежение такими настроениями могло спровоцировать такую волну ожесточения, которая заблокировала бы все реформы. Но на новом этапе перед нами стояла совсем другая задача. Теперь на передний план выдвинулась необходимость закрыть дефицит бюджета, а для этого нужно было найти источники дохода в ситуации резкого падения производства. Если раньше правительство предложило населению ваучеры — по сути, бумажки, которые потом можно было обменять на акции предприятий, то теперь нужно было получить деньги. К кому в тех условиях можно было обратиться с подобным предложением? Обращаться к широким народным массам было бессмысленно. У них не было денег и на первый этап приватизации. Однако существовала достаточно ограниченная определенная группа, которая деньги имела. Мы уже говорили об этом с Олегом Киселевым. Надеюсь, к нашим беседам присоединятся и другие крупные бизнесмены. Они нам расскажут, как зарабатывали первые крупные деньги задолго до приватизации. И расчет был на то, чтобы обратиться к ним.

Поэтому когда господин Потанин обратился к правительству с предложением о предоставлении кредитов в обмен на акции доходных государственных предприятий, то после недолгой дискуссии правительство приняло это предложение. Но повторю еще раз, это была осень 1994 года, и надо было определяться, как справиться с инфляцией и как решать другие проблемы, которые стабилизировали бы экономику и дали бы ей возможность развиваться. Надо было решаться! У меня, кстати, были очень большие сомнения в корректности этой операции. Но все-таки в правительстве позиция, что на нее надо идти, возобладала. Тогда группе крупных бизнесменов, в том числе Владимиру Олеговичу Потанину, Борису Абрамовичу Березовскому, Михаилу Борисовичу Ходорковскому, Владимиру Викторовичу Виноградову, кому-то еще, сказали, что на их предложение согласились. И им предложили подготовить проекты соглашений о предоставлении кредитов и проч.

Должен сказать, что ситуация с залоговыми аукционами — это одно из наиболее, я бы сказал, больных мест в истории российских реформ. Признаю: залоговые аукционы стали неким символом всех тех безобразий, которые пришлись на 1990-е годы. В самой схеме залоговых аукционов ничего зазорного нет. Вопрос в том, как конкретно она была реализована, в том контексте — экономическом и политическом, — в котором была осуществлена эта операция. Причем, как всегда бывает с символами, на самом деле их реальное значение было не так велико. Простой факт: общее количество разных предприятий, предложенных на залоговых аукционах, составляло всего двенадцать. Среди них, правда, были и «Норильский никель», и ЮКОС, и «Сибнефть» — определенные пакеты их акций, еще какие-то «вкусные», я бы сказал, куски. И те, кто участвовали в этих аукционах, получили контроль над мощными финансовыми потоками.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А почему вы называете их «вкусными»? Ведь тот же ЮКОС, согласно условиям аукциона, в случае невозвращения залога не просто передавался новому владельцу, но этот новый собственник обязывался выплатить все накопленные предприятием долги — и государ-

ству по налогам, и кредиторам, и работникам по зарплате. А эти долги, как потом писали, исчислялись сотнями миллионов долларов.

Е. ЯСИН: Не знаю, сколько у долга было у ЮКОСа, но он достался МЕНАТЕПу, по-моему, за 150 или 160 млн долларов, я сейчас не помню точной цифры. За чуть меньшую сумму «Сибнефть» досталась консорциуму, в который входили Московский банк сбережений, еще какая-то компания, за которыми стоял Березовский. И «Норильский никель», эта жемчужина в короне российской индустрии, обошелся группе Потанина в 170 млн. Вернее, они предоставили эту сумму государству в кредит, а потом государство кредит им не вернуло, а потому они, согласно условиям аукциона, стали владельцами «Норникеля».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но у меня еще один вопрос, связанный с основной задачей приватизации — передачей собственности из рук государства, как неэффективного собственника, собственнику эффективному. Так в хорошие ли руки попала собственность? Помогла ли смена собственника в случаях приобретения ее через залоговые аукционы повышению эффективности работы предприятий, их модернизации, качественному улучшению менеджмента и т.п.?

Е. ЯСИН: Я хочу в связи с этим рассказать историю, которая в данном случае произошла со мной после того, как состоялся конкурс по продаже «Связьинвеста». Это было уже в 1997 году, когда Чубайс и Немцов заняли твердую позицию: продавать не по договоренности, а тому, кто даст больше. Тогда за 25% акций «Связьинвеста» государство получило более миллиарда долларов — такие деньги государство получило впервые. И выиграл аукцион не Владимир Гусинский, претендовавший на эксклюзивное право получения этого пакета. Тут и начались информационные войны между младореформаторами в правительстве, с одной стороны, и нашими медиамагнатами Гусинским и Березовским — с другой. Тогда после конкурса по «Связьинвесту» я написал письмо Виктору Степановичу Черномырдину, так как приближался аукцион по продаже пакета акций «Норильского никеля». Конечно, письмо было конфиденциальное, но сейчас я уже могу сказать, что я просил не про-

водить конкурса, потому что в случае его проведения волна негодования, как я ожидал, окажется еще выше, чем в случае «Связьинвеста». Ведь тут огромный завод, один из лучших в мире, продали за 170 млн долларов. И я просил приостановить это дело. Ну, как всегда водится, не знаю, может быть, это для меня и удача, потому что у меня есть оправдание перед лицом истории, но кто-то, прошу прощения, стырил это письмо в аппарате правительства...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть оно не дошло до адресата?

Е. ЯСИН: Нет, оно дошло, просто у нас и тогда ксероксы водились... И потом это появилось в газетах. Тогда пресса у нас была действительно независимая, и все стало известно. Черномырдин вызвал меня к себе, а он Потанина недолюбливал, как мне кажется, и сказал: «Ну, если вы так считаете, то сами и разбирайтесь». Я действительно стал разбираться. В результате получилось, что акции «Норникеля» приобрела группа Потанина, но все было оформлено абсолютно законно. Можно, конечно, говорить, что это было несправедливо, но законно.

В частности, в первоначальном варианте залоговых аукционов предполагалось, что конкурс организует компания — банк, — которая дала кредит правительству. То есть с самого начала было ясно, что конкурс не будет реальным, что победитель заранее известен. В качестве тех, кто выступали их представителями, были никому не известные фирмы-однодневки типа прославившейся впоследствии «БайкалФинансГруп». Скажем, ЮКОС покупала компания «Лагуна» из города Талдом. Конечно, я представлял, что будет большая беда, но для того, чтобы отменить это, нужно было иметь какие-то основания. Все-таки там все было законно, и на это согласились. Стояли подписи руководителей правительства. Это была просто, я бы так сказал, осознанная политика. Потом, например, со многими обвинениями выступал лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц. Он писал в своих сочинениях, что это образцовое вымогательство, даже не вымогательство, а просто кража. Но на самом деле это не была кража. Это было соглашение. Причем соответствующее духу того времени, стремлению избавиться от государственной собственности, помочь но-

вому эффективному частному собственнику, который вел бы дело.

Вот теперь я перехожу к вопросу, который был задан. Получили ли эти предприятия такого собственника? Прошло несколько лет. По-моему, в 1999-м году Генеральная прокуратура предъявила Потанину требование, чтобы он заплатил еще 170 млн долларов, потому просто, что первых 170 млн, по мнению прокуратуры, было недостаточно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Просто так — возьми и заплати? Или были какие-то законные основания?

Е. ЯСИН: Нет, никаких законных оснований не было. Как вы понимаете, то же происходит и сейчас. Я напому вам высказывания господина Шварцмана, прославившегося в конце 2007 года своими откровениями газете «Коммерсантъ», «Эху Москвы», ряду зарубежных изданий, где он прямо заявлял, что друзья Путина контролируют все значимые отрасли экономики как «крестные отцы». И они «обогащают свои кланы, вливают туда миллионы»¹. Он признавался, что люди из его организации приходят к собственнику и говорят ему: вы же понимаете, что надули государство и заплатили низкую цену, сейчас снижайте цену и продавайте нам задешево. Поэтому ничего удивительного в таком ходе прокурорской мысли по отношению к Потанину не было. Но я тогда, в 1999 году, встал на его защиту. Объясню почему. Потому что увидел, что на комбинате появился рачительный хозяин. Он платил налоги, действительно увеличил производство металла. Все показатели стали намного лучше. Больше того, и это было чрезвычайно важно для меня, в Норильске, в этом холодном краю, была принята и реализована исключительно интересная и эффективная социальная программа. Скажу честно, я не знаю, как сейчас обстоят дела на Норильском комбинате, особенно учитывая все разборки 2000-х годов. Но в конце девяностых, когда я познакомился с этой программой, мы пригласили к нам в Высшую школу экономики на конференцию Ольгу Голодец, представительницу «Интерроса», которая занималась этой программой. Кстати, директором тогда на ком-

¹ www.russia-talk.com/RF/rabirth.htm.

бинате был Александр Геннадиевич Хлопонин, который затем стал красноярским губернатором и впоследствии занимал высокие государственные посты. А тогда в Норильске они осуществили чрезвычайно интересные меры. Одна из них состояла в организации вывоза из Норильска семей пенсионеров в дома, специально построенные для них на юге Красноярского края. Таким образом с Норильска была снята нагрузка по организации жизни этих людей в тяжелейших природных условиях, что не только затратно, но и просто дико. Эти места сложны для жизни и для вполне молодых крепких людей. Однако до прихода новых собственников пенсионерам просто некуда было ехать. Кроме того, они рассчитывали на получение северных надбавок, которые полагались этим пенсионерам. Понимаете, это дикость, которую трудно себе представить. Но тем не менее Потанин и его команда стали ее разруливать. Кроме того, на самом комбинате стабилизировалась социальная ситуация. Там был создан совет бригадиров, осуществлены и другие интересные начинания. Тогда я, несмотря на то что в свое время был против этого аукциона и т.д., выступил в печати и высказал свое мнение: ни в коем случае не надо ничего забирать, не требовать новой доплаты. Потому что реально уже были вложены крупные инвестиции и, самое важное, мы видели инициативную работу, преобразующую старую систему в новую.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, хочу уточнить: вы произнесли слово «соглашение». Это соглашение политическое?

Е. ЯСИН: Безусловно. Это отрицать бессмысленно. Соглашение было политическое. Оно обеспечивало поддержку власти со стороны бизнеса — тогда так казалось. На самом деле, как потом выяснилось, это была ошибка, но политическую поддержку крупного капитала и соответствующих финансовых ресурсов власть получила. Кроме того, оно соответствовало самой концепции приватизации, потому что отдавало собственность в руки тех, кто в большинстве случаев оказались хорошими собственниками, хорошими бизнесменами. Если вы спросите о других предприятиях, полученных благодаря залоговым аукционам, то

я могу сказать, что ЮКОС к моменту, когда приступили к его разорению, был лучшей нефтяной компанией России. Можно вспомнить еще и «Сибнефть».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, в нашем разговоре прозвучало также слово «несправедливо». А как справедливо? Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но объясните, можно ли говорить о справедливости в той ситуации, в какой мы оказались в 1990-х годах, как соединить справедливость и потребность в эффективном собственнике?

Е. ЯСИН: Тут я просто выскажу мысль, которая многим может показаться дикой. Эффективно — это почти всегда несправедливо. Не бывает так, чтобы вы все раздавали, а в понимании большинства людей раздать поровну — это и есть справедливость. Ну, допустим, раздали всю собственность по кусочку, но что будет завтра? Что каждый человек может принести на предприятие? У вас есть какая-то надежда, что завтра все работники станут вкалывать как черт, что у них вырастет квалификация? Что они бросят пить и т.д.? Все же понимают, что этого не произойдет.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но он будет в своем праве пропить свою долю собственности.

Е. ЯСИН: Однако в любой компании, на предприятии нужно, чтобы была голова, чтобы был хозяин, который следит за тем, чтобы его капитал не пустили по ветру, и который нанимает квалифицированных менеджеров, следит за хорошей организацией труда и т.д. Для этого он должен обладать необходимым капиталом, и должны выделиться сильные, способные люди. Вы можете по этому поводу недоумевать, смеяться, даже возмущаться. Но если посмотреть на галерею самых разных героев российского бизнеса — от тех, кто еще вчера были бандитами или стали бандитами, и до тех, кто еще вчера были заведующими лабораториями и уже состоявшимися учеными и т.п., — то увидите следующее. Все они на деле продемонстрировали свою способность заниматься бизнесом. Сказать, что все они были успешными и что они всё смогли, невозможно. Из сотни тех, кто решился рискнуть и заняться бизнесом, успеха добились, наверное, всего пять-шесть человек. И, думаю, даже

в других, более благоприятных условиях вряд ли было бы иначе.

Я сейчас немного отвлекусь, чтобы рассказать об одной известной научной теории. Есть такая теорема Коуза. Это основатель нового институционального анализа, очень известный человек, лауреат Нобелевской премии. Его теорема гласит, что совершенно безразлично, кто будет первым собственником, так как в конце концов процесс перераспределения собственности приведет к выбору более эффективных собственников. Но это произойдет при условии, что трансакционные издержки, то есть издержки по смене форм собственности в войне всех против всех, будут равны нулю. Очевидно, что они ни в коем случае не могли быть равны нулю. Конечно, совершенно не все равно, как первоначально распределялась бы собственность. Разумеется, лучше было бы, если бы она сразу распределилась так, чтобы попадала более эффективным собственникам и чтобы социальные издержки были бы поменьше. Тогда весь процесс обошелся бы гораздо дешевле и, наверное, в каком-то смысле был бы более справедливым.

Я вспомнил об этом потому, что все еще идут споры между разными экономистами. Одни говорят: на самом деле издержки от приватизации, которая прошла так быстро, были настолько велики, что невозможно считать ее успешной. Но есть и другие, которые утверждают, что в реальности трудно себе представить, что такую операцию, как приватизация, можно начать и сразу добиться успеха, при этом имея какой-то совершенный план. Совершенный план, который обычно противопоставляется чужайсовской приватизации, это так называемая западная модель *case-by-case*, то есть приватизировать поштучно, предприятие за предприятием и т.д. Однако для такого варианта понадобилось бы лет двадцать. И при этом неизвестно, откуда брать специалистов, которые будут этим заниматься. Ведь тут нужны оценочные компании, аудиторские компании, нужно большое количество специалистов, которых в Советском Союзе и вообще в природе просто не было. Правда, был еще один вариант, позволяющий все это сделать гораздо более эффективно и сразу, — продавать иностранцам. Так сделали

в Венгрии, так сделали в Чехии и во многих других странах. Собственно, когда нам говорят: берите пример с восточноевропейских постсоциалистических стран, как-то забывают, что там продажа собственности иностранцам была социально приемлема. У нас же в этой сфере до сих пор масса предрассудков и непонимания. Поэтому, когда встал вопрос о продаже предприятий иностранцам, все члены правительства понимали: в России так сделать нельзя. И этот вариант был отвергнут по целому комплексу причин, среди которых были и весьма рациональные, связанные, например, с репутацией тех наших бизнесменов, которые в альянсе с иностранными партнерами хотели бы стать владельцами крупнейших отечественных предприятий. Ведь при слабости нашего законодательства, а особенно правоприменительной практики, мы не смогли бы противостоять действиям, идущим во вред и конкретному производству, и экономике в целом. Да и наши бизнесмены, олигархи не хотели, чтобы с ними за право обладания государственной собственностью стали конкурировать иностранцы. Они хотели, чтобы всё досталось им. Ведь чем меньше участников в этой конкуренции, тем меньше пришлось бы платить. Но были слишком велики риски, связанные с допуском к таким конкурсам, скажем так, не совсем чистоплотных претендентов, в том числе и отечественных. Вспомним, что тогда на слуху были и ставшие бизнесменами представители криминального мира. Поэтому пришлось идти на изначальное снижение числа претендентов на тот или иной объект, а значит, сознательно занижать его цену. Так сложилась ситуация. И мы за это тоже что-то должны были заплатить. Зато сегодня эти активы находятся в руках российского бизнеса. Сейчас время изменилось, и я думаю, что мы уже могли бы в большей степени допускать иностранцев. Но все же у нас такой менталитет, и мы пока с этим должны считаться.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Кстати, были ли социальные программы у других приобретателей государственной собственности, а не только у «Норникеля»?

Е. ЯСИН: Конечно, в общем, те люди, которые трудились в этих компаниях, зарабатывали намного лучше других. И потом не будем забывать, что залоговые аукционы — это

некий бренд проклятия, если хотите. Хотя через эту форму прошел, по сути, лишь десяток предприятий. Будем справедливы: на самом деле не только таким образом создавались в России крупнейшие состояния. Вспомним, например, Вагита Юсуфовича Алекперова, который стал президентом «Лукойла» совсем не через залоговый аукцион. Или Владимира Леонидовича Богданова, совладельца «Сургутнефтегаза», я могу продолжить этот список... Но появление такого клейма – залоговый аукцион, окрашивающего всю эту эпоху, в каком то смысле было неизбежно, потому что уж очень как-то некрасиво это все выглядело. И считалось, что можно было сделать гораздо более справедливо. Наверное, можно было. Не берусь судить...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но если коснуться другой темы, упомянутой вами при рассказе о бюджетных проблемах 1995 года, часто можно слышать упрек: как вы, будучи грамотным экономистом, не смогли отследить, проанализировать и предсказать, спрогнозировать, чем закончится пирамида ГКО?

Е. ЯСИН: Это справедливое замечание. Ответить на него коротко нельзя, надо специально в дальнейшем обсудить тему финансовой стабилизации, ГКО, финансового кризиса 1998 года. Тут важно связать эти темы с общей проблемой макроэкономической стабилизации. Это очень важно. Я боюсь, что, возможно, далеко не все адекватно способны воспринять ситуацию с залоговыми аукционами. Про залоговые аукционы мне лично, может быть, наиболее неприятно рассказывать. Но вся ситуация более-менее понятна широкому кругу людей. Кстати, добавлю, что за все объекты, которые были проданы на залоговых аукционах в 1995 году, в виде кредитов был получен миллиард долларов. Эта сумма очень мала сейчас, но тогда это были большие деньги, достаточные для того, чтобы закрыть дыру в бюджете. И 1995-й был первый год, внесший решающий вклад в победу над инфляцией, потому что бюджет практически был сбалансирован. Конечно, можно было заработать гораздо больше. Но я говорил о тех ограничениях, на которые нужно было пойти, например приглашая иностранцев. Думаю, что и сейчас мы к этому не готовы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все-таки тема приватизации вновь и вновь упирается в проблему несправедливости свершившегося. Люди не понимают, как можно рассуждать, например, о соотношении справедливости и эффективности. Они убеждены, что издержки приватизации были столь высоки, что об эффективности говорить не приходится. Тем более что во многих случаях приватизировавшие предприятия старые администраторы действовали в личных интересах, а не в интересах производства, стремясь в короткий срок выжать из полученной даром собственности максимум возможного для себя.

Е. ЯСИН: Признаю, что таково господствующее в обществе мнение. Но вновь повторю: проблема состоит в том, что приватизация такой акт, который справедливым быть не может по определению.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все же была ли государственная структура, специальный орган, которые обязаны были бы заниматься эффективностью управления этим процессом, отслеживать исполнение новыми собственниками взятых на себя обязательств? Например, фиксируется, что такого-то числа Потанин получил «Норникель», а спустя определенное время проверяется, каковы оказались результаты его управления.

Е. ЯСИН: Думаю, что тогда это было невозможно, хотя, в принципе, именно так должно было бы быть. Невозможно по многим причинам. Я просто приведу другой пример из времени массовой приватизации. Среди разных форм, которые тогда использовались, были инвестиционные конкурсы. То есть тот, кто выходил на инвестиционный конкурс, соглашался с условиями вложения инвестиций, и за это цена на выставленный объект была достаточно низкой, так как выигравший конкурс должен был тратить деньги именно на развитие предприятия. Мы взяли такую форму у немцев, где, напомню, цена за предприятие была символическая, но при этом подписывался весьма жесткий контракт. Подчеркну, что все это было организовано в Германии, где уважение к закону, а также четкое юридическое оформление обязательств всех сторон, вступающих в контрактные отношения, были бесспорной нормой поведения

и чиновников и предпринимателей. В Германии все контракты были или выполнены, или расторгнуты на разумных юридических основаниях. У нас же из всех заключенных инвестиционных контрактов практически ни один не был выполнен. Не были выработаны ни принципы контроля за реальными вложениями средств, ни эффективные методы воздействия на тех, кто не выполняет своих обязательств. Когда же я интересовался, каким образом проследить за соблюдением наших контрактов, люди, которые этим занимались, мне объяснили, что наше законодательство не давало таких возможностей, что практически проследить за этим соответствующие чиновники не в состоянии. Была ли такая ситуация создана сознательно или сложилась спонтанно, как один из видов нашей общей безалаберности, сказать не берусь. Но форму инвестиционного конкурса свернули к 1997 году и с тех пор практически не применяют. Хотя сегодня с точки зрения возможности контроля у нее перспектив гораздо больше, и можно было бы применять эту форму для реализации программ реструктуризации довольно серьезных предприятий. Однако в государственных структурах исходя из опыта 1990-х годов сложилось мнение, что за выполнением обязательств выигравших в наших условиях проследить невозможно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И в заключение, Евгений Григорьевич, задам вопрос, на который вам коротко придется ответить: да или нет. С вашей точки зрения, частные собственники, перечисленные и не перечисленные вами крупные частные собственники, занимались модернизацией российской экономики или нет?

Е. ЯСИН: В каждом случае все происходило по-разному. Я думаю, что многие крупные частные собственники, которые приходили на полученные ими предприятия, по выражению знаменитого американского экономиста Мансура Олсона, кстати много изучавшего положение дел в России, действовали или как «стационарные», или как «кочевые» бандиты, а этим не до модернизации. Олсон, конечно, тут использует метафору, но напомню, что «стационарный» бандит отличается от «кочевого» тем, что он приходит с намерением долгое время контролировать оказавшуюся

в его распоряжении собственность. А потому он заботится и о том, чтобы эта собственность совершенствовалась, и о том, чтобы у работающих на него людей оставалось достаточно средств для собственной нормальной жизни и, более того, наращивания того, что мы теперь называем «человеческим капиталом». «Кочевой» же бандит, чувствуя неустойчивость своего положения, стремится быстро буквально все выпотрошить из попавшего ему в руки актива. Он понимает, что его власть над ним кратковременна. Так и у нас.

От 1990-х годов осталась масса воспоминаний о временщиках, тем или иным способом дорвавшихся до собственности и стремившихся с пользой для своего кармана быстрее реализовать оказавшиеся в их распоряжении средства. Но одновременно были и те, кто и тогда в сложных условиях с той или иной долей успеха реализовывал программы модернизации своих производств, внедрял передовые технологии и т.п. К сожалению, память о «кочевых» бандитах, не только разрушавших производства, но и ставивших практически на грань выживания своих работников, естественно, гораздо более яркая, чем память о тех, кто каждодневно работал, вытягивая из кризиса свое предприятие. Может быть, в этом кроется одна из причин того, с каким знаком общественное мнение сегодня трактует и все «лихие девяностые», и «грабительскую приватизацию».

ФИНАНСОВАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ (Е. Ясин)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, рассказывая о том, чем ознаменовались 1990-е годы для России, нельзя не затронуть тему финансовой стабилизации. Сегодня очень много говорят о том, что в те годы не было никакой стабильности, все держалось на честном слове, на тоненькой ниточке. До какой степени это так? Давайте начнем с проблем, с реальных трудностей.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Напомню, что мы не раз говорили о том, какая на самом деле к концу 1991 года была ситуация. Егор Тимурович Гайдар принимал участие в одной из наших бесед. Собственно, из-за критичности положения тогда и было принято решение о срочной либерализации цен. А либерализация цен в программе рыночных реформ — это «время Ч», их решающий момент. Тогда я еще плохо себе представлял, как будут проходить реформы. Но важно, что решающий момент всегда связан с большими опасностями. Самая главная была обусловлена тем, что в советское время, при плановой системе и общей несбалансированности экономики, накапливается большой инфляционный денежный навес, который, если его вовремя не убрать, до начала «времени Ч», приведет к очень большой инфляции.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Секунду. Я хочу уточнить. Инфляционный навес — это деньги...

Е. ЯСИН: Да, лишние деньги, в том смысле, что потратить их не на что: нет товаров. Ведь, например, все работники нашего чрезмерно раздутого ВПК получали зарплату — кстати, более высокую, чем на предприятиях, не входящих в эту систему, — а выпускали они отнюдь не «товары народного потребления». Горы вооружений скапливались на складах, а то, что мы «продавали» за границу нашим «друзьям», обычно оформлялось в кредит, который потом

практически никто не собирался возвращать. Но работники этих предприятий, получив свои честно заработанные деньги, шли в магазин, а там не было нужных товаров, потому что вся наша экономика как система была нацелена не на это. Кстати, и наши огромные вооруженные силы, включая призывников, и другие силовики также получали вполне приличное по тем временам денежное довольствие, но сталкивались с той же проблемой: как купить, или «достать», как тогда говорили, нужный товар. Во времена нефтяного бума ее еще как-то можно было смягчать за счет импорта необходимых людям товаров, но с середины 1980-х годов эти времена прошли. Страна стала влезать в долги, а к 1991 году новых кредитов никто давать не хотел, потому что было непонятно, из каких источников мы будем их возвращать. Так что в 1991 году ситуация была крайне сложной: зарплаты росли, а товары почти исчезли.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть у людей на сберкнижках лежали деньги, на которые можно было купить, например, по две квартиры, по две машины, просто потому, что эти деньги нельзя было реализовать?

Е. ЯСИН: Совершенно верно. И притом были стабильные государственные цены, которые не считались с соотношением спроса и предложения. Отсюда и неизбежные последствия либерализации. Рождающийся рынок, какой он ни есть, запускает действие свободных цен, которые балансируют спрос и предложение. Вернее, свободные цены приводят в соответствие спрос и предложение. Поскольку спрос гигантский, а предложение маленькое, цены взмывают вверх. И это очень большая опасность. Потому что если складывается гиперинфляция, стандартным критерием которой считается месячная инфляция 50%, то весь финансовый денежный механизм страны приходит в негодность. То есть вы должны все время считаться с тем, что люди, схватив деньги, где бы они их ни заработали, немедленно бегут в магазин, потому что у них очень высокие инфляционные ожидания...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда через полчаса оказывается, что по прежней цене уже нельзя купить то, что предлагается в эту минуту.

Е. ЯСИН: Да, все уже будет дороже. Поэтому сама рациональность человека подсказывает: надо немедленно тратить. А такое вполне объяснимое поведение в итоге приводит к тому, что очень трудно удовлетворить спрос, остановить рост цен. Начинает крутиться спираль инфляции. И из этой ситуации очень трудно выйти. Поэтому, скажем, в том варианте рыночных реформ, который был описан в программе «500 дней» — это было в 1990 году, — предполагались некие меры, которые должны были заранее снять денежный навес. То есть предполагалось резкое сокращение государственных расходов. Придумывались какие-то методы, предлагалось, какие виды товаров можно дополнительно выбросить на рынок, чтобы хоть как-то заполнить эту дыру. И главное — это ограничение денежного предложения. Банк должен был зажать деньги до последней степени, не выпускать их в оборот. Плюс к этому, еще раз повторяю, необходимо было резкое сокращение бюджетных расходов. Правда, я уже говорил, что в Совете Министров СССР нам просто на пальцах объяснили, в том числе лично Валентин Сергеевич Павлов, почему ничего нельзя сократить. Ведь мы не можем сократить военные расходы, говорили нам, потому что заложены корабли, потому что рабочие ожидают зарплату и т.д. Мы не можем сократить инвестиции в нефтяную промышленность, потому что немедленно упадет добыча нефти и т.д. То есть ничего нельзя было...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Выхода не было в тот момент.

Е. ЯСИН: Да, и самые бодрые, решительные среди нас — правда, среди нас тогда не было Гайдара — даже опустили руки. И сказали: ну, вообще-то, действительно ситуация аховая. То есть в результате к концу 1991 года мы пришли к ситуации, когда этот инфляционный навес еще больше вырос, а убрать его уже не было возможности. Значит, объективно мы были обречены на высокую инфляцию после либерализации цен. Но все же, естественно, возникал вопрос: а есть ли какая-то альтернатива, чтобы избежать инфляции? Да, альтернатива была, и только одна: не либерализовывать цены, не делать этот первый шаг. Однако это означает оставить все надежды на то, что нам удастся справиться с дефицитом, на то, что когда-то заработает рыночный механизм.

И было ясно, что придется идти на серьезные жертвы, одновременно предпринимая какие-то меры для того, чтобы весь процесс насколько возможно смягчить и не допустить гиперинфляции или по крайней мере сделать так, чтобы она была кратковременна.

Тут я хотел бы сказать несколько слов о том, почему мне хотелось заострить внимание на этой проблеме. Ведь, по сути, макроэкономическая стабилизация, или финансовая стабилизация, — это, вообще-то, вещь очень скучная. Обычно ею занимаются так называемые денежные власти — это Центральный банк, Министерство финансов. Все это связано с бюджетом, с цифрами, с какими-то расчетами, догадками и т.д. Представляется, что все делается какими-то бухгалтерами, а они такие скучные люди. О чем же тут рассказывать?! На самом же деле проблема достижения макроэкономической стабилизации — одна из самых драматических страниц 1990-х годов. Это были и очень серьезные трудности для людей, и вместе с тем то, чего удалось добиться, — огромное достижение. Да, оно далось очень высокой ценой. Может быть, самая высокая цена была заплачена за эту макроэкономическую стабилизацию.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Кем, Евгений Григорьевич, кто платил эту цену?

Е. ЯСИН: Народ. Мы с вами. К тому же в начале реформ была надежда, что можно как-то легко, относительно безболезненно пройти этот трудный период. Эта мысль овладела многими, одно время казалось, что есть какой-то способ, как это сделать. Но его не было. Я вспоминаю, как Борис Николаевич Ельцин, только что избранный председателем Верховного Совета РСФСР, заявил после того, как в мае 1990 года Николай Иванович Рыжков на заседании Верховного Совета СССР сказал о повышении цен на все продукты в два раза, а на хлеб в три раза: такие руководители, как Рыжков, нам не нужны, а вот мы знаем, как перейти к рынку безболезненно. Напомню, что тогда именно Верховному Совету РСФСР Григорий Алексеевич Явлинский предложил программу «400 дней», которая уже потом коллективом экспертов во главе со Станиславом Сергеевичем Шаталиным была переработана в программу «500 дней».

Тогда я, помню, первый раз встретился с Ельциным вместе с Явлинским и Сергеем Николаевичем Красавченко и вынужден был ему сказать: «Борис Николаевич, вы таких смелых заявлений не делайте, потому что потом люди увидят, что слова расходятся с делами. Это неизбежно».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть на самом деле вариантов и не было.

Е. ЯСИН: Не было. Просто если вы должны либерализовать цены, а потом скрутить инфляцию, значит необходимы жесткие меры, и ничего с этим сделать нельзя. Это известно было из теории. И я вспоминаю, как Билл Нордхаус, соавтор очень известного экономиста, лауреата Нобелевской премии Пола Самуэльсона по знаменитому учебнику «Экономикс», в Шопрене мне говорил: «Да, это будет тяжелый день, но его нужно пережить». Я ему отвечаю: «Но там же живые люди. Они же как-то должны есть, пить существовать. Что с ними делать?» Он говорит: «У меня для вас нет никаких легких решений. Самое большое, что я могу предложить, это чтобы ваши спутники, ваше телевидение демонстрировали все время какие-то развлечения, даже секс и все такое. Пусть люди смотрят, отвлекаются. Других способов нет». Но что мне оставалось делать? Я просто знал, какой это крупный авторитет, также как и несколько других людей, которые говорили то же самое, уже имея мировой опыт борьбы с инфляцией. Поэтому, когда я говорю о мужестве тех, кто решились в тех условиях на реформы, я имею в виду именно это обстоятельство. Потому что они брали на себя колоссальную ответственность. Ведь принимать какие-то популистские меры, в общем, нетрудно, а решиться на такое — это подвиг.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но ведь наши люди в огромном большинстве до сих пор уверены, что, дескать, все можно было сделать по-другому. Поэтому возникает вопрос, стоило ли тогда толково, доходчиво объяснять, что происходит? Был ли смысл команде реформаторов выйти, скажем, на Первый канал телевидения и сказать: «Дорогие россияне...».

Е. ЯСИН: Все же пытались это как-то объяснять. Я, правда, тогда еще не занимался этой работой. Но все же думаю, что в такой ситуации никакие объяснения массой

людей, вдруг лишившихся очень многого, восприняты не будут. Представьте себе, что батальон идет в атаку, из которой вернутся немногие. Это ясно, но приказ есть приказ. И объяснить каждому солдату, почему он должен идти на смерть, невозможно. И воля командира заключается в том, чтобы поднять людей, зная, что многие из них погибнут. При этом он понимает, что в результате таких атак будут спасены многие другие жизни и страна уцелеет, а потому все-таки надо выполнять свой долг. И еще один образ вспоминается из одного американского фильма, который я когда-то смотрел. Там на подводной лодке один парень хочет стать командиром накануне Второй мировой войны. И ему его друг, командир его подводной лодки, говорит: «Я не дал тебе рекомендации, потому что ты еще ни разу не посылал человека на смерть». Тот страшно обиделся, а потом ему пришлось-таки послать человека на смерть. И тогда он понял, что имел в виду его командир. Это страшное дело, но иногда приходится на него решаться.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вернемся к истории нашей финансовой стабилизации. Ведь у нее было несколько попыток и срывов. Начнем с того, который связан с именем Виктора Владимировича Геращенко.

Е. ЯСИН: Эта история связана с ним только в одном моменте. Я с искренним уважением отношусь к Виктору Владимировичу, но тот момент, о котором вы вспомнили, был очень тяжелый. Шел 1992 год, цены либерализованы, и первые три-четыре месяца команда Гайдара держит финансы в ежовых рукавицах. Предприятия, которые привыкли получать деньги от государства, их не получают и никак не поймут: а что дальше? Ну, подождем еще месяц, еще месяц и еще... Но это не может продолжаться бесконечно. Ведь нужно покупать сырье, платить зарплату. Всюду слышны крики возмущения: «Что они себе там думают, мы же закроемся». Пока предприятия поставляли друг другу товары в долг. Но одновременно нарастало давление на правительство, потому что действительно перенести такое было невозможно. Предприятия просто останавливались. Собственно говоря, с этого начался разлад между правительством и Ельциным, с одной стороны, и Верховным Со-

ветом — с другой. По всей стране директора и простые рабочие стали требовать прекратить это безобразие. Как раз прекратил его Виктор Владимирович, став председателем Центрального банка. По совету одного из своих заместителей он произвел зачет взаимных требований предприятий, то есть практически выпустил в оборот большое количество денег. А это, соответственно, вызвало новый взлет инфляции.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Объясните, я не понимаю.

Е. ЯСИН: Отчего появились эти задолженности? Оттого, что у предприятий не было денег. Значит, они не могли оплачивать сырье, материалы, зарплаты и т.п. А потом в какой-то момент им сказали, что произведем взаимный зачет. Вы никому не должны. Ну, якобы небольшую эмиссию произвели. Господа из Центробанка как раз говорили: «Мы же не так-то много выпустили денег». Но на самом деле они выпустили того зверя, которого старались запереть в клетке. В результате инфляция страшно подскочила, и на самом деле первая попытка макроэкономической стабилизации, остановки инфляции была сорвана. Если в августе 1992 года инфляцию удалось довести до 8,6% в месяц, то с октября она устойчиво закрепилась на цифрах в районе 25% в месяц. Причем я прекрасно понимаю Геращенко: ситуация на большинстве предприятий была просто критическая. Но надо было искать другой выход, связанный прежде всего с пересмотром стратегии развития конкретного предприятия, сокращением издержек, повышением производительности труда и т.п.

И говоря о Геращенко, я не могу не вспомнить просто подвиг, совершенный им в 1993 году, когда он стабилизировал нашу денежную систему, произведя разделение рублевой зоны, выделение национального рубля уже только Российской Федерации. Этот его шаг тоже был воспринят не без критики. Я же просто ради справедливости напоминаю о решениях и 1992 и 1993 годов. А возвращаясь к 1992 году, я, зная о последствиях принятого тогда решения, все же напомню, какие мотивы двигали этим замечательным человеком. Тогда валилась промышленность, и ему казалось, что надо ее спасти. Однако принятое решение обернулось

срывом первой попытки макроэкономической стабилизации. Затем Гайдар ушел в отставку, команда правительства реформаторов была сильно ослаблена. Несмотря на то что Виктор Степанович Черномырдин хороший человек, крупный специалист в своей области, он все же не имел тех знаний, которые были необходимы для последовательного проведения той политики стабилизации, которую хорошо понимал Гайдар. И у которого для этого был характер. Уже без Гайдара мы пошли на новые уступки. Хотя все-таки вторая попытка стабилизации состоялась в 1993 году.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Что же произошло с этой попыткой?

Е. ЯСИН: Для начала напомним, что инфляция в 1992 году составила 2600%. Таков был результат всех этих взаимных борений, столкновений интересов. Причем в острой ситуации, когда, с одной стороны, надо было добиться финансовой стабилизации, остановить инфляцию и на этой основе дать возможность дальше подниматься стране. А с другой стороны, это была драма разорения большого числа предприятий, снижения жизненного уровня, падения объема инвестиций.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И драма людей, которые оставались без работы.

Е. ЯСИН: С работой у нас была очень интересная ситуация; может быть, мы об этом еще поговорим. На самом деле рынок труда у нас продемонстрировал нестандартную реакцию. У нас не было большой безработицы. Люди оставались на рабочих местах, хотя не получали заработную плату.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, это, по-моему, пережитки советской системы. Ведь если американцу не платят в городе, где находится его предприятие, он едет в другой город. У нас же это проблематично: люди привязаны к месту, например жильем.

Е. ЯСИН: Вообще, мы просто не были готовы к такой ситуации, не приучены к тому, что называется трудовой мобильностью. И у нас в результате реакция на новую ситуацию оказалась нестандартной по сравнению с другими странами Восточной Европы, тоже переходившими от плана к рынку. В общем, к середине 1993 года сложилась очень тяжелая ситуация. Тогда министром финансов был Борис

Григорьевич Федоров, он же вице-премьер правительства. К нему на помощь в августе 1993 года был возвращен в правительство в роли первого вице-преьера Егор Тимурович Гайдар. И хотя инфляция за 1993 год была где-то 930%, это вроде в три раза меньше, чем в 1992 году, но надо иметь в виду, что все-таки в 1992 году был старт, первый рывок, давший, естественно, самый большой инфляционный выброс. Если же взять последующие помесечные данные, то картина оказывается примерно такая же, как и в 1992 году. При этом зависимость тогда была такова. Вы зажимаете денежную массу, меньше денег выходит в оборот, падает инфляция, и при этом падает производство. Потому приходится отступить, слегка ослабить зажим, но, как только вы отступаете, взмывает инфляция, а производство не поднимается, лишь темпы его падения снижаются. Поэтому пришлось в 1993 году, прежде всего по инициативе Федорова и Гайдара, тут они выступали с одних позиций, провести секвестр бюджета. На 30% сократить все расходы. Можете себе представить, что это значило в нашей бюджетно ориентированной стране.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть тут страдают не только учителя и врачи, но и военные, которых нельзя было сокращать, иные наши силовые ведомства.

Е. ЯСИН: А ведь это осень 1993 года! Острейший конфликт с парламентом. Перед обнародованием известного указа № 1400, взорвавшего ситуацию, которая завершилась трагическими событиями 3–4 октября. Это все рядом. И в то же время проводится секвестр, который, понятно, удовольствия и народной любви не вызвал. В такой ситуации были проведены выборы в Государственную Думу. На них по партийным спискам победил Жириновский, что добавило негатива в общую картину в стране. Хотя все-таки большинство в Думе осталось за «Демократическим выбором России», просто потому, что к избранным по партийным спискам присоединились одномандатники. Но сам факт победы по партийным спискам партии Жириновского был явным выражением народного недовольства теми испытаниями, которые выпали на его долю за два года реформ.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, позволю себе короткий вопрос. С вашей точки зрения, это было именно протестное голосование или можно говорить о том, что Владимир Вольфович предложил некий особый путь экономического развития?

Е. ЯСИН: Вообще-то, должен сказать, что кампанию, которую провел тогда Владимир Вольфович, надо изучать. Он очень точно, не знаю, сам он это придумал или на него кто-то работал, обращался к разным группам населения. И каждой из этих групп он обещал то, чего именно она больше всего хотела. В то же время у него, по-моему, не возникало и мысли о том, что надо нести ответственность за свои слова.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Этот вопрос и не стоял.

Е. ЯСИН: Ведь как бы считалось, что у нас теперь настоящие буржуазные демократические выборы. И на этих выборах Жириновский все-таки получил очень серьезный процент голосов, поднялся высоко. Однако если внимательно посмотреть, то мы увидим, что, в общем, голосовали за него во многом те же люди, которые в 1990 году голосовали за Ельцина. И в обоих случаях это было протестное голосование. Но экономических проблем оно на самом деле не решало. И хотя секвестр, который был проведен, оказал определенное воздействие — инфляция несколько упала к концу года, она была оплачена и самым большим падением производства за весь период 1990-х годов. В начале 1994 года промышленное производство упало примерно на 20%. Конечно, это производило ужасное впечатление. И поэтому опять пошли на какие-то уступки. А тут подошло время оплачивать и северный завоз, и посевную и т.д. Вновь стали выпускать деньги в обращение, чтоб несколько смягчить ситуацию. В результате гром грянул 11 октября 1994 года, когда за один день рубль упал на 30%. И стало ясно, что долго так жить государство не может. Нужно сказать, что международные финансовые организации — МВФ и Всемирный банк — к нам приставали все время со своими требованиями, пожеланиями, объясняли, что мы должны прекратить эмиссионное финансирование бюджетного дефицита.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть, переводя на бытовой язык, просто перестать печатать деньги.

Е. ЯСИН: Да, и производить финансирование либо из доходов бюджета, то есть собранных налогов, либо из неинфляционных источников.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А это было реально?

Е. ЯСИН: Что значит неинфляционные источники? Это значит брать займы либо у своего народа, либо за границей в международных финансовых организациях, у других стран и т.д. Решать эту задачку в то время было исключительно сложно. Потому что каждый раз, когда сжимали денежную массу, ограничивали ее при растущих ценах, деньги изымались из экономики. И она была обезвожена, становилась как пустыня, нечем было платить. Денежная масса в 1995 году опустилась до 11% валового внутреннего продукта. Это так называемый коэффициент монетизации. А в советское время она составляла где-то 40–50%. Можете себе представить, что было в экономике? Начались неплатежи, развивался бартер, то есть, по сути, простой товарообмен, изобретали различные способы ускользнуть от тех проблем, которые возникали в процессе стабилизации. Но при этом грамотности не хватало. Многие очень важные решения в области экономики принимало не правительство, а администрация президента, лично Борис Николаевич подписывал указы, давал указания. В администрации были люди, которые проводили просителей к нему напрямую и т.д. Причем многих я могу понять. В той сложнейшей ситуации, когда образовалось столь дикое напряжение, у каждого человека, будь то частное лицо или руководитель некоего предприятия, возникало естественное желание каким-то образом найти «ходы», решить свои проблемы, не думая о других, об экономике в целом.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И еще короткий вопрос. Вы упомянули международные финансовые организации, у которых можно было взять в долг. Но в долг деньги берутся не просто так, а под проценты, и долг надо возвращать. Тогда каков был мотив такой помощи: считали, что они лучше знают, как помочь России?

Е. ЯСИН: Думаю, да. Вообще, подозрения в корыстных мотивах МВФ или Всемирного банка нам в голову даже не приходили. Многие тогда хотели нам помочь. «Большая семерка» еще на встрече в Лондоне в 1991 году обсуждала наши проблемы. Но руководство СССР не смогло тогда предложить такой программы реформ, которая в итоге привела бы к стабилизации финансовой ситуации в стране. Потом речь уже зашла о помощи России. И тогда по инициативе президента Билла Клинтона, избранного как раз в конце 1991 года, решение проблемы помощи России и другим постсоциалистическим странам было поручено международным финансовым организациям — МВФ, Всемирному банку и т.д. Тем, кто всегда обвиняется во всех грехах, не только их собственных, но и грехах тех, кто брал у них деньги с определенными обязательствами. Причем люди, которые работали в этих организациях, хорошо знали природу тех проблем, с которыми мы сталкиваемся. Они предоставляли нам займы весьма ограниченные и под жесткие условия. Потому что иначе мы бы не могли добиться успеха. И должен сказать также, что это были недорогие займы, под очень низкий процент.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, но вспоминаю, что как раз в те времена я слышала выступление, боюсь ошибиться, но кажется Андрея Николаевича Илларионова. Он утверждал, что любые кредиты, которые предоставляются нам международными финансовыми структурами, — это, образно говоря, дополнительная доза зелья наркоману.

Е. ЯСИН: Это неправда. Конечно, в то время очень много уважаемых экономистов постоянно говорили, что можно допустить немножко больше инфляции, что некоторое количество напечатанных денег поможет оживить экономику, что нельзя так издеваться над народом, что надо поступать более гуманно и т.д. Я прекрасно их понимаю. Более того, было бы удивительно, если бы такие люди не находились. Потому что в каком-то смысле шла острая схватка, острое противостояние Верховного Совета с правительством и президентом, из-за которого, по сути, Ельцин и захотел получить больший объем власти, закрепленный затем в новой Конституции. И все финансовые проблемы страны

следует вспоминать в общем контексте этих событий. Потому что это было время тяжелой политической схватки. Но реально всякие благие пожелания типа смягчения борьбы с инфляцией и т.п. к позитивному результату не приведут. Потому что существовали и колоссальный денежный навес, и такая структура экономики, которые не были приспособлены к рыночным отношениям. Эта экономика очень негативно реагировала на жесткую финансовую политику. Но иначе невозможно было стабилизировать ситуацию в стране.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, по-моему, именно к этому периоду, к 1994 году, относятся какие-то, на мой взгляд, совершенно чудовищные истории. Например, о разрешении беспошлинного ввоза православной церковью водки или табака в страну.

Е. ЯСИН: Да, было и то и другое. Но среди таких любителей получения разрешений на беспошлинный ввоз подобных товаров я бы все же на первое место не ставил православную церковь. Было много других любителей, самый знаменитый из них — это Национальный фонд спорта. Там оборачивались колоссальные деньги, связанные с беспошлинной торговлей спиртными напитками и табачными изделиями, которые завозили из-за рубежа.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это произошло благодаря каким-то личным контактам?

Е. ЯСИН: Решение о любых льготах обосновывалось как бы благородной целью: мы должны спасти отечественный спорт, на содержание которого бюджетных средств нет. Вот, например, наш замечательный теннис, который мы так любим, радуемся успехам, требует средств для своего развития. Шамиль Анвярович Тарпищев все время говорил: «Мы уничтожим наш теннис, надо его спасти». Он находился в хороших отношениях со многими работниками администрации президента, потому что и сам президент тоже играл в теннис. Помните, был тогда турнир «Большая шляпа», в котором стремилась участвовать вся элита, включая самого Ельцина, игравшего, кстати, в паре именно с Тарпищевым? Я туда не ездил, поэтому смотрел на это со стороны, несколько подозрительно. Но тем не

менее для спасения спорта, не только тенниса, но и многих других видов, был разрешен такой беспošплинный ввоз водки и табака. Но разрешить легко, а оказалось, что открыли ящик Пандоры. А дальше все пошло очень трудно. Потому что сразу таким бизнесом начинали заниматься не сами церковь и спортсмены, а специально созданные организации, которые передавали по договоренности эти деньги церкви или спортивным функционерам. До сих пор покрыто мраком, какую долю доходов они переводили, а какую оставляли себе. И естественно, вокруг таких схем возникал криминал. Сколько тогда было заказных убийств, связанных именно с борьбой за получение подобных льгот. Но и это не все. Были квоты на вывоз, скажем, нефти, газа и т.д., которые передавались каким-то организациям, чьи руководители могли пройти в Кремль и получить там соответствующие решения. Мотив всегда был один — необходимо спасти некую организацию, важное дело и т.п., оказавшиеся в критическом положении. Причем должен сказать, что это делали не только частные лица или какие-то компании и т.д. На такие шаги шло и правительство, которое сталкивалось с необходимостью выполнять каким-то образом свои финансовые обязательства при отсутствии средств. Ведь после «черного вторника» деньги печатать было запрещено.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И они рассчитывались такого рода услугами?

Е. ЯСИН: Ведь в начале ноября 1994 года было принято решение о том, что прекращена практика печатания денег. Но финансовые обязательства правительства никто не отменял, и было решено перейти на неинфляционные источники покрытия бюджетного дефицита. Для этого сначала стали выпускать казначейские обязательства: бумажки, которые выдавались вместо денег. Однако тот, кто получил вместо ассигнований эти бумажки, мог их потом продать и какие-то деньги получить. Те же, у кого деньги были, например заработанные на внешнеторговых операциях, еще на чем-то, покупали эти казначейские обязательства и затем шли с ними в Минфин, где требовали их оплаты.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А им отдавали?

Е. ЯСИН: Может быть, и не на все сто процентов, но со временем отдавали. Я думаю, что вся проблема с олигархами как раз на такой почве и стала «удобряться». Потом, когда те же самые «вредные» МВФ и Всемирный банк нам сказали, что казначейские обязательства принимать нельзя, что с ними вы только оттягиваете расплату, а саму проблему не решаете, пришлось их отменить. После этого Минфин придумал следующий шаг — КНО, казначейские налоговые освобождения. И стали вместо казначейских обязательств давать налоговые освобождения. А это опять почва для злоупотреблений...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, я слушаю вас и думаю: ведь это все уже было. Уже была церковь, которая торговала индульгенциями.

Е. ЯСИН: Конечно, все это просто кошмар. Но сейчас легко осуждать Минфин, правительство за такие действия. Но я бы не забывал, в какой обстановке все это делалось.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я не осуждаю. Я восхищаюсь.

Е. ЯСИН: Вы понимаете, какая тогда каждый день была обстановка? Например, приходят, скажем, военные и говорят: «Нам надо кормить солдат. Нам нужно обеспечить вывод войск из Германии». Не помню, были ли они к тому времени выведены, но какая-то неотложная необходимость наверняка была. И надо найти средства. Ведь армия есть армия, милиция есть милиция. Служба безопасности тоже требует финансирования. А тут еще школы, больницы... Но денег нет, и тогда им предлагают налоговое освобождение, которое можно продать с дисконтом. И эти просители от безысходности соглашались на такое предложение, а потом идут и продают это налоговое освобождение с дисконтом. Там был дисконт и 50, и 60, и 70%. Его покупали в основном банки. А затем уже они шли в Минфин требовать выплату. Формально в такой схеме было все правильно, но за ней стояла страшнейшая драма. И такую практику тоже нужно было прекратить. После этого были достигнуты соглашения с международными организациями, а это означало, что они нам дают следующие транши займов только при условии, что мы прекращаем такую практику к определенному сроку. Скажем, перестаем выпускать казначей-

ские обязательства, а к такому-то сроку вообще выводим их из оборота. Затем казначейские налоговые освобождения выводим из обращения. Вот тогда стали выпускать государственные казначейские обязательства, те самые знаменитые ГКО. А ГКО отличались от предыдущих бумажек тем, что по ним назначался купонный доход. И приходилось возвращать деньги уже самому государству, а также выплачивать этот купонный доход, некий процент. Это уже были настоящие займы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть государство стало жить в долг.

Е. ЯСИН: Да, и этот государственный долг снова начал расти. Я имею в виду внутренний государственный долг, который до этого инфляцией был в значительной степени съеден. Важно понимать, что ГКО — это были в основном внутренние заимствования. Хотя с 1996 года мы допустили на рынок ГКО и иностранцев. Тут расчет был на то, что пришедшие с иностранцами деньги собьют уровень рыночного купонного дохода. То есть норма дохода упадет и государство сможет рассчитываться по своим обязательствам. Ведь перед этим проценты доходили до 150 годовых. А это было просто разорение. Но средств на выполнение всех бюджетных обязательств не было, и на такую политику пришлось пойти. Правда, финансовые органы много делали, чтобы обуздать этого опасного зверя. К середине декабря 1997 года объем ГКО и облигаций федерального внутреннего займа составил уже 347 трлн рублей, или 13,9% ВВП. То есть рост был в 52% по сравнению с 1996 годом. Но в то же время доходность по ГКО в течение всего года снижалась и в октябре 1997 года составляла уже 20% годовых против более 50% годовых в январе, а средний срок до погашения возрос со 105 дней в начале 1996 года до 280 дней в конце 1997 года. Все это успокаивало. Но потом грянул азиатский кризис, который в корне изменил ситуацию.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И пирамида ГКО рухнула...

Е. ЯСИН: Собственно, окончательно она рухнула только в 1998 году. Злоупотребление денежными суррогатами и неумеренное раскручивание рынка внутренних заимствований в 1995–1997 годах и обусловили финансовый кризис

1998 года. Кстати, когда мы говорили о раздутых бюджетных обязательствах, в чем обычно обвиняют только правительство и президента, особенно в связи с выборной кампанией 1996 года, в ходе которой давалось много обещаний, стоит вспомнить и о значительной доле ответственности Государственной Думы, где тогда господствовали коммунисты и примыкающие к ним фракции. Ведь именно Дума каждый год утверждала бюджет. И когда правительство вносило его проект, начинался торг, в ходе которого расходная часть непомерно расширялась по требованиям тех или иных депутатов. В противном случае бюджет просто не был бы принят. Согласен, что часто депутаты требовали средства на решение действительно важных проблем, хотя были и просто лоббистские требования. Но ведь денег на них в данный момент не было. И если бы в стране была здоровая политическая обстановка, направленная на поиск разумных компромиссов, исходящих из имеющихся возможностей, то и результат был бы другим.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Когда рухнула пирамида ГКО, было очень много обывательских разговоров, что, дескать, государство посмотрело на опыт Мавроди с его МММ и решило его повторить. В то же время говорили, что вообще именно государство обрушило «фирму» Мавроди.

Е. ЯСИН: Государство обязано было его обрушить по той простой причине, что это просто мошенничество чистой воды. Но на самом деле мы должны учесть, что законодательства, в соответствии с которым его можно было бы судить, еще не существовало. Поэтому первое, что сделало правительство, оно стало быстро готовить закон против различных финансовых пирамид. Вспомним, что тогда были знамениты и «Властилина», и «Хопер-Инвест» и прочее и прочее.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Вспоминаю «Чару». Кого только не было.

Е. ЯСИН: Вот это как раз тоже очень характерно. Мы пытались предусмотреть все необходимые законодательные акты. Но каждый раз обнаруживалось — то этого нет, то того нет, там дыра и там дыра... Шаг за шагом эти дыры заштопывались, и появлялась возможность двигаться дальше.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, скажите, пожалуйста, вся эта история, которую мы начали с борьбы со льготами Национального фонда спорта и закончили «схваткой» с мавродиками, чем она завершилась? Способствовала ли эта работа в итоге финансовой стабилизации?

Е. ЯСИН: Нет, в том-то и дело. Механизм ГКО еще кое-как способствовал стабилизации ситуации, и при более благоприятном стечении обстоятельств с этим механизмом мы могли бы продержаться до начала экономического роста. Напомню, что первые его признаки появились в 1997 году, но это тот же год, когда начался азиатский кризис, в итоге отразившийся и на нас. ГКО, все то, что было раньше, можно охарактеризовать просто как попытки вдохнуть, чтобы не задохнуться. Каждый раз что-то такое придумывали, оттягивали самые тяжелые последствия, одновременно растягивая период этих мучений. Мы все время балансировали на краю пропасти. Кстати, в январе 1995 года мы были накануне очередного «черного вторника». Продолжающаяся высокая инфляция и общее недоверие рынков провоцировали высокий спрос на валюту. Был момент, когда резервы Центрального банка снизились до 400 млн долларов. Даже Анатолий Борисович Чубайс несколько запаниковал и предлагал провести девальвацию. Положение спасла и.о. председателя Центробанка Татьяна Владимировна Парамонова. По ее данным, игра на валютном рынке выдыхалась, и она предложила подождать день-два. И действительно оказалась права: уже на завтра курс рубля пошел вниз. Меры по финансовой стабилизации сказывались и на всей банковской системе. Так, для регулирования валютного курса в 1995 году был введен валютный коридор. Но в то же время сразу после этого начались трудности в банковской сфере: обвалился рынок межбанковских кредитов. До тех пор кредитованием реального сектора банки особо не интересовались. Они жили своей жизнью — операциями на валютном рынке, взаимным пере-кредитованием и, конечно, операциями с бюджетными средствами. А тут эти виды деятельности сошли на нет, а рынка ГКО еще почти не было. Потому для банков настало тяжелое время, но в целом оно сыграло положительную роль в упорядочивании банковской системы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: О каком периоде важно еще поговорить? О 1996 годе? Это было знаковое время.

Е. ЯСИН: Очень знаковое. Но прежде я хочу подчеркнуть, что вся эпопея с макроэкономической стабилизацией была вытянута Анатолием Борисовичем Чубайсом на своих плечах. Он тогда, начиная с ноября 1994 года, был первым вице-премьером, ответственным за экономический блок. И он ценой жутких усилий покончил с Национальным фондом спорта. Он покончил с торговлей квотами. Он покончил со всеми уловками, которые позволяли продолжать использовать схемы типа налоговых освобождений. В конце концов, его воля играла важную роль и в том, что остановился поток и КО и КНО. В конце концов, и денежная приватизация, о которой мы говорили, тоже была способом остановить эту вакханалию. Но осенью 1996 года — в общем, после президентской избирательной кампании, которая съела очень много денег, — стало ясно, что нужно все-таки предпринимать какие-то жесткие меры...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Опять секвестр?

Е. ЯСИН: Да. Надо сказать, что первое время после выборов Чубайс был главой администрации президента. И он не вмешивался в работу правительства в течение значительного времени. В общем, мы не использовали результаты победы Ельцина на выборах. Ничего особого не делали. Хотя правительство старалось, но больших успехов не добились. И тогда Чубайс вернулся в правительство. Он пригласил туда, на голгофу, Бориса Ефимовича Немцова. Они вдвоем с моей помощью, потому что я тоже тогда оказался в правительстве, с другими нашими коллегами стали нести этот тяжкий груз, чтобы наконец разрешить проблему финансовой стабилизации. Весной 1997 года был принят еще один секвестр. На 20% были урезаны расходы бюджета. И эффект был такой, что в 1997 году годовая инфляция составила 11%. Можно сказать, что в 1997 году макроэкономическая стабилизация состоялась, хотя потом мы пережили срыв в 1998 году, но все же основное уже было сделано.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть годовая инфляция составила 11%, а не 2600%, с которых все начиналось.

Е. ЯСИН: Давайте более скромно скажем. В 1994 году, когда Чубайс занял свой пост, годовая инфляция составила 320%. А в 1995-м — 131%. В 1996-м, не помню, она была, по-моему, 30%, а в 1997-м — уже 11%. Я напомним, что в 2003 году она составила 12%. И только два года, в 2005-м и 2006-м, она была ниже той цифры, которую мы достигли в 1997 году.

Я не скажу, что мы могли тогда праздновать победу. Положение все равно было неустойчивым, требовались решительные действия по ликвидации бюджетного дефицита. Правительство работало над этим. Был план, подготовленный Олегом Вячеславовичем Вьюгиным, тогда заместителем министра финансов, который предполагал ликвидацию бюджетного дефицита за три года. Я написал очередную записку Виктору Степановичу Черномырдину. Работала экономическая экспертная группа, тогда она возглавлялась Йохеном Вермутом. В его подчинении трудились и Аркадий Владимирович Дворкович, и Евсей Томович Гурвич. Но весь проводимый анализ, все эти записки говорили об одном: приближается гроза. Эта гроза в конце концов разразилась, в значительной степени по внешним причинам, в 1998 году. Но к тому времени стабилизация практически была достигнута. Я думаю, чтобы лучше понять трагизм экономической ситуации 1990-х годов, надо знать эту драматическую историю. Потому что без нее картина того времени была бы не полна. И я считаю, что это был тоже очень большой подвиг, плодами которого страна пользуется все 2000-е годы.

ЗАРОЖДЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА (Е. ЯСИН — С. АЛЕКСАШЕНКО)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Тема нашей беседы — зарождение бюджетного федерализма в России. Для того чтобы лучше разобраться в ней, мы с Евгением Григорьевичем пригласили Сергея Владимировича Алексашенко, который в 1990-х годах занимал посты и заместителя министра финансов Российской Федерации, и первого заместителя председателя Центрального банка Российской Федерации. Я позволю себе начать с вопроса о том, как шел в России процесс зарождения бюджетного федерализма. Можно ли назвать его цивилизованным или...

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Я помню то время, когда у нас вообще не имели понятия о существовании какого-то бюджетного федерализма. Поэтому говорить о том, что в нецивилизованной экономике может зародиться какой-то цивилизованный бюджетный федерализм, довольно трудно. Я помню, как мы вместе с Сергеем Владимировичем были приглашены на семинар Всемирного банка, посвященный как раз бюджетному федерализму, тогда мы работали в комиссии Леонида Ивановича Абалкина по экономической реформе. Это был 1991 год.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО: Это было еще при Советском Союзе, в самом начале его распада после январских событий в Прибалтике — в Вильнюсе и Риге.

Е. ЯСИН: На этом семинаре я старался вникнуть в суть проблемы и понял, что это безумно сложная вещь. Потом мы имели какое-то время для того, чтобы во всем этом разобраться. А первый человек у нас в стране, занявшийся этой проблемой, как раз и был Сергей Владимирович Алексашенко. Он был заместителем министра финансов с 1993 года, и одна из его задач в том, я бы сказал, бедла-

ме, в том беспорядке состояла в наведении порядка в нашей финансовой системе. Причем наводить его нужно было по-новому, то есть в соответствии с требованиями и рыночной экономики, и нормальной федеративной политической системы. Потому что как раз в 1993 году была принята новая Конституция страны, в которой Россия определялась как федеративное государство. А значит, и бюджетные отношения в таком государстве должны строиться исходя из закрепленного в Конституции принципа федерализма. Я считаю, что мы должны знать тех людей, которые в тяжелейших условиях 1990-х годов начинали выстраивать эту систему. Поэтому я и пригласил Сергея Владимировича, чтобы он нам рассказал, как на самом деле все это было.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Спасибо за такое представление, но, отвечая на заданный Нателлой вопрос, я бы с вами, Евгений Григорьевич, поспорил. Мне кажется, что зарождение бюджетного федерализма было у нас в стране как раз цивилизованным. Потому что к 1993 году в России даже не существовало такого понятия, как единство бюджета. Когда я пришел в Министерство финансов и начал разбираться в делах, то выяснилось, что бюджета как единого документа просто не существовало. Был бюджет, который утверждался Верховным Советом России, но, помимо этого, существовал и валютный бюджет. Кроме того, была еще куча разных фондов, подфондов, субфондов и разовых решений премьера или президента, в основном президента, о расходовании тех или иных сумм. Жизнь в Министерстве финансов строилась по тяжелому графику: каждый день у каждого заместителя министра, у каждого директора департамента стояла огромная очередь посетителей, которые приходили с разного рода записками, с разного рода резолюциями и говорили, что им всем необходимы деньги. Министерство финансов, соответственно, должно было все это как-то утрясать, согласовывать, изыскивать возможности и т.п. Когда же 12 декабря 1993 года была принята Конституция России, а государственное устройство стало более-менее понятным, мы уже в 1994 году, проведя анализ бюджета, достаточно быстро поняли, что основное время уходит как раз на переговоры с региональными лидерами, с руко-

водителями регионов, с руководителями областей, республик. Их требования были наиболее жесткими, и 80% всех бюджетных решений принималось по обращениям регионов. Понятно, что в стране, где существовало 89 субъектов Федерации и представители каждого из них как минимум будут хотя бы три раза в год заходить к президенту, а еще раз пять в год — к премьер-министру, весь Минфин будет от этого только страдать. И тут, так как до этого не было никакой системы, как раз и возникла возможность построить цивилизованную систему на основе серьезного научного подхода. В Министерстве финансов была образована специальная группа, которая создала модель консолидированных расходов регионов и попыталась ее описать формулой. То есть мы попытались таким образом двинуться по цивилизованному пути...

Е. ЯСИН: Но стало ясно, что в эту формулу ничего не лезет.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Да, это так. Россия же вообще страна специфическая, нам сравнивать себя не с кем. У нас из 89 регионов меньше десяти были регионами-донорами, то есть теми, у кого бюджетные доходы на территории превышали расходы. Остальные же все жили на дотации. Уровень дотаций варьировался от 10–15% и до 95–96%.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть получается, что задача все же в какой-то степени сводилась к разработке правил?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Да, бюджетный федерализм — это правила, по которым деньги федерального бюджета выделяются регионам. К тому же Россия тогда находилась на некоем переходном этапе между централизованным государством и федерацией. Потому что у нас, в отличие, скажем, от Америки, где каждый штат или графство имеет право вводить свои налоги, все налоги вводились централизованно, по федеральному закону.

Е. ЯСИН: В связи с этим отмечу специфику той ситуации. Тогда доверить разработку собственных налогов и сборов каждому субъекту Федерации было невозможно, потому что для этого нужна определенная квалификация, создание определенного аппарата. У нас же всего этого не было. В таких условиях неизбежно принятие некой сис-

темы налогов, утверждавшейся на федеральном уровне, а потом доводившейся до субъектов Федерации. Это было в каком-то смысле платой за то, что в истории России никогда не было децентрализованного порядка. Поэтому, если бы тогда меня спросили, можно ли, предположим, сделать так, чтобы регионы сами себе устанавливали какие-то налоги — например, был бы установлен некий список налогов и, скажем, размер налога на прибыль относился бы к их компетенции, а потому они сами могли бы устанавливать его ставку, — я бы сказал: нельзя. Ведь тогда была ситуация, не предполагавшая подобных решений. А в 2000-х годах ситуация изменилась, но к этому, думаю, мы еще вернемся чуть позже.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Вы знаете, что в массовом сознании сложилось устойчивое мнение, что, дескать, центр жирует за счет регионов. Это действительно так?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Для начала давайте уточним: центр или вообще все государство жирует за счет налогоплательщика?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: С этого надо начинать и этим заканчивать.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Надо начинать с того, что в силу тех особенностей, о которых сказал Евгений Григорьевич, у нас практически все налоги, по крайней мере все основные налоги, устанавливаются на федеральном уровне. Потом также федеральным законом принималось решение о так называемом расщеплении доходов — какая часть НДС идет в региональный бюджет, какая часть налога на прибыль идет в федеральный бюджет, как делится подоходный налог, как делится налог на имущество и т.д. То есть получается, что регион здесь вообще ни при чем. Деньги, которые платят налогоплательщики, поступают в консолидированный бюджет, а затем делятся. Тут базовое отличие нашей системы от, скажем, американской, где налогоплательщик отдельно платит налоги в федеральный бюджет, отдельно — в региональный. И эти налоги начисляются по разным основаниям.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сергей Владимирович, а можно здесь кратко охарактеризовать те различные варианты бюд-

жетного федерализма, которые существовали к началу наших реформ? Об американской специфике вы уже сказали.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Я думаю, вряд ли имеет смысл углубляться в технические детали. В ситуации первых лет реформ самое интересное, наверное, то, как воспринимались те или иные предложения. Собственно говоря, о том, что мы напридумывали в Минфине, сегодня, наверное, не очень интересно вспоминать. Потому что к тому времени у нас уже существовала Государственная Дума, у которой были достаточно большие полномочия в сфере рассмотрения и утверждения бюджета. У нас существовал полноценный Совет Федерации, где заседали представители регионов — губернаторы и руководители региональных законодательных собраний, имевшие право вето. Самое интересное состояло в том, что к тому времени недовольство старой системой, при которой каждый регион получал из центра столько, сколько мог выбить, было практически повсеместным. И, как ни смешно сегодня это звучит, все регионы поддержали введение предложенной единой системы, при которой устанавливаются единые правила, касающиеся разделения и налогов и расходов. Все выступили за. Более того, подавляющее большинство регионов высказалось за то, чтобы ввести единую формулу, позволяющую разделять расходы и доходы центра и регионов.

Е. ЯСИН: Все-таки что примерно в эту формулу вы заложили? Потому что, с моей точки зрения, единые правила с самого начала нельзя было установить. Конечно, все поприветствовали предлагаемые новации, им показалось, что это для них полезно. Но все же какова была эта формула и каков именно ваш вклад?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Евгений Григорьевич, мне очень трудно ответить. Как, скажем, описать вклад человека, который, допустим, написал правила дорожного движения? В чем его вклад?

Е. ЯСИН: Так в чем?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Работа Минфина состояла в том, чтобы договориться с регионами и создать некий общий подход. Проанализировать все расходы регионов, субъектов Федерации. Условно говоря, предстояло зафиксировать

даже, например, такие особенности: каждому ли губернатору полагается «Мерседес» или в богатом регионе можно заложить в бюджет «Мерседес», а в бедном — только «Волгу» или «Жигули». Или сколько секретарш положено вице-губернатору. Это ведь тоже расходы регионального бюджета.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это же не самое главное.

С. АЛЕКСАШЕНКО: А сколько учителей должно быть в школах?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Здесь другой вопрос.

С. АЛЕКСАШЕНКО: А сколько школ должно быть на тысячу жителей? Должны ли существовать и финансироваться региональный музей, региональный театр, областной университет? Как подсчитать расходы каждого регионального бюджета? Ведь на самом деле именно эта скрупулезная работа по ревизии региональных расходов и была первым шагом к внедрению бюджетного федерализма. Мы провели первую настоящую ревизию расходов на региональных уровнях. Потому что при переходе от Советского Союза к новой России, особенно в 1992–1993 годах, фактически исчезло какое-либо понимание того, на что тратятся деньги в регионах страны. То есть не проводилось внятного анализа, сравнения того, кому и сколько можно тратить и вообще какие расходы являются экономически целесообразными. Параллельно с таким анализом Минфин вместе с Государственной Думой вел работу по формированию новой бюджетной классификации. Речь, собственно говоря, шла о том, как анализировать бюджет, какова должна быть экономическая классификация его статей. Эта работа была ознаменована наведением некоего порядка в бюджетной сфере, анализом того, на что тратятся деньги и, соответственно, какие расходы мы будем принимать в разрабатываемую нами формулу. Обо всем этом мы договаривались с субъектами Федерации.

Е. ЯСИН: Это очень важный момент. Начало реформ с их резким изменением ранее привычных принципов бюджетного финансирования сопровождалось к тому же и острыми политическими баталиями, которые не могли не сказаться на столь важной для всех бюджетной сфере. Но, пережив катаклизмы 1992 и 1993 годов, в 1994 году мы

пришли к тому, что нужно было заниматься разграничением полномочий центра и субъектов Федерации. Причем подчеркну: не в том было дело, что при советской власти вообще финансовые отношения с регионами отсутствовали. Они тоже были, но сама система была специфическая, сверхцентрализованная. Все решалось после утверждения проектов расходов в ЦК КПСС. Только тогда Госплан или Минфин их расписывали. Причем приоритет в этих расходах отдавался натуральным показателям — сколько, например, выделить стали, чугуна, проката, нефтепродуктов и т.д., а потом уже все оформлялось в денежном выражении. То есть система была по сути своей отлична от рыночной, денежной системы. Потому мне особенно хочется подчеркнуть, что то, чем занимался тогда Алексашенко, можно сравнить с разгребанием Авгиевых конюшен. Именно в то время было положено начало тому, что существует в любой цивилизованной стране.

Здесь я все-таки хочу вернуться к тому, что есть определенные системы, о чем нам рассказали на упоминавшемся семинаре, организованном Всемирным банком в Дели. Тогда мы ничего об этом не знали. Мы знали лишь свою унитарную систему, которая существовала в Советском Союзе, когда все деньги полностью концентрировались на расходах Министерства финансов и распределялись по бюджетам республик, затем в этой иерархии следовали области и т.д. Принимались решения о каком-то строительстве, тогда определялось, за чьи деньги это будет финансироваться, причем все решалось под лоббистским влиянием, когда приезжали люди из регионов, толклись в коридорах или Госплана, или ЦК КПСС, или Минфина или ходили всюду по кругу. Собственно, в этом и заключалась работа по составлению бюджета и его распределению. Это, если хотите, носит научное название «унитарная бюджетная система». Если же вы имеете дело с более цивилизованным государством, то там, конечно, такие лоббистские усилия и хождения по кабинетам...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Минимальные?

Е. ЯСИН: Они меньше, но все равно есть. Потому моя точка зрения состоит в том, что точные правила, которые

бы всегда всех устраивали, невозможны. Просто жизнь в них не укладывается. Возьмите, например, даже такую упорядоченную унитарную страну, как Франция. Там все равно есть местные налоги, есть своя система федерализма, и все же она централизована.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Евгений Григорьевич, давайте договоримся об определениях. Бюджетный федерализм относится к федеративным государствам. Франция же унитарное государство, там не может быть никакого бюджетного федерализма.

Е. ЯСИН: Согласились.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Россия же федерация. Это четко закреплено в Конституции 1993 года. И у ее регионов были большие полномочия, прописанные в Конституции. Конечно, вы правы, когда говорите, что ни одна формула, ни одна схема не может описать, идеально подойти к специфике отдельной страны. Тем более страны, состоящей из более чем восьмидесяти субъектов. Такого нет нигде. Какую бы федерацию вы ни взяли: Швейцарию, Канаду или США, где больше всех субъектов, пятьдесят штатов, все это далеко от нас, где в начале 1990-х годов было 89 субъектов Федерации. Когда мы на каких-либо научных встречах рассказывали об этом, то все хватались за все части тела и спрашивали: «А никак нельзя сократить количество субъектов? Тогда вам будет намного легче планировать бюджетные расходы». Но главная проблема в тот период состояла в другом. Нужно было, чтобы не все 100% расходов принимались индивидуальными решениями, а попытаться максимальный объем бюджетов поделить на основании формулы — это было бы, например, 95, 97, 99% бюджета. Понятно, что ни одна формула не может описать всех условий, когда у вас один регион получает дотацию в 10%, а другой — в 96%, когда в одном регионе есть огромное количество промышленных предприятий, а в другом нет экономики вообще. вспомните, что как раз в это же время была создана Республика Ингушетия, у которой даже не было государственных структур как таковых. Она выделилась из состава Чечено-Ингушской АССР.

Е. ЯСИН: И столицы там не было.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Да, нужно было все строить.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть получается, что в такой стране, как у нас, надо подходить к решению проблем как в нормальной семье: кого-то надо кормить, а кто-то зарплату в дом приносит. Так?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Да, и нужно договориться о правилах дележа.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Решать, кому выделять первому: купить сапоги дочке или джинсы сыну?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Не совсем так. Тут речь идет не просто о том, кому сколько отдать и кому первому. Когда вы общаетесь с регионами, нужно учитывать интересы всех. Потому что вы не можете решить какие-то проблемы в одном регионе, а другому сказать: подождите, вам в следующем году дадим, а в этом году вы как-нибудь так проживите на подножном корму, на том, что у себя найдете. Понимаете, при таком подходе 50% бюджета сразу же рухнет.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А в итоге какие правила были приняты?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Одно из принятых базовых правил с тех пор закрепились в российском бюджетном процессе, и оно состояло в том, что основное количество налогов — а их в России было много, по-моему чуть ли не три десятка, — все-таки поделили на налоги федеральные, идущие в федеральный бюджет, и налоги, идущие в региональные и местные бюджеты. Но осталось три основных налога, которые, собственно, дают львиную долю поступлений — это налог на добавленную стоимость, НДС, налог на прибыль и подоходный налог. Их делили между уровнями бюджетов. Это была некая формула расщепления. Сейчас, собственно говоря, это осталось, насколько я понимаю, только в том, что касается налога на прибыль. Потому что НДС теперь ушел полностью в федеральный бюджет, а подоходный налог ушел в региональный бюджет. Но тогда это было то самое базовое правило, которое, что называется, заложило основы бюджетной самостоятельности. Потому что после этого каждый субъект Федерации имел точное понимание того, сколько у него будет средств, какие доходы закладывать в свой бюджетный план.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, а могу я попросить вас на секундочку выйти из 1990-х годов и сопоставить их с тем, что стало происходить в 2000-е?

Е. ЯСИН: Должен сказать, что в 1990-х годах все-таки какие-то правила были найдены. Но ситуация тогда была достаточно неустойчивая, и при разделе бюджетных средств какую-то часть нужно было резервировать на случай форс-мажорных обстоятельств. А так как все полученной долей были недовольны, то каждый надеялся, что ему удастся пройти к президенту или к премьер-министру и добиться дополнительного финансирования. Поэтому правила нарушались сплошь и рядом. Используя разные аргументы, такие «ходоки» часто добивались своего. А затем, в 2000-х годах, началась централизация во всех сферах, в том числе и бюджетной. Я потому и хотел рассказать о различных системах — федеральной и унитарной. Тут меня правильно поправил Сергей Владимирович, когда я заговорил о Франции, которая не является федерацией. Но для нас суть дела заключается в том, что даже если вы номинально, формально провозгласили федерацию, а на деле до построения подлинного федерализма еще далеко, то у вас все равно может сложиться унитарная налоговая система, где все опять сначала собирается в центр, а потом распределяется. В 1990-х годах был довольно высокий уровень децентрализации. Центр вел переговоры с руководителями субъектов Федерации. В результате пришли к тому, что примерно 50% налогов сразу поступало в бюджеты соответствующих уровней, то есть в региональные и местные бюджеты, а 50% концентрировалось в федеральном бюджете. Затем еще какая-то часть выделялась регионам в виде трансфертов на выравнивание бюджетной обеспеченности. Но в 2000-е годы началась централизация, регионы стали сдавать свои позиции, и от этого принципа разделения доходов скоро отошли. Скажем, уже к 2003–2004 годам уровень централизации бюджетных доходов в федеральном бюджете составил примерно 55%, а то, что оставалось, поступало в бюджеты субъектов и муниципальных образований.

Но тратить бюджетные средства все равно нужно на местах. Поэтому когда вы смотрите на реальные расходы, то

получается примерно такое же распределение, как и раньше. Однако властные полномочия по делению доходов опять в значительной степени сконцентрировалась в центре. Мы сейчас уже наблюдаем процессы незначительной децентрализации и определенной формализации распределения трансфертов, но они до конца не распределены. Я хочу обратить внимание еще на одну очень важную вещь. На самом деле это небезразлично — как устроен механизм деления. Получают ли регионы средства «сверху» или люди имеют оговоренные права на использование денег, которые они сами и заработали. Поэтому я хочу обратить внимание на то, что есть не только унитарная система или кооперативный федерализм, как в Германии, где центр и земли просто ведут переговоры и договариваются, какие налоги как расщепляются и т.д. Есть система, которая Сергею Владимировичу, по-моему, не очень нравится. Это американская система, которая называется конкурентным федерализмом. Там каждый штат и города имеют право устанавливать собственные налоги и сборы. При этом каждый из них старается в большей степени привлечь бизнес, предложить какие-то увлекательные проекты и т.п. Эти налоги идут непосредственно штатам или городам, а потому у них возникает инициатива, создается стимул для увеличения своих доходов. Мне кажется, для нас это очень важно.

У нас очень большие различия между регионами в части дифференциации доходов и бюджетной обеспеченности. Бюджетная обеспеченность означает, насколько те статьи, которые должны финансироваться из бюджета, обеспечены соответствующими средствами. Действительно, у нас это различие составляет десятки раз. Поэтому я помню, что во времена, близкие к тем, когда в Минфине работал Алексашенко, Владимир Анатольевич Петров предложил такую схему. Сначала мы просто выделяем деньги тем, у кого никаких надежд нет. Просто даем и все. Это, скажем, Дагестан, или Ингушетия, или Тува, они вообще ничего не имели, потому что та промышленность, которая у них была, рухнула. И там надо просто накормить голодных. Это первый слой. И уже потом можно начинать применять какие-то правила. На мой взгляд, это был все-таки первый шаг к порядку,

но такой, я бы сказал, довольно сомнительный, потому что в нем не заложены стимулы к развитию. И самое интересное, что сейчас все те же самые проблемы сохраняются. Конечно, теперь, может быть, и больше порядка, устоялись некие правила, меньше людей пытаются по-старому урегулировать свои бюджетные вопросы. Что касается городов, то их представители уже не ездят в Москву. Они договариваются в своих областных центрах, в республиканских столицах.

А принцип губернаторов такой: ничего им не оставлять. То есть сначала все у них изымать, чтобы потом они все получали из регионального бюджета. Потому что если я делю, то, значит, я и влияю. Это моя власть, и, сколько бы ни говорил, скажем, Минфин, что мы обеспечили высокую степень выравнивания бюджетной обеспеченности, я задам вопрос: какой ценой? А цена эта — убийство ответственности, убийство инициативы. То есть вы могли бы позволить людям искать самим источники дохода. Они, скажем, хотят построить больницу, так дайте им право начать для этого сбор средств, пусть все население проголосует и решит, что надо строить. В нашей же системе вы должны ехать и выбирать нужные средства в Москве, или в Самаре, или в какой-то другой местной столице. В этом заключается работа администрации. В такой ситуации мэру или губернатору нужно смотреть на вышестоящего начальника, а не на тех, кто за него голосует. Сегодня доходы местных бюджетов, которые поступают из собственных источников, составляют примерно 5% этих бюджетов, а остальное — подачки, трансферты. Под такую практику подведена некая, я бы сказал, глобальная база, что все обязательства должны быть профинансированы и на это выделяются деньги в соответствии с переданными «на места» государственными полномочиями. То есть «сверху» передают полномочия и под них выдают деньги. Но такая система, вновь подчеркну, не дает стимулов к развитию. Поэтому, хотя я вообще против всяких изменений налоговой системы, сегодня я бы перешел к конкурентной системе. Пусть не сразу, но подготовился бы и перешел. Может быть, например, начал с нескольких городов, где еще не разрушены серьезные системы местно-

го самоуправления, есть активность населения. Надо дать возможность людям самим решать, как им строить свою прочную экономику и формировать хороший бюджет. Такую возможность им надо было бы предоставить. Я уже говорил не один раз о городе Дзержинский под Москвой, где мэра убили в 2006 году, Виталия Ивановича Доркина. Он поднял инициативу людей, им можно было это доверить. И есть еще такие города, где можно это сделать.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Евгений Григорьевич, вы затронули тему конкурентного федерализма, то есть того, что есть в США. Мы обсуждали эту тему и думали о том, чтобы отдать широкие полномочия по введению местных налогов на уровне местных органов власти или регионов. Вы знаете, на чем мы сломались? На единстве нашей налоговой службы. В США местные налоги или налоги штатов собирает отдельная налоговая служба. А что происходит у нас? Вспомните начало 1990-х годов, когда мы федеральную налоговую службу не могли заставить работать просто потому, что там люди не понимали, что от них требуется. Сегодня по-настоящему мало кто помнит специфику функционирования в Советском Союзе «народного хозяйства». Ведь там налогов не было, просто каждому предприятию спускали плановое задание: ты должен отдать столько-то. Был для всех граждан подоходный налог, который не платили те, чья зарплата была менее 70 рублей, а для тех, чей доход превышал 100 рублей, со 101 рубля и выше брали 13%. Был также налог за бездетность с холостяков и бездетных замужних женщин в 6%.

Е. ЯСИН: Были также планируемые отчисления от прибыли.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Причем эти отчисления от прибыли были индивидуальные, для каждого предприятия устанавливалась своя цифра отчислений. И после такой системы в 1993 году, на второй год независимой России, даже представить себе было невозможно, что во всех 89 регионах тут же появятся параллельные налоговые службы. То есть федеральную налоговую службу дополняют налоговые службы каждой отдельной области, не говоря уже о местных муниципальных службах. Честно говоря, мы ясно видели, что

это невозможно. Сейчас, если уж говорить о 2000-х годах, у меня другой взгляд. Ныне у нас даже те зачатки бюджетного федерализма, которые были созданы в 1990-е годы и которые, по сути, надо было развивать, совершенствовать, напротив, по большому счету исчезают. С точки зрения бюджетного процесса, мне кажется, мы все больше и больше превращаемся в унитарное государство.

Е. ЯСИН: Я про то же самое говорил.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Да, поэтому в подобных условиях бессмысленно говорить о каких-то правилах, имеющих отношение к тому, что называется бюджетным федерализмом.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Если в одном месте вертикаль построили, то, наверное, и слово «федерация» надо убрать.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Совершенно верно. Тогда у вас все будет в порядке. Потому что федерализм предполагает делегирование комплекса полномочий субъектам Федерации с возможностями их соответствующего финансового обеспечения. А в унитарном государстве местные налоги не вписываются в общую практику управления. Не бывает такого.

Е. ЯСИН: Это правда, но я хотел бы отметить одно. С тем, что говорит Сергей Владимирович относительно 1990-х годов, я полностью согласен. Тогда, в самом начале пути реформирования социалистической экономики, такую децентрализованную систему строить было нельзя. Мы действительно не могли реализовать какую-то схему, которая обеспечила бы большую самостоятельность регионов, городов, активизацию инициативы граждан и т.д. Это было невозможно. Мы просто технически не были к этому готовы. К тому же экономика была разваленная, и даже сбор федеральных налогов представлял колоссальную трудность. Сейчас ситуация другая, мы не страдаем от такого безумного дефицита денег, пусть в одних регионах их больше, чем в других. Я вовсе не отрицаю самого принципа перераспределения доходов с целью выравнивания уровня жизни в разных регионах, особенно доходов рентного характера. В такой стране, как Россия, это необходимо. Но основной вопрос состоит в том, как построить такое перераспределение. На каких принципах, какие установить правила. Эти правила, по-моему, должны не только служить

выравниванию условий жизни в разных уголках страны, но и подталкивать как местную администрацию, так и бизнес и просто граждан к поискам своих собственных путей развития. И мне кажется, что сегодня или хотя бы завтра необходимые правила выстроить можно. Но первое правило должно быть такое: местные власти должны получить право устанавливать собственные налоги. Тогда у местной власти появляется ответственность перед гражданами, появляется инициатива.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Объясните, пожалуйста, почему исторически так сложилось, что в России существовали и существуют регионы-доноры и регионы-реципиенты. Я хотела бы даже сказать — потребители. Но ведь, наверное, такое разделение неправильно?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Это правильно, во всем мире так. Например, Федеративная Республика Германия — богатое государство. Оно даже до объединения с Восточной Германией было существенно богаче, чем Россия. Но и там были земли более богатые или более бедные. Когда же в начале 1990-х годов они присоединили восточные земли, этот разрыв между разными землями одной страны стал еще больше. Причем это, после того как прошла эйфория от самого факта объединения, оказалось тяжелым потрясением для бедных регионов Западной Германии, потому что неожиданно выяснилось, что в новой стране они уже не бедные. Они из категории реципиентов перешли в категорию доноров и уже должны были давать деньги на федеральные программы. Это стало большим потрясением для многих, когда выяснилось, что есть, появились новые земли, которые существенно беднее, чем они.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И это, не беря сейчас Восточную Германию, при относительно идентичном, в общем, уровне развития.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Конечно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: У нас же, согласитесь, сопоставить, например, Москву и Ингушетию невозможно.

Е. ЯСИН: Это самая принципиальная трудность, но вопрос заключается в том, чтобы выяснить, есть ли у каких-то депрессивных регионов или регионов-реципиентов

какие-то стимулы, чтобы самим начать выбираться из этой ситуации. Чтобы как-то усилить свою экономику, привлечь какие-то капиталы, предложить какие-то перспективные проекты.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, я вспоминаю ту же Туву, где есть уникальные с точки зрения и культурологии и природы места, но дорог нет. Может быть, там стал бы перспективным туристический бизнес, возможно было бы создание условий для отдыха. Однако дорог нет, инфраструктуры нет, потому если туда и добираются, то только энтузиасты-одиночки.

Е. ЯСИН: Мне кажется, что мы можем протянуть туда ветку железной дороги, автомобильная дорога там есть, хотя и нуждается в улучшении. Но, вообще говоря, до присоединения к России Тува жила на самообеспечении при очень низком уровне жизни. Крайне бедная была страна. Я вспоминаю встречу с бывшим президентом этой республики Шериг-оол Дизижиновичем Ооржаком. Он мне рассказывал, как они жили, что у них была своя культура. Но эта культура была разрушена после присоединения. Большевики сказали: что вы тут собираете — кизяк или дрова, а мы вам привезем уголь или даже тут будем добывать уголь и вам построим электростанции. На самом деле многое было сделано, но выяснилось, что традиционный уклад жизни оказался разрушен, и в результате люди самостоятельно жить не могли. А созданная там промышленность, в общем, не в состоянии была кормить республику.

С. АЛЕКСАШЕНКО: В то же время в новых условиях в республику проникали представления о новом уровне потребления.

Е. ЯСИН: А в 1990-е годы вся та промышленность, которая была там создана, оказалась нерентабельной. Все просто развалилось...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А каковы затраты при трансферте финансов из центра в регионы?

С. АЛЕКСАШЕНКО: Минимальные, просто нужно оформить платежку из федерального казначейства в региональное. Смешно об этом говорить. Если вы договорились о правилах, которые прописаны в федеральном бюд-

жете и по которым формируются эти трансферты из федерального бюджета в региональные, то, соответственно, федеральное казначейство каждый месяц оформляет такую платежку. В таком случае дальнейшая работа — чисто техническая.

Е. ЯСИН: Все-таки я бы сказал, что мы постепенно становимся цивилизованным государством. Признано, что мы федерация, и лично я уверен, что Россия должна быть федерацией. Она слишком велика, в ней слишком разнообразные условия, а значит, каждый субъект Федерации должен строить свою жизнь самостоятельно. Конечно, не полностью самостоятельно, ведь при этом мы единое государство. Но все-таки в значительной мере самостоятельно. Всем субъектам нашей Федерации надо создавать условия для самостоятельного, органичного именно для него собственного развития. Ведь в такой огромной стране настолько разнообразны и природные и климатические условия, и обеспеченность разного рода полезными ископаемыми, а также свои социальные и культурные традиции, что все это невозможно унифицировать. Перераспределение, определенные трансферты абсолютно необходимы, потому что, вновь подчеркну, при всем многообразии мы единая страна и нужно обеспечить для всех ее жителей сравнимые уровни образования, охраны здоровья, пенсионного обеспечения. Все эти вещи должны быть едиными. Но именно на реализацию этой функции государства, по-моему, нужно давать некие целевые трансферты, а не вообще средства на поддержание бюджетной обеспеченности. Потому что если ограничиваться целью поддержания бюджетной обеспеченности, то получится, что вы не в состоянии квалифицированно проверить правильность расходования средств. Конечно, для этого посылают инспекторов казначейства. И по результатам их проверок мы очень часто слышим о нецелевом расходовании средств. А это значит, как правило, что именно до образования, здравоохранения или культуры не все деньги дошли. Поэтому мне очень хотелось бы, чтобы у регионов все-таки было больше самостоятельности, чтобы на местах люди сами считали деньги, которые они заработа-

ли, и решали, на что в первую очередь их надо потратить, а что может немного подождать.

С. АЛЕКСАШЕНКО: Мне кажется, тут мы вплотную подошли к важной проблеме: вообще-то, у нас федерация или нет? Можно ли сегодня говорить о бюджетном федерализме или у нас унитарный бюджет при государственной федерации? Мне кажется, что о бюджетном федерализме сегодня говорить нельзя, так же как нельзя было построить коммунизм в одном отдельно взятом колхозе, так же как нельзя в одном отдельно взятом городе ввести правила прозрачности бюджета. У нас и на федеральном уровне бюджет непрозрачный. Государственная Дума его практически не обсуждает, нередко принимая бюджет за две недели в четырех чтениях. Мне кажется, мы подошли к более серьезной теме, которая выходит за рамки темы бюджетного федерализма. Если мы строим федерацию, если Россия будет оставаться федерацией, то бюджетный федерализм неизбежен. Рано или поздно мы к этому придем на новом его витке. Если же мы будем унитарным государством, то он, бюджетный федерализм, нам и не нужен.

Е. ЯСИН: Все-таки я думаю, что нам нужны и федеративное устройство страны в целом, и бюджетный федерализм в частности. И начало движения в этом направлении было положено как раз в 1990-е годы.

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА В 1990-Е ГОДЫ (Е. ЯСИН — С. ДУБИНИН)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Тема нашей беседы — «Банковская система России 1990-х годов». В качестве эксперта мы с Евгением Григорьевичем пригласили Сергея Константиновича Дубинина, который по 1998 год был председателем Центрального банка Российской Федерации. Но сначала я бы попросила Евгения Григорьевича рассказать, как создавалась новая банковская система.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Вначале я хотел бы отметить, что в массовом представлении картина реформ формируется на основе таких слов, как «либерализация», «приватизация», «финансовая стабилизация», «борьба с инфляцией», и всё. И как бы каждая из этих реформ представляется в некотором смысле разрушительной. Ведь, действительно, экономика меняется в тех случаях, когда предоставляется свобода, которой раньше не было. И создается впечатление, что рыночные реформы сравнительно легко сделать: только предоставь людям свободу, и дело пойдет.

Но на самом деле рыночная экономика предполагает достаточно развитую систему институтов, без четкого функционирования которых действия получивших свободу людей могут быть даже разрушительными. Без таких институтов, выработанных на протяжении многих десятилетий и даже столетий развития, рыночная система просто не работает. Среди этих институтов важнейшее место занимает банковская система, развитая финансовая система, вся финансовая сфера в целом. В рыночной экономике они абсолютно необходимы, чтобы связать отдельных ее субъектов в единый организм. При социализме Госплан, Госснаб, Минфин, выступающие как основные рычаги планирования, выполняли некую организующую роль — правда, чем

сложнее становилась система, тем труднее было выполнять все необходимые согласования и т.п., — но при этом они лишали экономических агентов каких бы то ни было прав и свобод. Последние выступают только в качестве исполнителей. А рыночная экономика предполагает, что необходимые функции организатора, координатора кто-то должен выполнять. Вот эта роль в условиях рынка отводится банковской системе, которая становится одним из столпов рыночной системы. Другой, не менее важный столп — налоговая система. Мы о ней позже поговорим. Что касается банковской системы, то любопытно, что при советской власти банковской системы не было. Впрочем, в советской системе управления был Госбанк СССР со своими подразделениями на местах. Были у него еще какие-то специализированные подразделения. Например, Стройбанк СССР, который занимался финансированием капитальных вложений, Внешэкономбанк — внешними экономическими операциями, он же имел дело с валютой.

Тут видно, что каждому из этих подразделений отводилась некая сфера для выполнения определенных денежных операций. И как Госснаб, который занимался организацией поставок материальных ресурсов, так и Госбанк должен был снабжать народное хозяйство деньгами. Вот и всё. В этом в советской экономике заключались основные функции банков. Банковской же *системы* как таковой, с моей точки зрения, в нормальном смысле просто не было. Затем в 1988 году были сделаны первые шаги к так называемой двухуровневой банковской системе. Первоначально в том же советском стиле. Были несколько развернуты сферы тех же самых специализированных банков. Появились Жилсоцбанк, Промстройбанк, Агропромбанк, всего таких новых банков было шесть. Но на этом все и остановилось, новых решений, собственно, никаких не было. Я подозреваю, что первое время исходили из того, что только этим все и обойдется. Однако, как мы знаем, в конце 1991 года Россия решительно повернулась к рыночному реформированию. А то, что я сейчас обрисовал, было той платформой, той площадкой, с которой началось строительство банковской системы. Теперь я хочу обратиться к Сергею Констан-

тиновичу с таким вопросом: как же все-таки происходил процесс преобразования имеющейся банковской структуры, как удалось добиться того, что в конце концов в стране все-таки появилась банковская система?

СЕРГЕЙ ДУБИНИН: Напомню, что в советское время наличные и безналичные деньги — это были две совершенно разные сферы обращения. Важнее всего было свести баланс по территориям по наличным деньгам. Были территории, изымающие деньги, и были те, где деньги как бы эмитировались.

Е. ЯСИН: Например, курорты изымали деньги...

С. ДУБИНИН: И, скажем, Москва. А в промышленных центрах, соответственно, наличные деньги выпускались в основном в виде зарплаты и других денежных выплат населению — пенсий, стипендий, денежного довольствия военнослужащим и другим силовикам и т.п. Но, как мы помним, в условиях дефицита купить что-то на эту наличность на месте было сложно. Поэтому люди ехали в места с лучшим снабжением и тратили заработанное там. Вот удерживать баланс денег — это и была собственно банковская задача, задача Госбанка...

Таким образом в условиях планового советского хозяйства специфика планового регулирования денежного обращения заключалась в жестком разделении безналичного денежного обращения между предприятиями и наличного обращения денег в сфере индивидуального потребления. Советские заводы не могли сами решать, какую часть доходов можно использовать для выплаты зарплаты сотрудникам. Фонд зарплаты жестко планировался.

Безналичные деньги обслуживали производство и инвестиции. Они также включались в план и обеспечивались эмиссией безналичных денежных фондов. Как только предприятия в ходе первых реформ стали получать некоторую свободу операций, их руководители, директора стали искать пути, чтобы «обналичить» ранее чисто безналичные денежные фонды. Нашли быстро два пути: первый — сделки с возникшими кооперативами и малыми частными предприятиями, второй — создание «своих» корпоративных банков и перевод денег в их капитал и во вклады.

После начала рыночных реформ на рубеже 1991–1992 годов этот процесс слияния денежно-кредитной сферы в единое денежно-кредитное обращение стал носить необратимый характер.

В моем представлении, развитие современной банковской рыночной системы — это был такой встречный процесс. С одной стороны, создавались новые институты. Причем делалось это, в общем-то, по неплохим, но слишком общего характера, декларативного вида законам, которые, собственно, провозглашали, что образуется двухуровневая банковская система. Она состоит прежде всего из Центрального банка, который не является банком, повторяющим работу Госбанка, а должен регулировать всю кредитно-денежную систему. Это совершенно другие функции, отличающие его от Госбанка, который, в общем-то, занимался работой с предприятиями через свои филиалы и регулировал безналичное и наличное денежное обращение отдельно.

А в созданной двухуровневой системе, которая была прописана в законопроектах еще в конце 1980-х годов, складывалась совершенно другая картина. Потом эти законопроекты в 1990 году были приняты в России. В ней были заложены уже те принципы, которые во всем мире используются для Центрального банка. Параллельно с этим стал развиваться некий стихийный процесс «снизу». Когда разрешили работу именно коммерческих банков или по крайней мере учреждений, которые так назывались, пошел массовый процесс их создания. Такие банки было очень легко открыть. Можно было буквально пачками получать банковские лицензии, без особого контроля. Кто и зачем их открывает и есть ли на самом деле там капитал или это просто чисто юридическое лицо на бумаге, особо не выяснялось. И такой ситуацией воспользовалось большое количество предпринимателей. Они стали на всякий случай создавать свои банки. Банки создавались при крупных предприятиях, бывшими кооператорами или в то время еще кооператорами. Банки создавались как акционерные общества, но без наполнения собственным капиталом. Скажем, типична была ситуация, когда предприятие вносило деньги в капитал, а потом тут же получало кредит в размере своего взно-

са. При нормальном бухгалтерском учете этот капитал нужно было бы обнулить и сказать, что у банка капитала нет, он равен нулю. Но в то время все эти правила не были отработаны. И такой стихийный процесс Центральный банк должен был как-то цивилизовать, заставить массовую процедуру создания новых банков функционировать по определенным банковским нормативам, которые тоже еще нужно было выработать и ввести. Поскольку в советское время таких нормативов просто не было, в той ситуации они были не нужны, о них никто ничего не знал. Это банковское регулирование в начале 1990-х годов тоже создавалось на ходу. Как бы в режиме ручной доводки всей системы.

Е. ЯСИН: Я, кстати, хочу вспомнить такую интересную деталь. Были советские отраслевые министерства, в свое время очень могущественные. Но в какой-то момент они стали терять власть, хотя у них еще оставались какие-то связи с предприятиями. И тогда, обычно на базе планово-экономических и финансовых управлений министерств, начали создаваться банки. Те люди, которые там работали, становились сотрудниками этих банков. Они рассчитывали, что те предприятия, которые им раньше подчинялись, будут держать деньги в их банке. А дальше либо банк начинал командовать предприятием, либо предприятие — банком. Это был весьма любопытный процесс. Скажем, вспоминаю Промрадтехбанк, который был банком, созданным на основе девятки оборонных министерств. Но главное, такой способ формирования банков, как один из источников роста банковской системы, решал еще один принципиальный вопрос: откуда брать кадры? Потому что в начале 1990-х годов финансистов, банкиров, особенно в необходимых количествах, просто не было. Никто ничего не умел. Были банкиры, которые ранее работали в советских банках за рубежом, а большинство трудилось в банках, которые были скорее органами планирования и бухгалтерского учета. Я подозреваю, что лишь незначительная их доля представляла себе, что такое коммерческий банк на самом деле.

С. ДУБИНИН: Нужно также не забывать, что в этой ситуации банковская система складывалась в условиях тяжелейшего экономического кризиса и потери управляемо-

сти экономики. Многие видели в создании банка некую попытку стабилизировать свое положение, по крайней мере свое лично и ближайших партнеров. То есть через свой банк рассчитывать с теми предприятиями, которым ты доверяешь. Потому что если ты отдашь деньги предприятию, которому не доверяешь, то, скорее всего, их тебе не вернут. Огромный накопившийся вал неплатежей тоже попытались развязать через эту банковскую систему. Тогда как бы окукливались какие-то «куски» экономики, внутри которых люди могли доверять друг другу. Поставить продукцию и рассчитывать, что получат за это хоть какие-то деньги. Но нельзя не признать, что кризисная ситуация во многом наложила свой отпечаток на судьбу той банковской системы, которая тогда возникала. И Центральный банк как при Георгии Ивановиче Матюхине, так и при Викторе Владимировиче Геращенко пытался ввести некоторое регулирование банковского дела. Там были люди, по идее, знавшие, как должен выглядеть банковский надзор. Но скорее теоретически, потому что они работали где-то за границей и там получили определенный опыт. И читали специальную литературу.

Е. ЯСИН: Я хочу тут некоторое уточнение внести. Георгий Иванович Матюхин стал первым председателем Центрального банка РФ. А Геращенко, бывший в 1991 году председателем Госбанка СССР, затем, в ноябре 1992 года, сменил Матюхина на посту председателя Центробанка.

С. ДУБИНИН: Эта ситуация начала 1990-х годов характеризовалась еще и тем, что под угрозой оказалась вообще система расчетов. Она шла через расчетно-кассовые центры Центрального банка или еще Госбанка. Но их работа была дезорганизована. Это и фальшивые авизо, которые, кстати, были не только кавказские, но и из Казахстана, из Средней Азии, из наших родных городов, например Саратова... Ко всему прочему внутри самой системы в какой-то степени была потеряна управляемость. Все это вместе и вынудило тогда принимать кадровые решения, вернуть команду более опытных, но чисто советских таких банкиров во главе с Татьяной Владимировной Парамоновой, чтобы развязать систему неплатежей. Но, правда, и здесь,

как я считаю, без ошибок не обошлось. Попытка развязать систему неплатежей массовым взаимозачетом, собственно, и привела к катастрофической гиперинфляции. Был вброшен такой объем денежной ликвидности в эту плохо работающую систему, что если и удалось какие-то взаимозачеты провести, то вся денежная масса в условиях свободы ценообразования спровоцировала катастрофическую инфляцию в тысячу с лишним процентов. По-моему, на пике там было более 1000%.

Е. ЯСИН: 1260% был индекс цен 1992 года. Напомню, что операция по взаимозачету платежей была проведена Геращенко вскоре после его прихода в Центробанк Российской Федерации.

С. ДУБИНИН: И это же привело, естественно, к гиперинфляции, а значит, к обесценению всех сбережений и, собственно, обнулению сбережений на счетах населения в том же Сбербанке. То есть эти деньги остались на счетах в прежнем номинальном объеме, но они уже мало чего стоили. Люди об этом вспоминают до сих пор. И в результате мы получили массовое недоверие населения к банковской системе и к самой системе сбережений на депозитах в такой институциональной форме. Стало ясно, что если ты положишь деньги в банк, то их не сохранишь. Это был, наверное, самый острый кризисный момент во всей истории банковской системы. Впоследствии, как мне кажется, все-таки удалось навести в этой сфере порядок.

Е. ЯСИН: Но как это удалось? Что делалось для постепенного входа банковской системы в какое-то русло нормальной работы?

С. ДУБИНИН: Прежде всего, возникла система банковского надзора и регулирования. Пришлось вводить целый набор нормативов, обязательных соотношений между, скажем, выданными кредитами и собственным капиталом, между привлеченными средствами и собственным капиталом, нормативы обязательных резервов и т.д. То есть банки должны были в своей деятельности укладываться в определенные, достаточно жесткие рамки. И эти рамки были прописаны на бумаге и достаточно быстро приняты. Этим занималась большая группа людей. Эта работа шла немножко

ранее, но в основном она пришлось как раз на период после пресловутого взаимозачета. Банковский надзор удалось поставить за несколько лет. И говоря об этом, я не могу не упомянуть о роли, которую сыграли в этом уже пришедший в Банк России при мне Сергей Владимирович Алексашенко и Андрей Андреевич Козлов, еще до меня занимавшийся этой тематикой. Эти люди, конечно, сыграли здесь очень важную роль.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сергей Константинович, все начинается впервые. Когда вы начинали работу в Центробанке, на кого ориентировались?

С. ДУБИНИН: Безусловно, нам большую помощь оказывали своими советами и документами такие организации, как Международный валютный фонд и Всемирный банк. В основном с банковской системой все-таки работал Международный валютный фонд. Они интересовались не столько институциональным состоянием, сколько регулированием денежной массы. После гиперинфляции, которой мы не смогли избежать — хотя, может быть, она и была неизбежной, — пришлось огромные силы потратить на то, чтобы ввести в норму денежное обращение и понизить инфляцию хотя бы до 11%. Что удалось только к 1997 году. Параллельно происходила некая расчистка банковской системы. Я помню, что приходилось подписывать буквально десятки актов об отзыве лицензий. Причем некоторые банки даже невозможно было толком идентифицировать. Они не сдавали отчетность, их невозможно было найти по юридическому адресу, непонятно, кто руководил такими банками. Потом вдруг всплывало, что они тем не менее проводят какие-то операции. Это все приходилось прекращать. Я помню, как происходили первые крупные банкротства... Например, в Самаре, не вспомню название банка, мы направили Татьяну Кузьминичну Артемову, чтобы возглавить временную администрацию обанкротившегося, по сути, банка. Кстати, он был создан при АвтоВАЗе и считался достаточно крупным. Но эта организация просто-напросто перестала выполнять свои обязательства перед вкладчиками.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сергей Константинович, в данном случае и в аналогичных случаях можно с уверенностью гово-

речь о злом умысле или речь идет о неумении цивилизованно вести дела?

С. ДУБИНИН: Там присутствовало и то и другое. В банковской системе не существовало системы управления рисками. Менеджмент не умел ни измерить кредитный или рыночный риск, ни управлять ликвидностью банков и балансировать ее. Очевидно было неумение разместить деньги так, чтобы они приносили достаточный доход, и недобросовестность, необязательность тех, кого кредитовали. Но и, конечно, когда банк попадал в тяжелую ситуацию, перед его руководством и хозяевами вставала задача либо честно провести банкротство, постараться расплатиться по долгам, либо его опустошить, вывести, как тогда выражались, деньги и все активы. Большинство бизнесменов, к сожалению, принимали второе решение — не выполнять обязательства перед вкладчиками и растащить то, что еще оставалось в активах. Кому-то это удавалось, как позднее, я считаю, удалось Александру Павловичу Смоленскому с его «СБС-Агро». Кому-то не удалось. Что-то даже удалось пресечь — мы, например, вводили временную администрацию. Но, к сожалению, это не всегда удавалось сделать вовремя. А в кризисной ситуации просто не хватало ресурсов. К тому же владельцы этих банков достаточно успешно сопротивлялись, привлекали на свою сторону силовые органы. Бывало так, что Центральному банку сопротивлялась милиция. Вспомните историю с банком Алексея Френкеля. Ведь там именно милиция не пускала временную администрацию, назначенную Центральным банком, внутрь банка. Невозможно было взять его под контроль. А тем временем там жгли бумаги, выносили документацию, исчезали всякие сведения об активах. Происходили достаточно бурные события. Но целенаправленная деятельность по наведению порядка в конце концов заставила банки работать по правилам. Значительная часть банковской системы перестроилась именно в эту сторону.

Е. ЯСИН: Отмечу еще один момент, касающийся времени, немножко более раннего по отношению к тому, о котором говорил Сергей Константинович. Когда учреждались банки с твердым намерением создававших их людей — из

министерства, предприятий и т.д., — то эти люди, обладая серьезным административным ресурсом, могли, с одной стороны, «защитить» подконтрольный им банк от попыток Центробанка регулировать его деятельность. А с другой стороны, они считали себя вправе подчинять деятельность банка своим интересам, иногда в ущерб клиентам. Тут была основа для определенного противостояния. Банк должен был, по мнению его учредителей, служить им. Они вкладывали туда деньги, и банк должен был заботиться о том, чтобы эти деньги прирастали. И всё. А другие обязательства их мало волновали. В случае когда у них возникали трудности, они готовы были обобрать банк.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть получается, что при создании этой новой для России системы нашлось некоторое количество людей или сообществ людей, которые решили попробовать, а нельзя ли эту грушу потрясти.

Е. ЯСИН: Конечно, это же естественно, если вам предоставляют свободу и пока нет жестких ограничений, не изданы и не подготовлены регулирующие законодательные акты. То, о чем говорил Сергей Константинович про систему нормативов, обеспечивающих возможность следить за банками, оценивать их состояние. Это все создавалось на ходу. То, что было сказано о Козлове, об Алексашенко, о системе надзора, — все это делалось заново.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А когда построили систему, то тут уже можно было сказать, что всё, больше не забалуешь?

С. ДУБИНИН: Я все-таки думаю, что в состоянии, при котором уверенно банки можно назвать банками, система пришла, к сожалению, только после кризиса 1998 года, когда целый ряд так называемых олигархических банков прекратил свое существование. Это отдельная история. Потому что наши олигархические группы, как мы привыкли их называть, рассматривали банки как некое ядро по управлению целой империей, которую они создавали, нахватав разным образом активы под свой контроль. Это особый, специальный разговор о том, как и что ими контролировалось. При этом совершенно необязателен был контроль над собственностью. Самое важное — контроль над денежными потоками, над назначенным менеджментом. Именно

такой контроль был в центре организации данных групп. И надо сказать, что банки, приносящие все же в эти годы доход, позволили сконцентрировать внутри таких групп очень мощный управленческий ресурс. Иначе бы не возникли такие компании, как ЮКОС, на базе управленцев из банка МЕНАТЕП, или «Норильский никель» не был бы перестроен в нормальную крупную бизнес-компанию на базе людей из ОНЭКСИМ-банка. А уже следующее поколение банков, пройдя через серию кризисов, сегодня превратилось, мне кажется, в приличные финансовые учреждения. Период же, когда я приходил в Центральный банк, ознаменовался кризисом «Национального кредита» — структуры известного тогда Олега Викторовича Бойко. Там, кстати, фонд «Спорт» — очень мощная и влиятельная организация — держал свои деньги. Видимо, и руководители этого фонда были как-то с владельцем этого банка «перемешаны» в контроле над банком и т.д. И когда Минфин и Центробанк вели работу с этим банком, представители фонда «Спорт» просто потребовали: спасайте наши деньги! Центральному банку были предъявлены жесткие требования отдать им эти деньги из банка, который они же сами довели до банкротства. И многие рассчитывали, что государство никуда не денется и возьмет на себя их собственные грехи. Закроет их той самой денежной эмиссией. Такая же ситуация была с именитыми вкладчиками МММ. На нас было оказано колоссальное давление, но это другая история, хотя и очень похожая. Кто-то все это натворил, а у государства требуют покрыть грехи, вернуть деньги.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но логически их в некоторой степени можно понять. Коль скоро государство дало зеленую улицу подобным структурам, оно и должно нести ответственность. Тут я рассуждаю как абсолютный обыватель.

Е. ЯСИН: Здесь вы выступаете как выразитель обыденного сознания. Реально же в чем заключался коренной переход? Была советская система со Сбербанком — точнее, тогда это называлось «Сберкасса» — единственным банком, который работал с населением. И государство гарантировало сохранность вкладов в нем. За долгие десятилетия люди привыкли, что всегда им кто-то обязан, а в рыночной

экономике это не так. Вы имеете с рождением банковской системы какие-то горизонтальные отношения. Отношения человека с банком — это сделка. Вы доверяете банку свои деньги, заключая с ним договор: какие-то обязательства есть у банка, какие-то обязательства — у его клиентов. И если банк попадает в сложную ситуацию, то никто посторонний не должен помогать его вкладчикам выходить из этого сложного положения. Потом, правда, появилось Агентство по страхованию вкладов, помогающее вкладчикам получить у обанкротившегося банка гарантированный минимум средств. Но отмечу, что деньги в этот фонд поддержки людей, пострадавших от банкротства нередко недобросовестных банкиров, вносят сами банки.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Однако мне кажется, что в случаях, когда банк предлагает вкладчику какие-то совершенно фантастические условия, стоит задуматься: что-то тут не так.

Е. ЯСИН: Значит, нужно взвесить все риски и не соблазняться такими предложениями.

С. ДУБИНИН: Отмечу, что человек может представить себя в разных позициях. Сейчас мы говорим о позиции, в которой оказываются индивидуальные вкладчики в их отношениях с банком. Но другая позиция — руководителя огромной организации, завода или того же фонда «Спорт», которые получили от государства свои активы, деньги и т.д. И этот руководитель что-то из выделенных денег положил в банк. Потом вместе с этим банком он проводит какие-то финансовые операции, и на этом кто-то из них как минимум заработал. Но затем в результате их деятельности банк доведен до банкротства. Это другая позиция. В такой ситуации почему этим людям надо компенсировать убытки? Другое дело — рядовой вкладчик, у которого, конечно, иная позиция по отношению к этому банку.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сергей Константинович, некоторое время назад на самом высоком уровне говорили о необходимости повышения финансовой грамотности населения. Сейчас, вспоминая 1990-е годы, хочется спросить, когда надо было начинать такое просвещение и на каком уровне?

С. ДУБИНИН: Вообще-то, каждому надо было бы начинать с детства. Причем не в 1990-е годы, а гораздо рань-

ше. Потому что объяснять какие-то простые вещи надо еще школьникам, чтобы они понимали если не макроэкономические зависимости, то хотя бы то, что в рыночной системе, да, по сути, не только в ней, человек сам принимает решение. Он должен ясно представлять себе суть договора с банком или иной финансовой организацией, оценивать риски. Он должен внимательно прочесть договор и понять, что же ему обещано. Подписывать документы, не вникнув в их содержание, крайне опасно.

Е. ЯСИН: Здесь у нас как раз хороший повод еще раз задуматься над тем, какого рода грандиозный переворот мы пережили. На самом деле для многих людей это была настоящая драма. Потому что они вдруг оказались в каких-то новых условиях, суть которых никто не понимал, не знал, куда идти, что делать, что предпринимать. А тут буквально на улице зазывают и говорят: дай свои деньги под 60% или под 100% годовых, мы тебе будем выплачивать деньги. А человек не знает, привлекательно это предложение или крайне рискованно. Что он должен делать? Или предположим другое. Вы колхозник, вам выделяют земельный пай, но, по сути, вам не дают ничего, а просто говорят, что ты теперь владелец земельного пая. Только через несколько лет специальным указом президента были прописаны меры по организации выдачи документов, удостоверяющих право собственности на земельный пай. И в такой ситуации неопределенности приходилось учиться на ходу, совершая массу ошибок просто от незнания, неумения принимать верные решения в незнакомой ситуации.

То же самое было и с банками. Все учились на ходу. Сергей Константинович сказал, что надо было начинать учить людей еще несколько десятилетий назад, может быть с детства. Но вспомним, что тогда никто и представить себе не мог, что страна перейдет к рыночной экономике. Такой переход никто особо не планировал. Но так вышло. И для людей сложилось такое, я бы сказал, чрезвычайное положение. Можно сколько угодно искать виноватых и не найти. Кстати, хочу заметить, что потом, в ходе кризиса 1998 года, разорившиеся олигархические банки были как раз теми, чье руководство считало, что повышает свою надежность,

развивая розничный бизнес, то есть привлекая вклады населения, предлагая больший процент и т.п. Теоретически действительно это именно так. Но что случилось потом, когда начался кризис? Куда в первую очередь побежали граждане забирать свои деньги? В частные банки. Пролетели Столичный банк сбережений, Инкомбанк, который был, по-моему, первым из частных банков по привлечению частных вкладов. Вот они и сгорели, потому что началась паника и люди бросились спасать свои сбережения. В это время Центральный банк должен был ввести какие-то правила, позволяющие перевести эти вклады в Сбербанк, предложить какие-то частичные компенсации.

С. ДУБИНИН: Действительно, я считаю, нами было принято единственно возможное правильное решение. Но в данной ситуации перевод был, конечно, не вкладов, потому что этих денег реально уже не было. Это был перевод обязательств перед вкладчиками на Сбербанк. На него мы повесили огромный объем обязательств перед населением, перед бывшими вкладчиками этих крупных банков. И помогли, естественно, Сбербанку постепенно расплатиться с населением, выплатить эти долги. В итоге тогда смогли снять огромное напряжение. Только это, как мне кажется, спасло нас от выхода людей на улицу. Кстати, зарубежные коллеги, вспоминая о том кризисе, говорят, что такого решения у них не было. В Аргентине, например, ситуация развивалась ровно по тому же сценарию. Но там были буквально погромы в банках, когда люди кинулись забирать свои деньги. Финансовый кризис разорил банки, разорив вкладчиков.

Е. ЯСИН: В Аргентине эти события происходили уже после нашего кризиса.

С. ДУБИНИН: Все началось с азиатского кризиса 1997 года, который потом втягивал в свою орбиту многие развивающиеся экономики. Но все происходило неравномерно, ступеньками.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сергей Константинович, а все-таки, если отмотать пленку назад, на какие грабли можно было бы не наступать?

С. ДУБИНИН: Наверное, в той ситуации стоило более жестко разобраться с массой созданных в 1990-х годах бан-

ков. Тогда уже можно было принимать некие законодательные решения о повышении, скажем, обязательного уровня собственного капитала.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда объясните, пожалуйста, что в таких случаях происходит с людьми, с их сознанием. Я здесь на стороне обывателя выступаю. В стране не один год высокая инфляция. И вот он в один прекрасный момент купился на 60% годовых и положил деньги в банк, а потом погорел на этом. Сейчас же, вспоминая те годы, он ругает перестройку, обвиняет тех либералов, кто, по его мнению, обеспечил возможность существования системы, ограбившей его. Это справедливо?

С. ДУБИНИН: Это и несправедливо и справедливо. Потому что, конечно, в период революционного преобразования разрушается вообще всякое государство. В его руках, по сути, не было ни силовых структур, ни реальной законодательной и, главное, исполнительной власти, чтобы исполнить даже хорошие принимаемые законы. Указы президента и законы носили характер неких деклараций и призывов. А в ответ многие поступали не по формальным законам, а по понятиям — неформальным правилам, стихийно складывавшимся в условиях выживания. Я, например, знаю, что в те годы, в первой половине девяностых, зарплаты очень часто не выплачивались. Причем уверен, что в 75% случаев это сознательно делали руководители предприятий и учреждений и, кстати, учебных и научных институтов. Такие руководители, получив предназначенные на зарплату своих сотрудников деньги, относили их в эти самые банки, чтобы прокрутить и заработать себе проценты. Это были те же люди, которые вчера являлись моими коллегами... Так было в институте, где преподавателем работала моя жена. Это я точно знаю, поскольку тогда работал в Минфине и знал, что до этого института деньги, которые им полагались из бюджета, дошли, но преподаватели зарплату не получили. И государственному предприятию «Норильский никель» в начале 1990-х годов мы из Минфина перечисляли деньги, а их генеральный директор, Герой Социалистического Труда, кричал рабочим на митинге: «Вы хотели свободу? Вот вам ваша свобода! Нет у меня для вас денег».

А деньги лежали в тех самых банковских структурах, где они прокручивались. Вот так повела себя значительная часть номенклатурного начальства. И если говорить откровенно, то многие из наших сограждан, если бы попали на их место, повели бы себя так же. Так что на самом деле стоит винить вовсе не либералов в правительстве, которые, кстати, никогда не были там в большинстве. Это тоже иллюзии.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но почему власти не объяснили доходчиво, что собой представляет масса мыльных денежных пузырей?

С. ДУБИНИН: Это не так. Например, по МММ мы попытались что-то объяснить. Я помню, что в газете выступала начальник департамента Минфина Белла Ильинична Златкис и рассказывала, что такое «пирамида». Кстати, такие «пирамидки», конечно в минимальных масштабах, существовали и в советское время. Иногда людям приходили письма с предложением послать пяти знакомым такие же послания, а адресанту присланного письма выслать, скажем, десять рублей. И объяснялось, что затем, уже от следующих адресатов начнут поступать деньги и в результате можно получить чуть ли не тысячу рублей. И были те, кто попадались на эту удочку. Так и тут: я сам много тогда раз обращался к людям через СМИ, никакие объяснения не помогали.

Е. ЯСИН: Тем не менее, возвращаясь к нашей теме, я просто хочу сказать: главное состоит в том, что банковская система все равно возникла. А после кризиса 1998 года, когда произошла некоторая очистительная операция, она как бы встала на ноги. Подчеркну, что сегодня банковская система играет исключительно важную роль в развитии нашей экономики. И сейчас возникла такая интересная вещь: именно банки являются одним из «нервных центров», которые обеспечивают наш экономический рост. Потому что, если у вас появляется частная инициатива, если кто-то хочет привлечь средства для каких-то проектов, он идет в банк.

Ныне у нас уже не те банки, что были в 1990-х годах. Они изменились — и накопив практику работы, и под влиянием окрепшей системы банковского надзора. Наши банки прошли через банковские кризисы не меньшего масштаба, чем те, что переживали американцы в 2008 году, по нашим,

понятно, масштабам. Но, так или иначе, если в 2003 году собственные средства банков, всей российской банковской системы, составляли 581 млрд рублей, то к началу 2008 года это уже 2 трлн 671 млрд, а на 1 января 2018 года собственный капитал российских банков составил 9,4 трлн рублей. Все 2000-е годы и активы и капиталы банков росли намного быстрее, чем валовой внутренний продукт и производство, и даже быстрее, чем нефтяная промышленность и доходы от нефти. Правда, в таком росте есть и опасность возникновения неких пузырей. Я не исключаю, что кое-где они все же есть. Но в целом финансовая система, как в нормальной рыночной структуре, становится стержнем развития экономики. И опережающий рост в данном случае как раз говорит о наращивании ее возможностей. Хотя, конечно, здесь есть свои опасности.

С. ДУБИНИН: Я хотел бы сказать о той проблеме, с которой мы живем с начала реформ, даже с советских времен. Понимаете, нам нужно создать банковскую, финансовую систему, которая будет трансформировать сбережения населения и предприятий в инвестиции. Это главная ее задача. А часто еще и сегодня по депозитам в банке платят проценты ниже, чем инфляция. То есть мы имеем отрицательный процент. Потому и столь актуальна задача подавления инфляции. Иначе люди в банках будут терять деньги, а не зарабатывать.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А реально ли подавить инфляцию?

С. ДУБИНИН: Это и необходимо и реально. Центральный банк добился в этом серьезных успехов.

Е. ЯСИН: Это оптимистическая задача. А в последние годы мы уже достигли цифры инфляции в районе 3–5%. Должен сказать, что уже к концу 2000-х годов в списке тысячи крупнейших банков мира по капиталу оказалось несколько десятков русских банков. А если взять то время, когда Сергей Константинович был председателем Центрального банка, то тогда в этом списке не было ни одного. Нас вообще в упор не видели. Так что все-таки продвижение в нашей банковской системе есть. А это один из институциональных столпов рыночной экономики. И он решает свою задачу. Банковская система работает!

СОЗДАНИЕ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ (Е. ЯСИН — И. ТРУНИН)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня нам хочется разобраться в процессах становления налоговой системы в 1990-е годы. Ведь, как неоднократно отмечал в наших беседах Евгений Григорьевич, создание функционирующих структур рыночного организма было огромной задачей. Для того чтобы понять всю ее сложность, мы пригласили Илью Вячеславовича Трунина, директора Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Министерства финансов Российской Федерации, а с 2016 года заместителя министра финансов России. И первый вопрос, который я хотела бы задать: была ли вообще налоговая система как таковая в Советском Союзе?

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: По моему мнению, такой системы не было, просто потому, что плановая экономика в таковой не нуждалась. Приведу характерный пример. В свое время Никита Сергеевич Хрущев, вынашивавший большие планы по поводу немедленного завершения строительства коммунизма, решил отменить подоходный налог, который, кстати как и сейчас, вычитался из зарплаты работников на их предприятиях и в учреждениях. Но потом он от этой идеи отказался по чисто техническим, практическим соображениям: нужно было отделять какие-то доходы для местных бюджетов. В теоретическом плане он был абсолютно прав, ибо сама система была устроена таким образом, что все эти деньги собирались через отчисления предприятий от зарплаты в союзный бюджет. В этом и была суть советской системы. Хотя в ней и были отчисления или платежи, которые назывались налогами. Например, был подоходный налог, был налог на бездетность, был налог с оборота, который чисто номинально назывался налогом.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А оборот-то где был?

Е. ЯСИН: Вот оборота не было, а налог был...

ИЛЬЯ ТРУНИН: За оборотом следил ОБХСС, то есть Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности МВД СССР.

Е. ЯСИН: Да, но он назначался, в общем, довольно аккуратно. Это была форма, несколько похожая на акциз, но она не была акцизной. К тому же значительным налогом с оборота облагались, например, импортные товары, пользующиеся значительным спросом, от одежды и обуви до мебели и т.п. И это была форма, как экономисты говорят, чистого дохода. Потому что в плановых ценах, по которым продукцию продавало предприятие, не реализовалась вся стоимость. И нужно было потом эту стоимость дополнительно где-то брать как разницу между отпускной ценой и ценой промышленности. Эта разница поступала в бюджет и составляла самый устойчивый доход. Но этот доход налогом не был.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, объясните мне, пожалуйста, следующее. Я усилиями либералов усвоила следующее. Налоги нужны, чтобы граждане понимали: у государства есть группа менеджеров, нанятая им для выполнения определенных функций. И налоговая система устанавливается, что называется, для упорядочивания отношений государства, государственных менеджеров и граждан, которые платят налоги, кормят государство, а также тех людей, которые, скажем, по тем или иным причинам получают свои доходы из средств, аккумулируемых в бюджете из этих самых налогов. Объясните, пожалуйста, как все это должно функционировать.

Е. ЯСИН: Я представляю себе ситуацию так. Рыночная экономика — это сетевая организация контрактов. То есть это совокупность контрактов, которые заключаются между самыми разными покупателями и продавцами. В принципе, такая система сама по себе не предполагает у этих контрагентов каких-то изъятий. Однако рыночная экономика не может просто повиснуть в пространстве. Для ее нормального функционирования нужно, чтобы был кто-то, кто следил бы за порядком, за соблюдением правил, законов, охранял

от внешних врагов и криминала. Потому необходимо государство, которое должно обеспечивать оборону и безопасность, содержать полицию, учить детей, помогать тем, кто, скажем, из-за болезни не может сам себя обеспечить, и т.д. Но для всего этого государство должно иметь доходы. Поэтому и вводятся налоги, с помощью которых государство получает свои доходы тем или иным способом. Тут могут быть либо косвенные налоги, когда они устанавливаются с продаж или в зависимости от их объема, либо прямые, которые берут с доходов, корпоративные или с физических лиц. В плановой системе можно просто концентрировать все нужные ресурсы, так как юридически они принадлежат государству, ведь вся собственность государственная. Это одна система. Но в рыночной системе обязательно должны быть юридически оговоренные и прописанные налоги, потому что тут государство, чтобы получить нужные средства, должно вступать с налогоплательщиками в юридически обязывающие отношения. Были, конечно, в истории и другие варианты. Например, первым способом налогообложения была дань. Но это было в те времена, когда более сильные князья совершали набеги на соседние территории и заставляли их жителей платить. Или обкладывали данью подведомственные им вотчины. Причем такие набеги, бывало, плохо кончались и для князей. Вспомним историю князя Игоря и его супруги Ольги, отомстившей за мужа.

Но в государстве с рыночной экономикой обязательно должна быть налоговая система. Больше того, когда у нас планировался переход к рыночной экономике, то вместе с либерализацией цен практически ликвидировалась существовавшая ранее система выдачи различных плановых заданий, распределения сырья, материалов, энергии и прочее, а также обязательных платежей, о которых я говорил. И сразу же нужно было иметь структуру, которая станет собирать налоги. Если ее не создать, то все, к чему привыкли советские граждане: школы, больницы, пенсии и т.д., повисает в воздухе. Поэтому срочно нужно было создавать налоговое законодательство и органы, призванные собирать налоги. Тут я, кстати, вспомнил такую историю. Это было в 1990 году, на семинаре в Шопроне, о котором я уже не

раз упоминал. Там известные западные ученые нам объясняли, как подготовиться к тому, что нас ожидает. И один из них, Яцек Ростовский, известный английский ученый польского происхождения, объяснял мне, что существует такой эффект Оливера — Танзи. Состоит он в том, что если ваша налоговая система не готова к инфляции, то расходы бюджета начинают расти гораздо быстрее, чем его доходы. Образуется колоссальный дефицит. И инфляция окажется бесконечной, огромной, а вы не будете знать, как из нее выйти. Я тогда сразу написал в Правительство СССР, где тогда работал, что надо вводить такие налоги, которые бы сразу увеличивались по мере роста инфляции, что нужно вводить какой-то налог типа налога с продаж. И любопытно, пожалуй, что это был один из немногих случаев, когда рекомендацию сразу учли и такой налог в начале 1991 года был введен. Это был так называемый горбачевский налог с продаж. А с 1 января 1992 года он превратился в налог на добавленную стоимость, существующий по сей день. Кстати, это пример косвенных налогов, о которых мы говорили.

И. ТРУНИН: Евгений Григорьевич много рассказал. На самом деле если говорить о связи налоговой системы и демократии, то тут, очевидно, стоит вспомнить и историю первого парламента, и то, для чего он был создан. А создан он был именно для того, чтобы представлять налогоплательщиков во взаимоотношениях с монархией. Но сейчас я бы на первое место поставил все-таки не налоги, а бюджет. Почему нужны налоги? Потому что существует бюджет.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть существует определенный набор общественных благ, без которых современное государство жить не может. Это и армия, и транспорт, и органы государственного управления, и системы здравоохранения, образования, науки, культуры. Масса всего, заканчивая муниципальными проблемами — канализацией, водопроводом и т.д. То есть вся система жизнеобеспечения.

И. ТРУНИН: Все это делается за счет налогов. Даже если вы платите налоги через организации, то у этих организаций есть собственник, и налоги, которые выплачивает организация, уменьшают доход собственника. Всегда налогоплательщики, выплачивая определенную часть своего до-

хода, имеют, в общем, возможность и право спросить с государства: а на что потрачены деньги? Эффективно ли они потрачены? И одна из функций государства в этой связи заключается в установлении правильной налоговой системы. Чтобы доходы в бюджет поступали в полном объеме. Чтобы администрировались такие доходы хорошо. Чтобы в процессе налогового администрирования не возникало избыточного давления на налогоплательщиков. Чтобы налоговая система, в конце концов, не создавала неправильных стимулов для развития экономики. Чтобы она была приспособлена и к высокой инфляции, и к низкой. И к высоким доходам от нефти, и к низким. Все это должно быть, но пока мы к такому положению только стремимся. А в 1990-х годах, кстати, налоговая система создавалась в пожарном порядке. И особенность, как я понимаю, построения российской налоговой системы состояла в том, чтобы перейти к приемлемой в рыночных условиях системе от централизованной системы перераспределения советского типа, которая только называлась налоговой. На самом деле, как говорил Евгений Григорьевич, в ней были лишь зачатки налоговой системы. Подоходный налог все-таки был близок к тому, что мы сейчас имеем. Хотя он и максимально упрощен.

Е. ЯСИН: Просто напомню, что, так же как и сейчас, этот налог брали в бухгалтерии...

И. ТРУНИН: Удерживали из зарплаты.

Е. ЯСИН: И это никого не интересовало. Я думаю, что никто не знал, какая у него ставка налога.

И. ТРУНИН: Возможно, я, к сожалению, не могу свидетельствовать. Но в итоге вот через эту квазиналоговую систему, систему централизованного перераспределения — порядка 60 или даже 70% ВВП перераспределялось через бюджет — надо было построить налоговую систему. И важно было, чтобы эта система хотя бы половину налогов собирала, потому что и инфляция была высокая, и врачам, учителям, ученым надо было платить, и нельзя было остановить ту экономику, которая привыкла функционировать только в плановых условиях. Это была сверхсложная задача.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все же новая система была построена, и я попрошу вас ее охарактеризовать.

И. ТРУНИН: Попробую. Построенная в 1990-е годы система основывалась на нескольких ключевых налогах. Прежде всего, это налог на добавленную стоимость. Сначала он был введен по очень высокой ставке — 28%. Кроме того, был введен и ряд других налогов, таких как налог на прибыль, подоходный налог, сейчас он называется налогом на доходы физических лиц. Была введена система социальных платежей, которые платили работодатели за своих работников, и созданы социальные внебюджетные фонды. И в течение 1990-х годов очень большую часть бюджетов — и местных, и федерального бюджета — составляли налоги с оборота. Это были уже другие налоги с оборота, нежели те, что существовали в советское время. Это была именно та часть выручки, от 2,5 до 6%, которая собиралась с организаций.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но это, так сказать, было гибко. Вы знаете, я в конце 1980-х годов занималась частным предпринимательством. И помню, что я просто покупала патент. А потом тем, сколько я при этом зарабатывала, больше никто не интересовался.

И. ТРУНИН: Знаете, доходы от малого предпринимательства, в общем, не составляют существенной части в бюджете страны.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я все понимаю. Я понимаю, но прошу вас объяснить гибкость системы. Насколько она была гибка?

И. ТРУНИН: Построенная в 1992 году?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Конечно.

И. ТРУНИН: Сложно сказать. Смотря по отношению к чему мы будем характеризовать эту гибкость. По отношению к инфляции она была достаточно гибкой. То есть налог на добавленную стоимость, НДС, который взимался ежемесячно, напрямую зависел от выручки и затрат, а потому он реагировал на рост цен. Налог на прибыль на это совершенно не реагировал. Мы не чувствовали, сколько у нас поступает налога на прибыль. Это оказывалось несущественным вплоть до конца 1990-х — начала 2000-х годов. Тут были не очень большие суммы. Еще менее существенны были поступления от налога на доходы физических лиц.

А вот налоги с оборота, налог на добавленную стоимость, отчасти акцизы, в общем, приспособлены к ситуации высокой инфляции.

Е. ЯСИН: Это как раз те налоги, которые не порождают эффекта Оливера — Танзи, что я на всю жизнь запомнил.

И. ТРУНИН: Да, и они порождают доходы государственного бюджета.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда давайте зайдем с другой стороны. В советских романах про проклятый капиталистический и феодальный строй всегда были плачущие крестьяне, жалующиеся своему барину: «Батюшка, все отобрал, жрать нечего». А до какой степени налоги 1990-х годов позволяли предприятиям развиваться? Или они были грабительскими, режущими под корень?

Е. ЯСИН: Илья Вячеславович уже сказал, что ставка НДС была 28%. Это очень высокая ставка. И тогда НДС был одним из самых главных налогов. Напомню, что чуть позднее был введен местный налог с продаж. За его введение, в частности, ратовал Николай Ильич Травкин, возглавивший администрацию одного из районов. Смысл его был в том, чтобы дать местной власти собственный источник дохода, а кроме того, стимул местной администрации к развитию малого бизнеса. Этот налог какое-то время существовал.

И. ТРУНИН: Его ввели, по-моему, в 1998 году.

Е. ЯСИН: А в 2002-м отменили, и, по-моему, зря. Но в целом ситуация была исключительно сложная, причем не по причине высокой налоговой нагрузки. Просто налоги невозможно было собирать. Прежде всего потому, что была очень жесткая денежная политика, направленная на преодоление инфляции. Поэтому количество денег в обороте было очень незначительным, развивались неплатежи, появился бартер, то есть некая форма простого товарообмена, и т.д. Даже у Минфина не было денег, и он выдавал запланированное в бюджете сначала в виде казначейских обязательств, потом в виде так называемых налоговых казначейских освобождений. Причем те люди или организации, которые получали эти бумажки, потом с дисконтом их уступали банкам и т.д. Об этом мы, кстати, уже говорили.

Но главная проблема тех лет в том, что денег в экономике не было. Это, конечно, констатация пессимистическая.

Но если мы из сегодняшнего дня посмотрим на то, что все же нам удалось сделать в тот период, то пессимизма становится значительно меньше. Хотя нельзя не признать, что и вся совокупность сложностей перехода к рыночной экономике, и сам факт крайней слабости государства тех времен привели к тому, что значительная часть оборота вообще уходила из-под налогообложения и бюджет формировался с очень большим трудом. В общем, это продолжалось ровно до тех пор, пока не случился дефолт в 1998 году. В результате рубль встал как бы на свою естественную платформу в процессе девальвации. После этого пошли доходы от нефти, деньги появились, и налоги стали платиться намного лучше.

Собственно, я могу сказать, что в 2000-е годы мы жили и живем при налоговой системе, которая сложилась в основном именно в начале 1990-х годов. Правда, изменились ставки налогов. Вот теперь платят НДС не 28%, а 18%, с 2019 года — 20%, а по небольшой группе продовольственных товаров и до 10%. Что касается доходов физических лиц, то тут была введена плоская шкала налогообложения со ставкой 13%. Причем введение такой шкалы сразу привело к увеличению собираемости этого налога. В целом можно сказать, что налоговую реформу удалось провести, и сложилась та система, которая ныне функционирует. С моей точки зрения, она очень и очень неплохая. И хотя постоянно идут разговоры о необходимости изменения каких-то ставок налогов и такие изменения время от времени происходят, думаю, что главное сделано — новая налоговая система существует. Разумеется, в разных конкретных ситуациях власть будет изыскивать средства для своих нужд, повышая те или иные ставки налогов даже в ущерб экономической активности бизнеса, но это уже не проблема создания новой налоговой системы, которая стояла перед нами в начале 1990-х годов.

И. ТРУНИН: Я бы добавил несколько слов, отвечая на поставленный вопрос о том, насколько губительна была созданная налоговая система для бизнеса в 1990-е годы.

Надо понимать, что построение работающей налоговой системы было не единственной проблемой тогдашней экономической политики. Тогда необходимо было построить и бюджетную систему, причем бюджетную систему федеративного государства в условиях, когда некоторые территории этого государства вели себя, скажем так, весьма нефедеративно. Надо было построить денежную систему в условиях, когда часть республик бывшего СССР использовала ту же валюту, что и Россия. Надо было построить институты власти. И в этой связи, конечно же, говорить, что мы сразу ввели современные налоги и получили стабильный источник доходов, который хорошо администрируется, очень сложно. Есть еще одна проблема — человеческая. Те десятки тысяч людей, которые тогда работали, по сути, не знали, как администрировать налоги, но знали, что можно прийти на предприятие и потребовать...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Илья Вячеславович, я понимаю, что эта претензия не по адресу, но, как налогоплательщик, могу вам сказать, что каждый визит в налоговую инспекцию — это кошмар. Знаете почему? Ничего вообще невозможно понять. Хорошо, если попадется приветливая девочка, которая скажет: вот здесь ставьте галочку, а вот здесь ставьте крестик. Хотя я вроде не считаю себя идиоткой...

И. ТРУНИН: Тут можно с вами и согласиться, и не согласиться. С одной стороны, нам необходимо внедрять стандарты обслуживания налогоплательщиков, есть проблемы общения с посетителями, с налогоплательщиками. Но, с другой стороны, это же не так просто — выплачивать налоги. Современная налоговая система действительно сложна. В современном мире существуют разные виды доходов. Наверное, не сложно облагать налогом, скажем, доходы от продажи булочек. Если же человек начинает осуществлять операции на фондовом рынке, то тут возникают совершенно другие проблемы и, соответственно, вопросы у налоговых инспекторов. Но на самом деле все не так плохо. Мы составляем форму налоговых деклараций, утверждаем стандарты обслуживания налогоплательщиков. Мы, кстати, выпускаем программы, с помощью которых, не приходя в налоговую инспекцию, можно заполнить налоговую

декларацию, отправить ее по почте с уведомлением или по электронным каналам связи.

Е. ЯСИН: Вообще-то, и сам гражданин демократического государства с рыночной экономикой должен кое-что понимать в своем бюджете, в своих делах.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Разумеется, Евгений Григорьевич. Но я знаю, что, например, в современных США существует особая специальность. Это люди, которые не просто помогают составлять налоговую декларацию, но и консультируют, объясняют, как человек может оптимизировать свои налоги, по сути — заплатить меньше.

Е. ЯСИН: У нас за это сажают.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я в курсе дела, потому и аккуратно к этому подводила. Вот, скажем, у нас есть группы людей, которых обвиняют в том, что в 1990-е годы они обокрали страну, не заплатив положенных налогов. Насколько законны были их действия по оптимизации своих налогов?

Е. ЯСИН: Я считаю, что те методы, которые использовали в 1990-е годы крупные предприниматели для минимизации или оптимизации уплаты налогов, были — подчеркну, что тут я не берусь судить о моральной стороне этого дела, — в рамках закона. По крайней мере, если бы в независимом суде пришли бы и адвокат и прокурор и они бы действительно свободно спорили друг с другом, то, я думаю, доказать вину этих людей было бы невозможно. Возможности ухода от налогов посредством размещения каких-то своих предприятий в офшорной зоне — это как бы общепринятая мировая практика. Я не знаю, сколько существует офшорных зон, но они для этого и были созданы. Они в то время создавались и у нас внутри страны. Прежде всего в городах, где были какие-то оборонные предприятия или научные организации такого профиля. Это делалось для того, чтобы дать возможность населению этих городов просто выжить, чтобы местные органы могли бы привлекать какие-то доходы. И в этих внутренних офшорах типа Лесное, Снежинск и т.п. размещались какие-то крупные торговые трейдерские предприятия. Это было вполне в рамках закона.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А каково мнение по этому поводу Ильи Вячеславовича?

И. ТРУНИН: Это действительно очень интересный вопрос, и на него очень сложно ответить. Я думаю, что формально, с точки зрения действовавшего тогда налогового законодательства, изобилующего большим количеством дыр, неточностей и т.д., это было в рамках закона. Но в последнее время, и это на самом деле неплохо, как налоговые органы, так и суды все чаще, рассматривая дела по уклонению от уплаты налогов, начинают подходить к ним с позиций анализа существа сделки. Если мы говорим о сделке, заключенной, например, в целях ухода от налогообложения, надо изучить ее содержание. В общем, и законодательство того времени, и Гражданский кодекс позволяли сделки, в том числе и с офшором, если у них не было никакой иной деловой цели, кроме уклонения от уплаты налогов, признать противоречащими общим принципам налогового законодательства. Но это очень тонкий юридический вопрос. Я не готов говорить, законны или незаконны те или иные сделки. Но поставить их под сомнение, я думаю, можно было бы и тогда, а некоторые из них ставятся под сомнение и сейчас.

Е. ЯСИН: Должен сказать, что под влиянием известных процессов, которые у нас прошли, прежде всего по делу ЮКОСа, мы стали над этим работать. Потому что в законодательстве просто-напросто тут была лакуна. Это не было оговорено специально. Я же сказал, что моральные соображения — это за пределами суда. Но у наших предпринимателей, особенно крупных, были хорошие юристы, которые не дали бы делать нечто такое, что по закону прямо было бы наказуемо. Только сейчас появился спор. Сначала налоговая служба стала использовать понятие добросовестного, а потом и недобросовестного налогоплательщика, что в законе не было предусмотрено. Затем председатель Высшего Арбитражного Суда предложил идею, что не надо вводить в законодательство эти термины, а ввести понятие деловой цели и построить некую норму, которая предусматривает, что данная сделка может считаться незаконной, если у нее нет деловой цели. Тогда с нее все равно нужно брать все налоги и т.д. Но это сложилось уже в 2000-е годы, благодаря тому что мы накопили определенную практику.

А в 1990-е годы налоговая система только строилась. И рассчитывать на то, что при этом все с самого начала заранее было предусмотрено, просто невозможно. Поэтому можно было бы решать возникающие споры в суде в нормальном процессе, а не методом запугивания. С моей точки зрения, процессы по делам о неуплате налогов в 1990-е годы были ошибкой, связанной, по существу, с тем, что государство интерпретировало закон в свою пользу. Точнее — в пользу определенных лиц, которые инициировали данные операции. Итогом этого, по моему мнению, стала серьезная потеря для нас в деле приближения к правовому государству.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вернемся к теме налоговой реформы. Можно ли говорить о ее завершении и какие ее плоды мы пожинаем сейчас?

И. ТРУНИН: Это очень широкая тема. На самом деле мы говорили о налоговой системе 1990-х годов и тех налогах, которые составляли ее основу. Она закончилась в 2002–2003 годах, в том смысле, что были сформированы контуры налоговой системы. Но с 1990-х годов к тем налогам, которые тогда формировали бюджет, добавились еще очень существенные источники доходов. Это налоги на нефть — налог на добычу полезных ископаемых и экспортные пошлины, которые напрямую зависят от мировых цен на нефть. Нефтегазовые доходы дают где-то 8% ВВП. По-моему, в середине 1990-х годов, году в 1997-м, в период бюджетного кризиса, общие доходы федерального бюджета составляли примерно 12% ВВП. Сейчас же только от нефти, только от того, что у нас есть специальная система налогообложения нефти, экспорта нефти, добычи нефти, мы получаем 8% ВВП. Конечно, новая ситуация позволила нам определенным образом снизить общую налоговую нагрузку, что было проведено в завершение налоговой реформы. Был, как уже говорилось, введен плоский подоходный налог 13%. Серьезная мера и, кстати, очень неоднозначная.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Часто по этому поводу звучит вопрос: справедливо ли, что миллиардер платит 13%, то есть по той же ставке, что и простой работающий человек с незначительной, прямо скажем, зарплатой?

И. ТРУНИН: Совершенно верно, это несправедливо.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но ведь 13% от ста рублей — это одни деньги, а 13% от миллиона долларов — совсем другие деньги. Что тут несправедливого?

И. ТРУНИН: На самом деле есть принцип вертикальной справедливости налоговой системы, в нее должен быть заложен принцип перераспределения. Ведь есть функция государства — перераспределение доходов между богатыми и менее обеспеченными. Ранее у нас был прогрессивный подоходный налог. В течение 1990-х годов существовала прогрессивная шкала — от 12% и где-то до 35–40%.

Е. ЯСИН: Был даже, по-моему, один период, когда до 45% предлагали поднять.

И. ТРУНИН: Да. Но у нас, по-моему, 90 или даже 95% всех доходов обеспечивались поступлениями по ставке 12%, хотя доходы людей, особенно в условиях высокой инфляции, были явно выше. Выяснилось, что в переходной экономике просто невозможно администрировать сложный подоходный налог. Прогрессивный подоходный налог предполагает очень хорошую систему контроля налогов, учета многих источников доходов. Он предполагает систему обязательного добровольного декларирования, которая существует во всех странах, применяющих прогрессивный налог, и вообще более высокий уровень налоговой культуры. У нас же в 1990-е годы всего этого не было, да и сейчас пока нет. Мы просто пока находимся на каком-то ином этапе эволюции налоговой культуры.

У нас и доходы бюджета меньше, чем во многих европейских странах. И выяснилось, что введение плоской ставки подоходного налога приводит к гораздо лучшим финансовым результатам. Мы получили больше доходов в бюджет от этого налога, причем прежде всего от тех, кто ранее их не платили, а теперь стали платить. Бюджетники, у которых зарплата все равно начисляется вся в белую, платили и тогда и теперь. А люди более обеспеченные стали показывать свою заинтересованность в уплате налогов. Ведь когда было 35%, то им, естественно, было невыгодно платить, а с 13% в первую очередь зарубежные компании, работающие в России, стали выплачивать этот налог. В результате, как

показывает ряд исследований эффектов этой реформы, новая система налогообложения, включая и налоговые вычеты, позволяющие менее обеспеченным людям, людям, имеющим детей, не платить налог с какой-то части дохода, оказалась более прогрессивной, чем та номинально прогрессивная система, которая существовала до 2001 года.

Е. ЯСИН: Существует еще такое важное правило. Если вы не в состоянии обеспечить хорошее, детальное налоговое администрирование, идите по пути упрощения налогов. Потому что все равно иначе не справиться. Лучше простая, но хорошо исполняемая налоговая обязанность, чем какие-то изыски. Поэтому как раз реформа 2002 года с введением плоского подоходного налога вообще исключила необходимость декларирования своих доходов. Кроме каких-то чрезвычайных доходов или когда вы имеете право на какие-то вычеты из общей суммы налогов, например в связи с лечением или строительством жилья. В результате у нас большинство людей не составляет декларации, избавлено от тех мучений, которыми в 1990-е годы сопровождалась их подготовка. А, скажем, для американцев, которые ежегодно подают такие декларации, при всей, казалось бы, привычности этого акта, он все равно представляет собой довольно серьезную проблему. Потому что ты должен вспомнить и документировать все свои доходы, чтобы налог был начислен правильно. Ошибки же, не говоря о сознательном утаивании чего-либо, грозят тебе большими пенями, на тебя обратят внимание как на недобросовестного налогоплательщика и т.д. У нас же введение плоской шкалы себя оправдало.

С тех же позиций необходимости упрощения процедуры, хотя, возможно, это не совпадает с позицией Минфина, я также против дифференциации налога на добычу полезных ископаемых, против предложений о введении разных ставок налога для новых месторождений, месторождений в период зрелости, в период, когда они истощаются. Против потому, что каждое предложение в подобном духе, пусть и достаточно обоснованное логически, в реальной практике становится пунктом дебатов и усмотрения чиновников. И коррумпированность налоговой системы возрастает. Поэтому я считаю, что, пока мы еще не стали тем высоко-

культурным государством, где появилась соответствующая налоговая культура, не надо усложнять налоговую систему. Я подозреваю, что культуру можно, в принципе, использовать в других местах. Может же, например, государство брать с богатых налоги в тех формах, которые легко поддаются учету и не требуют специальных толкований. Например, налог на недвижимость, налог с престижных марок автомобилей. Если ты едешь на «Майбахе», так, пожалуйста, плати одну ставку, а если на «Жигулях» — другую. Если у тебя особняк на Рублевском шоссе в пять этажей с башнями и куполом, как у Святого Петра, то с тебя должны взять много, а если ты имеешь домик на шести сотках, то будешь платить соответственно. То же можно сказать о яхтах, личных самолетах и вертолетах. В общем, реализовать принцип дифференцированного налогообложения богатых, людей среднего достатка и совсем бедных можно.

И. ТРУНИН: Тут очень много проблем, которые можно долго обсуждать. Здесь тоже есть проблемы с администрированием. Просто мы с введением простой системы плоского подоходного налога пошли дальше. И должен сказать, что дальше налоговая реформа развивалась примерно по тому же сценарию. Мы снизили ставку налога на прибыль — ранее она составляла 35% — и одновременно резко сократили, даже на тот момент убрали, практически все льготы по этому налогу. И в данном случае также наблюдался серьезный рост налоговых поступлений. Тут сложно выделить, реформы на это повлияли или нет, но всем стало только лучше. Так же решалась проблема и с налогом на добычу полезных ископаемых. Казалось бы, надо облагать добавочный доход. Если человек добывает нефть, то, во-первых, у него не вся организация этим занята, есть, скажем, вспомогательные производства. Во-вторых, как выделить, насколько доход зависит от предпринимательских способностей менеджмента. Много зависит и от цен, и от того, какое месторождение выделило данному предпринимателю государство, и т.д. Надо также учитывать затраты. Но мы сделали этот налог просто в рублях с тонны добычи. С экспортной пошлиной то же самое. Вывез тонну нефти и заплатил определенное количество рублей за эту тонну. Разумеется, это, может быть, не совсем справедли-

во, но сам факт роста доходов консолидированного бюджета с 33 до 40% ВВП показал, что это оправдывает себя.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Скажите, пожалуйста, Илья Вячеславович, во многих странах мира — я это с изумлением наблюдала неоднократно, — пусть и без особого удовольствия, но уже выработана привычка платить налоги, как, допустим, чистить зубы. Это считается незастылым, нормальным. И потому взаимоотношения соответствующих структур и налогоплательщиков нормальные и цивилизованные. Когда мы доживем до такого отношения к уплате налогов в нашей стране?

И. ТРУНИН: Очень сложный вопрос. Думаю, лет через пятьдесят.

Е. ЯСИН: Вообще-то, по-моему, зря российские граждане впадают в амбиции, когда предъявляют какие-то претензии к государству со словами «я — налогоплательщик!». В том то и дело, что население платит мало, я имею в виду прямые налоги, поэтому и голоса его не слышно. А доходы в основном идут от нефти, от газа и т.д. Это называется ресурсное проклятие, или голландская болезнь. Илья Вячеславович упомянул, что налоговая нагрузка сейчас составляет 40% ВВП, а была в другие времена, скажем, 32–33%. Это, по-моему, был минимум.

Так все это увеличение образовалось за счет повышения цен на нефть. Значит, реально налоговая нагрузка не увеличилась. В том, что касается налогов, вечно идут разговоры и споры о том, нужно ли снижение налогов или, наоборот, их повышение. Потому что у государства нет денег, чтобы профинансировать все взятые на себя обязательства. И вообще каждый раз все революционеры немедленно начинают думать, что надо потрясти налоговую систему. Но я убежден: если человек утверждает, что ему до невозможности мешает существующая налоговая система, то это неправда. Да, в нашей налоговой системе есть много сложностей, нам очень часто мешает плохое налоговое администрирование, но в целом у нас сложилась вполне приемлемая налоговая система. И начала она формироваться в самый сложный период становления новой России — в 1990-е годы.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС 1998 ГОДА (Е. ЯСИН — М. ЗАДОРНОВ)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня мы с Евгением Григорьевичем решили обсудить тему финансового кризиса августа 1998 года. И пригласили принять участие в этом обсуждении Михаила Михайловича Задорнова, который как раз в то время был министром финансов в Правительстве Российской Федерации. Вообще, я ужасом приступаю к нашей сегодняшней теме.

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ: А почему с ужасом?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Потому что я думаю об отношении подавляющего большинства нашего общества к этим событиям и предвижу реакцию на наш разговор. Поэтому мне уже заранее страшно. Главное, что интересует людей: кто виноват? Знаю ставший банальным за последние годы ответ: виноваты либералы. Правильно?

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Неправильно. Напомню, что буквально за три дня до кризиса был сюжет по телевидению, в котором, отвечая на вопрос корреспондента, первый президент РФ Борис Николаевич Ельцин сказал, что никакого кризиса не будет. Добавлю к этому, что то же самое изо дня в день вещала моя дочь, которая тогда работала в Центральном банке и уговаривала, что не надо волноваться, не поддаваться панике, не надо бежать в банки забирать деньги и т.д. Так что перед 17 августа ситуация была совсем не однозначная.

М. ЗАДОРНОВ: На самом деле всегда, наверное, наиболее объективная картина складывается по прошествии какого-то времени, когда у людей миновал эмоциональный порыв и они могут уже более спокойно и рационально оценивать события.

Е. ЯСИН: Кроме того, вспоминая те тяжелые дни и думая о Борисе Николаевиче, с которым у меня были доволь-

но непростые отношения, я тем не менее отдаю должное его потрясающей интуиции, какому-то чутью, когда ему нужно было принимать решение. Потому что, вообще-то, он не любил принимать решения.

М. ЗАДОРНОВ: Он любил заниматься такой, скажем, оперативной работой.

Е. ЯСИН: И даже тогда, когда он еще не был болен и устраивал, например, турнир «Большая шляпа» в Сочи, все равно в самый главный момент, когда необходимо быть на посту и взять игру на себя, он всегда оказывался на месте. Почему я стал об этом говорить? Ведь многие обвиняли Ельцина за то выступление по телевидению за несколько дней до 17 августа, даже издевались над ним. Говорили, что, может быть, Борис Николаевич толком ничего не знал. Но я прошу вникнуть в ту ситуацию и понять ее правильно. На самом деле выступить в то время и сказать, что через пару-тройку дней будет кризис и нам заморозят все сбережения или еще что-то сделают, что цены взлетят вверх и прочее и прочее, для этого большой мудрости и большого мужества иметь не нужно было. Можно вспомнить много людей, которые тогда старались набрать себе популярность именно на этом. Я даже не хочу называть их имен. Но тогда все же главное было не допустить паники. Поэтому Ельцин так и говорил. В те докризисные дни важно было не допустить того, чтобы люди побежали забирать свои деньги из банков и чтобы возникло то напряжение, которое делает последствия такого рода кризисов самыми тяжелыми. Это было очень важно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Все-таки давайте вернемся к кризису. Почему вообще все это случилось? Это был злой умысел? Это была ошибка? Стечение обстоятельств? Притом я бы хотела напомнить: то, что произошло в России, было отголоском произошедшего за ее пределами.

М. ЗАДОРНОВ: Я постараюсь ответить, хотя думаю, существовало и существует сейчас множество интерпретаций случившегося. Но по прошествии стольких лет есть уже возможность оценить все более трезво. Собственно говоря, моя оценка как была, так и осталась неизменной. Совпал, скажем так, целый ряд обстоятельств, негативных

факторов на очень коротком промежутке времени. Что прежде всего? Очень слабая, плохая бюджетная и налоговая политика российского правительства первой половины 1990-х годов, когда у нас был огромный бюджетный дефицит, а налоги не собирались в силу целого ряда причин. Поэтому накапливался большой государственный долг, который все увеличивался. На это наложился так называемый азиатский кризис, который случился в 1997 году и начиная с Южной Кореи, Таиланда, а потом страна за страной распространился на всю Азию. Кризис обвалил сначала экономики этих стран, а затем все фондовые и валютные рынки, то есть рынки акций и валют. В этом была вторая причина. И, наконец, в завершение упали цены на нефть. Сейчас молодежи трудно себе представить, что цена на нефть в конце 1998 — начале 1999 года колебалась на уровне 8,5–10 долларов за баррель.

Е. ЯСИН: А сегодня правительство при ценах на нефть в районе 60–80 долларов за баррель испытывает дискомфорт.

М. ЗАДОРНОВ: В общем, было много обстоятельств, но вот эти три, я думаю, главные факторы. Наряду, конечно, с фактором политическим. Вспомним постоянное противостояние президента и правительства с Государственной Думой, к которому стоит добавить еще Совет Федерации, состоявший тогда из губернаторов и председателей областных и республиканских законодательных собраний, которые вели свою собственную игру. К этому надо добавить объективную слабость правительства, несогласованность действий властей, которые иногда даже действовали назло друг другу. Все это в совокупности привело к тем событиям, которые произошли. Их предпосылки нарастали где-то с октября 1997 года. А кризис разразился, напомним, в августе 1998-го. Суть в том, что 17 августа 1998 года одновременно было принято два решения. С одной стороны, о девальвации валюты, то есть о выходе из так называемого валютного коридора, и рубль стал обесцениваться, а с другой — был объявлен дефолт, то есть российское правительство отказалось от выплаты по долгам, как по внутреннему, так и по внешнему. Вот эти два события вылились затем в финансовый кризис.

Е. ЯСИН: Я немножко хочу разукрасить то, что сказал Михаил Михайлович. Просто напомнить о том, что, вообще-то говоря, после начала реформ, вернее еще до реформ, Россия находилась в состоянии тяжелейшего трансформационного кризиса.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В чем он заключался?

Е. ЯСИН: Это то, о чем мы уже говорили ранее. Разваливалась плановая система, распадалось государство, происходила фрагментация экономики, разрушались взаимосвязи между предприятиями, падало производство, снижался жизненный уровень. И это результат того, что старая плановая система перестала работать, а новая, рыночная, хотя уже были введены ее основные институты — частная собственность и свободный рынок, свободные цены, — тоже по-настоящему еще не заработала. Поэтому и был такой жесточайший кризис. Я не стану даже говорить о том, что такой важнейший элемент, как налоговая система, практически заново был создан лишь в 1992 году. Ведь то, что до этого мы имели, нельзя назвать налоговой системой.

М. ЗАДОРНОВ: То есть там не было налогов как таковых. По сути, в Советском Союзе было два налога. Как многие помнят, все мы платили подоходный налог, отчисления от зарплаты. И был налог с предприятий на прибыль, который искусственно считался...

Е. ЯСИН: Это не налог, а так называемые отчисления от прибыли...

М. ЗАДОРНОВ: По сути, это был такой вмененный платеж типа налога, который искусственно рисовался и потом забирался. Ведь в нерыночном хозяйстве сама прибыль — вещь достаточно эфемерная. Она де-факто рисовалась плановыми органами.

Е. ЯСИН: Я считаю, что на самом деле можно называть это и налогом... Даже думаю, что можно это назвать неким аналогом налога и с точки зрения рыночной экономики. Но в плановой экономике в точном смысле налогов не было. Точнее, было два налога: налог на зарплату и налог на бездетность. А больше ничего не было, потому что даже налог с оборота, который взимался как акциз, тоже был не совсем налог, потому что это была фиксированная часть чистого

дохода предприятий. Там планово устанавливались высокая продажная цена и заниженная до возможного предела цена, по которой предприятие отпускало продукцию. И эту разницу между двумя плановыми показателями забирало государство. Налоговой же системы не было. И, кстати, бюджетной системы на самом деле тоже не было. Да и банковская система была тоже весьма хлипкая. В общем, начало реформ — это время или отсутствия, или крайней слабости только что родившихся институтов.

М. ЗАДОРНОВ: Да, 1990-е годы — время постепенно, шаг за шагом создания важнейших рыночных институтов, которые в середине 1990-х годов еще были слабы. По-настоящему мы стали создавать казначейство с 1997 года. До этого деньги бюджета хранились в коммерческих банках, благополучие которых, прямо скажем, в этот период строилось сначала на инфляции и зарабатывании на валютно-обменных операциях, а потом на размещении на их счетах государственных денег. Какие банки тогда развивались? Те, где хранились государственные деньги. Они хранились не в казначействе, как сейчас, а в банках.

Е. ЯСИН: Были так называемые уполномоченные банки.

М. ЗАДОРНОВ: Часть из которых исчезала, а часть, наоборот, пользовалась государственными деньгами. Государство же в тот период было еще достаточно слабо. Оно развивалось медленно, усиливалось шаг за шагом. И неудивительно, что слабая и политическая и финансовая система этих одновременно пришедших трех чувствительных ударов просто не выдержала. После столь резкого падения цен на нефть она не могла выдержать и высокого госдолга, и азиатского кризиса как фактора внешнего.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А можно события разложить в хронологическом порядке. То есть как все это развивалось?

М. ЗАДОРНОВ: Попробую. Как я уже сказал, с 1992 года все время дефицит бюджета был примерно на уровне 10% валового внутреннего продукта. Чуть ниже сбивался, чуть выше, но это большой дефицит. Например, во время финансового кризиса 2008 года в США дефицит бюджета составлял примерно 6% ВВП. И они были обеспокоены этим, американская экономика испытывала большие

проблемы, хотя там ситуация качественно иная. Мы же жили с вдвое большим дефицитом. Государственный долг накапливался. Сначала для его покрытия просто печатали деньги, и инфляция его обесценивала. Потом перешли к рыночным инструментам. Напомню, что существовал большой долг Советского Союза, который Россия унаследовала, взяла на себя обязательство по его выплате. Потом стал расти уже российский внутренний долг. Были выпущены ценные бумаги, так называемые государственные казначейские обязательства, ГКО. Это был рыночный источник финансирования бюджета. Он помог на первых порах несколько сбить инфляцию, фактически переведя часть и сбережений, и свободных денежных средств вот в этот инструмент. Но, как часто бывает в России, когда даже нет претензий к ГКО как инструменту, самое важное оказывается в том, как он будет применен, в том, хватит ли сил вовремя остановиться. Ведь, скажем, топор тоже инструмент, орудие труда в руках столяра или лесника, но топор в руках Раскольникова – это уже орудие убийства. И какие претензии в этой ситуации можно предъявить топору? Никаких. Так же и с ГКО. Когда мне говорят, что ГКО – ужасный инструмент, я отвечаю: «Да ничего подобного, нормальный инструмент».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но люди выдвигают претензии не к топору, не к ГКО, а к Сергею Владиленовичу Кириенко с министрами, в том числе и к вам.

М. ЗАДОРНОВ: Безусловно, я это признаю. Но, мне кажется, сначала хорошо бы в головах людей четко разделить событие и его причину. А они иногда...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Пугаются...

Е. ЯСИН: Схлопываются во времени.

М. ЗАДОРНОВ: Схлопываются. И в результате виновными оказываются те лица, при которых это событие произошло. Хотя ясно, что кризис долго зрел, складывался, нагнетался. Однако в головах людей всегда отпечатывается, что виноват именно тот, кто в данный момент рулит. Но надо помнить, что не один год выпускали ГКО. В начале 1995 года было принято решение сделать так называемый валютный коридор. То есть привязать рубль

к доллару. В каждой экономике есть якорь, и валютный коридор был таким якорем, ориентиром для правительства, Центрального банка. То есть валютный курс, который был привязан к доллару, не мог двигаться дальше определенных значений. Отмечу, что тогда и многие экономисты, и Международный валютный фонд придерживались политики фиксированного курса. Что это значит? Ты фиксируешь курс рубля и с помощью такой политики подавляешь инфляцию. Теоретически это правильно, но только когда ты контролируешь государственные расходы, у тебя небольшой бюджетный дефицит и ты проводишь в целом достаточно здоровую политику. У нас же государственный долг рос, особенно после президентских выборов 1996 года. Потому что во время выборов было дано огромное количество социальных обещаний, которые бюджет не выдерживал. Налоги лучше собирать не стали, но обещания-то были даны, и пенсии были увеличены, и дополнительные расходы пошли. Тогда в экономической политике был сделан целый ряд ошибок. Они накапливались. Рос долг, выраженный в ценных бумагах ГКО. По ним была очень высокая доходность. И эта долговая конструкция финансировалась как за счет ГКО, так и за счет внешнего долга. Мы получали кредиты и от МВФ, и от Всемирного банка. Затем появились некие временные успехи: инфляция была подавлена, в 1997 году она составила всего 11%, экономика даже начала немножечко расти. И была некоторая иллюзия, что все удачно складывается. Кстати, если бы, скажем, цены на нефть поднялись бы тогда, в 1997 году или в начале 1998 года, как они поднялись в 2000-м, хотя бы до 20 или 30 долларов за баррель, мы бы успешно прошли весь тот период. И у нас экономический рост начался бы не в 1999 году, а в 1997-м или в 1998-м. Но и наша судьба, и мировая экономика пошли совсем в другом направлении.

Е. ЯСИН: Добавлю одну небольшую деталь. В начале 1996 года мы разрешили иностранцам покупать ГКО в расчете на то, что это позволит сбить инфляцию. И тогда это сработало: мы действительно сбили ее до 11% в год. Сбили и доходность по ГКО. Однако потом начался азиатский

кризис. И все те деньги, которые мы привлекли, побежали из России.

М. ЗАДОРНОВ: Сразу после азиатского кризиса произошел огромный отток средств с российского рынка.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вернемся к событиям августа 1998 года. Некоторые вспоминают, что за несколько дней до 17 августа в одной из телепередач Кириенко на вопрос Ельцина, сохранится ли диапазон валютного коридора, уверенно ответил, что обязательно сохранится. То есть здесь налицо обман населения?

М. ЗАДОРНОВ: Нет, тут речь идет о немножечко разных вещах. Есть такое бытовое заблуждение, что лидер государства, оказавшегося в непростой ситуации, будь то финансовый кризис или какая-то иная тяжелая ситуация, скажем на фронте, должен выйти к народу и сказать: «Всё! Нам конец, совсем плохо. Завтра все рухнет!» И люди, всерьез задающие такие вопросы, полагают, что лидер государства должен в критической ситуации добавлять еще негативных эмоций, вызывая панику в своей стране? Неужели всерьез кто-то считает, что когда-либо ответственный лидер любой страны в тяжелой экономической или военной ситуации должен рисовать народу катастрофическую картину событий, даже если она действительно сложна? Напротив, его задача – отмотилизовать страну, нацию на преодоление этого кризиса, по мере возможности успокоить население. Действительно, Ельцин 14 августа сделал заявление, по-моему в Новгороде, и сказал, что не будет девальвации. А каково было реальное положение дел накануне кризиса? Я напомним ситуацию. В июне-июле правительство и Центральный банк вели тяжелые переговоры с международными финансовыми организациями, с Международным валютным фондом, с нашими кредиторами. И примерно в июле мы договорились о том, что будут привлечены достаточно большие дополнительные деньги. А часть долгов будет реструктурирована, то есть выплата по ним отсрочена, часть – переведена из рублей в валюту. Тогда некоторым это казалось спасением, но, по сути, был просто уменьшен короткий долг и выпущены достаточно длинные пяти-семилетние облигации. То есть долг как бы был отложен на

более длительный период. И его сумма, приходящаяся на 1998 год, уменьшена. Тогда в общей сложности должно было быть привлечено, если не ошибаюсь, порядка 15 или 16 млрд долларов, из которых первая сумма в размере 5 млрд уже в июле должна была поступить в Россию. Таким образом, часть старого долга переносилась на будущее, а свежий долг получен. Все эти договоренности были достигнуты в самом начале июля 1998 года. И, в принципе, рынок первое время считал, что этого достаточно и ситуацию удастся разрешить. Так считало, кстати говоря, и правительство. Неслучайно многие из моих коллег даже спокойно уехали в отпуска. Мне повезло в кавычках, что я был все время на месте. Но действительно была ситуация уверенности, что предпринятых мер хватит для преодоления кризисных явлений. Тут не просто слова, а искренняя убежденность людей, принимающих решения. И подчеркну, что рынки первое время, примерно полтора месяца, верили, что этого хватит.

Но с определенного момента ситуация стала меняться, чему способствовал целый ряд событий. Во-первых, в Думе не поддержали предложенный правительством пакет антикризисных законов. Во-вторых, произошло дальнейшее падение цен на нефть. В-третьих, наблюдалось дополнительное ухудшение на международных рынках. Все это в совокупности постепенно дало сигнал рынку, что, видимо, полученной нами помощи не хватит. К тому же денег на первый транш было выделено не так много, как рынок ожидал. И с определенного момента держатели долга перестали верить в то, что предпринятых мер будет достаточно для преодоления кризиса.

Е. ЯСИН: Я также хочу сделать некоторые дополнения. В действительности тогда каждую неделю, а потом и несколько раз в неделю Кириенко собирал инвесторов, то есть людей, которые работали на нашем фондовом рынке.

М. ЗАДОРНОВ: Не только Кириенко, но и Центральный банк, и Минфин.

Е. ЯСИН: Инвесторов все время уговаривали, объясняли, что предпринимаются все меры, что в Думу правительством внесена антикризисная программа, пакет законов, которые должны принять, и т.д. Все время уверяли, что-

бы успокоить, избежать кризиса, избежать крайних мер. Но в действительности если чего никогда не ожидали, так это того, что в конце 1997 года разразится азиатский кризис и нам, при всех сложностях, не удастся удержать те деньги, которые пришли на наш рынок в течение 1996–1997 годов. В конце концов азиатский кризис привел к тому, что многие инвесторы стали выводить свои деньги с российского рынка. К нам пришло 30 млрд долларов в течение вот этих 1996–1997 годов, а тут они стали убегать. Сначала это был небольшой ручеек, а потом он превратился в огромный поток. И Михаилу Михайловичу приходилось каждый день обращать внимание на то, что выплаты по ГКО растут. Доход по ГКО возрастал, а это обязательства перед теми, кто купил облигации, среди них были многие иностранцы, отдавшие нам свои доллары. И каждый раз оказывалось, что нужно изыскивать средства для того, чтобы рассчитываться по обязательствам, потому что если мы прекращаем платить — это дефолт. Скажи, пожалуйста, какая доля выплат была по ГКО?

М. ЗАДОРНОВ: Если мы возьмем все выплаты по внешнему и внутреннему долгу, то каждую неделю Минфин платил примерно половину от налоговых поступлений или от вновь полученных займов. И только половина поступлений шла на пенсии, зарплаты бюджетникам, выплаты военнослужащим, какие-то другие расходы. То есть долг начал съедать половину платежей, почему, собственно говоря, от него с определенного момента и отказались.

Е. ЯСИН: Фактически вся страна платила долги, и денег больше ни на что не хватало.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Евгений Григорьевич, Михаил Михайлович, вот вы — государственные мужи, а я просто российский обыватель, как, скажем, некая Марья Ивановна или Петр Петрович. Мы же никаких долгов не делали. Делали их власть имущие. Мы же просто хранили в кубышке или в банке свои рубли. Но в один прекрасный момент выяснилось, что все накопленное нами вдруг обесценилось, превратилось в ничто...

М. ЗАДОРНОВ: Не совсем так. Тех, кто хранили рубли в кубышке, к тому моменту было мало — инфляция стала до-

вольно высокая, и люди предпочитали держать сбережения в долларах. Вот такие вообще мало что потеряли. Даже приобрели, потому что курс доллара вырос. В начале он был в районе 6 рублей за доллар, а к концу 1998 года доллар стоил уже 24–25 рублей.

Е. ЯСИН: То есть вырос более чем в четыре раза.

М. ЗАДОРНОВ: Давайте и тут разберемся очень точно, потому что по-прежнему существует много мифов. Итак, кто имел доллары, ничего не потерял. Больших накоплений в рублях у большинства населения в тот момент также не было: слишком высокая была инфляция. Кто реально пострадал от финансового кризиса? Те, кто имели более или менее приличные депозиты в банках, пострадавших именно от кризиса. Хотя ряд владельцев банков просто прикрылись кризисом. Например, «СБС-Агро» или Инкомбанк разорились до кризиса. С Инкомбанком это вообще произошло в 1996 году. Банк Смоленского, то есть «СБС-Агро», де-факто развалился в 1997 году и просто прикрылся кризисом от своей абсолютно провальной политики. И многим другим владельцам банков было удобно свернуть свою деятельность, хотя настоящая причина была в их очень рискованной политике.

Е. ЯСИН: Все-таки я поправлю Михаила Михайловича в одном пункте. На самом деле и банковская система, и население потеряли от кризиса много. Но население потеряло не в момент кризиса, а тогда, когда был скачок инфляции. Потому что в 1998 году она подскочила до 84%. Плюс произошла девальвация рубля. То есть падение уровня жизни в том году было самое большое.

М. ЗАДОРНОВ: Да, признаю, были прямые потери у вкладчиков и произошло снижение уровня жизни.

Е. ЯСИН: Просто все товары и услуги резко подорожали, а доходы не увеличивались.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Итак, на нашем календаре 17 августа 1998 года. Что вы можете сказать о решениях этого дня?

М. ЗАДОРНОВ: Во-первых, конечно, эти решения принимались в выходные, в субботу, в воскресенье, а 17 августа они просто были объявлены.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сколько суток сидели-то?

М. ЗАДОРНОВ: Собственно говоря, все происходило именно в субботу и воскресенье. События анализировались, и само решение принималось именно в эти дни, в основном в субботу, когда рынки были уже закрыты. Конечно, кто-то мог догадываться о нашем решении, просто анализируя какие-то экономические тренды. Не более того. Итак, решение принималось в субботу, а в воскресенье о нем было доложено Ельцину. В воскресенье же была встреча руководителя правительства и Центрального банка с ключевыми банками, которым был объявлен этот план мероприятий. Он был откорректирован после этой встречи. Государство просто ввело мораторий. Банки не должны были платить по своим обязательствам. Это давало им еще какое-то время на принятие решений. И 17 августа решение было объявлено. Моя точка зрения сегодня остается той же. Иного варианта в середине августа 1998 года не было, это было абсолютно верное решение. То есть девальвация валюты и отказ от ряда долговых обязательств. Нередко говорят о некоем гипотетическом варианте, согласно которому можно было бы провести только девальвацию, а по долгам платить — и по внутренним, и по внешним. Но к чему бы это привело? Надо было бы напечатать в разы больше рублей и запустить в экономику, тем самым просто обесценив внутренний долг, те самые ГКО, но инфляция была бы тогда в 1998 году не 84%...

Е. ЯСИН: А 184%.

М. ЗАДОРНОВ: Или, может быть, 284%. В зависимости от того, как развивалась бы ситуация. И я не уверен в итоге: это все-таки 1998 год. Вспомните просто самую остроту политической ситуации. Ведь это были последние годы президентства Ельцина. В принципе, власть в то время была достаточно слабая. И что бы случилось в той ситуации, если бы началась гиперинфляция, такая же, как в 1991–1992 годах? Да, все прошло тяжело, но все-таки страна преодолела эту непростую ситуацию. А как бы все сложилось при гиперинфляции? Не уверен, что с меньшими потерями, скорее убежден в обратном. Поэтому я считаю, что вариант с гиперинфляцией, с обесцениванием долга тогда не работал. И именно поэтому мы приняли очень тяжелое решение.

Было действительно резкое падение доходов, и мы понимали, что берем на себя очень тяжелую ответственность, потому что последствия нам были абсолютно ясны. Но, по сути, это была какая-то резкая хирургическая операция запущенной болезни. И, в общем-то, эту ответственность мы тогда на себя взяли.

Е. ЯСИН: Хочу подчеркнуть в этой связи два момента. Первое. Правительству без такого рода решения выйти из кризиса было практически невозможно. Учтите, что мы испытывали колоссальное давление внешнеэкономической конъюнктуры. Это и обусловило закономерность бегства денег из России — и иностранных, и отечественных, привлеченных для приобретения государственных ценных бумаг. Второе. Цена на нефть достигла минимума именно в августе. И в такой ситуации на нас смотрели инвесторы, даже те, кто относились к нам в целом благожелательно и пытались чем-то помочь, вкладывая деньги в Россию. Они поняли: пора убегать, потому что наш платежный баланс обнулится. То есть наше сальдо по текущим операциям стало нулевым, и Россия была накануне потери кредитоспособности. Это действительно оказалось исключительно важным обстоятельством. Я вновь хочу напомнить о той ситуации, чтобы люди, возвращаясь к обсуждению тех событий, все же пытались анализировать их во всей сложности. Легко обвинять кого-то конкретного во всех своих бедах. Но просто для того, чтобы быть гражданами, необходимо понимать суть событий. То, что мы пережили в 1990-е годы, было явлением исторической значимости и непреодолимой силы. Надо было все это пережить. Я к тому времени уже был в отставке, а потому не несу ответственности за решения правительства. Но, зная сложившуюся к тому времени картину во всей ее сложности, я понимаю, что люди, которые принимали решение, обнародованное 17 августа, совершили акт мужества. И каждому из них пришлось за это решение поплатиться, кроме, кстати, Михаила Михайловича, сохранившего свой пост и в посткризисном правительстве Евгения Максимовича Примакова.

М. ЗАДОРНОВ: Когда мы все принимали это решение, то прекрасно понимали, что все мы политические трупы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Михаил Михайлович, но есть устойчивое народное убеждение, смысл которого сводится к следующему. Вы, дескать, знали, что грядет, и наверняка кого-то предупредили. И к тому же, извините, сами были в доле. К тому же долгие годы муссировался вопрос, куда делись 4,8 млрд долларов первого транша кредита МВФ.

М. ЗАДОРНОВ: Разумеется, при том минимальном уровне доверия, который характерен для нашего общества, такие подозрения возникают естественным образом. Нам свойственно подозревать соседа или другого человека. Причем такие подозрения, к сожалению, очень часто оказываются справедливыми. Это вопрос доверия или недоверия. Я же просто вам отвечаю, что решение, объявленное 17 августа, обсуждалось в субботу 15 августа. Затем оно докладывалось президенту как решение уже абсолютно неизбежное.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть уже вариантов не было?

М. ЗАДОРНОВ: Да, вариантов тогда уже не было. Хотя гипотетически был вариант, что президент не одобрит этого решения. Кстати, предложения по девальвации обсуждались и в ноябре 1997 года, когда начался азиатский кризис, но так и не были приняты в силу ряда причин. Поэтому никто не мог знать наверняка, что оно будет принято и в какой конфигурации оно будет принято. Более того, как я уже сказал, после встречи с банкирами в воскресенье в Белом доме оно было откорректировано, туда было добавлено несколько позиций. Плюс у нас в то время были кредиторы – ведущие страны, МВФ и т.д. То есть это решение, которое на самом деле не рождается и не принимается одномоментно, обсуждалось именно в выходные, когда рынки были закрыты.

Были еще просто нелепые слухи, которые, как во многих других случаях, провоцировали некоторые из моих коллег-депутатов. Обычно это люди, далекие от реального понимания механизма работы Центрального банка или правительства, Минфина, но с апломбом рассуждающие о вещах, в которых они абсолютно ничего не понимают. Например, долго муссировался вопрос о том, куда делся транш МВФ в 4,8 млрд долларов. Это даже просто смешно...

Е. ЯСИН: Извини, что перебиваю, но самое интересное тут то, что это не только наши «специалисты» так говорили.

То же говорили и многие американцы, причем люди, которые занимаются бизнесом.

М. ЗАДОРНОВ: Поясню две вещи, одну из которых, может быть, широкая публика и не знает. Как раз этот транш, который был получен суммарно в размере около 5 млрд долларов, — это был первый транш из примерно 15–16 млрд, которые должна была получить страна в три приема. Он пришел в июле, миллиард поступил на счета Минфина и был потрачен нами просто на традиционные минфиновские выплаты — заработной платы, выплат военнослужащим, частично на оплату долгов, а 3,8 млрд поступило в валютный резерв в Центральный банк, который затем в августе, в сентябре тратил их, как и все свои валютные резервы. В основном, к сожалению, эти деньги просто ушли на поддержку курса рубля, тогда стремительно обесценивавшегося. Вот такая простая истина, но людям всегда трудно поверить в простую историю...

Но что мы потом сделали? В отличие от большинства моих коллег я продолжал работать в Минфине, на который и упало все тяжелое бремя выхода из кризиса. Кстати, 1999–2000 годы стали для страны удачными во многом благодаря правильно выбранным тогда решениям правительства. Кстати говоря, тогда МВФ специально было заказано исследование, которое делали независимые аудиторы, одна из крупнейших аудиторских компаний. Был сделан отчет, в котором прослеживалось движение каждого доллара, который прошел тогда через Центральный банк. Мы этот отчет даже сохранили, он потом докладывался совету директоров МВФ. Повторю: там расписан каждый доллар. МВФ потом не сделал публичным этот документ, хотя его опубликование, возможно, пресекло бы все эти нелепые рассуждения. Возможно, это произошло потому, что американцы были не очень заинтересованы в том, чтобы этот документ стал публичным...

Е. ЯСИН: Так же, как, например, с данными разведки по поводу химического оружия в Ираке.

М. ЗАДОРНОВ: Но, главное, в глазах международных финансовых организаций мы подтвердили свою репутацию честных распорядителей международных кредитов. По-

этому мы уже в 1999 году добились того, что страна вновь получила кредит Всемирного банка. Это было чрезвычайно важно: страна вновь стала таким должником, который признан международным сообществом. Это мы сделали всего за год: в июле 1999 года подписали этот договор. Но его подписали только тогда, когда МВФ полностью исследовал путь этих 4,8 млрд долларов. И международные аудиторы сказали: каждый доллар был израсходован так, как должен был быть израсходован государством.

Е. ЯСИН: Теперь я хочу подчеркнуть еще один аспект всей истории с дефолтом 1998 года. После него в течение какого-то времени стоял вопрос: денег в бюджете нет, что делать? Вновь зазвучали предложения, что их надо напечатать, иначе мы не выдержим. И тут надо отдать должное правительству, тогда уже возглавляемому Евгением Максимовичем Примаковым, который сохранил Задорнова на посту министра финансов. Я не знаю, какую роль играли другие члены правительства, но денег напечатали самый необходимый минимум. И именно это правительство, а отнюдь не «зловредные либералы», у которых, кстати, в политических условиях почти всех 1990-х годов для этого не было возможностей, проводило исключительно жесткую денежную политику. Я думаю, тогда она достигла одной из самых жестких точек за весь период кризиса. Но в результате удалось добиться того, что экономика стала расти.

М. ЗАДОРНОВ: Я бы уточнил: речь идет не только о денежной, но и о бюджетной политике. Евгению Максимовичу удалось провести через Думу многие решения, которые ранее оппозиционным коммунистическим большинством просто блокировались.

Е. ЯСИН: Да, этот фактор был очень важным. И в результате удалось сдержать инфляцию на уровне не более 84%. А ведь была реальная угроза, что цифры окажутся гораздо больше. Мы практически избежали гиперинфляции, и все достижения стабилизации, о которых я говорил в предыдущих беседах, были сохранены. В частности, благодаря усилиям Михаила Михайловича Задорнова.

М. ЗАДОРНОВ: На самом деле речь идет об усилиях всего правительства. То было просто уникальное правитель-

ство в российской истории, которое действительно было сформировано с опорой на парламент. А это очень помогло в такой действительно крайне тяжелой политической ситуации сохранять такой какой-то элемент общественного консенсуса, позволившего правительству принимать действительно очень тяжелые непопулярные меры. Зарплаты и пенсии были проиндексированы, но не в таком размере, в каком повысились цены. Это было тяжело для населения, но в то же время позволило не сорваться в инфляционную спираль.

Е. ЯСИН: Мы прекрасно понимаем, что реальные трудности, пережитые населением в 1998 году, накладывают свой отпечаток на все воспоминания о том периоде и что самое любимое наше занятие — поиск врага, особенно среди тех, кто находится у власти. Но все же хочется, чтобы люди постарались отойти от привычных стереотипов и взглянули на проблему во всей ее сложности. Для того и задуманы наши беседы, чтобы как-то объяснить реальное положение. На самом деле это очень трудно сделать. И если вы не верите мне, то постарайтесь вникнуть в то, что говорил Задорнов. Это человек, который как раз в тот тяжелый период работал или в правительстве, или в Думе, и в финансах он прекрасно разбирается. Я добавлю, что мы с ним оба авторы программы «500 дней», которая писалась в 1990 году командой, которую создали вместе Горбачев и Ельцин. А до этого он был одним из инициаторов работы над программой «400 дней», которую написали Михаил Михайлович Задорнов, Григорий Алексеевич Явлинский и Алексей Юрьевич Михайлов. И она была принята Верховным Советом РСФСР в том же 1990 году. Именно поэтому тогда Явлинский вошел в первое сформированное Ельциным, который был еще председателем Верховного Совета РСФСР, Правительство РСФСР как заместитель председателя правительства, ответственный за реформирование экономики. Все это важные страницы нашей истории. Я считаю, что Задорнов — один из лучших специалистов у нас в стране в финансовой сфере. Разумеется, каждый может доверяться своим ощущениям. Но уверяю, что воров в правительстве того времени было гораздо меньше, чем... не скажу когда.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В заключение хочется задать еще один вопрос, также часто поднимающийся и в прессе, и в частных разговорах. Придется ответить только да или нет. Подтолкнул ли кризис 1998 года рост производства в России?

Е. ЯСИН: Конечно, да.

М. ЗАДОРНОВ: Девальвация дала толчок росту целого ряда отраслей, от металлургии до пищевой промышленности, которые до того страдали от завышенного курса рубля к доллару.

Е. ЯСИН: Уже в сентябре 1998 года я собрал аграрников и говорю: «Ребята, всё, перестаньте завозить зерно из-за границы, покупайте здесь. Поднимайте здесь. Потому что здесь выгоднее». В целом в это время мы как бы стали на твердую почву и начался подъем.

III. ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ В 1990-Х ГОДАХ (Е. ЯСИН — А. СИТНОВ)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Мы с Евгением Григорьевичем сегодня затрагиваем еще одну болезненную тему 1990-х годов. Это тема «Вооруженные силы в 1990-х годах». Наш гость — генерал-полковник Анатолий Петрович Ситнов, начальник вооружений Вооруженных сил РФ с 1994 по 2000 год, а до того, с сентября 1991 года, был начальником Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны СССР и РФ. Думаю, надо начать с того, чтобы наши уважаемые эксперты — я Евгения Григорьевича также воспринимаю как эксперта — обрисовали общую обстановку в военно-промышленном комплексе страны накануне реформ 1990-х годов.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Думаю, основное здесь скажет Анатолий Петрович. Я же просто хочу подчеркнуть: эта тема выбрана нами потому, что о положении в армии и о производстве вооружений того периода ходят самые разные толки. Действительно, это одна из самых трудных проблем 1990-х годов. А наш принцип — обсуждать именно то, что вызывает наибольшие вопросы. И конечно, то, с чем страна столкнулась в то время, во многом связано с состоянием военно-промышленного комплекса накануне перестройки, накануне реформ, с резким структурным перекосом всей экономики, всей бюджетной системы страны в сторону первоочередного обслуживания именно этой сферы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А мы на самом деле были вооружены до зубов?

Е. ЯСИН: Этого как раз я не знаю. Анатолий Петрович ответит на ваш вопрос, наверное, лучше меня. Но мое впечатление такое, что мы были милитаристским государством. Мы тратили на оборону и на все окружающие ее ак-

сессуары примерно 40–50% национального дохода. Хотя, вообще-то, никто точно не знает, сколько расходовалось в действительности. Потому что военные расходы были не только засекречены, но и растворены во многих статьях союзного бюджета. В результате точно никто ничего не знал. Я читал о разговоре Михаила Сергеевича Горбачева с Юрием Владимировичем Андроповым, когда Горбачев как раз спросил относительно того, сколько мы действительно тратим на оборону. Андропов же ответил: «Я не знаю и тебе тоже не советую». Помнится, признавался в том, что не владеет точными данными об этом, и председатель Совета Министров СССР Николай Иванович Рыжков. В общем, считалось, что этого не нужно никому знать. Но тем не менее было ясно, что тратим очень много. По существу, у нас была мобилизационная экономика, где заранее даже всем гражданским отраслям спускались свои задания по обеспечению оборонных нужд.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В области ВПК?

Е. ЯСИН: Не только в области ВПК, а вообще всюду. Чуть ли не у каждого предприятия существовали свои «мобилизационные мощности». Все было нацелено на то, что война может начаться в любой момент. Соответственно, здесь были очень большие затраты и очень низкая эффективность их использования. Мы уже много раз говорили, какие проблемы возникали в связи с этим. А в результате накануне самых главных событий «оказалось», что в стране денег нет вообще. Я тогда работал в Правительстве СССР и вспоминаю одну свою поездку с лекцией в Николаев. Там среди встречавших меня были представители судостроительного завода. Они сказали, что у них стоит на стапелях один авианосец...

АНАТОЛИЙ СИТНОВ: «Варяг».

Е. ЯСИН: Да, «Варяг». Говорят, что мы уже заканчиваем его строительство и нам надо запускать второй. Я отвечаю: «Ребята, вы как-то плохо понимаете обстановку. Второго не будет». А мне в ответ: «Не заливай. Ты просто не знаешь, ты еще ребенок. Не в курсе дела. А вот мы поедем в Москву и там все наладим». И действительно было такое ощущение, что все можно «выбить». Но в то же время, насколько мне

известно, уже к началу 1980-х годов были определенные сигналы о том, что проблемы безопасности теперь уже упираются не в армию, не в количество танков и ракет, а в то, сколько мы собираем урожая и сколько мы должны экспортировать хлеба и т.д. Поэтому, собственно, и Андропов уже был готов к тому, чтобы какие-то реформы проводить. Я думаю, что и в Генштабе тоже по этому поводу были какие-то суждения. Я вспоминаю также и то, как Егор Тимурович Гайдар в 1990 году на семинаре в Шопране в горячей дискуссии говорил: «А вы пробовали снизить расходы на оборону? Реально снизить. Потому что если вы говорите о финансовой стабилизации, о сокращении дефицита бюджета и при этом ничего не делаете для того, чтобы реально сократить расходы на оборону или сократить государственные капиталовложения в какие-то отрасли, то вы ничего не добьетесь. Останутся лишь пустые разговоры». Надо было с чего-то начинать. Надо было сказать, что, в общем, армия и военная организация советского государства, а потом и российского государства оказались на острие проблем, которые вызревали долгие годы, а в связи с реформами они были обозначены, стали явными. Вот на этом коротком введении я бы остановился и предоставил возможность высказаться Анатолию Петровичу.

А. СИТНОВ: Для того чтобы войти в эту тему, я бы хотел сначала поделиться исходными данными. В военном отношении Советский Союз был базовой площадкой для всего социалистического лагеря и Варшавского договора. И, естественно, он взвалил на себя все тяготы нагрузки по производству вооружения и по его поставкам. Поставки эти, кстати, осуществлялись в 78 стран мира. И когда мы начинаем анализировать положение на начало 1990-х годов, я могу уверенно сказать: да, мы тогда были очень сильны. Мы были сильны настолько, что 31 января 1989 года была опубликована пространная информация в газете «Правда». В ней вы можете прочесть, какое количество вооружений было в Советском Союзе. Я только назову конкретные цифры. Ядерных блоков стратегических вооруженных сил было больше 10 тыс. Надводных кораблей — 731, причем это корабли только 1, 2, 3-го рангов. Танков было 72 тыс.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Анатолий Петрович, извините меня, дилетанта, а это была прямо реальная угроза?

А. СИТНОВ: Это не реальная угроза. Это была реальная сила. Если бы она покатила на Ла-Манш, то там никому мало бы не показалось. Это была реальная профессиональная армия. Но столь большое богатство должно было содержаться всей огромной промышленностью Советского Союза. Однако, как говорил Евгений Григорьевич, и в условиях СССР с его содержанием уже возникали серьезные проблемы. А в 1991 году, когда произошел раздел страны, из всего оборонно-промышленного комплекса СССР России перешло 70%. И вот этот переизбыток мощностей, этот переизбыток предприятий, научно-исследовательских учреждений после 1991 года лег тяжелейшим бременем на российскую экономику. Надо было оптимизировать не только армию в целом, но и весь оборонно-промышленный комплекс. За это время, особенно в первой половине 1990-х годов, до 1996 года, была проделана колоссальная работа по устранению параллельных, дублирующих звеньев в оборонно-промышленном комплексе, консолидированию научных школ. В декабре 1996 года на заседании правительства была доложена программа реструктуризации оборонно-промышленного комплекса. Докладывал Яков Моисеевич Уринсон. В программе числились 1846 предприятий, финальных, и ставилась задача создать 117 интегрированных структур. В результате реструктуризации должно было остаться около 1200 предприятий. И тогда мы бы имели оборонно-промышленный комплекс, способный производить широкий ассортимент: от стратегических ракет и изделий для космоса до сухопутных изделий, включая такие, как армейский нож, армейский пистолет и т.д.

С 1996 года началось формирование таких интегрированных структур. Были созданы концерн «Алмаз», концерн «Антей». Началась огромная работа, которая, к сожалению, была приостановлена в 1998 году в связи с дефолтом. Но в июне 1998 года тогда уже ставший премьер-министром Сергей Владиленович Кириенко заново переутверждал наши уточненные программы. Там мы опять уточняли интегрированные структуры и входили в новый облик оборон-

но-промышленного комплекса. Могу сказать, что к 2000 году все основные научные школы, призванные обеспечивать безопасность страны в разработке стратегических оружий, морских, авиационных, наземных систем, были сохранены. Но в сфере развития самого оборонно-промышленного комплекса, в технологии, в создании более прогрессивного производства, в переходе на гибкие автоматизированные линии практически не было сделано ничего. В тех условиях надо было просто выжить.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Простите, пожалуйста. Все, о чем вы говорите, предполагает развитие и человеческого потенциала, и самого производства, то есть «матчасти», и, наконец, финансового обеспечения, без которого нет возможности развиваться дальше. С чем были самые большие проблемы? Как я понимаю, с финансированием?

А. СИТНОВ: Самые большие проблемы были с тем, что тот созданный в советский период объем оборонно-промышленного комплекса и накопленные к началу 1990-х годов большие запасы вооружений съедали практически все выделяемые нам средства. Ведь все это, включая запасы вооружений, надо было сохранять, поддерживать, ремонтировать. А на создание нового фактически мы могли тратить только где-то 15–20% выделенного финансирования.

Е. ЯСИН: Представляете, сколько средств требовалось только для того, чтобы поддерживать в рабочем состоянии 72 тыс. танков?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Такое просто невозможно представить.

Е. ЯСИН: И на самом деле вопрос, сколько из них к 1991 году реально было готово к боевым действиям. А ведь, по-моему, таким количеством танков можно было бы заполнить целый регион. И сюда надо добавить, скажем, разные виды артиллерии. Вспоминаю, как в те годы Виктор Степанович Черномырдин приехал на один из оборонных заводов, где буквально до горизонта все было заставлено произведенными гаубицами. А директор просил у него нового финансирования, чтобы продолжать их производство...

А. СИТНОВ: Но при этом я хочу сказать, что мы все вместе, и Минэкономики, и Министерство обороны, и Мин-

фин, разработали в 1995 году и в январе 1996 года утвердили программу вооружения на 1996–2005 годы. Она была утверждена и, хотя финансировалась примерно на 30%, в реальности реализована больше чем на 65%. Получился парадокс: в отсутствие средств у государства промышленность фактически сама финансировала все эти разработки. Евгений Григорьевич помнит, что тогда у нас была задолженность в 14 трлн рублей, и он нам любезно разрешал выпустить в текущем году продукции на 5 трлн, а оплатить ее в следующем году. То есть мы стали брать кредиты, которые оплачивали в первом квартале следующего года. И выигрывали на этом очень большие средства.

Е. ЯСИН: Мы очень дружно работали. Я хочу напомнить нашу беседу с Борисом Георгиевичем Салтыковым, который рассказывал о том, как он бился за сохранение науки. В частности, организовывал эти самые научные центры, о которых мы сейчас говорим. И с проблемой выживания науки, и с проблемой выживания оборонно-промышленного комплекса есть определенные параллели, потому что в обоих случаях стояла примерно одна и та же задача: сохранить все важное, жизнеспособное, что имеет перспективу, что действительно может сыграть роль в обеспечении безопасности страны. И одновременно оценить и понять, что нам не нужно, от чего мы можем избавляться.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Избавлялись. Но все время вспоминают и вас, кстати, Евгений Григорьевич, упрекают, что на заводах, созданных для работы на оборону, стали делать кастрюли.

А. СИТНОВ: Но я хочу сказать, что это упрек, по сути, не в сторону Евгения Григорьевича.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Неужели всех либералов?

А. СИТНОВ: Все это началось гораздо раньше, году в 1988-м. Тогда каждый должен был ежедневно «перестраиваться».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но и кушать каждый день.

А. СИТНОВ: Но самое главное, в том году объявили по линии партийных органов, что пора осуществлять конверсию. И вся эта конверсия в оголтелом порядке понималась так, что тот, например, кто делает танки, должен делать ка-

стриюли. Тот, кто делает подводные лодки, должен делать стиральные машины. Помните, был период, когда вдруг всё завалили микроволновыми печами, потом вдруг — стиральными машинами. А ведь у работников советского оборонно-промышленного комплекса, который, кстати, выпускал более 50% товаров народного потребления, была очень высокая интеллектуальная составляющая. И вдруг этих работников заставили заниматься таким ширпотребом...

Е. ЯСИН: На самом деле у Николая Ивановича Рыжкова, нашего тогдашнего премьер-министра, была такая идея: денег у населения много, и, чтобы не было дефицита, надо произвести столько товаров, чтобы покрыть этот дефицит и чтобы людям можно было бы предложить за эти деньги приемлемый отечественный товар, на импорт уже валюты не было. Но как тогда было объяснить человеку, что это в принципе невозможно, что нужно проводить жесткую денежную политику, чего у нас тогда не было? На любом заводе все, от директора до рабочего, считали, что самое важное — производство, а деньги — мусор, их можно печатать сколько угодно. Есть завод, и он должен работать. Что он производит — неважно. Кто будет покупать его продукцию — не имеет значения. Главное, что нам запланировали, а мы делаем.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ведь ходили слухи, что конверсионные товары неплохие. К тому же много было разговоров о том, что люди, приученные делать свое дело правильно, без халтуры, перейдя на производство потребительских товаров, не утратят навыков качественной работы. Я знала человека, который сделал себе приличное состояние на переделке армейских раций в пейджеры. И он не один, правда?

А. СИТНОВ: Я должен сказать, что все эти подходы имеют под собой какую-то реальную, рациональную базу. Однако, когда на золотом оборудовании делают бросовые вещи, это девальвирует не только саму работу, но и отношение к ней. Вместе с тем я хотел бы продолжить то, о чем начал говорить Евгений Григорьевич. Мы много заседали в Минэкономике, обсуждая проблемы и перспективы России. В том числе в области новых разработок в военной

сфере. И приняли решение, что отдельные производства, которые базируются на уровне третьего поколения вооружения, могут подождать. Ведь скудные ресурсы надо было тратить рачительно и целенаправленно. Мы оценили реальное положение дел и сосредоточили свои силы, в том числе и скудные финансы, на прорывных участках. Например, на оперативно-тактическом комплексе «Искандер», на противоракетных комплексах С-300, а затем и С-400, на новых разработках в области авиации. Ведь фактически все, что теперь летает, было заложено именно тогда, когда денег не было, но люди думали о том, с чем войдет Россия в XXI век. И если бы тогда не было принято кардинальных решений, то сейчас на параде показывать было бы нечего.

Е. ЯСИН: Вот это очень важно. Ведь создание современного вооружения — длительный и сложный процесс.

А. СИТНОВ: Я просто объясню, как идет разработка вооружения. Рождается идея. Она подтверждается в институтах Министерства обороны и промышленности. На базе полученного заключения ставится научно-опытная работа. Она идет два-три года, в зависимости от сложности может растянуться и на пять лет. После этого начинается опытно-конструкторская работа, которая также может длиться до пяти, семи, десяти лет. Потом три-четыре года идет освоение. И лишь после всех этих шагов можно начинать нормальное производство. Причем я указываю такие сроки при условии, что все идет нормально. Однако если возникают трудности, дополнительные проблемы, сбои и т.п., то все сроки сдвигаются еще на пять-шесть лет. Поэтому важно осознавать: то, что сейчас «катают» по Красной площади, было заложено еще в начале — середине 1990-х годов, когда денег не было. Но было много идей, много умных голов.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Мне очень стыдно, но мне кажется, что все-таки, когда мы говорим об обороноспособности страны, не самое важное, что «катают» на Красной площади. Может, я чего-то не понимаю?

Е. ЯСИН: Нет, вы все понимаете. Но важно то, что мы здесь просто нарисовали картину того, что в действительности происходило в оборонной сфере в 1990-е годы. Да, стра-

на к началу 1990-х годов обладала гигантским запасом вооружений, в гораздо большем количестве, чем ей было нужно для реального обеспечения обороноспособности. Не говоря уже о том, что к началу 1990-х годов та главная угроза, которую мы обычно видели в НАТО, перестала быть таковой. Это потом наши отношения с НАТО снова обострились, хотя является ли НАТО настоящей угрозой — вопрос дискуссионный. Но в то же время надо было думать о завтрашнем дне. Страна все равно нуждается в современном оружии, в том, чтобы вооруженные силы были им обеспечены. Надо выбрать, что имеет перспективу, а у чего ее нет. И это в ситуации, когда каждый производитель или конструктор оружия, каждый вид вооруженных сил держался за свое, говорил, что именно мое самое главное. Я помню, был разговор относительно тех ракет, которые запускают с подводных лодок, что надо развивать этот вид вооружения, как у американцев. Было большое количество предложений, но мы из них тогда выбрали БМП и «Тополь».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я хотела бы напомнить, что в 1994 году в стране началась чеченская война. По ней можно делать какие-то выводы о качестве нашего вооружения?

А. СИТНОВ: Тут важно другое. Я хочу подчеркнуть, что вообще все акции такого порядка требуют очень мало войск, но очень высокого профессионализма. Кроме того, тактика, которая применяется в полях, для города неприемлема. Город всегда захватывают мелкими штурмовыми группами, разбитыми по три и по четыре человека. И они достаточно эффективно работают. Причем уровень подготовки таких групп должен быть высочайшим.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть в данном случае сыграл свою роль человеческий фактор?

А. СИТНОВ: Нет, с моей точки зрения, военного, здесь стоял вопрос о том, чтобы не навредить больше, чем было бы необходимо. В принципе, если рассматривать эти события как боевые действия, то, с моей точки зрения, это война высокоразвитой цивилизации с цивилизацией, которая не имеет такого уровня развития. В мировой практике и истории это считается прогрессивными войнами, даже по отношению к поработанному народу. Но тут свой народ... И ар-

мия не применяла силу в том объеме, как это можно было бы делать на территории реального противника. Не применяла тактику выжженной земли, не применяла тактику отселения населения. Не применяла тактику локализации, голодомора и прочее и прочее. Тут много можно говорить.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но есть очень много свидетельств обратного...

А. СИТНОВ: Я согласен. Война тем и отличается, что это война. Это не театр абсурда, а реальная жизнь. Все начинается с того, что оружие страшно, пока не стреляет. Но, как только раздался первый выстрел, этого оружия уже никто не боится.

Е. ЯСИН: И человек звереет. Через какое-то время просто теряет человеческий облик.

А. СИТНОВ: А когда тебя начинают выбивать из твоего собственного дома, то оружие берут все, кто может ходить.

Е. ЯСИН: О чеченской войне можно говорить очень много и подробно. Но сегодня у нас все же в центре внимания иные проблемы. Нам хотелось бы показать ошибочность представления о том, что в 1990-е годы была полностью развалена армия, что она была лишена вооружений и т.д. При этом я все-таки хотел бы отметить еще один важный момент. Вспоминаю, как я был на курганском заводе, который производит БМП. Я видел классные машины и спрашивал, куда они идут. Мне отвечали, что они все уходят в арабские страны. Их продавали. Это был 1996 год.

А. СИТНОВ: Да, в 1992 году нам удалось совершить прорыв на арабском рынке. И Эмираты закупили более тысячи единиц бронетанковой техники.

Е. ЯСИН: При этом я хочу подчеркнуть: в российскую армию такие машины практически не поставлялись.

А. СИТНОВ: Да, но в тот период мы и ставили задачу обеспечить экспорт продукции, чтобы сохранить само производство. Именно для того, чтобы, когда это потребуется России, можно было бы переключить кран на себя и работать на себя. Это было сделано и по СУ-27, и по СУ-30. И это то, чем мы сейчас гордимся. Если бы в 1990-е годы мы не пошли таким путем, то и сейчас нам нечего было бы предъявить. В целом самую большую заслугу работы тех лет

я вижу в том, что удалось сохранить производство, ведущие конструкторские бюро, которые сохранили потенциал для разработки нового вооружения. Если бы тогда, в начале 1990-х годов, не было принято взвешенных решений в ситуации катастрофического безденежья, Россия бы не получила того, что она имеет сейчас. Кстати, сейчас идет много спекуляций о том, копирует или не копирует Китай наши разработки. Думаю, проблема заключается в том, что надо было правильно заключать договоры. И оценивать реальную политику в этом деле.

Е. ЯСИН: Я хотел бы подчеркнуть принципиально важный момент. Сохранение боевой мощи заключается не в том, чтобы наделать еще энное количество старых танков, а в сохранении потенциала производства новых, актуальных средств борьбы, тех, о которых шла речь. И очень важно, что Анатолий Петрович подчеркнул: сохраняли производство. В этих условиях приходилось жертвовать определенным количеством боевых частей. Но если у вас крайне ограниченные средства, то встает вопрос, куда рациональнее их направить, причем с расчетом на будущее развитие. На содержание множества частей и поставки туда устаревшего оружия или на поддержание производства, перенацелив его прежде всего на зарабатывание новых средств. Потому что если сохраняются соответствующая техническая база и кадры, то есть возможность сделать следующее поколение техники. Причем это «следующее» необязательно только военное, потому что конструкторская мысль, связанная с этим производством, вполне способна выйти за рамки сугубо военной техники. На основе находок, сделанных в ходе ее разработки, она способна дать толчок развитию и сложной гражданской техники. Кстати, связь военного и гражданского производства — сильная сторона западной системы, где нет тех тромбов между этими двумя видами производства, которые характерны для нас. Но если у тебя пропадает именно конструкторский и производственный потенциал, а ты вместо этого произвел к имеющимся 72 тыс. танкам еще, скажем, тысячу, то от этого ничего не изменится. Поэтому принятое в те годы решение, мне кажется, было очень трезвое, расчетливое и правильное.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А скажите, пожалуйста, если сегодня, в начале XXI века, не дай Бог, гипотетически начинаются некие вооруженные действия, в которых принимает участие Россия, мы можем вступить в них с вооружением одного поколения с возможным противником?

А. СИТНОВ: Есть универсальный механизм, который называется ядерное оружие. Оно выступает в пяти ипостасях — сдерживание, устрашение, ядерное патрулирование, ядерное подавление и ядерное уничтожение. Россия сейчас способна уничтожить полмира.

Е. ЯСИН: Этого нам не надо.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: От души надеюсь

А. СИТНОВ: Но в чем смысл ситуации? В том, что Россия обладает таким ядерным потенциалом, который позволяет ей, например, выполнять роль третейского судьи между Америкой и Китаем. И к России идут. Там, где не хотят работать с Америкой, там, где не хотят работать с Китаем, идут к России. И говорят: ты прикроешь, защитишь и т.д.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но есть еще одна угроза — международный терроризм. 11 сентября 2001 года, как я понимаю, начался новый важный этап в истории человечества. Тогда чувствовалось, что мир в известной степени объединился перед лицом терроризма. На ваш взгляд, Россия и Америка, Россия и Европа могут совместно противостоять этой угрозе?

А. СИТНОВ: По поводу терроризма я выскажу собственное мнение. Думаю, что если бы терроризм не лелеялся спецструктурами основных государств мира, то его бы не было.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В их числе, если вспомнить историю последних десятилетий, находится и Россия, как приемница СССР. Одни кормили талибов, другие — антиталибов. Правильно?

А. СИТНОВ: Абсолютно правильно. Джинн всегда живет в бутылке, но если его выпустили, то назад уже не загонишь. Однако у каждого терроризма есть экономическая база. Если страна будет жить экономически достаточно уверенно, если разрыв между зарплатами будет два-четыре раза, а не 63, тогда и терроризма не будет. Тогда пропада-

ет мотивация отстаивать какие-то интересы. Религиозные фанатики живут только там, где требуется или захватить власть, или проявить себя и отхватить какой-то кусочек побольше. Начинают с религиозных мотивов, потом переходят к местным и т.д.

Е. ЯСИН: Однако я хотел бы вернуться к нашей основной теме и спросить, насколько в 1990-е годы было сокращено финансирование вооруженных сил. Мне помнится, где-то в шесть раз.

А. СИТНОВ: Я считаю, реальное советское планирование оборонного заказа завершилось в декабре 1993 года. Было выделено 22 трлн. Это финансирование в том году так и не было начато, а реально в 1994 году, в июне, было выделено 8 трлн 440 млрд рублей.

Е. ЯСИН: Это в тех деньгах, до деноминации.

А. СИТНОВ: Да, а гособоронзаказ был утвержден в сентябре. Финансисты не могли нам долгое время представить свои расчеты. Реально же 1994 год был профинансирован всего в объеме 5 трлн 600 млрд рублей. То есть уже 3 трлн нам недодали. И мы тогда с Минэкономки решили, что разрешим предприятиям брать кредит, чтобы у них были объемы производства, чтобы выполнялся гособоронзаказ. А взятые средства было решено компенсировать им по ценам предыдущего года, без учета дефлятора, в первом квартале следующего года. Так, 1994 год оплатили в первом квартале 1995 года, 1995 год – в первом квартале 1996 года. Но в результате в реальности предприятия получали сначала около 65% финансирования. Затем – уже 44%. Затем – 36%. А когда наступил 1998 год с его дефолтом, то можно сказать, что для нас он стал «рекордным»: мы получили лишь 14% финансирования. В то же время оборонный заказ был выполнен на 80–90%.

Я хотел бы вот что отметить. Все эти мероприятия чисто организационные, финансовые. Но самое главное, что само существо оборонно-промышленного комплекса продолжало стареть, дряхлеть. И к 2000-м годам в оборонке мы пришли с 80–85% устаревшего производства, оборудования, устаревших технологий. Постарел и кадровый состав. Обычный возраст – 60–65 лет. И новинок, которые именно

сейчас надо закладывать, уже не было. Я напомним, что в период, когда министром был Евгений Григорьевич, мы подписали у президента список стратегически важных предприятий, в который вошло 471 предприятие. Но потом все это было раскассировано. И начиная с 2003 года разделили предприятия оборонки на эффективные и неэффективные. В неэффективные попали все предприятия с малым объемом гособоронзаказа. Но комплекс — он потому и комплекс, что именно в целом решает очень сложные и важные задачи по критичным технологиям. А при таком подходе в оборонном комплексе все валится. Оборонный заказ по-прежнему оформлялся к концу года. Это значит, что опять он реально выполнялся на 50 или 60%. Причем надо учитывать, что цены на вооружения в условиях инфляции также растут. Поэтому я не вижу в 2000-х годах, по крайней мере до кризиса 2008 года, продуманной государственной политики в сфере финансирования оборонно-промышленного комплекса. Нет субсидий, нет преференций. И бюджетные деньги, которые выделяются, тратятся неэффективно.

Е. ЯСИН: Спасибо большое за интересную беседу.

СИТУАЦИЯ В НАУКЕ

(Е. ЯСИН — Б. САЛТЫКОВ)

СЕРГЕЙ БУНТМАН: Сегодня мы будем говорить о науке, о том, что происходило с наукой в те ужаснейшие 1990-е годы. И говорить об этом мы будем с двумя бывшими министрами-капиталистами — Евгением Григорьевичем Ясиным и Борисом Георгиевичем Салтыковым, министром науки, высшей школы и технической политики в первом реформаторском правительстве Российской Федерации Ельцина — Гайдара. Сразу выделю два бытующих у населения контрастных мнения. Первое: огромная процветающая система советской науки была разрушена в 1990-е годы вместе со всей страной. И второе: сама советская наука — это большой, большой миф. Добавлю, что так говорят и о прикладной науке, и о науке фундаментальной. Так какая из них была разрушена и разрушена ли? Как сложилось на самом деле? Давайте сначала определим эту стартовую ситуацию.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: На мой взгляд, Советский Союз, вообще-то, обладал довольно приличной наукой, в особенности фундаментальной. Прежде всего в области естественных наук, не считая кибернетику и биологию...

БОРИС САЛТЫКОВ: Генетику. Они у нас в постлысенковские времена как-то переплелись.

Е. ЯСИН: Да, тут вспоминается знаменитый лозунг газеты «Правда»: «Генетика (или кибернетика, я уже забыл) — продажная девка империализма».

С. БУНТМАН: Но потом они стали все-таки «приличными девушками»...

Б. САЛТЫКОВ: Конечно, они стали «приличными девушками», но мы тем не менее до сих пор не восстановились ни в той, ни в другой области.

Е. ЯСИН: Этот, еще советский, пример заставляет вновь и вновь вспоминать, что наука — сфера деятельности весьма

хрупкая. И это касается не только нас. Если вы имеете хорошую науку, то потерять ее сравнительно легко, а потом воссоздать чрезвычайно трудно. Обычно для подтверждения этого тезиса приводят пример фашистской Германии, которая потеряла физику, химию в связи с фашизмом. А потом, несмотря на все свои экономические успехи, они до сих пор не восстановили тут свои позиции. А ведь и финансирование хорошее, и в стране все нормально.

Б. САЛТЫКОВ: Это вы в оправдание говорите?

Е. ЯСИН: Я говорю просто к тому, что это нужно учить, строя политику в отношении науки. В СССР в целом ряде областей была довольно сильная наука. Я не сказал бы, что всюду, — например, экономики, с моей точки зрения, вообще не было. Была просто некая имитация... Я даже написал когда-то статью «Триумф и крах советской экономической науки». Потому что как раз тогда, когда она оказалась востребована, когда пришел Михаил Сергеевич Горбачев и обратился, в отличие от его предшественников, к ученым-экономистам с вопросом «Что вы можете сказать, предложить для определения нашей политики?», реального ответа он не получил. Тогда собрали самых лучших, самых умных ученых, какие у нас были, — Абеда Гезевича Аганбегяна, Александра Ивановича Анчишкина, Николая Яковлевича Петракова и других известных ученых. Все старались что-то такое сделать, предложить, а, по сути, сказать было нечего. Были хорошие общие рассуждения, но не переводимые в практическую плоскость. И это сказало определенным образом на дальнейшем ходе событий. В то же время вновь подчеркну, что у нас все-таки были свои самостоятельные разработки очень высокого класса в области физики. Имена Петра Леонидовича Капицы, Льва Давидовича Ландау, Игоря Евгеньевича Тамма, Николая Николаевича Семенова — это все мировые имена без всякого преувеличения. Не будем забывать и Сергея Павловича Королева, и всех людей, которые были завязаны на создание космической науки и приложений к ней. Это все были мировые достижения.

Б. САЛТЫКОВ: Правда, это уже скорее не наука, а инженерная школа, великолепная инженерная школа.

С. БУНТМАН: Мы попробуем сейчас разобраться, потому что мне очень важно понять, что к чему. Вот сначала скажите, пожалуйста, когда по времени появилась необходимость спасти нашу науку, переводить на какие-то другие рельсы. Когда объективно появилась эта необходимость, когда она была осознана?

Б. САЛТЫКОВ: Причин того, что произошло с советской наукой, много, и это касается не только науки. Известна главная причина — коллапс советской экономики. Под ее обломками были погребены не только действительно великая советская наука, но и культура, и армия, и образование, и здравоохранение, все, что держалось на бюджете. А этот бюджет рухнул. И разрушительные процессы начались задолго до начала реформ 1990-х годов. Читайте книгу Егора Тимуровича Гайдара «Гибель империи», где подробно описан процесс сползания страны к пропасти. Этот процесс не мог обойти и науку, потому что в советской системе она была устроена так же, как все остальное. Большие ведомства, большие иерархии, экспертиза начальников, и все оплачивает государство.

Е. ЯСИН: И большие расходы!

Б. САЛТЫКОВ: Огромные расходы. Да, действительно, существовали еще и дореволюционные школы, математические, физические, вообще начало XX века — это начало века триумфа фундаментальной физики, когда, строго говоря, было всего несколько десятков настоящих ученых. Они все общались между собой. Петр Леонидович Капица работал с Эрнестом Резерфордом, Лев Давидович Ландау был у Нильса Бора и т.д. И все эти школы были действительно мировыми школами фундаментальной физики. Именно из них выросли потом практические реализаторы. Проект атомной бомбы родился на базе достижений вот этой мировой науки, в которую органично входила и наука российская. Так что если говорить о разрушении науки, то, возможно, следовало бы поискать его истоки пораньше. А в отношении представлений о разрушении науки в 1990-е годы у меня такой образ родился. Думают, что некий debil с кувалдой и зубилом подходит к беломраморной Венере Милосской и у этой безрукой девушки отрубает еще и ноги.

Вот примерно как, считают, мы якобы поступили с наукой. Но я бы назвал это скорее деградацией советской науки.

С. БУНТМАН: Нет, у меня другой образ. Приходят не дебилы, а вполне прагматичные люди, которые видят все это. Предположим, так, как все это потом описал Егор Тимурович в своей книжке. Они видят необходимость заниматься в данный момент чем-то другим. А наука может подождать. Там тот, кто умный, сам выживет, а сейчас не до того, чтобы перестраивать всю научную инфраструктуру.

Б. САЛТЫКОВ: Позвольте ответить. Действительно, мы хорошо знали, как устроена советская наука. И мы пришли со своей концепцией ее реформирования. Идеи были совершенно понятные: свобода научного творчества, демократизация управления в науке...

С. БУНТМАН: Свобода общения всех.

Б. САЛТЫКОВ: Да, совершенно верно. Встраивание в мировую науку. Демилитаризация и деидеологизация. Мало кто знает, что еще в горбачевскую эру 75% бюджета, выделяемого на науку, шло в ВПК. И там действительно были существенные достижения. Но Боливар-то не выдержал. Как только цены на нефть упали, так и все эти потоки денег исчезли. А организация науки была приспособлена именно к той административно-командной, тоталитарной системе управления, которая была в СССР, и она была адекватной той системе. Посему если уж мы перешли к рынку, то нужно было и в науке переходить к соответствующим формам. В смысле не на рынок, конечно, а на конкурентные отношения, на конкуренцию в борьбе за ресурсы. Должны побеждать лучшие, самые сильные коллективы. Ничего этого в науке СССР не было. Держали весь фронт мировой науки, потому что мы были закрытой страной. Однако ни одна страна не способна поддерживать исследования на всех направлениях... Не могут быть умники на всех участках фронта. Где-то таланты рождаются, развиваются, сильные научные школы, способные конкурировать на мировом уровне, а где-то у нас были очень слабые направления, но на них деньги тратились тоже.

Е. ЯСИН: Ваша логика мне понятна. Но в этой связи я вспомнил давний разговор с одним югославом. Это было,

по-моему, в 1977 году, тогда Югославия была еще единой страной. Он рассказывал мне об их системе самоуправления. Их система, их видение социализма нас тогда очень интересовали. А потом разговор зашел об очень знаменитом сербском или хорватском ученом-инженере Тесле, который был очень крупным ученым в области радиофизики. Конечно, он работал и творил в США. И тогда я спросил, каковы дела в Югославии с наукой. Я ведь себе представлял, что в Югославии такая же наука, как и у нас: фундаментальная физика, химия, великолепная математика и все прочее. А мой собеседник ответил, что если кто-то у них обнаружится такой же умный, как Тесла, то он должен уехать в Америку, потому что такая страна, как Югославия, не может содержать такую науку.

Б. САЛТЫКОВ: Конечно, нам приписывают, что мы чуть ли не выгоняли ученых, что ученые нам не нужны. Нет, не так стоял вопрос. Мне не могут простить фразу, которую я произнес в 1992 году в Новосибирском академгородке на большом собрании, что науки в России слишком много. Как затопали, засвистели! Кричали: «Вы что, против того, чтобы в России все были культурные, образованные?» Я говорю: «Я за то, чтобы все были культурные, образованные. Но я имею в виду под наукой оплаченные из бюджета рабочие места». Так вот, в той системе, где была великая советская наука, это же все было не даром. В стране многого не было — дорог, продуктов, одежды, страна жила в долг. Зато науку, особенно военноориентированную, финансировали. С началом реформ в научной сфере никто никаких указов о сокращении не принимал. Однако сегодня у нас ровно в два раза меньше ученых, чем было в 1991 году. Это само собой решилось. Потому что слабая экономика не могла содержать такую объемную науку.

С. БУНТМАН: Но мне кажется, что если считать потери науки, то надо учитывать не просто, например, количество ученых, работающих сегодня и действовавших тогда, но и потери, связанные с тем, сколько талантливых молодых людей за эти годы учеными не стали. Хотя у нас много талантливых выпускников многих факультетов, причем важных, которые идут к серьезной науке, но для их нор-

мального существования и развития именно как ученых нет условий. Это значит, что наша наука не получает нового поколения ученых; значит, рушатся научные школы, о которых вы говорили.

Е. ЯСИН: Я хочу сказать вот что. На самом деле, когда я приводил пример Теслы, я не считал, что ученые из России должны уезжать. Я имел в виду лишь то, что в мире есть мало стран, которые могут позволить себе иметь сильную науку, и особенно на всех направлениях. Россия в их числе.

Б. САЛТЫКОВ: В каком числе?

Е. ЯСИН: В числе тех, кто могут иметь большую науку. Вот, скажем, я считаю, что мы сегодня должны озаботиться тем, чтобы у нас было несколько центров превосходства, как теперь говорят, где была бы очень сильная наука мирового класса. Но для того, чтобы это произошло, нам надо заново отстраивать всю организационную, институциональную систему науки. И в этой связи я хочу сказать несколько слов о самом Салтыкове. Ведь, кроме всего прочего, он один из немногих людей, которые еще в Советском Союзе занимались науковедением на приличном уровне. То есть он относится к науке не просто как ученый, а как человек, который серьезно занимался этим предметом.

С. БУНТМАН: Не просто как участник соревнования, а как человек, который осмысляет это как систему?

Е. ЯСИН: Совершенно верно. И все люди, которые тогда, в начале 1992 года, пришли и работали под его руководством, относились к науке с колоссальным уважением и любовью. И старались, что-то спасти. Потому что всем было понятно: в сложившихся тогда условиях всё сохранить мы не можем. И скажем прямо, что многое сохранять, может быть, и не было нужно. Но то, что нужно, то, что, как мы знаем, было сильнее, надо сохранить. Вот в этом состояла его миссия.

С. БУНТМАН: Борис Георгиевич, сейчас Евгений Григорьевич сказал, что нужно было сконцентрироваться на нескольких главных направлениях...

Е. ЯСИН: Центрах превосходства.

С. БУНТМАН: Хорошее слово. Были ли тогда мысли об этом?

Б. САЛТЫКОВ: Конечно, были.

С. БУНТМАН: И что выбиралось?

Б. САЛТЫКОВ: Все, что сегодня повторяется и в СМИ, и в планах правительства, было заявлено уже тогда. Повторю: принципы реформы можно свести к свободе, демилитаризации и т.д. Поддерживать только самые сильные коллективы, поскольку денег на всех просто не хватит.

С. БУНТМАН: Но кто определяет, какие коллективы достойны поддержки?

Б. САЛТЫКОВ: Сами ученые. Поэтому первая задача, которую мы поставили, — уйти от ведомственных схем финансирования. Напомню, что тогда многочисленные научные организации — институты, конструкторские бюро, лаборатории, — занимавшиеся в первую очередь прикладными исследованиями, были подведомственны различным отраслевым министерствам. А сами эти министерства с началом реформ перестали существовать. Соответственно, и эти научные организации лишились привычного источника финансирования. Напомню также, что первый указ по нашему профилю Бориса Николаевича Ельцина, вышедший в мае 1992 года, предписывал организовать Российский фонд фундаментальных исследований. Это уже была совсем другая схема финансирования.

С. БУНТМАН: А зачем был нужен этот фонд, когда существует Российская академия наук?

Б. САЛТЫКОВ: О, чудесно! Минфин так и говорил: зачем это нужно, если есть привычная схема — финансировать через академию наук? Но как работает академия наук в качестве финансового механизма? Она получает деньги, а дальше по очень непонятным критериям распределяет по своим отделениям. Затем отделения, скажем, экономики, физики, математики распределяют по институтам, институты — по лабораториям. Но кто и по каким критериям определяет, кому сколько, непонятно. То есть имеется огромная, но совершенно непрозрачная схема.

Е. ЯСИН: Я бы уточнил: распределяют среди своих. Во главу угла ставятся или личные отношения, или действительные заслуги, но относящиеся к прошлому, а не к настоящему, или в ход вступает старый принцип — всем поровну

или по величине коллектива, чтобы никому не было обидно. В любом случае вопрос об эффективности на самом деле не стоит.

С. БУНТМАН: Ну, что значит среди своих? Ученые все свои.

Б. САЛТЫКОВ: Нет, не все. Уровень у них разный. Так вот, в фонд любой может подать заявку, потому что у нас был огромный спор с академией. Академия говорит: мы подпишем, визируем указ — они были обязаны визировать указ о создании Российского фонда фундаментальных исследований, — но этот фонд будет в академии наук. Я сказал: никогда. Это должен быть межведомственный государственный фонд. Как он работает? Любой может подать заявку на научный проект, обосновав, что хочет исследовать... Затем эта заявка отдается трем-четырем специалистам в данной области. И если они дают положительные заключения, которые затем рассматривает еще некоторый совет...

С. БУНТМАН: А вдруг рецензентом оказывается просто конкурент?

Б. САЛТЫКОВ: Вот чтобы этого не было, и заявки и отзывы еще обсуждаются на панели с участием девяти-десяти специалистов. И очень важно, чтобы там не было конфликта интересов, чтобы в обсуждении, оценке не участвовал человек, который с тобой связан. Например, заведующий твоей лабораторией и т.п. Таким образом, достигается некоторая объективизация решения. Затем вы получаете грант. Это новый механизм, когда некую сумму выделяют только на ваш проект. Эта схема принципиально отличается от системы финансирования академии, где действовала советская система распределения денег по вертикали. На институт, потом вниз на отделы, сектора, лаборатории. Кто чем занимается, неясно, но, конечно, все пишут и планы и отчеты. Однако оценить, какова была отдача от вложенных средств, много их было или мало, — непонятно, нет критериев. А в грантовой системе все понятно. Вы получили, допустим, 10 тыс. долларов, опубликовали статью о том, что вы сделали.

Значит, сначала был создан один фонд, потом Российский гуманитарный научный фонд. Была целая драма с от-

раслевой наукой. Вновь напомню, что в Советском Союзе все отраслевые институты — это тысячи институтов — были под отраслевыми министерствами. И были у этих министерств так называемые единые фонды развития науки и техники — по сути, некие карманы денег, из которых финансировались ведомственные институты. Но в декабре 1991 года с исчезновением министерств исчезли и средства для поддержания отраслевой науки.

Е. ЯСИН: Я как раз об этом хотел спросить. Больше всего команду реформаторов упрекают в том, что погибла отраслевая наука.

С. БУНТМАН: В частности, нам ставят такой вопрос: есть ли зависимость возросшего в 1990-е годы уровня производственного травматизма и аварийности на угольных шахтах страны от полной ликвидации отраслевой горной науки, например?

Б. САЛТЫКОВ: Разумеется, отраслевая наука должна заниматься такими вещами, и они крайне важны и для развития отрасли, и для общества в целом. Однако нельзя не учитывать и того, что, вообще-то, в рыночной экономике институты содержатся не министерствами, а соответствующими фирмами, заинтересованными в том, чтобы их производство развивалось на современном уровне, чтобы не было аварий и т.п. Это обязательное условие жизни крупных корпораций. У нас уже сейчас есть корпорации, которые конкурируют на рынке как с зарубежными, так и с отечественными фирмами; чтобы выиграть в этой борьбе, они обязаны все время внедрять что-то новое. Поэтому некоторые из них содержат заводские лаборатории, иногда по тысяче человек, и т.д.

Но что в целом произошло с отраслевой наукой? Тут было два типа научных институций. Прежде всего оборонноориентированные. Мы запретили приватизацию оборонки. Она и сейчас государственная. И запретили приватизацию академических институтов. Но не входившие в эти области отраслевые институты оказались в таком же положении, как и бывшие государственные предприятия. Как ни смешно, но эти институты, скажем горные, имели юридический статус федеральных государственных уни-

тарных предприятий. То есть подход к ним был такой, как будто это завод или фабрика. В результате часто за их хорошими зданиями начинали охотиться те, кто покупали такие активы. А ведь нам досталось несколько тысяч отраслевых институтов. Я уже сказал, что оборонные мы не трогали, давали им возможность трансформироваться. Но мы поняли, что и в гражданской сфере есть очень много ведущих школ, которые нельзя не поддерживать, и мы придумали программу государственных научных центров. Провели конкурс среди примерно 250 институтов, отобрали 33 лучших. Отмечу — отбирали ученые, а не чиновники. Отбирали их программы. И для поддержания госцентров был выделен специальный бюджет. Это такие институты, которые у всех на слуху. Скажем, ЦАГИ из Жуковского, Институт авиационных материалов, который делает материалы для всего, что летает в космосе, в авиации, и т.д. Шесть атомных центров — Обнинск, Дубна, Курчатовский институт... Вот такого класса институты вывели за скобки всех приватизаций. Потом сформировалось примерно 60 центров. И они получили специальную поддержку. Это цвет российских инженерных школ. Вот такая была стратегия. Правительство пыталось путем выбора приоритетов сохранить лучшее. Бизнес в это время придерживался совершенно другой стратегии: взять из этого огромного резервуара интеллектуальных ресурсов лучшие кадры.

С. БУНТМАН: Взять куда?

Б. САЛТЫКОВ: Себе. Ведь у нас возникали, по сути, совершенно новые сферы деятельности: финансовый сектор, банковский, консалтинговый, софтверна и т.д. Много малого бизнеса возникло. Но для них не было кадров. Откуда они в столь короткий срок пришли? Откуда бы мы взяли кадры на создание всех этих новых отраслей в рыночной экономике? Все шло из науки. Тогда из науки началась внутренняя утечка умов. С одной стороны, эти люди оказывались в крайне сложной ситуации: за их работу (причем часто любимую, на овладение которой были потрачены многие годы) или перестали платить вообще, или платили столь ничтожные деньги, что на них просто невозможно было существовать. С другой стороны, в научных учрежде-

ниях все же были сконцентрированы люди высокообразованные, интеллектуальные, как позже сказали бы — креативные. Часть из них вынуждена была сменить профессию на востребованную рынком, а часть, опираясь на свои знания и научные разработки, смогла создать собственный бизнес, начать развивать те технологии, которых ранее в стране не было, уже на рыночной основе. Примером тому может служить бурное развитие в нашей стране сотовой телефонной связи, интернет-технологий и т.п.

Е. ЯСИН: Я хочу обратить внимание на одно обстоятельство. У нас ведь предприниматели как представители особой профессии, особого рода деятельности отсутствовали. Откуда они могли взяться? Обычно называют разные источники. Очень часто — комсомол, которому, благодаря созданным еще в перестроечные времена организациям «научно-технического творчества молодежи», был предоставлен ряд привилегий. Из него вышло немало наших бизнесменов. В этом ряду обычно первым вспоминается Михаил Борисович Ходорковский. Но если посмотреть список наиболее успешных предпринимателей, банкиров, то это большей частью бывшие ученые. Вот, например, один из крупных акционеров металлургической компании «Евраз» Александр Григорьевич Абрамов. Он — выпускник физтеха, бывший ученый.

Б. САЛТЫКОВ: Дмитрий Борисович Зимин огромный бизнес создал с нуля. Это тоже ученый.

С. БУНТМАН: Тогда получается, что ученые сами ушли из науки и сами ее порушили.

Б. САЛТЫКОВ: Не соглашусь с вами. Вспомним советские времена и тот достаточно ограниченный круг возможностей, который был у талантливого человека, чтобы реализоваться. По сути, советская наука была единственной отдушиной. Единственным местом, где, в общем-то, если говорить о демократии, существовала какая-то свобода. Естественно, в эту сферу устремлялись неординарные люди. К тому же она была достаточно престижна. В то же время именно узость выбора жизненного пути в рамках советской системы предполагала, что в науке оказались сосредоточены как «ботаники», которым интересно, как устроена Все-

ленная, так и некие авантюрные личности, по сути потенциальные предприниматели, которые просто искали новое, рискованные люди. Ниши, в которой они могли бы успешно действовать, причем легально, просто не было. Существовала, конечно, теневая экономика, но все же это был тогда криминал, на который представители научной интеллигенции, как правило, пойти не могли и по этическим мотивам. Однако, как только открылись новые легальные возможности, эти люди, осознав, что по сути своей они не ученые, что их больше привлекает бизнес, ушли туда. Ничего в этом страшного нет.

Е. ЯСИН: Это было, кстати говоря, и трудное время. Потому что надо было зарабатывать, а в этих научно-исследовательских институтах ничего заработать было нельзя.

Б. САЛТЫКОВ: Предположим, что тут мы зафиксировали естественный процесс. И благодаря произошедшему отсеву из науки части тех громадных кадров, которые были заняты в ней, двинулся вперед и российский бизнес.

Е. ЯСИН: Совершенно точно.

Б. САЛТЫКОВ: Теперь, собственно, о науке в тех местах, где она сохранилась. Я не знаю, насколько она конкурентоспособна. Когда-то я услышал гениальную фразу от одного очень хорошего ученого. Он говорил в конце 1980-х годов, когда еще рассуждали о мягких вариантах перемен, о кризисе в науке, о ее отдаче и т.д., что фундаментальная наука — это не общая теория болта и гайки. Это принципиально другая вещь. И здесь нужны какие-то принципиально другие подходы. Я только хочу подчеркнуть, что в Российском фонде фундаментальных исследований именно механизм оценки доверен самим ученым. Никто из нас — чиновников, журналистов — не может оценить степень важности того или иного открытия, того или иного результата. Но эти ученые, приглашенные в качестве экспертов, должны быть такого же высокого научного класса. Однако самое важное тут, что вердикт выносится в рамках того, что называется невидимым колледжем. Это лучшие представители в своем направлении исследований.

Е. ЯСИН: И решают они, как говорится, по гамбургскому счету.

С. БУНТМАН: Но нельзя забывать, что здесь присутствует весьма серьезная материальная вещь.

Б. САЛТЫКОВ: Говоря про материальную сторону, я только хотел бы напомнить, в каких условиях все организовывалось. Бюджет 1992 года на науку, по разным оценкам, был примерно в три-четыре раза меньше, чем в предыдущем году. Это был реальный бюджет, который удалось как-то наскрести. Надо также сделать и поправку на сильнейшую инфляцию 1992 года. Что же надо было делать в таких условиях? Либо размазывать всем, выдавая средств в три-четыре раза меньше, либо попытаться сохранять лучшее.

С. БУНТМАН: Но тут все же с вами многие не соглашались. Один наш слушатель пишет: «Вы сильно приукрашиваете свои установления и фактически лжете. До 2000 года я работал в одном из ведущих государственных научных центров. И зарплата у научных сотрудников была меньше, чем у постоянно упоминаемых врачей и учителей». Многие пишут, что на те гранты прожить было нельзя.

Б. САЛТЫКОВ: Во-первых, у различных государственных научных центров, конечно, судьба была очень разная. Есть институты, которые, может быть, благодаря хорошим руководителям, директорам, менеджерам приспособились к новой рыночной ситуации. Живут за счет своих научных или конструкторских достижений. А есть и те, кто рассматривали нашу программу просто как средство, извините, поддержать штаны и ничего не делали. И уже в 2000-е годы Министерство образования и науки рассматривало вопрос о пересмотре их списка и считало целесообразным половину из них снять с этого довольствия. Во-вторых, конечно, в разных областях науки все было по-разному. Где-то были гранты, где-то нет. Но все равно даже зарубежные гранты доставались только лучшим. И если уж вспомнили о зарубежных грантах, то я бы обязательно упомянул о зарубежной помощи нашей науке. В 1992 году совершенно бескорыстно родилось движение наших зарубежных коллег с целью помочь своим российским собратьям, оказавшимся в сложной ситуации. А американское физическое общество, американское математическое общество учреждали стипендии по 500 долларов русским

молодым ученым, которые распределялись нашим физическим сообществом. Например, Лев Борисович Окунь, очень известный в физике человек, многое сделал. Нельзя забывать и о знаменитой помощи Фонда Сороса, который сразу выделил 100 млн долларов на поддержку наших ученых. В то время, напомним, Джордж Сорос выиграл миллиард долларов на своих сделках с валютой, «обидел» Великобританию. Но тогда наши биологи, эмигранты, в частности Валерий Николаевич Сойфер, франко-немецкие ученые уговорили его выделить для российской науки деньги, потому что российская фундаментальная наука — часть мировой науки. И аргументы были такие: если она погибнет, то пострадает вся мировая физика, математика, биология и т.д. Мы пригласили Сороса в Россию, договорились с нашим известным экологом Алексеем Владимировичем Яблоковым. Сороса принял Ельцин. Конституировали в России Фонд Сороса. Два года он тратил деньги, сопоставимые, в общем, с бюджетом той же Российской академии наук. Не равные, конечно, но он ввел еще и грантовый механизм, когда деньги выдавались не всем подряд. Сначала как экстренная помощь были выделены так называемые эмердженси грант, то есть срочные гранты, которые выдавались только тем, у кого была опубликована статья в хороших научных журналах. Есть такие списки в ядерных журналах, и мгновенно, за три месяца, 26 тыс. российских ученых получили по 500 долларов. Конечно, сегодня это смешные деньги, но тогда люди на них могли прожить до полугода. Или сложиться с приятелем и купить компьютер, о чем раньше не могли и мечтать. Об этом, по-моему, нельзя забывать.

Е. ЯСИН: В истории с Соросом есть еще один важный момент. Он все-таки рассчитывал на какую-то благодарность со стороны России. И это естественное человеческое желание. Но получилось все точно наоборот. В чем только его не обвиняли. И не думали о его вкладе в помощь нашим ученым в это тяжелое время.

Б. САЛТЫКОВ: Вы знаете, были интересные суждения некоторых ученых, когда этот фонд свернул свою работу в 1996 году. Тогда были отрицательные отзывы от не-

которых ученых такого содержания: зачем он нам это все устроил, если теперь все кончилось, лучше бы я сразу уехал...

С. БУНТМАН: То есть Сорос как бы породил некую иллюзию, дал какие-то надежды. Да, были надежды. На деле многое было гораздо ужаснее, чем сейчас описывает Салтыков. Однако самое важное в его деятельности того периода, по-моему, состоит в том, что стали создавать новую структуру. Но почему эта структура не заработала в полную силу? В связи с этим можно вспомнить и еще один стандартный упрек в адрес реформаторов: деньги у науки отобрали, а всю научную бюрократию сохранили.

Б. САЛТЫКОВ: Постановка вопроса правильная. Потому что мы ведь не упомянули до сих пор Российскую академию наук. Она стояла как утес. И мнение академической элиты было такое: у нас все хорошо, только денег нет. То есть у нас все нормально, все структуры на местах, ни одного института сократить нельзя. И так продолжалось более пятнадцати лет. Сегодня я не могу сказать, что хуже — преступная бездеятельность или вот эта деятельность, где, может быть, и были ошибки. Главное — упущены десятилетия. Если бы Российская академия наук в 1990-е годы приняла нормальный закон об академии наук, а не тот, который появился позже, провела бы сама реформу, например на немецкий образец, то судьба академической науки могла бы быть другой. Напомню, когда немцы воссоединились, то там началась очень жесткая система отбора, сохранили только лучшие институты, слабые закрыли, но людям давали еще год зарплату, помогали устроиться и т.д. Все это надо было делать. Но у нас условия были несравнимо более жесткими. И не было доверия к предлагаемым реформам. Все время мы слышали только реплики типа: «Мы же не можем всех выставить на улицу. Разработайте программу на 45 лет вперед. И начните медленно, но верно ее выполнять. У нас же все хорошо, только денег нет». Мы отвечали: «У вас все плохо, и поэтому денег нет. Плохо с кадрами, с управлением, с прозрачностью, со всем». Конечно, отдельные люди прекрасно работают. Мы же говорим о системе. Среди академиков есть великолепные ученые, составившие в свое время честь и славу советской науки. Но многие из них про-

сто не понимали, что происходит в 1990-е годы. Они просто просили денег, и это был типичный советский подход.

С. БУНТМАН: Но все-таки работавшие и продолжающие работать в академических институтах постоянно обвиняют вас, что вы разрушили наработанное раньше, а ничего нового не предложили. Получается, что все остановилось. Еще раз возвращаюсь к тому же вопросу. Можно ли было как особую ценность оставить ту же академию наук?

Е. ЯСИН: Ее и оставили.

С. БУНТМАН: Оставить в неприкосновенности и только хорошо финансировать.

Б. САЛТЫКОВ: Но тут возникает вопрос: где взять средства для такого финансирования? Я помню, что академик Дмитрий Семенович Львов написал в полемике со мной, что наука — это такое достояние, для сохранения которого нужно снять последнюю рубашку и отдать науке. А я его спрашиваю: с кого снять рубашку? С солдата, с преподавателя сельской школы, с врача, с кого? У кого брать эти деньги? Сегодня совсем по-другому стоит вопрос. Современный бюджет страны несравним с тем, с чем нам приходилось иметь дело и в 1992, и в 1993, и в 1994 годах. Мы обладаем значительно большими ресурсами. Закупается лучшее оборудование. То есть тогда была качественно иная ситуация, и на нашу долю выпало решение текущих проблем, возникавших именно в тех условиях. И мы оперировали ресурсами, которые правительство могло выделить именно тогда.

Е. ЯСИН: Я бы хотел подчеркнуть, что Салтыков здесь не оправдывается, и я не оправдываюсь. Просто я считаю, что наши граждане должны знать, что на самом деле 1990-е годы были не просто временем надежд. Это было великое время. Но это было и тяжелое время. Очень многое из того, чем мы сегодня пользуемся и гордимся, было создано в те годы. И когда говорят: «Вы лжете, государственным научным центрам не давали возможности жить», то забывают, что эти возможности были ограничены величиной тех бюджетов, которые находились в распоряжении правительства реформаторов, получивших фактически обанкротившееся государство. Кроме того, не будем забывать, что

в начале 1990-х годов у нас в стране произошла революция. А это значит, что обрушилась вся старая институциональная система страны. Необходимо было выстраивать новую, а на это требовалось время. История многих стран показывает, что при таком сломе старой конструкции больше всего страдают наиболее тонко организованные слои. К таким слоям и относились представители науки. Но в то же время когда они всю вину за свои тяготы тех времен возлагают на правительство (прежде всего правительство «молодых реформаторов»), то, как мне представляется, забывают и о своей пассивности, и о своих непосредственных руководителях, не сумевших начать выстраивать новые системы существования своих коллективов в изменившихся условиях. А это тоже неправильно.

Такой известный специалист в области изучения социальных проблем постсоветского общества, как академик Татьяна Ивановна Заславская, на реплики о том, что от реформ больше всего пострадали сотрудники ВПК и научные работники, отвечала, что это не совсем так. Согласно ее исследованиям, основанным на огромном массиве данных, в каждой из социальных групп постсоветского общества, включая и научных работников, всегда находилась подгруппа, составлявшая примерно 20%. Входящие в нее благодаря самым разным обстоятельствам, включая и инициативу их непосредственных руководителей, смогли приспособиться к новым условиям. Вновь назову в качестве примера Дмитрия Борисовича Зимина – ученого, ставшего одним из наиболее успешных предпринимателей страны. И таких было немало. Поэтому вновь подчеркну: проблема демонтажа одной системы и создания новой очень сложна. Я понимаю, что в этих катаклизмах пострадали многие ученые, не только псевдоспециалисты, но и действительно видные исследователи. Однако нельзя анализ сложности ситуации подменять примитивным поиском какого-то одного виновного или группы виновных. Причем естественное желание многих людей «назначить» таким виновным просто того, кто начал изменения, перестал давать деньги в привычном объеме и т.п., забывая, что к экономическому краху скатилась предыдущая система, на мой взгляд, в корне не-

правильно. Ведь те, кого привычно обвиняют во всех бедах и несчастьях, на самом деле пытались хоть что-то спасти от полного обвала.

С. БУНТМАН: К сожалению, ученые, прошедшие через трудности 1990-х годов, обычно не принимают таких доводов. Они просто говорят: «Ученые должны иметь возможность зарабатывать именно своим трудом».

Б. САЛТЫКОВ: Абсолютно правильно.

С. БУНТМАН: Но как это сделать? Возможно ли еще это сделать? Магистральная идея, знаете, которую обычно развивают, что Советский Союз, вообще-то, потихоньку мог бы преобразовываться каким-то образом. И тогда все было бы хорошо. И наука тоже потихоньку эволюционировала бы.

Е. ЯСИН: Потихоньку — это как раз очень важный момент. Беда в том, что к тому времени, о котором мы говорим, потихоньку уже было невозможно. Мы потихоньку начиная с 1950-х годов приходили в упадок. Правда, многие не обращали на это внимания. Хотя, например, академик Юрий Алексеевич Рыжов, крупнейший специалист в области авиационной и космической техники, говорил, что еще на рубеже 1960–70-х годов затраты на НИОКР даже в военной сфере существенно сократились, а внимание руководства к условиям труда работников высокой квалификации стало ослабевать. Потому, по его мнению, наши технологии начали отставать еще с начала 1970-х годов. Это наблюдение академика подтверждается и данными об оплате научного труда в советское время: если в 1940 году, по статистике, средняя оплата труда в сфере науки и научного обслуживания была в 1,4 раза выше средней по стране, то к концу 1980-х годов эти цифры практически сравнялись. То есть наш научный потенциал задолго до революции 1991 года падал, и падал, и падал. Отмечу, что эта общая деградация научной сферы не исключала достижений отдельных ученых и научных коллективов, чьи успехи часто достигались не «благодаря», а «вопреки». А потом наступил момент, когда все стало разваливаться. К тому же нефть упала в цене, и старый механизм, уже просто проржавевший, не работал...

Важно понимание того, что искать виноватых самое последнее дело. Необходимо осознать, что в истории нашей родины был страшный кризис, который она переживала, потому что в свое время люди допустили появление коммунистической власти, тоталитарного режима и плановой экономики, работавшей, поедая ресурсы и не давая соответствующей отдачи. Да, она была очень милитаризована, были имперские сверхдержавные амбиции и т.д. На это уходили ресурсы. А потом, когда наступил кризис, стали искать виноватых. Рассуждения, можно ли было пройти более мягким эволюционным путем, должны сопровождаться также анализом реально сложившейся к концу 1991 года ситуации и оценкой причин, по которым мы к ней скатились. Иначе виноватыми оказываются те, кто в тот критический момент героически пытались предотвратить полный крах. Например, Борис Георгиевич, когда вы пришли в правительство?

Б. САЛТЫКОВ: В ноябре 1991 года.

Е. ЯСИН: Неужели кризис ваших рук дело? Или этот кризис уже разгорелся раньше?

Б. САЛТЫКОВ: Я уже говорил о ситуации 1991 года, а мы ведь прекрасно знали все цифры. Когда вам говорят, что в 1992 году бюджет на науку будет в три раза меньше, чем в предыдущий год, потому что средств просто нет, что вы должны делать? Продолжать всех финансировать? Это невозможно. И мы объявили программу перестройки структур.

С. БУНТМАН: А вам возразят: Ленин в 1918 году нашел деньги на поддержку ученых, создал физтех, а в 1993 году у нас не было денег на зарплаты. И вообще есть мнение, что при тоталитарных режимах — жестких, твердых, закрытых — процветают искусство и науки. На них выделяются деньги как на некую «витрину». Так может быть, наука и не способна существовать в обществе, только что получившем свободу? Скажем, Швейцария — прекрасная демократическая страна, а о швейцарской науке что-то не слышно.

Б. САЛТЫКОВ: Во-первых, физтех-то раньше создавался, и он был небольшим, не требовал столь больших затрат. На самом деле, если говорить о тоталитарных режимах, то, действительно, скажем, у нас в 1930-е годы — годы индустриализации — произошел колоссальный скачок

и в количестве научных учреждений, и в количестве вузов. Огромные средства тратились на строительство заводов, для них закупалось оборудование и т.п. И нужно было много квалифицированных людей, чтобы там работать. Все только забывают, что сразу после этого страна перешла на карточную систему обеспечения населения продовольствием. Более того, это были годы голодомора, причем не только на Украине, но и по всей стране. И сегодня мы знаем, что в КНДР создали ядерный реактор, и бомбу создали, и ракету. Но остальная-то экономика не работает. Так было и в советские лучшие времена: если нужна бомба, все отдадим, но сделаем. Поэтому до сих пор нет нормальных дорог, многого нет. А должна быть нормальная экономическая система, способная разносторонне развиваться и иметь для этого ресурсы. Кстати, заявление о том, что Ленин спас науку после революции, тоже из области советской мифологии. Почитайте мемуары, дневники того времени о том, как выживали, именно выживали оставшиеся в стране ученые. Конечно, какая-то помощь им оказывалась по линии Наркомпроса. Максим Горький использовал свои связи в руководстве для помощи и литераторам, и деятелям искусств, и ученым. Но речь, повторю, шла именно о физическом выживании. Мы же думали о том, как сохранить науку как систему, прежде всего поддерживая ее наиболее перспективные направления.

Е. ЯСИН: Я хочу сказать, что сейчас как раз пришло время науки.

Б. САЛТЫКОВ: Я тоже так считаю.

Е. ЯСИН: Думаю, что сейчас надо вкладывать средства именно в науку, развивать, поднимать ее. Увеличивать бюджет на проведение научных исследований. Сейчас, конечно, нужно в науку вкладывать гораздо больше. И проводить модернизацию организационных структур науки, доводить их до мировых образцов. Отмечу, кстати, что академия наук есть, пожалуй, только у нас. И, естественно, это не та академия, которую основал Петр I. И не та, что затем была в Российской империи. Нынешняя структура академии создана в 1930-е годы фактически как министерство (наркомат) фундаментальной науки. Правда, крупные ученые,

академики позволяли себе иногда фрондировать против власти. Вспомним, например, их отказ исключить из академии Андрея Дмитриевича Сахарова в 1980 году. Подчеркну: я не против существования Российской академии наук, но одновременно и за то, чтобы наука все больше перемещалась в университеты, где бы она непосредственно и питала студентов, и в то же время сама подпитывалась от них. Мы провозгласили постепенное возрождение университетской фундаментальной науки. Давайте это делать. Во всем цивилизованном, развитом мире фундаментальная наука развивается в университете. Но никто притом не говорит: «Закройте академию». Нужно из этого рыхлого, необъятного ведомства создать компактное, высокоэффективное научное сообщество. Там есть великолепные группы, почти в каждом институте. Но в то же время есть и такие институты, где, по сути, только вывески сохранились. И все это известно. Вот мы с Борисом Георгиевичем работали в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. В свое время это был один из самых больших в мире экономических институтов. Когда наш директор Николай Прокофьевич Федоренко приехал в Америку, его спросили, зная, что у нас 1200 сотрудников: «Скажите, пожалуйста, а сколько человек работает у вас в институте?» И он ответил: «Примерно треть»...

Но в заключение я хотел бы, чтобы Борис Георгиевич сказал несколько слов об одной очень важной проблеме — соотношении фундаментальной и прикладной науки, а также о коммерциализации научных исследований.

Б. САЛТЫКОВ: Мне кажется, что есть некоторая искусственность в разделении фундаментальных и прикладных исследований. Искусственность в том, что, за очень редким исключением, фундаментальные разработки прямо выходят на какие-то практические результаты. Таково свойство науки. Можно вспомнить Майкла Фарадея, над которым смеялись, когда он изобрел эту вертящуюся проволочку в магнитном поле. Лорд-казначей смеялся, недоумевая, зачем эта штука нужна. А Фарадей сказал, что через сто лет благодаря этой штучке вы будете наполнять всю свою казну налогами. Что и вышло.

Но есть потребности рынка. Когда он требует новых технологий, новых продуктов, открываются целые новые ниши рынка. Конечно, это сопровождается новым рыночным заказом для науки. А есть другое направление движения, когда люди науки, яйцеголовые, мучаются, изобретают, работают в, казалось бы, далекой от практики сфере, но вдруг их открытие оказывается востребованным практиками. Причем интересно, что по затратам соотношение обычно такое: на один рубль, тратящийся в фундаментальной науке, нужно потратить десять в прикладной науке, а затем еще сто, чтобы довести научную идею до какого-то товарного продукта.

С. БУНТМАН: Подводя итог нашей беседе о трудностях, с которыми столкнулись представители отечественной науки в 1990-е годы, можно сказать, что, несмотря на все проблемы, нередко катастрофические для многих, отечественная наука живет. Однако ее переход в новое организационное состояние, соответствующее общему переходу страны на рыночные рельсы, все еще не завершен. Остается надеяться, что следующие этапы преобразований научной среды будут не столь драматичны, как в начале 1990-х годов.

**IV. ЧЕЛОВЕК
В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ**

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1990-Е ГОДЫ (Е. ЯСИН)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Тема, которую очень хотелось бы с вами обсудить, — это роль интеллигенции в 1990-е годы. Потому что есть два взаимоисключающих утверждения. Одно формулируется примерно так: «образованцы», как их ругательно называет Солженицын, захватили то, что не успели захватить бандиты. И жировали на наших несчастных костях. Второе основывается на представлении, что, в общем-то, интеллигенция была в какой-то степени выдвлена из процесса «рынкизации», это я на ходу придумала такой термин...

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Ну, допустим, маркетинга.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Спасибо, маркетинга. И нам надо прояснить, где, собственно, сермяжная правда.

Е. ЯСИН: Это очень сложная тема. И я думаю, что мы беседуем только вдвоем потому, что трудно найти эксперта, который бы сегодня захотел проанализировать весь спектр связанных с нашей темой вопросов во всей их сложности и противоречивости. Ведь и по отношению к процессу реформ 1990-х годов существуют самые разные позиции. А участие интеллигенции в этом процессе, по-моему, столь же сложно, как и участие всего российского общества. Касаясь этой темы, мы не можем забывать, что речь в том числе не может не идти и о конкретных судьбах людей, часто людей прекрасных, но волею обстоятельств оказавшихся выброшенными из того привычного мира, в котором они жили, творили. И далеко не все смогли приспособиться к новым условиям. В конце концов, те, кто заслуживают высокого звания «интеллигент», — подлинная элита общества, та его часть, которая производит смыслы, создает духовные ценности. И в этом смысле она разделяет все, что есть

в обществе. Но в то же время она видит дальше, осознает то, что, может быть, не всегда понимают простые граждане. А потому те, кто принадлежат к интеллигенции, стараются придать своим провидениям какую-то более понятную форму.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но в этот период представления различных слоев интеллигенции были крайне разнообразны.

Е. ЯСИН: Вообще, разнообразие мнений, позиций, их изменение в связи с изменившимися обстоятельствами — вещь естественная. Особенно в такие переломные моменты. У меня самого в период как перестройки, так и начала рыночных реформ существенно менялись настроения. Разнообразны были и настроения как в обществе в целом, так и в интеллигентских кругах. Сперва, когда началась горбачевская демократизация, в тот период всеобщего воодушевления, подъема, общего единения в каком-то смысле все почувствовали воздух свободы и стали присоединяться к этому общему течению. Хотя при этом, наверное, люди в провинции, в общем, мало понимали, что происходит в Москве. Они воспринимали это со стороны, иногда вчуже, и это потом сказалось. Но большая часть интеллигенции, независимо от своих идейных взглядов, поддержала горбачевскую перестройку. Исключая, может быть, значительную часть сложившейся в лоне тогдашней номенклатуры партийной интеллигенции. Она просто боялась перемен и, конечно, выступала против них.

Но в целом и в обществе, и в среде интеллигенции уже тогда сложились такие идейные течения, как либеральное, консервативное, тяготеющее к национальным ценностям, которые можно обозначить термином «патриоты», а лучше термином «националисты» — не в ругательном смысле, а как некая квалификация, — и, наконец, левые — социалисты, чаще коммунисты, которые просто хотели подправить то, что наделала к этому времени Коммунистическая партия. Все они в середине 1980-х годов хотели перемен, были в этом едины, но понимали желаемые перемены по-разному, в разных направлениях. Появились и радикалы. Напомню, что одно из первых общественных движений, которое поднялось на волне перестройки, было общество «Память» со всеми своими крайностями.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Хорошенькие крайности. Просто призывы к насилию были, черносотенные...

Е. ЯСИН: Да, совершенно верно. Но также напомню, что рядом с Андреем Дмитриевичем Сахаровым в период застоя был Игорь Ростиславович Шафаревич, математик, тогда член-корреспондент АН СССР, который в 1960–70-х годах подписывал не одно письмо в защиту диссидентов, в частности Сахарова и Солженицына. И в то же время уже в начале 1980-х годов он выпустил в самиздате и за рубежом эссе «Русофобия», где развивал идею о «малом народе» как антинациональной элите, навязывающей «большому народу» свои идеи. Теорию, по сути, антисемитскую.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ну, антисемитизм среди русской интеллигенции, Евгений Григорьевич, как сами знаете, явление, можно сказать, постоянное.

Е. ЯСИН: Для нас важно сейчас просто констатировать, что оно тоже есть. И я хотел бы подчеркнуть, что вопрос не столько в антисемитизме, сколько в самой идее «Россия для русских». Она в каком-то смысле впервые публично прозвучала ярко в выступлении на Съезде народных депутатов СССР известного писателя Валентина Распутина. Подчеркну — он, в общем, талантливый писатель, но по своим взглядам относится к традиционалистскому националистическому течению в идейной жизни, причем не в крайней его форме. Он первый сказал публично, что если мы «им» так не нравимся, пускай «они» уходят. Давайте мы, как русские, выйдем из Советского Союза.

Я все это вспоминаю, чтобы подчеркнуть: демократизация, гласность тогда вывели на поверхность нашей жизни многое из того, что и ранее фактически существовало, но было заглушено разного рода запретами, цензурой и т.п. Когда же стало возможно открыто высказываться, не опасаясь последствий, масса идей и идейек выплеснулась наружу. Казалось, вчера все были за «дружбу народов», считалось, что сформировалась новая общность людей — «советский человек», об этом, кстати, целую монографию написал некогда первый заместитель отдела пропаганды ЦК КПСС, а до 1987 года помощник Горбачева по идеологии Георгий Лукич Смирнов. Да и Горбачев, радуя за демократизацию

и гласность, не раз говорил, что мы все советские люди и у всех у нас общие цели и устремления.

Однако то, что копилось годами внутри, о чем говорили лишь на кухнях, в новой ситуации образовало крайне пеструю картину и общественной и политической жизни. Эта пестрота проникла даже внутрь самого идейного ядра системы — КПСС. Уже к 1988 году на XIX партийной конференции не было монолитного единства. В ней уже как отдельные оформленные группы принимали участие «Демократическая платформа КПСС» и «Марксистская платформа КПСС». А уже в период работы Съезда народных депутатов РСФСР была создана группа «Коммунисты за демократию», она возглавлялась Александром Владимировичем Руцким. Как тогда казалось, именно эта группа могла привлечь на президентских выборах 1991 года больше избирателей. Потому Борис Николаевич Ельцин предложил Руцкому идти вместе на выборы президента России в 1991 году в качестве вице-президента. Я это напоминаю, потому что мы видели Руцкого совсем в другой роли, которую он играл всего лишь через два года. Но вот так складывается история, вот так вот складывается жизнь.

Поэтому интеллигенция разошлась по разным лагерям. Ключевую роль в этот период сыграла большая демократическая волна, в основном либеральная. Я думаю, что те люди, которые шли за Ельциным, были в основном либералы, сторонники демократии, порой, может быть, слишком романтические и слишком радикальные. Я эту демократическую волну называю протодемократией. Потому что сейчас, по прошествии времени, я расцениваю ситуацию так, что сама по себе эта волна была неконструктивна. Хотя была свобода слова, и, не скрою, это были времена, которые я считаю одними из самых счастливых в моей жизни. Однако в истории все складывается не совсем так, как кажется ее участникам. Они могли помочь снести коммунистический режим, но не могли ничего построить, осуществить рыночные реформы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но тогда объясните, пожалуйста, Евгений Григорьевич, почему в бывших странах социалистического лагеря — первыми на ум приходят Чехия, Польша

ша — та самая оппозиционно настроенная к социализму интеллигенция не только смела коммунистический режим, но и удержалась во власти. В общем, ничего там такого сверхъестественного не происходило. Были выборы. Правых сменяли левые, потом наоборот, но основная линия преобразований выдерживалась. А у нас опять все не слава богу.

Е. ЯСИН: Вы знаете, там были два очень существенных момента — и в Чехии, и во всех странах Восточной Европы, которые входили в социалистический лагерь, в Варшавский договор. Первая особенность состояла в том, что там всюду был момент освободительного движения. Они освобождались от Советского Союза...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: От советского ига.

Е. ЯСИН: Они освобождались от России. Всяду был такой национальный консенсус, они все участвовали в этом. Напомню, что в Литве первый секретарь ЦК компартии Литвы, Альгирдас Бразаускас, стал и вторым после Витаутаса Ландсбергиса председателем сейма Литовской Республики, а затем, после изменения Конституции, и первым президентом страны. Причем роль Бразаускаса, его позиции в процессе отделения Литвы была огромна. Он же, как руководитель компартии Литвы, мог обратиться к союзному руководству с просьбой о вводе войск, но этого не сделал. Пришлось руководству КПСС спешно собирать какое-то крайне сомнительное «альтернативное руководство», и тогда произошли трагические события января 1991 года в Вильнюсе. Бразаускас, в общем, возглавлял такое посткоммунистическое, а точнее, постсоциалистическое направление, которое и сейчас живо в политической жизни этой страны. И вот эта нотка освобождения, характерная как для стран Балтии, так и для всех стран Восточной Европы, как бы говорила: ребята, надо потерпеть, но зато мы будем свободны, у нас будет независимость и мы будем строить свою жизнь. На втором плане уже стоял вопрос о том, что мы будем жить с Европой. Главное — теперь нам Россия не указ, нам хочется жить с Европой, и мы будем жить, как они. И поэтому у них все эти проблемы, трудности постсоциалистической трансформации переживались намного легче.

А второе обстоятельство состояло в том, что на самом деле это были страны, которые не были местом возникновения так называемого реального социализма. Он был рожден как особая система только у нас. Это были страны, в которые социализм был как бы занесен. Да, у него было много сторонников. Коммунистические партии там первое время обладали большим влиянием не только потому, что их принесла советская армия на своих штыках. Но все-таки чем дальше, тем больше шло понимание того, что это чуждая сила и она должна уйти от руля управления. Хотя потом многие из них очень скоро вернулись к власти, в том числе и в Чехии, и в Польше, но уже как социалисты. Они уже многое переосмыслили, сняли с себя коммунистический панцирь, старались выглядеть иначе. И уже польский президент Александр Квасьневский, который был комсомольским лидером в течение многих лет и сменил на этом посту Леха Валенсу, выглядел вполне европейским политиком. Кроме того, очень важно, что социализм в этих странах просуществовал не больше сорока лет.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда, помнится, в ходу были шутки, что эти страны — самые культурные, уютные бараки в социалистическом лагере.

Е. ЯСИН: Да, конечно. А второй момент, который я бы особенно подчеркнул, состоит в том, что там намного меньше, нежели в нашей стране, был уровень разбалансированности экономики. Если вспомнить ту же Чехию, то там товары на рынке были всегда. Там старались добиться того, чтобы не было дефицита, хотя знаменитая книга «Дефицит» была написана венгерским ученым Яношем Корнаи. Там не было таких сумасшедших военных расходов, как в СССР. Но, при всех стараниях коммунистического руководства, они понимали, что живут гораздо хуже, чем могли бы, если бы не оказались в этом лагере. Однако все-таки по сравнению с нами они жили весьма прилично. Поэтому, когда начались рыночные реформы, и глубина кризиса, и уровень инфляции, и структурные искажения — все это у них было намного меньше, чем у нас.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, но я все-таки хочу вернуться к тем самым девяностым, когда массы насе-

ления уже нагляделись «взглядов», начитались «огоньков», «московских новостей», других изданий, начались реформы с их трудностями, инфляцией и т.п. И тут все поняли, что холодильник-то полнее не становится. Зарплата инженеров, ученых была, в общем, смешной, не предоставляющей возможности выживания. Кто-то бросил свои дипломы и ученые степени и пошел, скажем, заниматься частным извозом, если была машина, кто-то поехал как челнок за товарами для перепродажи, кто-то продолжал проедать некие запасы, если они были. На ваш взгляд, связано ли то, что в настроениях интеллигенции наступил некий перелом, с этими изменениями? Возможно, тогда надо было либо более доходчиво объяснять, что происходит, либо включать какую-то новую волну идеологической поддержки реформ.

Е. ЯСИН: Ответ на этот вопрос связан с предыдущим ходом моих рассуждений. Для того чтобы сбросить тоталитаризм, чтобы создать атмосферу, более благоприятную для очень трудных рыночных реформ, первое, что требуется, — демократическая волна, объединяющая все направления интеллигенции. На первом этапе этого было достаточно. Но потом, когда пришли сами реформы, сразу возникли разночтения, разногласия. Ведь у нас «вдруг» оказалось, что все разбираются в экономике. Критика реформаторов со стороны прокоммунистических сил понятна. Но в хор критиков оказались привлеченными и ранее поддерживавшие общую идею реформирования как журналисты, так и ученые. Их критические выступления, обусловленные самыми разными причинами — от недостаточного осознания всей сложности ситуации, от слабого общетеоретического фундамента до простой обиды, что не они оказались привлеченными к судьбоносному делу реформирования, — ежедневно появлялись на страницах отнюдь не реакционных изданий. Такой обвальнный поток критики не мог не зародить сомнение у непрофессионалов: все ли делается правильно? Это в совокупности с трудностями, переживаемыми населением, породило определенный «разброд и шатания».

В результате интеллигенция разбрелась в разные стороны. В то же время нельзя не учитывать одного очень важного обстоятельства: реформы, их замысел, их долгую под-

готовку и само проведение осуществляли большей частью представители интеллигенции. Вспомним, в частности, что Егор Тимурович Гайдар — внук двух знаменитых писателей, Аркадия Гайдара и Павла Бажова. Не могу не назвать здесь и Михаила Сергеевича Горбачева, и Бориса Николаевича Ельцина. Это ведь были интеллигенты. В самом лучшем смысле. Они были безразличны к тому, как развивается страна. Они, конечно, не забывали о власти, о всяких связанных с ней проблемах, фигурах, о престиже и т.д. Но все-таки они прежде всего думали об интересах страны. Время было такое. Они закладывали фундамент ее будущего. Один потерял власть, другой положил на алтарь реформ свою харизму, потерял свой колоссальный авторитет, которым он располагал в 1991 году. Значит, они пожертвовали многим ради каких-то изменений, преобразований в стране, в необходимости которых они были уверены. Но предсказать полностью, как развернутся события, тогда было невозможно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, я хотела бы спросить вас также и о другом. Нет ли у вас, как у человека, который знает ситуацию, ощущения, что в советские времена у нас было перепроизводство инженеров, ученых, представителей других профессий умственного труда. В эту сферу пришло очень много случайных людей, случайно прибывших к этой прослойке интеллигенции. Может быть, этим и обусловлено то, что «случайные» и разбежались?

Е. ЯСИН: Нет, я не считаю, что это так, потому что нам реально нужно было готовить много инженеров, много учителей, врачей и т.д. Их профессиональные навыки реально были востребованы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Однако они автоматически, получая какие-то прикладные знания, не становились интеллигентами. Ведь русская интеллигенция отличалась не только качественными профессиональными знаниями. Она была носителем и высокой общей культуры — во всяком случае, те, кто вливались в этот слой из более низких сословий, из всех сил стремились наверстать упущенное, недоданное в процессе домашнего воспитания, — и достаточно высоких нравственных принципов. Вспомним о факторе нерукокопчатности по отношению к совершившему недостойный

поступок. Это сдерживало многих недостаточно стойких людей. А с 1917 года место морали, человеческого достоинства нередко занимала «пролетарская мораль». Разумеется, и в таких условиях «люди чести» как-то выживали, но не они оказывались эталоном поведения для многих представителей новой советской интеллигенции.

Е. ЯСИН: Разумеется, человек не становится интеллигентом просто потому, что получил образование. Чтобы не было кому-то обидно, скажу: мой отец не был интеллигентом. Он был рабочим парнем, который получил образование в советском техническом вузе, и, в общем, был человеком добрым, замечательным. Но в интеллектуальном плане он был человеком ограниченным, я это понимаю.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но книжки он вас читать научил?

Е. ЯСИН: Книжки читать меня учили все. Папа в меньшей степени, потому что он все время был на работе. Я очень хорошо помню, как в самые свои трудные годы — и мои трудные годы — он приходил в шесть часов, два часа спал и потом снова уезжал на работу. Потому что, видите ли, товарищ Сталин любил работать по ночам. Это было где-то в Одессе, далеко, на железной дороге, но закон для всех был один. Все начальники, и большие и маленькие, тогда ночью должны были бодрствовать: вдруг потребуются какая-то справка и т.п. Поэтому как он меня мог учить? Все время у него уходило на что угодно, только не на семью. Но это я говорю к тому, что интеллигенция тогда была частью общей советской массы. Вообще, само определение понятия «интеллигенция» довольно сложно. Неслучайно оно появилось только у нас. Всюду в мире господствует понятие «интеллектуал», но я думаю, что все-таки понятие «интеллигенция» на русской почве связано с некой интеллектуальной миссией. В некотором плане это обязательно предполагает служение Родине, служение какому-то делу и т.д. Возможно, именно различие в понимании того, что в начале реформ есть «служение», привело к разделению интеллигенции на несколько направлений. Одно из них каким-то образом считало себя связанным с начавшимися реформами. И даже когда у них, как говорится, выдувало ветром доходы из кармана, и не на что было жить, и нужно было мотаться по

приработкам и т.д., они все равно сохраняли верность тем реформаторам, которые начали это все дело...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Интеллигент продолжал читать Осипа Мандельштама.

Е. ЯСИН: Да, это был своего рода стоицизм. Хотя аргументов в защиту проводимой политики становилось все меньше и меньше. Потому что с углублением реформ падало производство, бушевала инфляция. Создавалось впечатление, что ребята вроде как не справляются. И сторонники реформ с грустью смотрели на все это, но все-таки продолжали, пусть и во все меньшем количестве, держаться за либеральные идеи. Было другое направление — критическое. Больше всего оно связано с «Яблоком». Григорий Алексеевич Явлинский и его соратники выбрали такую позицию: они согласны с целями реформ, не возражают против либерализации, приватизации, других шагов по созданию рыночной экономики, но заявляют, что и Ельцин, и Гайдар, и Чубайс все делают не так. А надо все делать как-то иначе. Однако если сейчас вернуться назад и постараться понять, что должно было быть сделано иначе, то уверяю вас, что ничего принципиально иного предложено бы не было. Мне кажется, что позицию Явлинского, а у нас с Григорием Алексеевичем давние дружеские отношения, надо рассматривать прежде всего как политическую. Ее они пронесли и через 1990-е годы, и через 2000-е годы. Она проста: «Мы за эти реформы не отвечаем. Мы ничего тут не делали. А они все делали неправильно. Если бы были мы, то мы бы все сделали иначе...». Но возникает вопрос: «Как иначе?» Отвечают: «Вы нам дайте, и мы сделаем». Однако мне представляется, что такой подход совсем непродуктивен. Хотя я с уважением отношусь к тому, что они делали все это время. Скажем, мне очень нравится работа Митрохина в режиме местного московского самоуправления и когда он работал еще в Московской городской думе и т.п. Много таких вещей, которые мне нравятся. Важно, что они были существенной силой демократического движения. Потому что одни демократы пошли за Ельциным и Гайдаром, а другие, которые не приняли реформ и не смогли найти себя, пошли в другом направлении, в частности за «Яблоком».

Очень часто говорили, что правые — это олигархи и буржуазия и т.д. Отчасти это правда, потому что рыночная экономика рождает капитализм, рождает богатых людей, дифференциацию доходов между разными слоями населения. И если мы решили строить рыночную экономику, то нужно было поддерживать эти слои. Это частично социальная база рыночных реформ. Однако такое положение означало, что другое направление демократического движения станет выразителем настроений других слоев интеллигенции. Тех, которые пострадали от реформ и критически относятся к проводимой политике, которые своим критическим отношением хотят выразить несогласие с изменением своего положения. А оснований для недовольства было больше чем достаточно. Тут надо учитывать не только материальную составляющую жизни, но и социально-психологическую. Скажем, многие, ставшие челноками или создавшие свой небольшой бизнес, решали свои материальные проблемы и даже стали получать доходы, превышавшие их советские заработки. Но потеря статуса, например инженера, ученого, приносила не только горечь от того, что теперь нет возможности заниматься любимой и престижной профессией, на овладение которой, возможно, ушли не годы, а десятилетия, — эта потеря сопровождалась тяжелой психологической травмой. Легче всего «лечить» такую травму, когда находишь виновника всех бед. А такими виновниками, естественно, оказывались реформаторы.

И наконец, третье направление интеллигенции, которое надо выделить, и не демократическое, и не либеральное. Оно ориентировалось на то, что должны поддерживаться традиционные ценности, либо старорусские, либо коммунистические. И наши последующие исследования показали, что на самом деле и в иерархическом советском обществе, и при самодержавной монархии с ее сословной структурой их ценности и свойства были во многом сходны и сохранены. Неслучайно КПФР и ее лидер Геннадий Андреевич Зюганов взяли на вооружение и националистические и патриотические ценности, говорили, что «демократы развалили Россию» и т.д. Что демократия — это упадок, потому что нет сильного государства. А без сильного

государства ничего сделать нельзя. К сожалению, эти две критически настроенные к власти линии, яблочники и коммунисты, нередко выступали вместе. Напомню, что, когда уже подходило к концу правление Ельцина, а в Думе рассматривался вопрос об утверждении импичмента, часть яблочников и коммунисты были вместе и вместе добивались импичмента Ельцина. И их объединяло именно критическое отношение к правым. Кстати, в сообщество, которое в народе стали называть «правыми», входили не только правые по убеждениям, скажем как члены определенных партий, но и просто представители правящей элиты, готовые быть с кем угодно, лишь бы с властью.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А с вашей точки зрения, действительно яблочники и коммунисты реально вместе добивались импичмента или это была некая роль, маска?

Е. ЯСИН: В политике это всегда игра. И каждый политик всегда оставляет возможность для хода в сторону. Но игра тогда была достаточно серьезная. Сейчас, когда у нас нет вообще никакой политики, люди, которые думают создавать оппозицию, вывести сильную партию на выборы и т.д., возможно, не понимают, что на самом деле сегодня это стало невозможно. Но тогда это было возможно. Вот в чем коренная разница между 1990-ми годами и 2000-ми. Тогда действительно шла политическая игра, она могла предполагать и некую имитацию, и несерьезность, и понимание того, что, может быть, и не стоит идти до конца. Я считаю это не недостатком, а в известной степени политической зрелостью. Потому что, когда вы занимаетесь политикой в демократической стране, никогда нельзя бросать все кости на кон и говорить: «Или выиграю, или умру».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, объясните, пожалуйста, почему, с вашей точки зрения, в народе победило негативное восприятие тех представителей интеллигенции, которые оказывались во власти. Хрестоматийный пример — это Анатолий Борисович Чубайс как самый главный враг народа. А ведь был, насколько я помню, период, когда в правительстве сосуществовали, скажем, и Чубайс, и министр обороны Павел Сергеевич Грачев — совсем другой породы человек. Причем на совести Грачева, между

прочим, было достаточно много человеческих жизней — вспомним его обещание взять Грозный одним десантным полком в 1994 году, — но Чубайса ненавидели и продолжают ненавидеть гораздо больше. Почему? Потому что книжки читает?

Е. ЯСИН: Тут все гораздо сложнее. Складыванию мифа о Чубайсе способствовали очень разные люди, в том числе и сам Борис Николаевич Ельцин. Именно он, отправляя в декабре 1995 года, после провала демократами выборов в Думу, Чубайса в отставку, произнес знаменитое: «Во всем виноват Чубайс». А уж если это говорит сам Ельцин, то...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И фраза красивая.

Е. ЯСИН: Да, и фраза красивая, и все стали об этом говорить. Но в действительности, как человек, который очень тепло относится к Чубайсу и хорошо его знающий, я могу уверенно сказать, что он человек честный. Мне, конечно, обидно за него, но так сложилась его судьба, и с этим трудно бороться. Кстати, еще в 1991 году, соглашаясь возглавить Госкомимущество, он ясно осознавал, что станет в итоге объектом массовой ненависти. И не раз говорил об этом. Кроме того, нужно сказать, что из всех правых Чубайс был и, наверно, остается наиболее зрелым политиком. Потому что настоящий политик не просто произносит слова. Он строит определенную игру. Он строит последовательность действий. Добивается равновесия различных сил, чтобы достичь успеха. И в своей работе Чубайс достиг многих успехов. Считаю, что приватизацию, по крайней мере ее первый период, можно определенно назвать успехом. Достаточно просто сравнить, что сделала в своей стране Маргарет Тэтчер с национализацией угольной промышленности и еще каких-то еще отраслей за одиннадцать лет и что сделал Чубайс в России за два года. И вы поймете, что Чубайсу приходилось решать задачи гораздо более сложные, чем Маргарет Тэтчер. Правда, он в некотором смысле мог воспользоваться чрезвычайностью ситуации и со многими обстоятельствами не считаться, в том числе и с материальными интересами многих важных слоев населения.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, вы неоднократно в наших программах повторяли такой тезис: то, что

сегодня воспринимают как подарок нынешней власти, во многом является результатом реформ тех самых «молодых реформаторов», которых сегодня не ругает только глухонемой. И в связи с этим вы вспомнили Тэтчер. Но ведь с того момента, когда в Великобритании правила госпожа Тэтчер, сменилось много правителей, а система не менялась.

Е. ЯСИН: Вы будете смеяться, но экономическая система в России с 1990-х годов не меняется.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Не понимаю.

Е. ЯСИН: Очень просто. При всех государственных вариациях все равно по крайней мере половина активов находится в частной собственности. И в том числе поэтому мы сегодня имеем рыночную экономику. Инфляция исчисляется однозначными цифрами, а не двузначными или даже трехзначными, как было в начале реформ. Напомню, что с 1994 по 1997 год, практически до начала мирового кризиса, мы добивались снижения инфляции и добились таки того, что в 1997 году инфляция в стране составляла 11%. После этого в следующий раз нам удалось получить такой же показатель лишь в 2005 году.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: При других ценах на нефть.

Е. ЯСИН: Да, при других ценах на нефть. И при всем другом. Действительно, реформы 1990-х годов очень сильно влияют на нашу сегодняшнюю ситуацию, позволяют нейтрализовывать многие негативные влияния на экономику со стороны и внутренней и внешней политики. Хотя тогда, в 1990-х годах, современникам они представлялись исключительно тяжелыми.

Но вернемся к теме интеллигенции, потому что все-таки это очень важный вопрос. Я говорю, что в действительности, с моей точки зрения, конструкция любого общества, и нашего в том числе, складывается не только из широких масс, но и из элиты, которую и должна формировать интеллигенция. Эта элита разбивается на различные отряды. В том числе выделяется элита политическая: правящая группировка плюс оппозиция. Есть и элита деловая. В советской стране деловой элиты не было, поскольку не было...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Дел.

Е. ЯСИН: Совершенно верно. Но интеллектуальная элита была, и довольно-таки сильная. Если сначала она была едина в идее свержения коммунистического строя, то потом в значительной степени произошел раскол, который был естественным. А дальше возникает вопрос: в каких взаимоотношениях находятся элита и общество? Элита, вырабатывая смыслы, вырабатывая определенные лозунги и транслируя их с помощью средств массовой информации, шоу-бизнеса, разных видов массовой культуры, литературы, образования, других каналов, влияет на то, что думают люди. И это влияние никоим образом нельзя списывать. Поэтому всякие идеи, всякие мысли о том, что интеллигенция исчезла, что ее больше нет, что она продукт прошлых эпох и т.д., не соответствуют действительности. Можно сказать, что того понятия «интеллигенция», которое мы применяли к некоему содержанию тогда, когда молодые интеллигенты ходили в народ в 1860–80-х годах, больше нет. Но интеллектуальная элита осталась. Причем она в жизни народа играет исключительно важную роль. И сегодня эта роль нисколько не меньше, чем прежде.

Да, эта интеллектуальная элита не едина, не консолидирована, она разделена по идейным течениям, транслирует разные смыслы, да и сами возможности трансляции у представителей разных идейных групп, мягко говоря, различны. Но тем не менее все эти различные интеллектуальные течения, как сформировавшиеся уже давно, так и возникающие вновь, присутствуют в нашей общественной жизни. Но только в советское время, скажем, националисты и либералы выражали свои интересы в узком кругу, кулуарно, на кухнях и т.п. Причем высказывать публично какие-то мнения было просто неприлично, а для выражения других существовал эзопов язык или некие микроскопические формы, например закрытые служебные записки и т.п. Сегодня, при всем ужесточении ситуации по сравнению с 1990-ми годами, все же возможности для выражения своего мнения несравнимы с советской ситуацией.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но еще в те времена националисты, как представители освободительных движений бывших союзных республик, встали во главе народных фронтов, еще более раскачивая ситуацию.

Е. ЯСИН: Да, это было в бывших союзных республиках, а в России оживились наши собственные националисты. Вспомним об обществе «Память» и других подобных организациях. Они же тоже были. Я, например, участвовал в передаче «Тем временем» вместе с господином Прохановым. Мы говорили о шестидесятниках. Он восклицает: «Кто, вы шестидесятник? Нет, это я шестидесятник». И, кстати, он имеет право причислять себя к шестидесятникам. Потому что и он тогда поднял голову, почувствовав повеявший воздух свободы. И, как бы ни было трудно, я думаю, что Россия пропадет, если у нее возобладает какое-то одно-единственное идейное течение. Должен быть сложный калейдоскоп, спектр, где могла бы кипеть жизнь, чтобы каждый человек мог найти идеи, созвучные струнам его сердца. Но столь же важно, чтобы, сделав свой выбор, он не стремился подавить, уничтожить своих идейных оппонентов, а развивал бы с ними дискуссию, в которой в чем-то переубеждал оппонентов, а в чем-то корректировал и свои убеждения. Иначе демократии не будет.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, с вашей точки зрения, «руководящая и направляющая» роль, которую играла интеллигенция в России — без всякой иронии я говорю, — вернется или всё, «поезд ушел вместе с вокзалом»?

Е. ЯСИН: У нас есть очень популярный лозунг — или пожелание, — что мы должны добиться идейной консолидации общества. Я категорически против такой «консолидации», понимая, во что она обычно выливается. Считаю, это нам не нужно, вредно, потому что мы должны жить богатой духовной жизнью. Каждый должен иметь возможность свободно исповедовать и продвигать свои взгляды. Если будет так, то будут править то либералы, то социалисты. Правда, надеюсь, националисты как властная сила не смогут реализоваться. Просто уверен, что большинство российских граждан понимает, какую колоссальную разрушительную силу для страны они в себе несут.

СТРАННОСТИ РЫНКА ТРУДА 1990-Х ГОДОВ (Е. ЯСИН — Р. КАПЕЛЮШНИКОВ)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня мы с Евгением Григорьевичем хотели бы побеседовать с главным научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, заместителем директора Центра трудовых исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» членом-корреспондентом РАН Ростиславом Исааковичем Капелюшниковым о странностях развития рынка труда в 1990-е годы. Ведь я помню, что тогда падение производства было значительным, но в то же время безработица оставалась невысокой, а уровень жизни падал...

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: По самым скромным оценкам, к 1998 году уровень жизни упал где-то процентов на тридцать по сравнению с 1991 годом. Хотя нижняя точка падения для населения была в 1999 году. И при таком падении безработица составляла, по-моему, от силы процентов девять-десять.

РОСТИСЛАВ КАПЕЛЮШНИКОВ: Нет, в тот момент, о котором вы говорите, она была чуть-чуть побольше и составляла процентов тринадцать. Но тем не менее если сравнивать с тем, насколько у нас упало производство, а оно упало на 40%, причем в промышленности — больше чем наполовину, то очевидно, что тут совершенно непропорциональные цифры падения. Ведь при столь глубоком провале производства занятость упала очень и очень скромно. И это позволяло поддерживать весьма умеренную безработицу.

Е. ЯСИН: Я полагаю, что в основном это было связано с особенностями и нашей экономики, и нашего менталитета, а может быть, и культуры. И с тем обстоятельством, что

наши красные директора старались не увольнять рабочих, а дать им возможность держать на предприятии трудовую книжку, но при этом каким-то образом самим выходить из трудного положения. Вспомним: тогда зарплату нередко не платили или она была столь ничтожна, что говорить о ней как о зарплате просто смешно.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Если вы мне разрешите, я дам долгий и развернутый ответ на это предположение. Начать, конечно, следует с того, что никто не ожидал такой реакции рынка труда. На старте реформ царили абсолютно панические, катастрофические настроения. Все прогнозы говорили о том, что безработица в России будет абсолютно убойная. Ожидали ее всплеска не меньше, чем в США в 1930-е годы, во время Великой депрессии.

Е. ЯСИН: Я вспоминаю, что, когда я работал в 1990 году в правительстве Рыжкова, для Николая Ивановича был подготовлен проект программы, и расчеты по межотраслевому балансу дали уровень безработицы 41 млн. Чем, по-моему, Николай Иванович был даже как-то обрадован. Ведь это свидетельствовало о том, что проводить глубокие экономические реформы социально опасно. Как мы помним, то правительство, при всем осознании тяжести положения, безумно боялось предпринимать какие-то решительные шаги. А в конце 1989 года была отвергнута даже весьма умеренная программа, подготовленная под руководством Леонида Ивановича Абалкина.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Да, 41 млн безработных — это, конечно, больше, чем 50%. Как не «обрадоваться» такому уровню безработицы. Но нужно сказать, что в катастрофических прогнозах по безработице сходились абсолютно все — и члены правительства реформаторов, которые знали, что рыночной экономики без безработицы не бывает, и критики правительства, пугавшие население плохими перспективами, и западные эксперты. Надо сказать, что у таких катастрофических прогнозов были реальные основания. Поскольку в странах Центральной и Восточной Европы, которые раньше России вступили на путь реформ, действительно в течение первых же двух лет безработица сразу подскакивала до 10%, а потом шла и выше.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ростислав Исаакович, позвольте задать такой вопрос. Можно ли сказать, что на самом деле эта ситуация с безработицей в итоге только усугубляла трудности реформ? Потому что если человеку прямо говорят: «Всё, предприятие рухнуло, работы для тебя больше нет, что хочешь, то и делай», то он свободен в своих поисках. А когда он сидит и ждет, вдруг его институт, его завод еще «встанет с колен», то он привязан нередко к отжившему, по сути, производству.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Мне кажется, прежде чем говорить, хорошо это или плохо, нужно все-таки ответить на то предположение, которое высказал Евгений Григорьевич. Почему так произошло? А произошло это за счет нескольких факторов. Первая группа факторов связана с тем, что ни в одной стране Восточной Европы не было такого падения продолжительности рабочего времени, как в России. К середине 1990-х годов продолжительность труда рабочих в промышленности сократилось на полтора месяца. Естественно, это демпфировало, сглаживало рост безработицы, падение занятости, а случилось так по двум причинам. Первая — чисто институциональная. Во-первых, рабочая неделя была сокращена с 41 часа до сорока. Во-вторых, в России появились общенациональные каникулы в начале января и в начале мая. В-третьих, были введены дополнительные праздники, увеличена минимальная продолжительность отпусков. Многие группы работников получили удлиненный отпуск. А другая причина была чисто экономическая. Потому что в 1990-е годы предприятия и их работники стали активно прибегать к вынужденным отпускам и к сокращенному рабочему дню по инициативе администрации. Итак, первая группа факторов — это резкое сокращение продолжительности рабочего времени. Вторая группа — уход людей не в безработицу, а в экономическую неактивность. Люди, потеряв работу, не начинали искать новую. Они вообще уходили с рынка труда. В России этот уход в экономическую неактивность не был каким-то гигантским, но все-таки был существеннее, чем в большинстве стран Центральной и Восточной Европы.

Но, на мой взгляд, самый главный фактор — это резкое падение заработной платы. Если цена труда резко падает,

то зачем я должен избавляться от таких дешевых работников? Я могу держать их дальше, платить им пониженную заработную плату и продолжать использовать их труд. Поскольку в странах Центральной и Восточной Европы такого резкого провала в оплате труда не было, то там, естественно, приспособление пошло по пути резкого сокращения занятости и роста безработицы. У нас же все двинулось по другому пути. Главным механизмом приспособления оказалось снижение цены труда. На мой взгляд, именно это объясняет, с одной стороны, резкое падение уровня жизни, а с другой — возможность поддерживать безработицу на относительно низком уровне, а занятость — на относительно высоком. Почему относительно? Потому что все это надо рассматривать относительно того резкого падения объемов производства, которые пережила российская экономика в 1990-е годы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда сакраментальный, наверное, вопрос. Почему все пошло именно так? Что это — злой умысел, невежество, реформаторы, как бы это сказать, споткнулись или соображали...

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Ни то, ни другое, ни третье. Тут четко видно спонтанное приспособление людей к новой, кризисной ситуации. Оно никем не ожидалось, никем не прогнозировалось. Как я уже сказал, российский рынок труда систематически обманывал ожидания политиков, экспертов, экономистов, алармистов, всех, всех, всех. Он вел себя нестандартным образом. Никто не ждал такой его реакции, никто этого не предвидел, никто к этому не готовился, но просто шла спонтанная реакция на низовом уровне, на уровне самих экономических агентов, то есть работников и работодателей. Они выработали такие механизмы адаптации, которые никем не ожидались и которые практически не использовались в других странах.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я хочу задать вопрос Евгению Григорьевичу. Во-первых, чего ожидали? То есть в начале вы уже назвали одну цифру. К какому уровню безработицы готовились? И главное, как можно готовиться к безработице?

Е. ЯСИН: Скажу просто: никак не готовились. Ведь что значит готовиться к безработице? Это значит вводить посо-

бия, создавать центры переподготовки и т.п. Но для этого требуются деньги, а денег не было...

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Я не совсем согласен с вами. Естественно, что в прежней плановой системе открытой безработицы вообще не существовало. В 1991 году в России была создана служба занятости, потому что все ожидали развития событий по тому же сценарию, по какому все шло в странах Центральной и Восточной Европы. Служба занятости заработала, был создан Фонд занятости, введен специальный налог на фонд заработной платы предприятий, и деньги поступали в этот фонд. Они должны были идти на программы переподготовки работников, на общественные работы и выплату пособий. И сначала потихонечку стала расти безработица, которую специалисты называют регистрируемой, то есть учитывающая тех людей, которые пришли в учреждения службы занятости, встали на учет и ждут, что, возможно, им предложат вакансию, а пока получают пособие. И так она росла до 1996 года. Конечно, она все равно оставалась очень низкой, просто феноменально низкой. На своем пике в 1996 году она составляла 3,6%.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А скажите, пожалуйста, какую роль сыграли два фактора, которые мне кажутся очень значимыми в ситуации на рынке труда. Во-первых, это прописка, сам институт прописки. И во-вторых, перепроизводство и в советское, и в постсоветское время специалистов с высшим, особенно техническим, образованием.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Для начала я попытаюсь ответить на второй вопрос. Если мы считаем, что у нас перепроизводство специалистов с высшим образованием, значит мы должны ожидать, что безработица среди специалистов с высшим техническим образованием будет намного выше, чем среди других групп работников. Однако ничего подобного не наблюдалось. Потому что люди необязательно должны работать по той специальности, которую они получили в вузе. Ведь роль вуза нельзя ограничивать только задачей подготовки специалистов по какой-то узкой профессии. Само получение образования расширяет и общий кругозор человека, делает его более адаптивным, более приспособляемым к тем неожиданностям, которые могут встретиться

ему на рынке труда. Так, на мой взгляд, и произошло. Хотя, конечно, в массе индивидуальных случаев вынужденный переход от одного, любимого, типа занятий к другому, нелюбимому, но востребованному рынком труда, мог сопровождаться тяжелыми психологическими переживаниями.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А институт прописки?

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Конечно же, присущая нам с советских времен привязанность к своему жилью, а также отсутствие рынка доступного жилья затрудняли перераспределение трудовых ресурсов из депрессивных регионов в те, где ситуация была лучше, которые развивались быстрее. Оценить меру, в какой этот фактор повлиял на усугубление трудностей, тяжело переживаемых российской экономикой, очень трудно. Но тем не менее если исключить такие агломерации, как Москва или Санкт-Петербург, то в 1990-е годы все-таки законодательство о прописке, точнее о регистрации, исполнялось совсем не сверхжестко. Поэтому я бы сказал, что если что-то и тормозило географическую мобильность людей, то это все-таки не столько прописка, сколько дороговизна перемещения, высокие издержки, связанные с переездом из одного региона в другой.

Е. ЯСИН: Кроме того, не забудем и о таком факторе низкой мобильности, как тяжелая психологическая ситуация, обусловленная тем, что люди, вынужденные принимать решение об оставлении своего жилища, понимали, что при этом они покидают привычную среду — друзей, соседей, родных. Нередко они должны были продавать за бесценок или просто раздавать многое из того, что нажили за долгие годы, часто связанное с дорогими воспоминаниями, и ехать куда-то в неизвестность. А ведь тут рядом стоит предприятие, на котором работали долгие годы; возможно, там трудились и родители. Сейчас оно хотя и стоит, но все-таки там по-прежнему лежит трудовая книжка и, может быть, иногда какая-то работа бывает. Да и у самих руководителей таких предприятий был свой интерес в удержании многочисленных трудовых коллективов. Это был лишний аргумент, чтобы требовать у правительства или региональных властей каких-то заказов, кредитов, апеллируя к их социальной ответственности. Ведь такой многочисленный

коллектив в тяжелой ситуации может выйти на улицу и протестовать. Вспомним, как шахтеры нерентабельных шахт, пока правительство не провело грамотной реструктуризации отрасли, перекрывали железнодорожные магистрали, устроили палаточный лагерь рядом с Белым домом. И их, стучащих касками по асфальту, регулярно показывали по телевидению. У администрации предприятий был еще один способ поддержания своих производств, не имеющий ничего общего с их реформированием и реструктуризацией: «расплачиваться» с работниками не деньгами, а собственной продукцией – какими-то чайниками, или часами, или чем-то еще. Я сам видел, как угличские рабочие продавали на пристани часы в надежде получить за них деньги. Потому что денег им там не платили. Собственно, проблема у предприятий была в том, что не было денег и нечем было платить зарплату.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Потому что продукция никому не была нужна.

Е. ЯСИН: Кому-то она была и нужна. Ведь ее покупали с рук. Тогда даже вдоль дорог можно было встретить торгующих продукцией своего завода. Просто старая система сбыта была разрушена, а новая еще не сформировалась.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Там было все. И денег не было, и старая система сбыта рухнула, и продукция нередко была не нужна, и банковская система была с тромбами, и много еще чего было.

Е. ЯСИН: Самое главное, что я хочу сказать: это же было время исключительной слабости государства. Все-таки у нас произошла революция, а революция всегда порождает такого рода проблемы. Напомню, что было в начале XX века, в Гражданскую войну, когда люди в городах выживали благодаря мешочничеству, возили продовольствие из деревни в город, меняли его там на вещи. У нас же вскоре после начала реформ появились челноки, которые ездили за товаром в Турцию, в Польшу, туда, где были приличные, по нашим представлениям, вещи и их можно было купить за достаточно низкую цену, а затем перепродать здесь на вещевом рынке. Так на фоне коллапса привычных с советских времен структур стали развиваться самозанятость,

малое предпринимательство. Люди сами стали выживать, приспособиваясь к новой ситуации. Но в то же время, учитывая, что государство было слабым, что его институты работали плохо, те, кто официально занимали низкие государственные должности — те же милиционеры, пожарники и т.п., которые также сидели без зарплаты, — стали искать способы подработать, используя свой служебный статус. Тут начались и какие-то проверки документов, и манипуляции с пропиской, точнее с регистрацией, и поборы с мелких торговцев, даже с бабушек, продававших укроп или редис со своего огорода.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Все это было источником небольшого дохода.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но стабильного.

Е. ЯСИН: Я думаю, эти неформальные процессы, которые всегда в России были сильны, в данном случае сыграли и какую-то позитивную роль. Они открыли возможности для перемещения людей, которые ранее не собирались трогаться с места, но теперь находили в себе силы на поиск новых видов деятельности. Другое дело, как их встречали, через какие преграды им пришлось пройти. Это было очень тяжелое время. И сама по себе адаптация была крайне тяжела, тем более что она свалилась на людей достаточно неожиданно. Говоря об этом, я не случайно даже «забыл» о том, что существовал Фонд занятости. Потому что хотя о возможной безработице думали, но все же полагали, что сразу после падения производства предприятия, привыкшие к так называемым жестким бюджетным ограничениям, станут избавляться от лишней рабочей силы и возникнет армия безработных, а она сама по себе окажется источником социального напряжения. Нужно было искать деньги на пособия по безработице, на курсы переобучения и т.д. Еще одна известная мера — привлечение безработных к общественным работам, как было в США...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Пусть дороги строят...

Е. ЯСИН: В годы Великой депрессии Франклин Рузвельт организовал общественные работы и т.д. Казалось бы, все подобные меры напрашивались, и мы ожидали, что и у нас все так же произойдет. Но вот здесь проявилась не-

кая наша особенность. Почему — не знаю. Возможно, это следствие национального характера или того что у нас семьдесят лет была советская власть. Однако все пошло не так, как ожидали. И это обстоятельство во многом удивительное, заслуживающее обсуждения. Ростислав Исаакович ранее объяснил это, назвал специфические факторы нашего рынка труда. Это все умно, точно и правильно. Но у меня такое внутреннее впечатление, ощущение, что там было нечто странное, что-то в каком-то смысле мистическое. Потому что реакция была совершенно нестандартная. И объяснять ее просто тем, что у нас была короткая рабочая неделя, доставшаяся от популистской политики Горбачева, или чем-то еще, по-моему, трудно. Тут я повторяю слова некоторых публицистов, писавших об этом. Одни писали, что все происходящее — это злой умысел, что реформаторы нарочно нас хотят уморить. Другие заявляли, что причина всему — невежество. Взялись какие-то «завлабы в коротких штанишках» реформировать экономику, а люди страдают. На самом деле не было ни одного, ни другого.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: То, что у нас получилось, — это творчество масс.

Е. ЯСИН: Активная приспособительная реакция. Я добавлю и еще один аспект: одновременно потребление снизилось сравнительно незначительно, намного меньше, чем уровень производства. И инвестиции упали намного больше, чем производство. Практически если производство упало на 40%, то инвестиции — на 76%, осталось 24% от уровня 1990 года. И во всем этом тоже была приспособительная реакция. Потому что в тот момент все нужно было направить на выживание. Вот так я понимаю эту ситуацию.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Советский народ имел огромный опыт выживания в самых разных условиях. Понимаете, магазины были пустые, а холодильники — полные...

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Как вам сказать. Ситуация изменилась настолько радикально, что, конечно же, нужно было искать новые формы и новые пути приспособления. Еще раз повторю, никто не ожидал, что какие-то такие нетрадиционные, нестандартные способы приспособления будут найдены. Поэтому тот путь, по которому пошло разви-

тие российского рынка труда, очень долго воспринимался, а многими, возможно, воспринимается и до сих пор как некая патология, как некая ненормальность. Об этом упоминал Евгений Григорьевич. На самом же деле все то, что я говорил о том, какие факторы вели к относительно высокой безработице, а какие — к относительно высокой занятости, отнюдь не исключает того, что были задействованы способности приспособления, предполагающие преобладание неформальных способов взаимодействия между людьми над формальными ограничениями. Будь то законы, контракты и т.д. Все происходило неформально. В значительной мере неформально сокращалась продолжительность рабочего времени. Неформально сокращалась заработная плата. Достаточно вспомнить и о постоянных задержках заработной платы, которые на пике охватывали примерно две трети всего работающего населения. Это абсолютно неформальная вещь. Люди, которые так делали, строго говоря, нарушали закон. Тем не менее обе стороны — и работники и работодатели — соглашались с таким положением как с меньшим злом.

Е. ЯСИН: Я хочу сказать здесь несколько слов благодарности красным директорам. Ранее я отмечал, что большой трудовой коллектив был весомым аргументом в их «торге» с правительством. Но в то же время эти люди ощущали свою ответственность за свой коллектив. Они, может быть, потом оказались в трудном положении, когда пришлось начать работать в настоящей, уже более или менее работоспособной рыночной экономике. Но тогда они прекрасно понимали свою ответственность перед трудовыми коллективами, то, какую роль они играют для своих работников. Я могу сказать про каждого, я встречал очень многих директоров, которые считали, что их долг в это трудное время выручать своих работников, не увольнять, а чем можно помогать, сохранять детские учреждения, сохранять дотации на жилье, средства на которые нужно было изыскивать. В общем, всем как-то выкручиваться. И во многом их деятельность по поддержанию объема производства, стихийный переход к бартерным обменам, чтобы добыть всякие материалы у поставщиков, и т.д. была направлена и мотиви-

рована в значительной степени тем чувством, что они несут ответственность за судьбу людей. Я специально это говорю, потому что убежден: все стороны того сложного времени нужно освещать объективно и по справедливости. Каждый сыграл свою роль. Бывает роль негативная, бывает — позитивная. Прохождение всеми нами первой, особенно болезненной фазы реформ все-таки в существенной мере было облегчено стараниями так называемых красных директоров. Советских менеджеров, если характеризовать их современным языком. Они свой вклад внесли. Я так думаю, не знаю, что скажет Ростислав Исаакович...

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Я думаю, что мы сначала должны вернуться к тому вопросу, который был задан: хорошо это было или плохо? Со стандартной точки зрения, как вы ее озвучили, это скорее плохо, чем хорошо.

Е. ЯСИН: Стандартно с точки зрения теории?

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: И с точки зрения экспертов. Ведь это отрицательно сказалось на скорости реформ и на их правильной направленности. Думали, что было бы гораздо лучше, если бы произошел массовый сброс рабочей силы, а потом люди, оказавшись без работы, начали бы искать другие, «правильные», рабочие места и переходить на них.

Е. ЯСИН: Стали бы бизнесом заниматься.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Да. Но когда мы смотрим на это в обратной перспективе, я думаю, мы должны полностью поменять знаки и сказать, что на самом деле такой спонтанно нащупанный способ адаптации спас Россию от социальных катаклизмов. Потому что при первом, «правильном», способе приспособления издержки адаптации концентрируются на локальной группе людей, на безработных. Когда же мы идем по российскому пути, то все эти издержки размазываются практически по всему населению, по всем работникам. И получается, что в такой ситуации не возникает каких-то очагов острой социальной нестабильности, резких катаклизмов. Я уверен, что работа российского рынка труда во многом и обеспечила те сравнительно слабые социальные всплески, которые мы наблюдали на протяжении всех 1990-х годов. Потому что при таком падении уровня

жизни, при тех ломках всех сторон жизни просто удивительно, насколько слабой была протестная реакция. Я уверен, что если бы так или иначе удалось реализовать первый сценарий, то это привело бы к жесточайшим социальным катаклизмам.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Действительно, когда ты понимаешь, что больше не будет зарплаты и ты больше не можешь себя обеспечивать, то встаешь и идешь искать другую. Или ты идешь и стучишь каской о Горбатый мост.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: И да и нет. Потому что, если ты видишь, что тебе резко сократили заработную плату или у тебя реально нет работы на предприятии, но тебя с него тем не менее не выгоняют, ты все равно начинаешь искать альтернативные пути. Искать другие способы заработка. Но просто такого рода адаптация оказывается растянутой во времени. Она гораздо более плавная, гораздо более гладкая, менее катастрофичная и менее резкая.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть это хорошо?

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Я думаю, что в тех специфических условиях и при том гигантском падении объемов производства, которое произошло в России, это был лучший вариант. Мне страшно представить, что было бы с Россией, если бы, грубо говоря, оказался реализован тот вариант, через который прошла Восточная Германия. Когда там за один день все институты государства благосостояния из Западной Германии были перенесены на восточных немцев. Что в этом случае было бы в России, мне даже трудно представить.

Е. ЯСИН: Никто бы ничего не искал, это точно. Я также хочу добавить к тому, что говорил о красных директорах, несколько слов и о рабочих. Потому что они проявляли, как не раз бывало в русской истории, чудеса долготерпения. Выносили всё и ждали, когда наконец этот период кончится. Но ждали не пассивно. Напомню, тогда был один из немногих периодов в нашей истории, когда стало сокращаться городское население и увеличиваться сельское.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Ну, это было на коротком этапе.

Е. ЯСИН: На коротком, но тем не менее очень сложном.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Я думаю, что гораздо более показательна другая цифра. В первой половине 1990-х годов

40% российских работников сменили профессию. Где вы видели такие масштабы переобучения? Причем переобучения, которое происходило по инициативе самих людей.

Е. ЯСИН: Однако нельзя забывать, что такая смена профессий довольно часто означала и существенную примитивизацию труда. Инженеры, например, проявили гибкость, забыли про свое инженерное образование и переходили на челночничество или частный извоз. Искали любые пути заработка. Действительно, поток людей в сельское хозяйство был не так велик. Но я просто хочу обратить внимание на то, что я, кстати, узнал в свое время из докладов в Высшей школе экономики уважаемого Ростислава Исааковича. Он говорил о том, какую колоссальную роль в жизни нашего народа в эти годы сыграло подсобное сельское хозяйство.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Действительно. Задним числом вы спрашивали, было так задумано или нет? Конечно, так задумано не было, но ретроспективно кажется, что правительство, понимая, что оно все равно не сможет помочь людям формальными путями, сделало два совершенно мудрых шага, которые позволили пережить эти тяжелые времена.

Е. ЯСИН: Оно об этом не догадывалось?

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Да, оно об этом не догадывалось. Оно наделило людей, во-первых, ресурсом времени, поскольку было сокращено рабочее время, и, во-вторых, земельными участками. Тогда началась их активная раздача. Самая массовая волна раздачи земельных участков приходится на конец 1980-х — начало 1990-х годов. Резко увеличилось число прежде всего городских жителей, которые стали обладателями земельных участков. И все мы помним, что где-нибудь в 1991–1992 годах, когда вы ехали на электричке от Москвы, вы видели, что были раскопаны откосы и огороды тянулись вдоль железнодорожного полотна. И в результате сложилась парадоксальная ситуация: до сих пор у нас значительная часть сельскохозяйственной продукции производится не крупными сельскохозяйственными предприятиями, бывшими совхозами и колхозами, и не новыми фермерскими хозяйствами, а подсобными хозяйствами сельских жителей или на дачных участках жителей

городских. Это совершенно небывалое устройство сельского хозяйства. Такого больше нет нигде в мире.

Е. ЯСИН: Я думаю, что в значительной степени этого уже нет и у нас. Теперь у этого вида деятельности другая роль.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Ну, конечно, сдвиг есть.

Е. ЯСИН: Но я не про сдвиг. Я хочу вернуться к этим подсобным хозяйствам и сказать вот о чем. Есть такое представление, что наш народ, простые люди, в общем, довольно ленивы. Не очень хотят работать, много пьют и прочее и прочее. Но как раз из вашего доклада в свое время я запомнил факты о времени работы в подсобных хозяйствах и вообще о том, как складывался баланс рабочего времени для наших людей в течение этих тяжелых лет. Если брать продолжительность рабочей недели с учетом этого фактора, то окажется, что у нас была одна из самых продолжительных рабочих недель в Европе. Люди работали...

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Порядка шестидесяти часов в неделю в пик аграрного сезона. Это гигантская величина.

Е. ЯСИН: И это тоже был важный фактор. Потому что многие и до сих пор, может быть, в меньшей степени, чем раньше, но заняты такими официально не учтенными видами деятельности. Многие по-прежнему убеждены, что если они у себя на участке не заготовят нужные им продукты, картофель, огурцы, помидоры, лук, то просто зимой им нечего будет есть. Или по крайней мере они должны будут изыскивать дополнительные заработки, к чему они менее готовы. Так выживали многие семьи.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все-таки я хочу вернуться к переоценке данной ситуации. Вы понимаете, когда, допустим, инженер, квалифицированный рабочий, учитель, чтобы себя обеспечить, львиную долю своего рабочего времени проводит на участке и заготавливает овощи, это неправильно. Можно же пойти дальше. Можно начать самому себе, например, лечить зубы.

Е. ЯСИН: Нет, для этого нужна другая квалификация.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Хорошо. Самому себе строить дом. Короче говоря, перейти на некое самообеспечение. Я не права?

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: И да и нет. Потому что все зависит от того, с какой точки зрения мы на это смотрим. С некоторой общей точки зрения это, конечно, нерациональное использование трудовых ресурсов. Но мы говорим не о какой-то стабильной ситуации, а о ситуации резкого слома, о том, когда на страну свалилась экономическая катастрофа, и о возможных путях смягчения ее последствий или приспособления к ней. Было бы лучше, если бы масса этих людей оказалась на рынке труда в качестве официальных безработных? И безработица действительно достигла бы, скажем, 30% населения? Или лучше, когда безработица оставалась относительно невысокой, зато значительная часть людей, помимо занятости на основной работе при сокращении там рабочего времени, занималась вот таким неквалифицированным, примитивным трудом? Я думаю, что с точки зрения поддержания социальной стабильности, с точки зрения выживания страны второй путь, при всех его стратегических издержках, был тем не менее лучший.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Мы отдали дань уважения тем людям, которые пахали на своих участках, без всякой ложной скромности это слово можно произнести. А теперь хотелось бы спросить о тех, кто выбирали себе другие пути выхода из своего личного и семейного кризиса. Те же челноки, те же «извозчики», те же люди, которые начинали мелкий бизнес, то есть развивали альтернативную занятость...

Е. ЯСИН: Капелюшников называет это нестандартной занятостью. Я бы подчеркнул важность этого явления. Потому что потом оказалось: в действительности оно было не совсем кризисное. Люди, занявшиеся такими делами, потом пригодились и оказались ко двору и в созревающей, новой, постиндустриальной экономике. Ведь это раньше, в советское время, мы думали, что человек должен трудиться на одном рабочем месте, полный рабочий день, получать зарплату из одной кассы и т.д. И это единственное нормальное явление. Тогда, скажем, быть где-то совместителем считалось предосудительным, хотя и в то время была масса людей, занимавшихся, по сути, в неформальном секторе, — от разного рода умельцев, помогавших наладить быт, что-то отремонтировать, починить, построить, до репетиторов,

готовящих детей к поступлению в престижные вузы. Теперь сложилась другая ситуация. В стране, по-моему, восемнадцать или двадцать миллионов самозанятых, то есть людей, о которых мы просто не знаем, каковы их источники дохода. Но зачатки этого явления, мне кажется, надо искать именно в том времени.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Ну, конечно. Как сказал Евгений Григорьевич, стандартная занятость — это когда вы работаете на предприятии, у вас есть писанный контракт и вы работаете полный рабочий день, а ваш контракт бессрочный. Все отступления от этого базового случая можно называть нестандартной занятостью. Надо сказать, что в российских условиях разные формы этой нестандартной занятости получили разные импульсы и разное развитие. Ну, например, в 1990-е годы достаточно широкое распространение получила неполная занятость. Это было прежде всего связано с вынужденными отпусками и вынужденными переводами на неполное рабочее время, которые активно практиковали предприятия. При вступлении в период подъема эта форма нестандартной занятости стала быстро сходить на нет. И сейчас практически нет людей, которые вынужденно работают неполное рабочее время. А, скажем, такая форма нестандартной занятости, как работа по срочному контракту, когда вас нанимают, допустим, на два года, на год или пять, наоборот, в период подъема получила очень широкое распространение. И сейчас, по оценкам Росстата, порядка 12% всех российских работников трудятся вот по такой нестандартной форме занятости. Но я все равно повторю: все-таки наименее стандартная форма занятости — это занятость в домашних хозяйствах. Это та нестандартная форма занятости, которой, по существу, нет в большинстве других стран.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Второй рабочий день после первого?

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Для некоторых первый, например для пенсионеров. Или для людей, которые не имеют работы в формальном секторе. Что же касается самозанятости, то, вообще-то говоря, она недоразвита в нашей стране. На самом деле, видимо, это связано с теми ограничениями, с теми препятствиями, которые встречают на своем пути люди, пытающиеся организовать свой малый бизнес,

даже небольшое микропредприятие и нанять пять-десять работников. У нас как раз в этом смысле есть определенный провал. У нас таких людей, даже по самым оптимистическим оценкам, 5–6%.

Е. ЯСИН: 5–6% работников? Или трудоспособного населения?

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Нет, это от всех занятых. В общем, это немного. И здесь мы обнаруживаем свидетельство того, что как раз в этой сфере есть реальные институциональные препоны.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Институциональные препоны в законодательстве, в коррупционной составляющей, в косности, если хотите?

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Во всем, что вы перечислили.

Е. ЯСИН: Я бы добавил и такой момент. Называлось такое слово – аутсорсинг. Когда работодателю невыгодно брать себе постоянного работника, он предпочитает просто дать заказ на сторону. Всюду в мире вырабатываются некие формы. Люди формально являются владельцами предприятия, или не имеют формальной лицензии, или по каким-то иным причинам просто берутся за выполнение каких-то заказов. И сдают работу. По этому поводу, как правило, есть контракт. Но этот контракт не включает в себя ни пребывания на рабочем месте, ни определенной длительности трудового дня и т.д. Просто устанавливается время, когда заказ должен быть выполнен.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я берусь, например, вышивать платочки. Вышила десять платочков, и мне заплатили за это.

Е. ЯСИН: Да. Тут необъятные варианты деятельности.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Приведу еще более показательный пример. Скажем, некоему предприятию или офису требуется убирать помещение. Можно взять в штат уборщицу, а можно договориться с фирмой, которая оказывает такого рода услуги. К вам придут люди, все сделают, но при этом вы им не будете платить зарплату, они не будут у вас в штате. Вы просто перечислите деньги той фирме, которая оказывает подобные услуги.

Е. ЯСИН: Единственная проблема заключается в том, что такие самозанятые у нас в большинстве случаев не

оформляют никаких отношений, которые были бы видны государству. Это в значительной степени теневая экономика, где никто не платит официальную зарплату, никто не платит налоги с этой зарплаты и никто не платит взносы в Пенсионный фонд и единый социальный налог.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть система отношений «государство — гражданин» не работает.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Получается так.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В заключение я хотела бы спросить, какой самый важный вывод в оценке ситуации с трудом в 1990-е годы вы можете сделать.

Р. КАПЕЛЮШНИКОВ: Вывод такой: та модель рынка труда, которая сложилась в кризисные 1990-е годы, не обязательно хороша для периода подъема, когда экономика начинает резко идти вверх. Нельзя сказать, что ее наличие составляет какое-то очень уж непреодолимое препятствие для дальнейшего развития. Но тем не менее те буйство и расцвет неформальных отношений, которые мы отмечали в 1990-е годы, позволяли снижать издержки кризисной ситуации. Однако они необязательно дают импульсы к быстрому развитию в период подъема, в период оживления экономики.

Е. ЯСИН: И необязательно ведут к формированию современного, квалифицированного, дисциплинированного и так далее работника. Но в то же время я просто хочу отметить следующее. Мы, конечно, говорим, что рынок — это инструмент весьма несовершенный, страдающий всякими «провалами» и т.п. Но стоит в данном случае обратить внимание на то, что он одновременно раскрывает очень большие резервы инициативы. И если появляется такая возможность, люди находят решение. Это, мне кажется, для них тоже хорошая школа на будущее. Тот человек, который понял, что ему не посыплется манна небесная, стал думать, каким образом решать свои проблемы самому.

НЕРАВЕНСТВО В МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ (Е. ЯСИН — Л. ОВЧАРОВА)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня мы с Евгением Григорьевичем пригласили одного из самых компетентных специалистов нашей страны в сфере социальной политики — Лилию Николаевну Овчарову, чтобы обсудить тему, волнующую значительную часть наших сограждан. Речь идет о сложившемся в годы реформ неравенстве в материальном положении. Народная молва даже гласит, что вообще все реформы ставили своей целью дать разбогатеть и без того богатым и окончательно разорить и без того бедных. То есть нам надо постараться объяснить, насколько соответствуют действительности представления о том, как резко в 1990-е годы снизился уровень жизни большинства населения, увеличилась бедность и, соответственно, выросло неравенство.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Взяв для обсуждения эту тему, мы подтверждаем свое обещание не уходить от самых острых проблем. А это одна из острейших. Причем разобраться в ней хотелось бы с помощью Лилии Николаевны, большого специалиста в этой области, я думаю — одного из лучших у нас в стране. Очень важно дать объективную картину того, как все было на самом деле, без всякого приукрашивания. Я думаю, что от Лилии Николаевны мы услышим, что реально происходило и что сложилось в результате этих событий. Мы взяли эту тему и намерены ее открыто и честно обсуждать, несмотря ни на что. Я знаю, что среди наших сограждан есть множество людей, несогласных с моей позицией. И я хотел бы попросить их постараться вникнуть в то, что будет рассказывать Лилия Николаевна, и, может быть, задуматься, так ли уж я не прав в своей оценке 1990-х годов. А сам я, начиная эту беседу, сразу честно признаю: да, про-

изошло очень большое обеднение народа, резко снизился жизненный уровень и при этом сильно возросло неравенство. Все это правда.

ЛИЛИЯ ОВЧАРОВА: Я подтверждаю то, что сказал только что Евгений Григорьевич. В 1992 году по сравнению с 1991 годом реальные доходы населения упали в два раза. При этом реальная заработная плата составляла лишь 30% от уровня 1989 года — последнего года, когда росли доходы в нашей стране. Хотя надо здесь уточнить, что и в 1990, и в 1991 годах уже шло реальное падение экономики. Шоковое же состояние наступило в результате либерализации цен в 1992 году. И только в 2006-м мы восстановили реальные доходы населения на уровне 1991 года. Затем они еще чуть-чуть подросли. Но все эти процессы — и резкого падения, и восстановительного роста, — безусловно, шли на фоне резкого роста неравенства. Наверное, чтобы было нагляднее, будем говорить о разнице в доходах 10% самых бедных и 10% самых богатых. Такой показатель называется фондовым коэффициентом дифференциации. Из показателей неравенства он самый понятный. Так вот, согласно данному показателю с началом реформ неравенство выросло в три раза, то есть если оно составляло порядка 4,5 раза в 1991 году, то в 1992 году сразу же подскочило практически до 14 раз.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Лилия Николаевна, объясните, пожалуйста, это неравенство выросло за счет того, что у меня, у обывателя, кто-то что-то украл?

Л. ОВЧАРОВА: Нет, за счет того, что вчера вы на сто рублей могли купить десять килограммов хлеба, а проснулись утром — и могли купить на те же деньги только десять граммов хлеба.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Так надо было, как известной лягушке, лапками бить?

Л. ОВЧАРОВА: Потом все лапками и забили. Но сначала если и искать крайнего, то в данной ситуации это гиперинфляция. Но виновник она или спаситель? Это большой вопрос. Страну накрыл структурный экономический кризис, причины которого уходили вглубь не разрешаемых ранее проблем, дисбалансов советской экономики, и сово-

купное его влияние выражалось в росте цен. Поэтому и обесценились доходы большинства населения нашей страны.

Е. ЯСИН: Для полноты картины я добавлю одну деталь: на самом деле не все обеднели. Действительно, кто-то на этом заработал много денег. Но мы должны учесть, что на инфляции некоторые могут зарабатывать, если они имеют доходы, которые растут быстрее, чем растет инфляция. А все остальные беднеют. И самым страшным бичом, который действительно ограбил население и привел к снижению жизненного уровня, была именно инфляция. Поэтому, чтобы представить себе обстановку того времени, надо иметь в виду, что фабрики и заводы вели борьбу с правительством, стараясь выбить из него как можно больше денег. А на самом деле продукция этих предприятий на рынке оказалась неконкурентоспособной. Но они привыкли сидеть на бюджете и требовать дотаций, государственных заказов и т.д. А это были, как правило, советские предприятия-гиганты с огромными трудовыми коллективами. Разумеется, людей, оказавшихся вдруг в такой ситуации, многие жалели. В том числе «пожалел» их и ставший в середине 1992 года председателем Центрального банка уважаемый Виктор Владимирович Геращенко. Он произвел взаимный зачет требований предприятий и тем самым резко увеличил реальную денежную массу в стране. После этого фитиль инфляции стал ужасным, причем это произошло как раз в то время, когда после либерализации цен первый шок прошел и ежемесячные приросты цен уменьшились. То же самое было и потом. Каждый раз надо было печатать деньги, чтобы то провести посевную, то завезти товары на Север и т.п. Признаю, это действительно было нужно делать. Но ведь от этого товаров больше не становилось, а печаталось больше денег. И цены вновь и вновь взлетали, потому что их уже освободили. В результате такая «помощь» приводила только к тому, что у людей деньги еще быстрее вылетали из кармана. Это был главный фактор.

Были, конечно, и другие моменты, но сейчас я считаю своим долгом сказать об этом по одной простой причине. Ведь деньги у правительства просят всегда. Это происходит и сейчас. Скажем, весь бизнес требует снижения нало-

гов. И хотя я все последние годы посвятил защите бизнеса, я, а также Лилия Николаевна знаем, что мы одновременно должны увеличивать заработную плату бюджетникам. То есть если мы сокращаем налог на добавленную стоимость, как хотят все наши бизнесмены, то надо определить, за счет каких средств бюджетники получают свою прибавку к зарплате. В том и состоит искусство экономической политики, чтобы находить баланс между интересами разных групп населения. Проблема-то заключается в том, что люди, живущие, работающие в любой стране, делятся на две категории. Одни получают доходы, которые поспевают за инфляцией, а другие имеют фиксированные доходы. Как правило, фиксированные доходы — у тех, кто работает на государство.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все-таки хотелось бы уточнить, до какой степени рост социального неравенства, расслоение населения и рост бедности являлись следствием реформ. Или тут надо искать другие причины?

Л. ОВЧАРОВА: По-моему, надо начать с того, что рост бедности и неравенства прежде всего стал следствием общего кризиса советской системы хозяйствования. Реформы же были попыткой выхода из этого кризиса. В 1991–1992 годах в первую очередь можно говорить о росте неравенства как следствии кризисного состояния и в политической системе, и в экономической системе, и, в общем-то, во всей социальной системе нашей страны. Поэтому вновь повторю: реформы — это, скорее всего, попытка выйти из кризисного состояния. Но при этом нельзя также не признать, что показатели бедности, неравенства, заслоненные в той ситуации необходимостью неотложного решения массы текущих экономических задач, конечно, не контролировались, не ставились во главу угла, как, допустим, это делают многие европейские политики. Когда они говорят о реформах или о перспективах развития, то первое, за чем они присматривают на самом деле, — неравенство, вы это увидите в программных документах и статьях большинства европейских лидеров. И показатель неравенства у них — это главный показатель, за которым они следят. И если их реформы приводят к некоторому росту неравенства, то тогда

политики срочно принимают решения, направленные на изменение ситуации. Но у нас требовались громадные усилия, чтобы сдвинуть огромную страну с пути неэффективной хозяйственной модели, причем ее неэффективность уже проявилась в глубоком кризисе и приоритетными стали инструменты, позволявшие предотвратить реально грозящую экономическую катастрофу. Проблемы неравенства отступили на второй план, а его рост рассматривался как способ выхода из кризиса. Но замечу, что, продемонстрировав рост в 3,5–4,5 раза в начале 90-х годов прошлого века, неравенство укрепилося на этом высоком уровне и продолжает удерживаться на нем и по сей день. Поэтому говорить о неравенстве только как о следствии реформ 1990-х годов неправильно, иначе почему оно не снижается?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть народ был ограблен кризисом?

Е. ЯСИН: Да.

Л. ОВЧАРОВА: Можно сказать и так, но альтернативы реформам, направленным как раз на выход из кризиса, были гораздо тяжелее для населения.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Лилия Николаевна, в такую версию мало кто верит. Верят в версию ограбления народа.

Л. ОВЧАРОВА: Не знаю, кто кого ограбил, но, конечно же, страна в значительной степени ограбила себя сама, оказавшись в тяжелом кризисном состоянии. Люди, разумеется, склонны обвинять реформаторов, потому что в таких ситуациях народ всегда предъявляет претензию именно к политикам. И политики должны давать четкие ответы, объяснять свои действия или уходить в отставку, если их преобразования привели к резкому росту неравенства.

Е. ЯСИН: Я бы сказал так: при рыночной экономике бывает много кризисов. Но сам кризис — сигнал того, что необходимо произвести корректировку назревших диспропорций. Так происходит везде. И, например, такая страна, как США, время от времени проходит подобные испытания. Но это бывает раз в семь, восемь, десять лет. У нас же не было кризисов семьдесят лет, хотя все эти годы диспропорции копились, копились, копились, не находя разумного разрешения. А потом, ко всему прочему, упали цены на нефть. Денег не стало. Вспомните документы, которые

нам недавно читал Егор Тимурович Гайдар. По-моему, они и на мертвого могут произвести впечатление. Реально дело состояло как раз в том, что в течение 74 лет проблемы, которые нужно и можно было решать только коренной перестройкой коммунистической системы, не решались.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Хочу вернуться к неравенству. Одна из версий, которую я вычитала в одном из блогов, звучит так: реформы дали возможность гражданам, например, распоряжаться жильем. Скажем, брать в банке кредит под залог своей квартиры, чтобы начать собственный бизнес. Кто-то решил рискнуть и проиграл, а кто-то выиграл. В советское время сама возможность таких действий была нереальна. Никто бы не разрешил так поступать со своей единственной и весьма относительной собственностью, которой тогда люди, в общем, даже не владели. Ведь завещать квартиру своим детям, если они там не прописаны, было невозможно. Она в случае смерти проживающих в ней отходила государству. Можно ли подобные ситуации квалифицировать как равенство, о чем сегодня говорят сторонники советской системы? И вообще, бывает ли равенство?

Л. ОВЧАРОВА: Если речь идет о доходах населения, то нет, потому что у человека бывают разные этапы его жизненного цикла и у него разный уровень жизни, когда он начинает работать молодым специалистом и когда находится на пике своей карьеры. Те, кто вкладывают больше сил и времени в образование, зарабатывают больше. Даже ассоциирующийся с равенством в советское время культовый лозунг «От каждого по способностям — каждому по труду» предполагает неравенство. Равенство, к сожалению, чаще всего наступает в бедности, а не в богатстве.

А здесь я хотела бы подчеркнуть, что в нашем обществе распространены некие иллюзии о равенстве условий жизни в СССР, особенно в последние годы его существования. Я, например, исходя из данных 1989 года, проанализировала, как жила партийная номенклатура и как жил остальной народ. Разница в доходах получалась примерно в 5–7% между партийной номенклатурой и всем остальным населением, то есть примерно на европейском уровне. Однако такой подход не учитывает специфики жизни в СССР, где

главным был не столько доход, сколько возможность доступа к тем или иным благам и услугам. И если внести такую поправку, то картина существенно изменится. Если пересчитать в денежные единицы то жилье, в котором жили, например, партийные работники, их медицинское и санаторно-курортное обслуживание, те «продовольственные заказы», которые они регулярно получали, и т.п., то становится ясно, что на самом деле в советском обществе был очень существенный разрыв между «верхушкой» и остальным населением. Но он был завуалирован.

Е. ЯСИН: Но все-таки это было неравенство гораздо более смазанное, чем сейчас.

Л. ОВЧАРОВА: Я бы сказала, оно было закамуфлировано очень серьезно.

Е. ЯСИН: Лилия Николаевна говорила, что так называемый фондовый коэффициент дифференциации — соотношение доходов 10% богатых и 10% бедных — составлял примерно 4,5 раза. Это очень низкий показатель. И при этом, я думаю, в действительности уровень жизни даже самых состоятельных из представителей номенклатуры находился примерно на уровне жизни среднего фермера в Америке или, может быть, средней руки чиновника. Потому что все-таки это была общая бедность, просто, может быть, более равномерно распределенная. Поймите меня правильно: для нас сейчас принципиальная проблема — создать не просто общество, построенное из благих пожеланий, а общество, которое учитывало бы реальные закономерности социальной жизни. В числе таких закономерностей и такая простая вещь, как определенное соотношение бедных и богатых, необходимое для того, чтобы общество развивалось эффективно. Чтобы оно действительно могло развиваться, богатело и т.д. И доходы тогда будут расти как у богатых, так и у бедных.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но все же я хотела бы получить ответ на вопрос, который задают постоянно. Мы начали реформы, и условия у всех были как будто равные, но у некоторых равнее. Кто-то был близок к ЦК ВЛКСМ, кто-то был близок к МИДу; в общем, короче говоря, встраиваясь в новые условия, люди использовали старые связи, комсомоль-

ские лидеры становились бизнес-лидерами и т.п. Но тогда все это нечестно?

Л. ОВЧАРОВА: Мне кажется, что слово «честно» не совсем то слово, которое в данном случае можно применять. Потому что люди использовали разные схемы. Я например, знаю женщин, которые стали челноками, ездили в Италию, привозили оттуда вещи и продавали их здесь, и это был тяжелый, каторжный труд. Да, они зарабатывали на этом хорошие деньги. Но бывали и ситуации, когда человек использовал свои связи нелегитимно. Еще раз подчеркну — нелегитимно использовал. А с другой стороны, возможна была и такая ситуация: кому-то его друг в МИДе рассказал, что есть возможность поехать в Италию, заключить контракты, поставлять товары. То есть тут уже видна некая легитимная социальная связь, превращение старых связей в социальный капитал, позволяющий добиться успеха. Но вновь подчеркну: если деловые отношения нелегитимны, незаконны, то это несправедливо, нечестно.

Но я хотела бы вот на что обратить внимание. Думаю, что, скорее всего, и реформаторам, и нынешним властям мы можем предъявить претензию по поводу того, что неравенство, которое сложилось в самом начале 1990-х годов, продолжает оставаться очень высоким. Многое можно было бы, скажем, объяснять некими объективными причинами до 1998 года. Наверное, тогда экономический рост был приоритетом. Все делалось во имя этого. Но сейчас, в условиях достаточно высоких и, в общем, стабильных цен на нефть и, соответственно, доходов от продажи энергоносителей, вопрос о снижении неравенства — тот индикатор, которые политики должны по крайней мере контролировать. И вести политику так, чтобы она работала на снижение неравенства. Потому что различие в доходах 10% самых бедных и 10% самых богатых в 16 раз — это непозволительно много. Это, кстати, уже становится тормозом для дальнейшего развития.

И еще об одном аспекте темы мне хотелось бы сказать. Мы в Независимом институте социальной политики провели исследование малоимущего населения. Оказалось, что на 60% эта группа состоит из экономически активного на-

селения, в том числе 58–59% из этих 60% приходится на занятых в экономике. То есть значительная часть наших людей работает за зарплату, которая не позволяет вырваться из бедности. Причем я говорю о данных за тучные годы экономического роста, до кризиса 2008–2009 годов. Можете посмотреть подготовленную нами таблицу, в которой этот факт отражен. Подчеркну: такая ситуация – серьезное свидетельство того, что в нашей стране не все в порядке с оплатой труда. В странах с развитой экономикой такого быть не может.

**Распределение малоимущего населения
России по группам в 2002–2007 годах**

(в %; все малоимущее население страны по каждому году – 100%)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экономически активное население	61,2	60,5	60,2	60,2	60,5	61,1
Занятые в экономике	58,7	58,2	58,1	58,4	58,7	59,4
В том числе работающие пенсионеры	2,9	3,0	3,3	3,5	3,8	4,1
Безработные	2,4	2,3	2,1	1,9	1,8	1,7
Экономически неактивное население	38,8	39,5	39,8	39,8	39,5	38,9
В том числе неработающие пенсионеры	16,1	16,2	15,7	15,0	15,1	15,1

Е. ЯСИН: Вот еще очень важный момент. Вы мне говорили, что разница в 16 раз в доходах между богатыми и бедными – это именно официальные данные, причем без учета различий между регионами.

Л. ОВЧАРОВА: Да, если оперировать не официальными оценками неравенства, а, допустим, экспертными, то картина будет еще хуже. Например, я делаю такие экспертные оценки, и, согласно моим расчетам, неравенство у нас выше – на уровне 20 раз. И причина тому серьезные различия в возможностях и уровне жизни людей в разных регионах.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Наш слушатель Дмитрий из предыдущих передач понял, что в сложившейся к началу 1990-х го-

дов ситуации переход к рыночной экономике мог быть только несправедливым по отношению к многим гражданам. Но эта несправедливость порождает постоянную волну протеста населения против реформ девяностых. В связи с этим считаете ли вы необходимым со стороны государства, во-первых, признать факт несправедливости перераспределения собственности и, во-вторых, инициировать компенсационную программу для всех граждан с целью нивелирования возникшего неравенства? Но что касается несправедливости, то, по-моему, об этом уже не раз говорил президент Путин.

Е. ЯСИН: Да, он прямо говорил о «лихих девяностых», когда всех ограбили. И будем говорить откровенно: во многом именно резкостью таких высказываний вызвана и наша передача. Однако встает вопрос: кто должен это признать? Хотите, я признаю, что тогда был допущен чрезмерный уровень несправедливости и материального неравенства. Но если вы меня спросите, а как тогда, будучи, скажем, главой правительства, президентом, министром, кем угодно, можно было не допустить этого в тех конкретных условиях, то я прямо скажу: «Не знаю». Конечно, на это можно ответить: «Не знаешь — не берись». Кто-то должен был знать и применять более щадящие варианты реформ. Но в том-то и дело, что мне известны другие, якобы более щадящие варианты. Например, такое предложение, как переход к распределению по карточкам. Тогда все будут получать одинаково, а мы установим жесткие репрессии, наведем порядок. Я даже назову человека, который с такими предложениями выходил в 1991 году. Это мой друг Гавриил Харитонович Попов, один из лидеров демократического движения времен перестройки. Однако на самом деле это не решение вопроса. Потому что от реализации такого решения не появится больше товаров. И к тому же встанет проблема распределения всех этих лимитированных продуктов. Чтобы такое распределение осуществлять в 1991 году, нужно было восстанавливать НКВД в том виде, как это было в 1937 году, а возможностей для этого не было никаких. А каковы другие варианты? Печатать деньги в таких количествах, чтобы раздать всем, чтобы всем хватило. И тогда каждый на мину-

ту почувствует себя миллионером. Но когда он добежит до магазина, то уже не найдет там товаров по тем ценам, которые были раньше. В этом вся проблема.

В сложившейся тогда ситуации нужно было прибегать к жесткости, но эта жесткость не могла быть настроена на контроль за каждым отдельным человеком. Поэтому кто-то богател, а кто-то беднел. Но другого реального выхода тогда не было. Лично меня это всегда мучило. И я сейчас считаю, меня Лилия Николаевна научила, что нужно контролировать меру разрыва между богатыми и бедными. Потому что если он слишком велик, то в обществе пропадает самая важная составная часть социального капитала — доверие. Люди перестают доверять правящим верхам как неспособным справиться с этой ситуацией. А раз так, то можно ли им доверять в других вопросах? Конечно, можно говорить о возможностях, открывшихся с началом реформ, о том, что надо самим брать ответственность за себя и своих близких, работать, а не ждать подачек от государства. Но если вы реалист, то понимаете: чтобы так действовать, нужно еще попасть в такое место, где бы повезло и доходы поспевали бы за инфляцией. А если вы живете, например, в городе с единственным градообразующим предприятием, привыкшим работать на госзаказ, которого теперь не стало? Все это очень сложные вопросы, решение которых иногда зависит от политики руководителей этих предприятий, их гибкости, умения найти рынки сбыта для своей продукции или перестроить производство на выпуск другой. На все это есть очень сложные, неоднозначные ответы, вытекающие из каждой конкретной ситуации.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но тогда многие говорят: вы признаете, что реформы принесли нам серьезные материальные потери. Тогда компенсируйте их.

Е. ЯСИН: По этому поводу хочу сказать следующее. Нам всем в каком-то смысле не повезло, потому что мы оказались в эпохе тяжелейшего катаклизма. Такого катаклизма, в котором, вообще-то говоря, очень многие могли не выжить, как многие погибли в Югославии. Можно, конечно, для всех потребовать компенсаций, хотя тут были обстоятельства, подобные землетрясению, потоки лавы

уничтожали все на своем пути. И в результате оказывается, что достойных компенсаций для всех уже больше не из чего давать. Значит, такой вариант ни к чему не приведет. Но я знаю, что у нас главная причина неравенства сегодня состоит в том, что доходы в успешных отраслях, на успешных предприятиях растут быстро, а у людей, работающих в других отраслях или в бюджетной сфере, не растут. Они все время отстают, хотя вроде бы официально их рост стараются поддерживать на уровне по крайней мере не ниже уровня официальной инфляции. То же и у пенсионеров. Но официальная инфляция и реальная часто различны, и поэтому разрыв разрастается еще больше. Тут, кстати, нужно иметь в виду и то, что если экономика растет, то обычно растет и неравенство. Значит, на государство ложится двойная обязанность следить за тем, чтобы существующий разрыв в доходах не только не рос, но и постоянно снижался. Поэтому я не являюсь сторонником раздачи тех денег, которые в начале 1990-х годов съела инфляция, чтобы государство вернуло свои долги в виде компенсаций потерянных сбережений. Лучше, по-моему, повышать пенсии и заработные платы бюджетникам, потому что это альтернатива. Но то и другое одновременно делать невозможно.

Л. ОВЧАРОВА: Я бы хотела дополнить Евгения Григорьевича как экономист, как исследователь. К счастью, я не политик, но могу сказать, что любой перераспределительный процесс практически всегда несправедлив. Всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. И особенно он несправедлив, когда этим перераспределительным процессом занимается государство. Есть несколько работ, где на примере западных стран это доказывается. У нас в стране, к сожалению, такой информации просто нет. Но известно, что всюду, как только государство берет на себя мощные перераспределительные функции, оно перераспределяет ресурсы не в пользу самых бедных, а в пользу тех, кто находится рядом с богатыми.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: «Собаке дворника, чтоб ласкова была?»

Л. ОВЧАРОВА: Примерно это выглядит так. Поэтому я, наверное, разочарую тех людей, которые надеются, что

в ходе какого-то нового перераспределительного этапа они смогут вернуть себе то, что, как им кажется, они потеряли. Уверяю, ничего они не получают. Ведь по опыту тех же 1990-х годов, о которых часто говорят, видно, что как раз государство не очень хорошо перераспределяет ресурсы. Оно лучше делает то, о чем говорил Евгений Григорьевич. Допустим, наращивает новые экономические мощности, дающие новые доходы государству, хотя это спорный вопрос. Но главное — эти вновь созданные доходы можно перемещать тем категориям населения, которые государство считает нужным поддержать. То есть инвестировать в стимулирование экономического роста, а на этой основе думать о перераспределении вновь полученных доходов. Такой процесс, по-моему, более справедлив.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но меня мучит один вопрос: во многих странах мира и богатые, и очень богатые люди не из соображений страха, не из соображений вины, а просто по внутренней потребности начинают заниматься благотворительностью. Более того, это делают и не очень богатые люди.

Л. ОВЧАРОВА: Все же мы говорим о таком коротком промежутке времени, что для осознанного занятия благотворительностью, причем массовой, нужны особые условия. Только человек, у которого есть некоторые свободные от выживания ресурсы, может задуматься о благотворительности. А у нас длительное время выживание было массовым стандартом потребительского поведения. Но осознание возможности благотворительности все же к нам постепенно приходит. Кстати, к западным странам оно приходило и через пятьдесят, и через шестьдесят лет. У нас это начинает происходить через пятнадцать-двадцать лет. У нас эти процессы идут гораздо быстрее. Сейчас уже есть благотворители, которые создают разные фонды, помогают и детям-сиротам, и больным, и старикам. Поэтому я считаю, что мы устойчиво встали на путь развития благотворительности. Но сообразить, понять, что такая деятельность — нормальная в условиях рыночной экономики, было невозможно ни в 1992, ни в 1993, ни в 1994 годах.

Е. ЯСИН: Я бы хотел сказать еще об одной важной вещи. Когда я работал в правительстве, ко мне все время обращались с требованиями: объясняйте, что вы делаете. И даже теперь, по прошествии многих лет, все равно раздаются упреки в том, что мы ничего не объясняли. Признаю: наверное, по сравнению с тем, что надо было, наши объяснения оказались недостаточными. Но в то же время я понимаю, что люди, вдруг оказавшиеся в крайне трудной и к тому же непривычной ситуации, вряд ли спокойно и разумно воспримут любые объяснения. Например, что в результате ошибочной политики, проводимой десятилетиями, страна объективно оказалась в глубочайшем кризисе, а реформаторы, пытавшиеся ее вытащить, попали в положение, когда любое решение било по массе населения. Мы эту ситуацию пережили. Допустим, мы выбрали бы какой-то иной вариант. По сути, их два: один просто вариант жесткой руки, другой — инфляционный. Один вариант символизирует как бы чрезмерную жесткость, другой — чрезмерную доброту. Но суть в том, что ни тот, ни другой к положительным результатам бы не привел.

Л. ОВЧАРОВА: Я бы к вариантам Евгения Григорьевича добавила еще один, по которому, кстати, пошел ряд восточноевропейских стран, — это массовая безработица. Он, кстати, привел бы к еще большему неравенству. Должна отметить, что, если говорить о развитии рынка труда, мы отличаемся от стран Восточной Европы тем, что у нас безработица по сравнению, например, с Польшей, Венгрией или Чехией была гораздо меньше. Правда, это компенсировалось значительным падением заработной платы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но тут возникает неизвестность, неуверенность в завтрашнем дне, а это, наверное, хуже, особенно для наших людей. Ведь когда нет работы, надо срывать с места и ехать ее искать. А куда?

Л. ОВЧАРОВА: Для наших условий, с низкой мобильностью населения, отсутствием жилья там, где можно было бы найти работу, это была большая проблема. И правительство ее боялось. В Восточной Европе были другие условия, и они пошли на такой вариант. В результате они быстрее прошли некоторые периоды преобразований, и доходы

у них начали восстанавливаться быстрее, чем у нас. Мы же приняли вариант с сохранением высокой занятости, хотя и при резком падении доходов. Что лучше? Это вопрос дискуссионный. И решения надо искать в зависимости от совокупности обстоятельств.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Например, нам пишут об очень многих конкретных ситуациях. Скажем, таких: врач в больнице получает 30 тыс. рублей, а администрация больницы положила себе оклад по 400 тыс. рублей. И делиться они не собираются.

Л. ОВЧАРОВА: Ну, во-первых, я хочу сказать, что они не делятся тогда, когда им предоставляется такая возможность. Кроме того, и зарплату в 30 тыс. рублей надо сравнить с заработками в других отраслях, например в нефтяном секторе или в других сырьевых секторах. Тогда мы ощущаем, что у врача зарплата очень низкая. Это позволяет мне еще раз вернуться к тому, что одна из реальных проблем — это заработная плата в бюджетном секторе. Во всех странах с высоким уровнем экономического развития работники бюджетной сферы оказываются в привилегированном положении. У них и достойная заработная плата, и солидный социальный пакет, и большая защищенность от скачков рыночной конъюнктуры, грозящих потерей рабочего места. У нас же ровно наоборот. Это проблема, которую власть пытается решить в последнее время. Но подчеркну: решение должно быть не формальным, не основанным на манипуляции с показателями, а вполне реальным.

Е. ЯСИН: Должен сказать, что я просто поразился, когда я запросил соответствующую информацию и мне принесли сопоставление зарплаты бюджетников и работников частных коммерческих предприятий, причем в сравнении наших и западных. Я всегда был уверен, что везде в частном секторе платят больше, а бюджетникам — меньше. Оказывается, все наоборот. Говоря серьезно о работающих в бюджетных отраслях, нельзя не учитывать, что там сам труд предполагает более высокий общий уровень образования. А значит, их труд заслуживает более высокой оплаты. Но у нас все наоборот. И у меня такое ощущение, что люди, которые получают деньги из бюджета, или нищенствуют,

или должны воровать. Вот какова ситуация. Правда, она возникла не в 1990-е годы, а была типична для советского времени.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, у меня еще один вопрос, касающийся сложившегося у нас неравенства. Допустим, в 1990-х годах страна оказалась в ситуации цугцванга, многие бедствовали. Но что происходит сегодня? Неравенство не сокращается, а вы в одном из интервью сказали, что в центре Москвы должны жить одни богатые люди. А что делать, например, тем, кто прожил там всю жизнь, а сегодня это пенсионер со своей крошечной пенсией? Ведь для него переезд из привычной обстановки — трагедия.

Е. ЯСИН: Я не выдвигаюсь ни в депутаты, ни в президенты, потому могу говорить правду. А она, к сожалению, такова, что людям, которым не хватает денег на содержание жилья в центре Москвы, экономически целесообразно перебраться туда, где квартиры дешевле. Ну что делать? Понимаю, что это тяжело, но таковы экономические законы. Кстати, в результате такого обмена они могут получить не только новую квартиру, но и приличную доплату, которая позволит им улучшить свое положение. А если мы по-прежнему будем пренебрегать экономическими законами, то всегда будем жить в бедной стране.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Вы согласны, Лилия Николаевна?

Л. ОВЧАРОВА: Конечно. Особенно если ответ Евгения Григорьевича в контексте вашего вопроса. Во всех странах люди не очень высокого достатка при завершении трудовой карьеры продают свое более дорогое и рассчитанное на большую семью жилье, а полученный доход используют для обеспечения комфортной старости.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Очень многие полагают, что если бы в конце 1980-х годов и в 1990-е годы цены на нефть были бы такие же, как сегодня, то все было бы замечательно и та эпоха вспоминалась бы с благодарными молитвами. Согласитесь с этим?

Е. ЯСИН: Не было бы такой эпохи. О глубоком системном кризисе советской экономики я уже не раз говорил. Все равно нам потребовались бы глубинные преобразова-

ния. Но если бы в конце 1980-х годов сохранялись высокие цены на нефть, то никто бы не решился на такие тяжелые меры, на такие тяжелые испытания. Неужели Горбачев решился бы на какие-то решительные реформы и т.д., если бы цена нефти была в четыре раза выше, как у Брежнева? Нет, конечно. Он не мог решиться начать реальные экономические реформы и при падении нефтяных цен. Хотя демократизацию он все равно, наверное, проводил бы. Все-таки высокие цены на нефть дают возможность властям откладывать тяжелые решения, а проблемы все равно накапливаются, и реформы все равно приходится проводить, но в гораздо худших условиях и с более тяжкими последствиями для людей.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но почему нельзя было сделать, как советовал академик Николай Шмелев: взять большой кредит на Западе и закупить на него импортных товаров, реализовать их и тем самым уменьшить денежный навес над экономикой.

Е. ЯСИН: Николай Петрович в свое время принимал некоторое, я бы сказал не очень серьезное, участие в подготовке программы «500 дней». Тогда, в 1990 году, еще можно было надеяться взять кредит на Западе под реформы. Но уже через полгода, в 1991 году, нам кредитов уже не давал никто. Напомню, в середине 1991 года был саммит «Большой семерки», на который пригласили представителей правительства Горбачева. Там, по-моему, Валентин Сергеевич Павлов, премьер-министр советского правительства, докладывал впопыхах подготовленную концепцию реформ, которые собиралось делать правительство вместо программы «500 дней». И эта концепция там не понравилась, под нее нам денег не дали. Поэтому что деньги дают тем, кто сможет их вернуть. Тогда уже не было ощущения, что мы способны с толком использовать взятые кредиты.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Поводя итоги, можно сказать, что другого выхода не было?

Л. ОВЧАРОВА: Вы имеете в виду – в 1990-е годы? Мне кажется, это вопрос в какой-то степени риторический. Можно теоретизировать и говорить, что нужно было все сделать как-то по-другому. Но, я думаю, важно говорить все-таки

о том, что делать сегодня, как преодолевать те негативные для населения последствия, которые, конечно же, имели место. Мне представляется, что политикам все равно придется решать ту проблему, которую мы сейчас обсуждаем, — снижать неравенство в уровне жизни населения. Это задача очень сложная. Не менее сложная, чем, например, задача создания основных рыночных институтов. Поэтому, скорее всего, нужно думать о том, как преодолеть негативные социальные настроения у населения, как запустить механизм, который позволил бы реализовать в сознании большинства следующую схему: если я буду хорошо и эффективно работать, то я буду получать больше. Скажем прямо: возможности реализации такой схемы у нас очень ограничены, так как люди имеют неравный доступ к высокооплачиваемым рабочим местам, у них ограничена мобильность перемещения по территории нашей страны. Тех точек на карте России, где есть хорошие, квалифицированные рабочие места, у нас достаточно мало. Поэтому, как только начнется рост таких мест и туда будет подключена инициатива трудоспособного населения, можно будет говорить и о повышении уровня жизни, и о снижении материального неравенства. Может быть, мы наконец все-таки начнем серьезно говорить о развитии малого бизнеса, о реальной его поддержке. Вот тогда, я думаю, наши головы будут больше заняты тем, как заработать больше денег при эффективном труде, а не тем, как у кого-то отобрать и перераспределить в свою пользу то, что когда-то мне не досталось.

Е. ЯСИН: А я закончу очень просто. Я думаю, что неравенство и бедность — самые тяжелые последствия тех кризисных лет. Я это признаю. Я это понимаю. И ощущаю как тяжесть. Но в то же время понимаю: тогда другого реального выхода не было.

**V. ПРАВОВОЕ
ГОСУДАРСТВО**

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА:
ПЕРВЫЕ ШАГИ
(Е. ЯСИН — С. ПАШИН)**

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Тема нашего сегодняшнего разговора — судебная реформа в России 1990-х годов. В качестве эксперта мы с Евгением Григорьевичем пригласили Сергея Анатольевича Пашина, судью в отставке, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», члена Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации, заслуженного юриста России, одного из авторов судебной реформы 1990-х годов. Но в то же время лишенного судейского статуса Квалификационной коллегией московских судей. Официально — за процессуальные нарушения, показавшиеся судейскому начальству серьезными, а на самом деле за то, что в ходе судебных заседаний он не давал обвинению преимуществ перед защитой. Это было еще в 2000 году. Кстати, в архиве «Эха Москвы» есть ваше, Сергей Анатольевич, интервью, данное, по моему, в 2007 году, где, отвечая на вопрос об актуальности судебной реформы в 1990-е годы, вы сказали, что актуальность эта за прошедшее время не уменьшилась.

СЕРГЕЙ ПАШИН: Да, это совершенно верно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но как же так? Ведь оба наших президента 2000-х годов, и Владимир Владимирович Путин, и Дмитрий Анатольевич Медведев, — оба юристы. И они неоднократно говорили о необходимости вернуть уважение ко всем судебным инстанциям. Говорили, что будем реформировать судебную систему. Но ведь реформа начиналась в 1991 году.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Я как раз хотел подчеркнуть это обстоятельство. В каком-то смысле, вернее в самом прямом смысле, 1990-е годы — время надежд. Надежд на то, что мож-

но быстро исправить те искажения, которые внесли в нашу жизнь семь десятилетий советской власти. Поэтому тогда пытались начать и сделать все сразу. В том числе было острее ощущение необходимости судебной реформы, результатом которой должен был стать независимый суд, решения которого вызывали бы доверие граждан. У истоков этой реформы, как и у каждой реформы, которая тогда назревала, были свои головы, свои сердца. Среди тех, кто начинал разрабатывать судебную реформу, как раз и был Сергей Анатольевич. Я хотел бы также назвать имя Бориса Андреевича Золотухина, замечательного юриста, а тогда и народного депутата РСФСР, а затем и Государственной Думы созыва 1993–1995 годов. Он также был в центре этих событий.

Тогда были надежды, что удастся достаточно быстро провести эти реформы таким образом, чтобы в конце концов появилось правовое государство и верховенство начальства сменилось верховенством закона. Важно было сломить российскую традицию, заключавшуюся в том, что главное — то, что сказал начальник. Неслучайна ведь наша поговорка «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». По этому правилу мы жили и, увы, часто живем и сейчас. На самом же деле добиться какого-то успеха во всем комплексе начатых реформ невозможно без наличия инстанции, которая бы беспристрастно выслушала обе стороны любого конфликта и, основываясь на четко прописанных в законе правилах, вынесла бы справедливое решение. Это важно во всех сферах жизни, но особо необходимо было для того, чтобы нормально начала функционировать рыночная экономика. Она ведь по сути своей является не иерархической структурой, предполагающей беспрекословное подчинение начальству, а структурой сетевой. Такой, где люди, обладающие равными правами, ограниченными лишь законом, вступают в отношения, называемыми сделками, контрактами и т.п. Где получается то, что один из американских ученых, Тони Фридман, назвал плоской структурой. Поэтому такая горизонтальная структура, в принципе, требует верховенства закона. Она не сможет нормально функционировать, если будет действовать привычная по советским

временам система. Потому что между этой системой и рыночной жизненное противоречие. И мне бы хотелось задать Сергею Анатольевичу такой вопрос: какие были главные идеи при подготовке реформы судебной системы? Что вами двигало? И что удалось осуществить?

С. ПАШИН: Сначала я бы все-таки заступился за русскую традицию. Потому что в нашей истории был период, когда судебная реформа процветала. Это был период царствования Александра II Освободителя. И ее результатом стало верховенство закона, верховенство права. И мы стремились во многом взять за образец то, что происходило в России XIX века. Вспомним, что в самом слове «реформа» означает «ре-». Это восстановление, возрождение. Поэтому основная идея состояла в том, чтобы обеспечить верховенство судебной власти. И привить судебной системе судебную власть на базе разделения властей. Судебная власть должна была стать самостоятельной влиятельной силой, защищающей людей от произвола.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Чтобы правда и милость царствовали в судах?

С. ПАШИН: Да, как писал Александр II. В СССР огромное число советских людей не было защищено в судебном порядке. Даже бригадир не мог подать в суд, если его уволили, а должен был жаловаться, согласно субординации, по команде вышестоящему начальству. Благодаря судебной реформе многие люди получили право обращаться в суд, если ущемили их права, интересы. Мы также хотели заимствовать и возрождать давние российские традиции, среди которых суд присяжных. Предполагали взять из опыта цивилизованной Европы, да и из Международного пакта, который некогда был подписан СССР, институт судебного контроля за арестами, например. Словом, было много интересных решений. Частично они были реализованы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Кроме того, были созданы новые структуры.

С. ПАШИН: Да, например, были созданы арбитражные суды. До этого у нас существовал государственный арбитраж, где, скажем так, происходил спор двух холопов одного социалистического барина. Однако с появлением част-

ной инициативы, предприятий нового типа — не социальных — возникла потребность разрешения их споров правосудным, а не административным путем. Это предполагало как равенство спорящих, так и независимость и беспристрастность судьи, выносящего свое решение, вникнув в аргументы обеих сторон.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Был создан также Конституционный Суд.

С. ПАШИН: Он, кстати, появился раньше суда присяжных. И на Конституционном Суде, на его примере были опробованы новые предложения, например о несменяемости судей. В законе 1991 года впервые появились слова «судебный пристав». Вообще, было введено много новаций, скажем запрет снижать уровень обеспеченности судей.

Е. ЯСИН: Можно сказать, несмотря на то что авторы потом оказались не ко двору, ими все-таки что-то было сделано и кое-что даже осталось. Можно смотреть и говорить: «А это разве действительно было в 1990-х годах?» Неужели, скажем, Конституционный Суд появился только тогда?

С. ПАШИН: Да, Конституционный Суд у нас действует с тех пор. Но это не совсем тот — или совсем не тот — Конституционный Суд, который нами задумывался. Он, по нашему мнению, должен был рассматривать частные жалобы. Гражданин мог обратиться прямо в Конституционный Суд и пожаловаться на ситуации, когда, например, «законы святы, но исполнители лихие супостаты». То есть оспаривать обыкновения, сложившиеся в судебной практике. И тогда эта норма сыграла свою положительную роль.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, глядя из сегодняшнего дня, невольно задаешься вопросом: когда возникли проблемы, начиная с какого момента шестеренки перестали функционировать?

Е. ЯСИН: Не в том ли причина, что с самого начала господствовал несколько идеалистический подход? Слишком много хорошего сразу захотели, а люди не могли все сразу воспринять. Или это как бы расходилось с чьими-то интересами. Как получилось, в конце концов, что все-таки в значительной степени дело не пошло? Хотя каркас был

построен, но он как бы стоит продуваемый на семи ветрах... И ощущение такое, что возобладали в итоге не идеи александровских реформ, а тот старый принцип, что если ты начальник, то ты и прав. А раз так, то тут, соответственно, и авторы таких реформ оказались не ко двору.

С. ПАШИН: Вы хорошо сказали — «не ко двору». Жалует царь, да не жалует псарь — есть такая поговорка. Реформа затрагивает условия жизни многих. И если вы не создали круга людей, которые связывают с этими реформами свое будущее, то в итоге все оказывается воплощенным достаточно плохо, непрезентабельно. Мы стремились, чтобы такие нововведения, как суд присяжных, были поддержаны судьями. И те судьи, которые понимали, что происходит, с удовольствием поддерживали их. По нескольким причинам. Вот одна из них. Некоторые судьи говорили: «Я больше не буду отвечать за вынесение оправдательного приговора. Я скажу, что это они решили». Кроме того, мы добились того, что в судах создали должности заместителей по судебной реформе. И мы добились того, что началась очень интересная работа, в том числе и с выездом за границу, позволявшим знакомиться с опытом работы с судом присяжных. То есть в судейском сообществе была прослойка людей, заинтересованных в продвижении реформы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но мне, Сергей Анатольевич, из времен начала 1990-х годов вспоминается невынесение решения по делу КПСС. Как это расценивать?

С. ПАШИН: На самом деле процесс в Конституционном Суде над КПСС все-таки увенчался решением. Другой вопрос, что это решение было...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Оно не было судьбоносным.

Е. ЯСИН: Да, не было судьбоносным. Наш «Нюрнбергский процесс» не состоялся.

С. ПАШИН: Но это решение было достаточно красивым и юридически любопытным. Например, когда представители КПСС требовали назад свою собственность, им сказали: обращайтесь в суды общей юрисдикции. Однако прелесть ситуации состояла в том, что в это время по указу президента Ельцина суды общей юрисдикции вселились в здания бывших райкомов и обкомов партии. В данной си-

туации было бы забавно посмотреть на процесс возвращения судами занятых ими зданий. Так что решение было забавное. Но верно и другое. Конституционный Суд того времени впал в политику. Это, по сути, проявилось уже в ходе процесса над КПСС и особенно в дальнейшем. Попытки председателя Конституционного Суда примирить Ельцина и Хасбулатова, парламент и президента, натолкнулись на противодействие. В конце концов Конституционный Суд отступил от права и был за это очень сильно наказан приостановлением деятельности.

Н. БОЛГЯНСКАЯ: Ну, хорошо, а вот что на самом деле стало с провозглашенной, декларированной независимостью судов?

С. ПАШИН: Тут были разные результаты. Прежде всего некоторые судьи оказались не готовы к независимости и восприняли ее как вседозволенность. Я видел судей, которые возле стенки складывали дела и не рассматривали их, предпочитая заниматься делами праздными, а не судебными. Кроме того, судейское начальство тоже довольно быстро сориентировалось. Ведь у него за плечами был огромный советский опыт приспособляемости к разным ситуациям. Тезис о независимости суда оно восприняло и провело как независимость от народа. Пример тому — целый ряд решений, по которым, например, гражданин, подавший жалобу на судью, отстраняется от возможности участвовать в заседании квалификационной коллегии. Он не имеет на это формального права, а может присутствовать лишь в случае, если ему разрешат. Судейское начальство оградило от народа, захватило все рычаги влияния внутри судейской корпорации.

Е. ЯСИН: Очень часто у нас говорят, что в 1990-е годы все реформы, не только судебная, не удались. Но думаю, что перед судебной реформой возникали также преграды, связанные с тем, что она противоречила русской национальной культуре. Потому что это была некая калька с западных представлений, которую предлагалось воспринять. На этот счет есть самые разные теории, в том числе некая теория Х-матрицы. Согласно этой теории сама институциональная структура нашего общества в основе своей опирается

на принципы государственничества, не приемлет частной инициативы, что мы люди восточные по своей культуре. Поэтому нам обязательно нужна иерархия, жесткий контроль «сверху», чтобы не допустить вседозволенности. Это не временное явление, а просто такое свойство народа, некое качество характера. Поэтому его бесполезно перевоспитывать, а все эти писанные законы, правила, которые присущи рыночной экономике, демократическому обществу, являются условием их существования, нам просто не подходят. Культура не та. Мы другие. Мы, может быть, более расхлябанные, бесшабашные, но с широкой душой. А весь комплекс реформ 1990-х годов, в том числе и судебная, — это новая жизненная система, которая требует какой-то строгости, очень подробных и четко прописанных процедур. Мы же не хотим этого, а потому сопротивляемся. Это не мое мнение, а представления, бытующие и в обществе в широком смысле, и среди интеллектуалов определенного направления. Особенно они оживились с начала 2000-х годов, когда часто стали говорить, что с реформами ничего не могло получиться, потому что в их основе лежит нечто такое, что с нашей культурой не сочетается. Так надо ли вообще затевать такие реформы?

С. ПАШИН: Я думаю, надо. И дело совсем не в том, что Россия копирует чужие образцы, а в том, что она и в реформах продолжает собственную традицию. Это можно сказать и о рыночной экономике. Разве не было на Руси купцов и меценатов и экономической системы? Разве в России не было рабочего законодательства, которое развивалось? Все это было. А теперь вспомним судебную реформу Александра II. Русский присяжный сострадательный, русский присяжный совестливый клал повестку за образа, когда его вызывали в суд. Хотя иногда во время судебной сессии он вынужден был нищенствовать, потому что ему не платили вспомоществование. Сенат запретил земствам платить вспомоществование. Иногда присяжные ночевали в суде, спали на жестких лавках и даже угорали, потому что печи были плохие. Так что традиция, по-моему, у нас есть, и она совсем не плохая.

Е. ЯСИН: Дорогой мой Сергей Анатольевич, я все-таки выступаю в роли злого следователя. Повторяю: хорошо,

что при Александре II была либеральная судебная реформа. Но это было по историческим меркам совсем недавно. К тому же мы после этого получили большевистскую революцию. И некоторые люди говорят: она как раз была следствием того, что пытались привить народу нечто ему чуждое и он отомстил.

С. ПАШИН: Евгений Григорьевич, я же не только тексты на бумаге писал. Мы ведь занимались и внедрением суда присяжных. И я очень хорошо помню, вижу и знаю, как судьи раскрывались навстречу правовым идеям. С какой бережностью они в первые годы работали с присяжными. Я также знаю многих присяжных лично, наблюдал многие процессы. Конечно, присяжные рассуждают не так, как профессиональные юристы. Но это скорее их достоинство, чем недостаток. Благодаря им была принята масса справедливейших судебных решений, и им очень часто свойственно весьма тонкое чувствование. Вплоть до того, что присяжный говорит: «Я полагаю, что этот человек был виновен. Но меня спросили: доказано ли? Нет, убедительно не доказано. И мы его оправдали, потому что доказательств мало». Это то, что не всякий юрист понимает.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но вот вопрос, который не перестает быть актуальным: что победит в России — верховенство закона или верховенство начальства? Пока с большим отрывом побеждает второе.

С. ПАШИН: Разумеется, начальство у нас сплошь и рядом выступает как источник закона. Наверное, потому, что в России так было всегда. Тут мы сталкиваемся с непреодоленной традицией.

Е. ЯСИН: Я думаю, что здесь есть и другие мотивы. Главным образом это связано с тем, что мы, получив как бы новую систему, разрушив тоталитарный режим, в то же время сохранили очень важные его элементы — то, что специалисты называют моносубъектностью власти. Потому что на самом деле разделение властей фактически не было реализовано. Исполнительная власть стала единственной или сохранила практически всю мощь, подавив другие, призванные уравнивать ее ветви власти. Взяв на себя всю ответственность за проведение реформ и лишив парламент

реальных рычагов, которые давали бы возможность контроля над происходящим, но и одновременно поставив его в ситуацию безответственной оппозиционности, власть породила для себя и особые проблемы. В результате парламент не разделял с правительством ответственность за проводимую политику и даже блокировал вполне разумные его решения. Вспомним, например, отказ парламента утвердить антикризисную программу Сергея Владиленовича Кириенко летом 1998 года. А это в немалой степени подтолкнуло страну к финансовому краху августа 1998 года.

В то же время представители исполнительной власти не боролись за то, чтобы побеждать на выборах в парламент, так как правительство формировалось вне зависимости от того, какой парламент будет сформирован после выборов. Такая антидемократическая ситуация закрепились в результате известного конфликта президента с Верховным Советом РСФСР 1992–1993 годов. А следом за этим наша исполнительная власть, точнее президентская, поскольку она оказалась единственной, уже сама не хотела мириться с тем, что рядом с ней будут какие-то еще власти. Во всяком случае, я помню слова Владимира Владимировича Путина, сказанные в первые годы его правления, по поводу того, что в старом парламенте ничего, ни одного закона нельзя было принять без дискуссии, без жарких споров. Зато сейчас мы работаем эффективно. А потом уже другой персонаж произнес ставшую крылатой фразу, что парламент не место для дискуссий. И меня все время мучит вопрос. Ведь в первое время были такие хорошие начинания, хотя в 1992 году все реформы очень тяжело проходили через Верховный Совет. Но почему потом дело встало? Из-за сложившихся политических условий или по каким-то иным причинам?

С. ПАШИН: Все-таки судебная реформа проводилась «сверху» — я ограничиваюсь только этой темой. Когда иссякла политическая воля, иссякли и реформы. Они отхлынули, оставив на песке некоторые действующие модели нормального, состязательного правосудия. Например, суд присяжных. Хотя в дальнейшем законодатель постоянно сужал сферу его применения. Ныне в таком суде слушается довольно маленькая доля дел, но тем не менее само его

введение сыграло свою роль, ибо облагородило качество следствия по этим делам. Хотя дел, подведомственных суду присяжных, должно быть гораздо больше. Но иссякла политическая воля. Кроме того, и судейское начальство соригентировалось, смогло использовать судебную реформу как возможность укрепить собственные позиции.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я все же не могу не сказать, что такие дела, как дело ЮКОСа и дело НТВ, не способствуют высокой, достойной репутации нашей судебной системы. Скажите, пожалуйста, а есть в ней вообще то, что можно реформировать? Или лучше сломать все и начинать заново?

С. ПАШИН: Можно сломать, если мы переживем еще одну революцию. Как, например, сделали большевики своими декретами о суде. Или как сделали в Германии, когда присоединяли пять восточногерманских земель в 1990 году во время объединения Германии. Тогда уволили всех восточногерманских судей, но у Западной Германии были свои судьи, которые начали работать как наставники этих прежних восточногерманских судей и прокуроров. Я не думаю, что мы можем что-то сломать так резко. Наоборот, надо стремиться к тому, чтобы пробуждать в людях желание работать правовым образом. Я видел, как наши люди, воспитанные в совсем иной, советской, системе, работали с судом присяжных в 1990-е годы. Они хотели изменений, и у них получалось.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сергей Анатольевич, сколько понадобится времени, чтобы хорошо поработать и добиться от судей законопослушания в высоком смысле?

С. ПАШИН: Убежден, что подавляющее большинство моих уважаемых коллег — это люди, разбирающиеся в законах. И если им не будет грозить наказание за праведные решения, они готовы принимать справедливые решения. В судейской среде даже есть пословица: если не знаешь, как решить дело, решай по закону. Плохо, что судьи сплошь и рядом знают, как решить дело. И знание это им навязывают...

Е. ЯСИН: Все-таки есть один любопытный момент. С моей точки зрения, решения, которые выносили судебные инстанции в 2000-е годы, опираются на такую «цепоч-

ку послушания». В исходе дела оказывается заинтересована или налоговая служба, или прокуратура, или Следственный комитет, или МВД, или ФСБ, или Кремль, или кто-то еще. А потом суд, который определенным образом интерпретирует закон, выносит соответствующее решение. И все происходит вроде бы строго по закону, но не по справедливости, чему, кстати, способствует противоречивость многих наших законов, которые можно интерпретировать в нужную для влиятельного лица сторону. Вспоминаю, как о советских законах, а многие российские законы писались по такому же принципу, Николай Иванович Рыжков, бывший премьер-министр Советского Союза, говорил, что они сделаны с «форточкой». То есть закон был так сформулирован, чтобы можно было допустить некую трактовку или даже наличие специальной статьи, которая позволяет сделать маневры и принять нужное власти решение. Такая удобная конструкция позволяет делать что угодно. Но во всем этом есть определенная вещь: среда воспринимает такие законы, а потом возвращает их в форме недоверия к суду как месту, где человек может законно отстоять свои права. В результате у нас так и не сложилось правовое государство. Более того, каждый раз, когда вы будете стараться его создать, вы получите стандартную реакцию властей, с «форточкой». Есть другой момент. Предположим, власть говорит, что не будет произвольно трактовать законы в своих интересах и прочее. Но тут надо иметь в виду, что у нас теперь капитализм, а это власть денег. Судья же подвержен не только телефонному праву, он, как и любой человек, бывает не способен противостоять искушению... Я даже тут не говорю о том, что и судьи, и свидетели, и присяжные — живые люди. Они просто боятся бандитов, киллеров.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А наша программа по защите свидетелей далеко не столь эффективна, как это описывается в американских детективах.

Е. ЯСИН: Все же для таких глубоких преобразований нужно, чтобы созрели определенные условия. Я вспоминаю, как Александр Николаевич Яковлев — один из авторов перестройки — говорил, что хорошо было бы провести закон о люстрации и тех, кто сотрудничал с КГБ, боль-

ше не пускать на государственные должности. Но реально, по его мнению, это можно было бы, наверное, сделать в другой стране. А у нас нельзя, потому что такова наша история: у нас половина страны сидела, а другая половина следила, сажала или охраняла. Вспоминаю, как несколько лет назад в Москве беседовал с послом Чехии, одним из героев «бархатной революции» 1989 года. Он был назначен новым руководством Чехословакии в Министерство внутренних дел или безопасности, не помню точно. И он должен был осуществлять люстрацию, потому что там был принят соответствующий закон. Интересно, что у него в процессе этой работы было выявлено всего 5 тыс. офицеров безопасности. У нас же их было, видимо, на порядок больше. Поэтому, по мнению Александра Николаевича Яковлева, люстрация у нас была невозможна. Я говорю об этом, чтобы вернуться к главной теме нашего разговора — о независимости судей. Действительно, гарантировать судью от всех вышеназванных угроз и соблазнов невозможно. Значит, может быть, лучше пойти по тому пути, чтобы он получил действительно независимый статус, сделать его должность пожизненной и настолько уважаемой, что он сам себя начнет уважать, чтобы нравственное чувство не позволяло ему принимать неправоподобные решения. Чтобы он понял: тут его ответственность, его долг. Как в пьесе «Человек из Ламанчи» Дон Кихот говорил: «Что такое обет? Обет — это привилегия. Нет, это долг. Нет, не так... Это призвание». А потом подумал и говорит: «Это привилегия». Прошу прощения за неточность цитирования, но смысл я передал. Так может быть, и нам пойти по этическому пути? И тогда в конце концов и у нас что-то получится.

С. ПАШИН: Все-таки независимость судьи — это не его привилегия. Это привилегия граждан, которые приходят к нему за правосудием. И есть такое старое выражение из Библии: народ приходит ко мне, говорил Моисей, просить суда у Бога. Вот в этом смысле совесть судьи и его чувства очень важны. Но есть и другой способ — насыщение судебной системы свежей кровью. Это ситуация, когда решение принимают представители народа. Тогда судья

не может получить деньги за решение, потому что не он его принимает. Такая судебная система очень эффективно действует, например, в Великобритании, где больше 30 тыс. судей решают больше 95% дел и не получают за это ни фардинга.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сергей Анатольевич, но если существует принцип несменяемости судей, то каким образом сместили судью Ольгу Борисовну Кудешкину? А потом, хотя ЕСПЧ признал это решение неправосудным, российские судебные инстанции отказались пересматривать его по существу.

С. ПАШИН: Несменяемость в современном российском варианте означает, что судья пребывает на своей должности, доколе себя хорошо ведет. А если он, например, умалил авторитет судебной власти или разгласил какие-то неприятные обстоятельства внутри «судебной кухни», то его наказывают.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Еще один вопрос. Камнем преткновения судебной реформы вы назвали проблемы с менталитетом судей и технологиями судопроизводства. Все по-прежнему?

С. ПАШИН: Да, разумеется.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Про менталитет мы немножечко поговорили. Что касается технологии, то вернусь к известному: делать революцию нехорошо, однако без революции судебная реформа не получается. Выходит, что других способов на самом деле нет?

Е. ЯСИН: Революция — это тоже не способ, потому что она сметает, разрушает. А что потом?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но бывают же «бархатные революции», Евгений Григорьевич.

С. ПАШИН: Нам больше присущи «ежовые революции». И ежовые рукавицы, а не бархатные. Так что лучше не надо.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Понятно. Тогда такой вопрос: в странах, которые входили в состав Советского Союза, на ваш взгляд, где-то есть успешно функционирующая судебная система?

С. ПАШИН: Самые благоустроенные по-европейски судебные системы — прибалтийские. А самые многообещаю-

щие, я считаю, азиатские. В таких странах, как Казахстан, Кыргызстан, при всех оговорках надо отметить желание создать демократическую систему. Вплоть до введения суда присяжных.

Е. ЯСИН: У нас ведь тоже была такая инициатива. Дмитрий Николаевич Козак выступал с ней, и, в общем, роль присяжных стала расти. Как вы оцениваете эту работу?

С. ПАШИН: Видите ли, формально суд присяжных распространился почти на все российские регионы, во всех областях и республиках есть суд присяжных. А количество дел, которые он разбирает, по сравнению, скажем, с 1999 годом увеличилось лишь на несколько сотен, а не на порядок, как должно было бы быть. Суд присяжных — это витринное достижение демократии. Причем в 2000-е годы из подведомственности судов присяжных были выведены значительные категории дел. К тому же возможности присяжных во многом ограничиваются так называемым оперативным сопровождением процессов.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сергей Анатольевич, ведь судебная система не существует вне общегосударственной системы. И в таком случае возможна ли успешно проведенная реформа судебной системы без общего демократического фона, без комплекса реформирования всего общественного устройства?

С. ПАШИН: Думаю, что как раз судебная реформа может опережать наведение общего демократического порядка в стране. Например, при Александре II государство оставалось монархическим, самодержавным. Никакого парламента не было. Но удалось провести судебную реформу. И тогда современники писали, что в Российской империи создана судебная республика. Так что исторические примеры такого опережения реформирования именно судебной системы есть. Более того, правильно проведенная судебная реформа не только поднимает в обществе престиж суда, но и создает условия для независимого разрешения разного вида споров именно в суде, повышает веру людей в то, что можно добиться справедливости. А это очень важно для создания общей атмосферы, благоприятствующей реформированию и других сфер.

Е. ЯСИН: Мне вспомнилась история из времен Пруссии при Фридрихе II Великом. Он издал указ о независимости суда, а после этого буквально через несколько дней ему принесли письмо от крестьянина. В нем говорилось: «Ваше величество, я подаю на Вас в суд, потому что Ваши чиновники у меня отняли землю». Прибежали чиновники, спросили, что делать? И Фридрих сказал: пусть решают судьи, суд независимый. Состоялся суд, и крестьянин выиграл дело... Был создан прецедент. Когда это случилось второй раз, Фридрих опять уступил мнению суда, не постеснялся этого. И бывший посол Германии в России Эрнст Йорк фон Штудниц, рассказавший мне эту историю, добавил: «Учтите, что у нас его называют Великим не за военные победы». И Наполеон тоже говорил: «Мои победы забудут, а мой Гражданский кодекс останется».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я где-то читала, что, например, с формальной точки зрения система, которая функционировала в период сталинских троек, выглядела очень прилично. Это действительно так? Ведь также нередко приходится слышать, что и Конституция 1936 года была замечательная...

С. ПАШИН: Как и все у нас. Внешне многие институты выглядят очень хорошо. Но работают как-то по-другому. Вообще, в судах общей юрисдикции в сталинское время оправдывали от 7 до 10% обвиняемых. И лишь в 1950-е годы пошел резкий спад оправдательных приговоров на фоне борьбы за «социалистическую законность». Сейчас же у нас оправдывают 0,8%, меньше процента, а потом еще и 37% из оправдательных приговоров отменяют.

Е. ЯСИН: Но и с судом присяжных возникают вопросы. Действительно, через него проходит мало дел. Но, с одной стороны, в начале действия этого суда присяжные, особенно в национальных республиках, оправдывали «своего», невзирая на материалы дела. С другой стороны, были процессы над офицерами, совершившими преступления в Чечне. Тут уже другой суд присяжных, из иных областей их оправдывает.

С. ПАШИН: Да, было дело Ульмана. И суд присяжных вынес два оправдательных вердикта.

Е. ЯСИН: Такие примеры дают повод говорить, что мы не можем у себя применять суд присяжных. Есть и другой случай, когда физика Валентина Владимировича Данилова в Красноярске по надуманному обвинению в выдаче государственных секретов тоже судил суд присяжных. Один состав его оправдал. Однако через какое-то время, весьма ловко подсортировав состав присяжных, добились того, что эти новые присяжные вынесли обвинительное заключение.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть и с судом присяжных у нас все можно.

Е. ЯСИН: Создается такое ощущение: что хотят, то и делают. Работая над судебной реформой, вы о таком не думали, но в результате сегодня все кончилось тем, что начальство, тот, у кого есть административный ресурс, может управлять судебным процессом.

С. ПАШИН: Конечно, есть технологии извращения нового. И по делам, о которых вы говорите, я понимаю, в чем состояли такие технологии. Не последнюю роль сыграло так называемое оперативное сопровождение процессов. Но это значит, что надо в законы закладывать учет агрессивности среды, в которой им предстоит действовать.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Сергей Анатольевич, даже исходя из сказанного вами, получается, что все речи о необходимости улучшения репутации судебной системы — фикция.

С. ПАШИН: Все равно шила в мешке не утаишь, и есть некоторые принципиальные ходы, которые можно и нужно сделать. Это и распространение суда присяжных, это и освобождение судей от мелочной зависимости от председателей судов.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А может быть, начать с освобождения политзаключенных?

С. ПАШИН: Это хорошая, светлая идея.

Е. ЯСИН: Я как раз в этой связи хочу спросить вас о роли юридической корпорации. В конце концов, председатели судов имеют власть над судьями, потому что они распределяют дела и...

С. ПАШИН: И блага.

Е. ЯСИН: Но есть и многие другие вещи, которые находятся в руках юридической корпорации. Какую роль играет

она? Вы говорили о Высшей квалификационной коллегии судей. Однако теперь ее членов тоже стал назначать президент, и там появились некие новации, которые сделали ее более зависимой от власти. Но все же у меня такое впечатление, что внутри своего сообщества юристы предпочитают не выносить сор из избы, блюсти свои корпоративные интересы. И далеко не всегда государственная власть виновата в том, что у нас такая ситуация.

С. ПАШИН: Думаю, что и врачи и архитекторы тоже склонны не выносить сор из избы. Другое дело, что юридической корпорации как единого целого не существует. Есть судейское сообщество, есть адвокатское сообщество, есть работники прокуратуры или следственных органов.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И у адвокатского сообщества, получается, все идет не очень гладко. Потому что многие громкие дела просто негативно сказываются на репутации всех адвокатов.

С. ПАШИН: Адвокатское сообщество неоднородно, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Есть также сообщество ученых-юристов. Это совсем другой разговор. Но в целом влияние юридической корпорации, как вы ее называете, на судей очень невелико.

Е. ЯСИН: Не только на судей. Я имею в виду ситуацию с судебной реформой, с формированием правового государства.

С. ПАШИН: По сути, мне неизвестны случаи, когда кому-нибудь юристу за совершенную им подлость в мантии не подали бы руки. Этого нет. А значит, в отличие от английского правосудия, мы не уповаем на судейскую совесть и справедливость, к несчастью.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Напомню в связи с английским правосудием роман Агаты Кристи «Десять негритят». Там автор довольно жестко разобралась с судьей. Но, Сергей Анатольевич, вы как-то написали, что судебная реформа в России начиналась романтиками. Романтики, как водится, проиграли?

С. ПАШИН: Романтики сделали что могли. Но помните, что нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. Думаю, по гамбургскому счету романтики показали

свою состоятельность. Ибо те институты, которые вводились, дожили до наших дней, хотя и с некоторыми потерями. Не забудем, что затем уже не романтики их пестовали, а прагматики.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть институты были созданы, а изменение качества и смысла их работы — это уже другая история.

С. ПАШИН: Да, конечно.

Е. ЯСИН: Я хочу внести некую дополнительную порцию оптимизма, а может быть, и нет. Совершенно очевидно, что президент неоднократно говорил о том, что не должно быть телефонного права. О том, что необходимо победить правовой нигилизм, что нужно хорошее законодательство и чтобы судья был свободен от давления. Наконец, нужно разъяснять людям важность судебного института и т.д. А как вы считаете: можно сейчас вернуться и действительно довести дело до конца со строительством правового государства, можно ли серьезно продвинуться вперед?

С. ПАШИН: Я очень на это надеюсь. Если появится для этого политическая воля, то почти полдела будет сделано. Это очень важно.

Суд присяжных**(Е. Ясин — Л. Никитинский)**

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: В этот раз нам хотелось бы поговорить о суде присяжных. И для этой беседы Евгений Григорьевич и я пригласили сотрудника «Новой газеты», старшину гильдии «Судебный репортер» Леонида Васильевича Никитинского. Надо, вероятно, напомнить, что в 1993 году была принята Конституция Российской Федерации и возникла необходимость в создании некоторых институтов, существующих во многих странах мира, но до этого отсутствовавших у нас. К таковым относится и суд присяжных.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Я немного уточню: в России ранее существовал суд присяжных, введенный в ходе судебной реформы Александра II. И тогда он продемонстрировал весьма высокий результат, а многие адвокаты сделали себе карьеру на выступлениях в судебных прениях. Если в новом суде, например, Федор Никифорович Плевако мог доказать присяжным, что его подзащитный заслуживает снисхождения, то они принимали такое решение. В общем, получился по-настоящему состязательный судебный процесс. В советское время все это было отменено. Вместо присяжных суд представляли судья и два народных заседателя. Существовала процедура «выбора» судей, аналогичная «выборам» депутатов, то есть в бюллетень для голосования вносилась единственная кандидатура. Что касается народных заседателей, то я даже не помню, выбирали ли их.

ЛЕОНИД НИКИТИНСКИЙ: Насколько я помню, народных заседателей выдвигали трудовые коллективы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А они на что-то влияли?

Е. ЯСИН: Ни на что. Это была некая видимость, как все при советской власти. У нас была видимость демократии.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Принципиальная проблема состояла в том, что народные заседатели выносили решение вме-

сте с судьей в одном кабинете. То есть два человека, не имеющие юридической подготовки, оказывались против судьи, который их легко убеждал. Хотя бывали редкие случаи, когда заседатели записывали свое «особое мнение» или когда они выносили решения, не соответствующие мнению судьи. Но принципиальное различие этой ситуации и суда присяжных в том, что присяжные выносят решение внутри своей коллегии. Судьи там нет. Это совершенно другая модель.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но в чем смысл этой конструкции? Ведь в присяжные отбирают людей просто из граждан, не учитывая, имеется ли у них достаточная юридическая подготовка.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Суть в том, что решить вопрос о доказанности преступления следствием и прокурором, как показывает практика, вполне возможно просто на уровне здравого смысла.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, вы бы взяли принимать решение, не будучи юристом?

Е. ЯСИН: Я вообще считаю, что судебную реформу доверять юристам нельзя.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Нельзя ни в коем случае.

Е. ЯСИН: Точно так же, как генералам нельзя доверять военную реформу или врачам — реформу здравоохранения... Но в том, что касается суда присяжных, если бы выбор пал на меня, то я взялся бы, так как считаю, что, как гражданин, я в принципе обязан был бы исполнить свой долг. Однако я хотел бы поговорить немножко о другом. У нас сложилась определенная политическая и правовая культура. И нас все время убеждают, что в соответствии с ней нам нужен только один президент, а в области — один губернатор и т.д. Здесь же предлагается какой-то правовой нигилизм, хотя мы все равно другими не будем. Зачем нам в этой ситуации суд присяжных? Мало ли что там во времена Плевако было. Потому у меня вопрос к Леониду Васильевичу: а зачем нам сегодня суд присяжных? Конечно, я понимаю тех «идеалистов», которые писали Конституцию или Закон о судебной реформе в начале 1990-х годов. Они все хотели сделать как у людей. Но может быть, нам действительно не подходит то, что опробовано многими странами?

Л. НИКИТИНСКИЙ: Отвечаю на ваш вопрос, Евгений Григорьевич. Действительно, сегодня, наверное, в рамках построения президентской вертикали, многие хотели бы отказаться от суда присяжных. Но, по счастью, сделать это технически очень сложно, поскольку положение о нем прямо закреплено в Конституции 1993 года — право на суд присяжных по наиболее тяжелым преступлениям. Да, встраивается он в нашу жизнь довольно сложно. Однако, может быть забегая вперед, я скажу, что суд присяжных на сегодняшний день может выполнить роль локомотива, способного вытащить всю нашу судебную систему. Потому что, действительно, 1990-е годы были временем надежд. Это были не иллюзии, а именно надежды на то, что в России появится независимая судебная власть. И для этого было принято множество законов, в том числе о несменяемости судей и т.д. Но, к сожалению, эта ветка наших реформ захла. Она не была тупиковой, но в силу разных обстоятельств захла, прежде всего в связи с построением вертикали власти. Потому что на сегодняшний день судебная система стала ее подсистемой, а не самостоятельной ветвью власти. Но в то же время суд присяжных идет вразрез с этой общей тенденцией. Тут достаточно посмотреть на судебную статистику: оправдательные приговоры без суда присяжных составляют менее 1%, с присяжными — 16%. Притом что мы знаем о состоянии следствия в стране, о пытках, о том, как заведомо невиновные люди подгоняются под этот «профессиональный» суд, который практически всех их штампует в соответствии с вынесенным следствием и прокурором решением. Он стал продолжением обвинительного уклона в уголовном правосудии. А суд присяжных, при всех его издержках, все-таки эту чудовищную машину иногда останавливает. Я могу привести тому множество примеров.

Е. ЯСИН: Ну, можно ли сделать из этого такой вывод, что, в принципе, суд присяжных — некий островок независимости, просто потому, что туда собираются люди, которые не получают за это зарплату, они могут обойтись без этого занятия и на них трудно оказывать давление? В особенности учитывая, что их целая группа, коллектив, а в ходе

судебного процесса стороны обращаются к их чувству справедливости, гуманности.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Давление на них действительно оказывать очень сложно. Не только потому, что их двенадцать, даже больше чем двенадцать, потому что там всегда есть еще запасные. Вспомним, например, скандал, когда пытались якобы подкупить присяжных по делу об убийстве Андрея Андреевича Козлова — заместителя председателя Центробанка, убийстве, которое заказал банкир Френкель. Но об этом и всех таких случаях очень мало информации. Такие суды идут в последнее время часто в закрытом режиме. Но если действительно адвокаты попытались подкупить присяжных, то это безумие. Потому что присяжные в совещательной комнате очень внимательно друг за другом наблюдают и любая попытка их подкупить обязательно выплывет наружу. Хотя такие попытки и существуют. Но дело даже не в том, что присяжные независимы. Проблема немножко в другом. К сожалению, у нас профессиональный судья превратился просто в некий придаток машины следствия. Почти всегда он просто штампует решения, представленные стороной обвинения.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Что велено...

Л. НИКИТИНСКИЙ: Да, если уж дело дошло до суда. Правда, там, где само следствие понимает, что зашло совсем не туда, оно некоторые дела прекращает. По сути, цифра оправдательных приговоров скрывается в статистике прекращенных дел, не дошедших до суда. В суде же мы практически всегда видим единую работу судьи и стороны обвинения. Присяжные же оказываются посторонними в этой системе, потому что они-то и есть подлинно независимая третья власть. То есть наш суд не стал третьей властью, а присяжные ею стали.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Значит, этих присяжных можно рассматривать как некие фрагменты гражданского общества? Они представители гражданского общества, которые с позиций здравого смысла и чувства справедливости решают, доказана или нет вина либо невиновность подсудимого?

Л. НИКИТИНСКИЙ: Безусловно, это так. Я могу очень долго и подробно об этом говорить.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но возникает вопрос: должен ли законодатель при введении суда присяжных учитывать уровень профессиональной подготовки российских следственных органов и в целом стороны обвинения? Если да, то достаточен ли их профессиональный уровень для суда присяжных?

Л. НИКИТИНСКИЙ: Поскольку мы сейчас пытаемся создать такой Клуб присяжных, я уже знаком с достаточно большим количеством процессов с участием суда присяжных. Я сам в пятнадцати регионах уже разговаривал примерно со ста присяжными, поэтому буду оперировать сведениями, полученными из их рассказов. Те присяжные, с которыми я разговаривал, как ни странно, больше говорят о непрофессионализме адвокатов. Это может показаться удивительным, но надо понять, что чаще всего к присяжным попадают дела, где обвиняются в убийствах малоимущие люди, которые не в состоянии нанять хорошего адвоката. Обычно в них заняты так называемые адвокаты по назначению, и оказывается, что уровень их подготовки ниже, чем уровень обвинения. Но это обычно касается дел по обвинению в обыкновенных убийствах, где, в общем, все доказано и не над чем голову ломать. Однако попадают и сложные дела. Вот там уровень обвинения чаще всего недостаточен. Хотя сейчас в прокуратуре это уже поняли. Они стараются подтянуться. Кстати говоря, роль суда присяжных состоит и в том, чтобы заставить обвинение работать более профессионально. Теперь прокуратура по делам, которые могут слушаться с присяжными, уже не позволяет себе пропускать шитые белыми нитками плоды следствия. То есть, заранее понимая, что это может разрушиться именно у присяжных, следователи и прокуроры начинают работать по-настоящему. Более того, есть тенденция, что прокуратура сейчас старается конструировать дела таким образом, чтобы они к присяжным не попадали. Об этом мне говорили многие и во многих регионах. Например, убийства квалифицируются как нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть, то есть изменяется статья обвинения на не попадающую в список тех, что должны рассматриваться судом присяжных.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Леонид Васильевич, но существует масса конкретных примеров из самых разных сфер — от, например, дела Квачкова по обвинению в покушении на убийство Анатолия Чубайса до дела физика Данилова. И есть много дел, после которых у значительной части общества остались вопросы.

Е. ЯСИН: Я бы в их ряду обязательно вспомнил дело об убийстве таджикской девочки в Питере. А особенность дела физика Данилова в том, что если первый состав присяжных оправдал его, то затем почему-то возникший другой состав присяжных вынес обвинительный вердикт этому человеку. В результате он был осужден на четырнадцать лет по обвинениям, которые, как утверждают самые видные эксперты, академики, вообще не могли рассматриваться как обвинения. Такого я просто не понимаю. Есть случаи, когда присяжные оправдывают явных убийц...

Л. НИКИТИНСКИЙ: Прежде всего отмечу, что каждое из упомянутых дел совершенно индивидуально. Здесь нет общей тенденции, и это просто совсем разные истории. Собственно, все истории, которые мне рассказывали присяжные, каждый раз совершенно разные истории, непохожие друг на друга. Поэтому надо знать содержание дела, чтобы судить о нем. Что касается физика Данилова, то тут все более-менее понятно. Кстати говоря, тут есть еще и такая проблема: Верховный Суд отменяет вердикты присяжных, придираясь к формальным причинам. Хотя, по логике, он имеет право отменить оправдательный вердикт только в случае грубейших нарушений процесса. Этого не было по первому процессу Данилова. Что касается его второго процесса, который шел в закрытом режиме, то там действительно есть какая-то секретность и, скажем так, странности. Сначала адвокаты были удивлены, что среди присяжных вдруг оказались мужчины среднего возраста с высшим образованием, что бывает редко при выборе присяжных. Позже выяснилось, что многие из этих мужчин связаны с МВД, с КГБ и т.д. То есть имеются основания полагать, что коллегию присяжных сформировали искусственным образом, такая технология была применена. Коллегия присяжных была просто сформирована искусственно, и в этом

вся проблема. Кроме того, перед присяжными судьей был поставлен еще один хитрый вопрос. Он звучал так: передавал ли Данилов такие-то сведения туда-то, чего, кстати, Данилов и не отрицал, но не был задан вопрос, являлись ли эти сведения секретными. А именно в этом была суть проблемы.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть не был задан самый главный вопрос.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Конечно, специально сформированный состав и преопределил исход этого процесса. Что касается дела Квачкова, то он просто четыре часа рассказывал присяжным, как он бы взорвал Чубайса, если бы он это делал, указывая на те нелепости, которые действительно имели место при этом покушении. Да, дело загадочное, но присяжных убедило именно выступление Квачкова, потому они его и оправдали. Но вспомним, что в свое время присяжные оправдали и Веру Засулич, хотя ее вина была очевидна.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Теперь, Леонид Васильевич, о таджикской девочке.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Это было в Петербурге в марте 2006 года. Дело таджикской девочки в действительности начало сыпаться со следующего эпизода. Само по себе это очень интересно, потому коротко расскажу о нем. Обвиняемыми были тоже бедные ребята из бедных семей, их там, по-моему, шестнадцать человек сидело. У них были адвокаты по назначению, но попался и добросовестный адвокат. Его повезли на место преступления, там проводились следственные действия с подсудимым, с этим пацаном. Он рассказывает: вот здесь мы ее убили, вот здесь мы побежали, вот здесь мы перелезли через забор. Но адвокат был действительно добросовестный, он говорит: «Постой-постой, вот этот забор три метра, как вы тут перелезли?» Мальчишка начинает плакать, говорит: меня били менты, заставили признать. Вот с этого и начало сыпаться дело таджикской девочки. Там были три компании, незнакомые друг с другом. Большинства из них точно не было на месте преступления. Но поскольку дело было громкое, резонансное, то питерские милиционеры просто похватили первых попав-

шихся людей. И если бы не присяжные, их, вероятнее всего, просто осудили бы за убийство.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть здесь можно говорить о торжестве законности.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Абсолютно. Безусловно. Ко мне приезжали в Москву двое присяжных из этого процесса. Один из них очень интересный человек — инженер высокой квалификации. Он мне очень подробно обо всем рассказывал. Более того, через два или три месяца после того, как был вынесен этот вердикт и все еще бушевал скандал — потом он прекратился, потому что Верховный Суд оставил в силе этот оправдательный вердикт, — питерский журналист Евгений Вашенков сумел вычислить настоящих убийц. Это банда Боровикова в Питере. Они брали на себя это убийство таджикской девочки, и убийство вьетнамской девочки, и другие убийства, по которым уже сидели люди.

Е. ЯСИН: Я, кстати, хочу посоветовать прочитать книгу Леонида Васильевича «Тайна совещательной комнаты», которая посвящена проблеме суда присяжных. Но не с точки зрения выводов, а с человеческой точки зрения. Потому что, в конце концов, я так понимаю, для нас существенно то, что происходит с людьми, что их заставляет совершать те или иные действия. Я вспоминаю наши разговоры с Леонидом Васильевичем. Вы сказали, что, в конце концов, важно не то, что суд присяжных — институт гражданского общества, а то, что он является институтом *формирования* гражданского общества. Люди, работающие в составе жюри присяжных, проникаются рассматриваемыми делами и по-другому начинают смотреть на мир. И это очень важно передать всем остальным. Тут, кстати, вспоминается фильм Никиты Михалкова «Двенадцать» — ремейк знаменитого американского фильма 1950-х годов «Двенадцать разгневанных мужчин».

Л. НИКИТИНСКИЙ: Два слова скажу о фильме Михалкова. С художественной точки зрения он, может быть, и неплох. Там блистательная актерская игра. Но он абсолютно противоречит российской модели суда присяжных. Тот сюжет, который Михалков представил в этом фильме, как вы сказали, является калькой с американского фильма

«Двенадцать разгневанных мужчин». Но в России такая ситуация просто невозможна, потому что там все строится на требовании, чтобы вердикт был единогласным, а в России это необязательно, достаточно большинства, а значит, и интрига просто невозможна. Люди, которые посмотрели этот фильм, должны иметь в виду: у нас другой суд присяжных. Теперь к делу, которое стало прообразом моего романа. В 2005 году мне позвонил один адвокат и сказал, что ко мне хотят прийти десять присяжных из только что распущенной в Мосгорсуде коллегии. Я в это сначала не поверил, но, действительно, сначала пришли девять, потом еще один. Они были возмущены тем, что хотели вынести оправдательный вердикт, но это каким-то образом стало известно, видимо, стороне обвинения. И были предприняты некие меры: их пытались подкупить, а в конце концов распустили. Они мне начали рассказывать об этом деле Игоря Поддубного, который обвинялся в контрабанде сигарет и в создании преступного сообщества из двух человек — его и его помощника.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это уже сообщество?

Л. НИКИТИНСКИЙ: Да, вот это объявление их преступным сообществом позволило им требовать суда присяжных. Причем, когда адвокат предложил это своему подзащитному, тот сказал: «Ты, наверное, сумасшедший. Потому что я богатый, они бедные. Они меня однозначно засудят». Потом оказалось, что три коллегии присяжных подряд его оправдывали. Но в этой коллегии среди двенадцати всегда находятся самые разные люди. Там была одна женщина, милая, я сейчас с ней дружу, которая занималась немножко коммерцией, тоже что-то импортировала. И вот она стала говорить: «Ведь что такое контрабанда сигарет? Он же их не через горы таскал. Он был очень крупным импортером сигарет. Если он контрабандист, то контрабандисты все, кто ввозил в Россию электронику, водку, сигареты, вообще что угодно ввозил. Они все контрабандисты, они все как-то не так это растаможивали». В общем, эта коллегия стала склоняться к тому, что обвиняемых надо оправдать. Тогда присяжных распустили. Когда они мне всё рассказали с подробностями, мне стали очень интересны эти люди. Впо-

следствии в каждой из коллегий находился хотя бы один, кто говорил одну и ту же фразу: «Как в нашем оголтелом, диком обществе вдруг могут собраться двенадцать человек, которые спокойно, вдумчиво выносят какое-то решение?» Вот это и есть феномен совещательной комнаты. Тайна совещательной комнаты: она что-то делает с людьми, и они вдруг становятся нормальными. Я начал писать роман. Тем временем Поддубного судила вторая коллегия. А я стал ходить на этот процесс вместе с бывшими присяжными, которые уже за него болели. Вот сидит новая коллегия присяжных с очень мрачными лицами. Про меня они думали, что я папа подсудимого, а про присяжных — что это просто какие-то люди в зале сидят. И вот наступает момент оглашения вердикта. Они сидят с такими мрачными физиономиями, что понятно: сейчас они его осудят. И вдруг единогласный оправдательный вердикт. Это сделала уже вторая коллегия. Тут же начинается братание первой коллегии со второй. Потом все кончается походом в ресторан. Из этого было раздута дело, что якобы их подкупили. Но мне вторая коллегия говорит: «Мы же “Новую газету” читали и понимали, что нам надо молчать. Поэтому мы специально корчили такие страшные рожи и ни под каким видом не обсуждали того, что будет».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Прямо заговор какой-то...

Л. НИКИТИНСКИЙ: Да. И эта интрига потом в роман вошла. Как они стараются переигрывать друг друга. Там же все очень сложно.

Е. ЯСИН: Хороший детектив.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Да. И на выбывание, и на развал коллегии. Там все есть. А этому Поддубному, пока он находился в следственном изоляторе, подстроили драку со следователем. Он потом говорит: «Я же не сумасшедший драться со следователем». Тем не менее он получил три года, остался досиживать, а его помощника отпустили вчистую. Мне потом опытные адвокаты говорят: «Они не успеют отменить этот вердикт. Он должен уже в августе выйти на свободу. Тот срок у него кончается». Тем не менее чуть ли не в последний день этот оправдательный вердикт был опять отменен Верховным Судом. Поддубный остался под стра-

жей, и помощника его забрали, а он уже полгода погулял на свободе, но его опять посадили. И теперь уже третья коллегия судит Поддубного. В это время я дописал роман. А в суде в это время опять сидят присяжные, уже третья коллегия. В этот раз женщины с очень мрачными лицами, и они выносят оправдательный вердикт: десять против двух. Вот это интрига!

С этого началось мое увлечение присяжными, потом попытки создать Клуб присяжных. Потому что, понимаете, не надо к этому суду относиться как к некоему черному ящику. Вот мы на входе имеем обвинительное заключение, на выходе — или оправдательный, или обвинительный вердикт. Но надо видеть, что происходит с людьми, которые в этом черном ящике сидят. Тут необыкновенный пример какого-то гражданского взросления, ответственности. Люди совершенно меняются, они по-другому относятся и к правосудию, и к государству, и вообще к пониманию своей роли в обществе и в истории. Вот чем драгоценен этот опыт.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ну, давайте мы все-таки вернемся к становлению суда присяжных. Я бы хотела перебросить мостик вообще в день сегодняшний. Все время говорят о необходимости судебной реформы, о том, чтобы суды перестали быть «ручными» и т.п.

Е. ЯСИН: Я лично воспринимаю ситуацию следующим образом. Думаю, во власти есть люди, которые понимают, что надо завершить судебную реформу и победить правовой нигилизм. И в этом я лично желаю им успехов. Потому что если даже мы продвинемся лишь на этом участке, то можно будет говорить об их большой заслуге. Причем я разговаривал с одним из судей Конституционного Суда, который сказал, что есть одна простая вещь: надо просто перейти к судебным округам, которые не зависят от административных подразделений.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Если бы все было так просто. Конечно, это одна из необходимых мер...

Е. ЯСИН: Но это все-таки говорил человек, который разбирается в проблеме. Пусть это одна из мер, которую необходимо реализовать в рамках самой судебной системы. Конечно, я убежден, что этого недостаточно. Но среди мер,

без которых не будет судебной реформы, есть и то, о чем мы сегодня говорим, — суд присяжных. Может ли он стать двигателем продолжения судебной реформы? Потому что, насколько я понимаю, судебная реформа не может сводиться лишь к принятию каких-то новых законов, поправок, инструкций и т.д. Мы знаем и то, что в тех или иных ситуациях вполне может быть определенный звонок по телефону или некий другой сигнал...

Л. НИКИТИНСКИЙ: Евгений Григорьевич, если можно, я прокомментирую сказанное. Во-первых, я с вами совершенно согласен в том, что если власть действительно хочет провести настоящую судебную реформу, то, честное слово, для нас оппозиция и фронт совершенно не самоцель. В таком случае и оппозиция захочет помочь. Но для меня остается политологический вопрос, в котором я не специалист. Понятно, что никто не захочет ущемлять силовые институты. А у судебного сообщества за долгие годы сложились слишком тесные связи и со следственными органами, и с прокурорскими работниками. Мы ведь знаем, что многие судьи начинали свою карьеру именно в этих структурах. Тут связи даже ментальные. Потому я считаю, что для подлинной независимости суда абсолютно недостаточно изменения судебных округов и т.п.

Е. ЯСИН: Важно изменить и полномочия председателя суда.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Прежде всего сломать механизм распределения дел председателем. Я могу объяснить эту систему. На самом деле все держится на том, что в каждом суде есть один или два судьи, которым председатель суда может распределить какое-то стоящее у него на контроле дело. Большинство судей принимают нормальные решения по нормальным делам. Однако если есть заказное дело, то оно распределяется нужному судье, и тот принимает нужное решение. Вот, грубо говоря, и весь механизм.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А разрушить его можно?

Л. НИКИТИНСКИЙ: Можно, но дело не в этом. Чтобы сделать независимым суд, надо прежде всего получить когорту внутренне независимых людей. Все эти законы о несменяемости судей привели к тому, что изнутри-то суд

не реформировался. И на сегодняшний день судейское общество представляет собой такую касту, которая, кстати говоря, делает вид, что никто не в состоянии понять этих вопросов. Ни присяжные, ни общество, никто. Вот только мы внутри себя можем постичь эти вопросы.

Е. ЯСИН: Потому они и критикуют суд присяжных как некомпетентный. Якобы только профессионалы могут во всем разобраться.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Это искусственное утверждение. На самом деле понять, обоснованно обвинение или нет, прекрасно могут все люди. Как некий охранительный инструмент используется специфический юридический язык. Однако на самом деле все можно объяснить, и суды присяжных это прекрасно демонстрируют. Чтобы быть кратким, скажу: если мы увидим кадровые перемены в судах, тогда я поверю, что они действительно хотят реформировать судебную систему. Те люди, которые сейчас ее контролируют, они...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Развращены?

Л. НИКИТИНСКИЙ: Я бы не стал так резко говорить. Это замкнутость, кастовость, нежелание прислушиваться к аргументам, такое юридическое самодовольство.

Е. ЯСИН: Мы об этом уже говорили с Сергеем Анатольевичем Пашиным.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Суд присяжных — платформа для разрушения прежде всего этого юридического самодовольства. И возможность взглянуть с точки зрения здравого смысла на многое.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Леонид Васильевич, но существует некий импульс, данный сегодняшней системе системой 1990-х годов. Этот импульс — суд присяжных, как он создавался, задумывался. Но во что замыслы тех лет вылились сегодня и чем это может закончиться завтра? Ведь исходя из сказанного вами и Евгением Григорьевичем следует, что всегда можно найти зависимых. А значит, можно манипулировать и в рамках этой формы.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Я бы, сильно огрубляя, сказал так. Из всего посыла судебной реформы 1990-х годов уцелел только суд присяжных. И только благодаря тому, что

требование его создания прямо заложено в Конституции. От этого никуда не денешься. Огромное количество людей, прежде всего в правоохранительной системе, в прокуратуре, ненавидят суд присяжных и мечтают от него избавиться или хотя бы сузить сферу его применения. Действительно, есть, наверное, оправдательные вердикты не совсем корректные. Незаконных обвинительных вердиктов присяжные никогда не выносят. Оправдательные они могут вынести, как когда-то они оправдали Веру Засулич, как оправдали Квачкова. Но, при всех издержках, ценность этого института с точки зрения того, что он может сделать судебную систему более открытой, вменяемой и восприимчивой к конструктивной критике, огромна. Все остальное провисает. Это именно островок независимости, и его надо расширять, вводить прежде всего в сферу коммерческого правосудия. Ведь в арбитражных судах предусмотрены и арбитражные заседатели. В общем, надо вести разговор не просто о суде присяжных, а об участии граждан в отправлении правосудия. Вот о чем надо говорить. О том, что общественность должна действительно, а не понарошку участвовать в работе квалификационных коллегий судей. Надо говорить о том, что общественность должна участвовать в рассмотрении коррупционных арбитражных дел, поскольку в закрытой колбе можно творить что угодно. Когда появляется общественный контроль, совершенно меняется режим. Это показывает опыт и рассмотрения конкретных дел судом присяжных, и изменения режима работы прокуратуры. То есть суд присяжных та площадка, которая позволяет в этом болоте нащупать твердую почву, опереться и что-то сделать с правосудием в целом.

Е. ЯСИН: Я хочу вернуться в физику Валентину Владимировичу Данилову. В чем там была проблема? Присяжные вынесли оправдательный вердикт. После этого начали говорить, что экспертиза была плохая. Привлекли каких-то других экспертов, которые, как потом выяснилось, были связаны с сотрудниками правоохранительных органов.

Л. НИКИТИНСКИЙ: В докладе в Совете Европы это все подробнейшим образом изложено.

Е. ЯСИН: Но когда все это открылось, были получены свидетельства самых выдающихся ученых, которые доказывали, что Данилов не мог выдать никакой государственной тайны. Среди них был академик Юрий Алексеевич Рыжов, другие ученые, которые профессионально этим занимались, а ведь дело Данилова не единственное, неслучайно Рыжов совместно с Нобелевским лауреатом Виталием Лазаревичем Гинзбургом создали специальный Общественный комитет защиты ученых. Но что важно: на все их аргументы никто не желал реагировать. Много об этом деле писали и средства массовой информации. И что?

Л. НИКИТИНСКИЙ: На сессии ОБСЕ этот вопрос рассматривался. Я лично там присутствовал.

Е. ЯСИН: Это хорошо, но мы живем в нашей стране. Я понимаю, что просто так судебную реформу сделать не удастся. Даже если будут и суд присяжных, и судебные округа, и введут еще какие-то дополнительные меры, и председатель суда не сможет распределять дела как ему заблагорассудится. Все равно свою роль должны играть средства массовой информации, их выступления должны влиять на власть. Иначе общество ничего не сможет сделать. Не знаю даже, что можно сделать для продвижения судебной реформы в нашей ситуации.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Если бы мы вновь и серьезно вернулись к идее необходимости судебной реформы, то, конечно, я прежде всего сильно перетряхнул бы кадры самого судейского сообщества, начиная с Высшей квалификационной коллегии и квалификационной коллегии судей в регионах. Допустил бы туда настоящую общественность, потому что сегодня там сами судьи котируют только тех общественных представителей, которые им нужны. Но нам-то легко говорить, потому что на самом деле это система очень серьезная, она как бы завершающий этап деятельности силовых структур. Поэтому упустить ее из своих рук правоохранители в целом не желают. Потому в реальность своих пожеланий я не очень верю, не верю в то, что это можно разом сделать. Но если что-то и можно сделать, то только допуская гражданское общество к правосудию, безусловно к участию в отправления правосудия. Забудьте сказку, что

только профессионалы могут разобраться в юридических тонкостях. На следствии — да, необходимы профессионалы, а в суде могут участвовать и непрофессионалы, причем их участие страшно важно. И конечно же, нужен независимый суд, нужны независимые люди внутри судебного сообщества.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Еще один важный этический момент, может быть непрофессиональный. Ведь очень много говорят сегодня о том, что реакция общества на происходящее в стране — такая своего рода внутренняя эмиграция, когда люди не хотят принимать участие в общественной деятельности во всех ее видах.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Они и не идут в присяжные. И это проблема, с которой мы столкнулись с нашим Клубом присяжных в регионах. Люди действительно не хотят идти в присяжные.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: После ваших слов, честно говоря, я задумалась, идти ли в присяжные. Ведь, согласитесь, принимать решение о человеческой судьбе — это такая ответственность.

Л. НИКИТИНСКИЙ: Да, это очень трудно. Я мог бы рассказать несколько историй о принятии таких решений, которые мне рассказывали присяжные из регионов.

Е. ЯСИН: Просто у каждого иногда должен возникать вопрос: если не я, то кто же?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Остается надеяться, что рано или поздно суд присяжных скажет свое веское слово и в проведении судебной реформы в целом.

Е. ЯСИН: Важно, что суд присяжных именно то место, где формируется гражданское общество. Там рождаются граждане!

**VI. ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО 1990-Х ГОДОВ**

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1990-Е ГОДЫ (Е. ЯСИН — А. АУЗАН)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Тема сегодняшней беседы — гражданское общество России в 1990-е годы. Для ее обсуждения мы с Евгением Григорьевичем пригласили Александра Александровича Аузана, как президента Института национального проекта «Общественный договор». Многие помнят тот общий подъем, который всколыхнул страну в конце 1980-х — начале 1990-х годов. В результате коммунистический режим пал, но затем, с нарастанием трудностей реформ, многие сосредоточились на процессе собственного выживания и, как выразился Евгений Григорьевич, общество атомизировалось, все ушли в свои «капсулы».

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Ушли в частную жизнь.

АЛЕКСАНДР АУЗАН: Тут я бы немножко поспорил с дорогим учителем — Евгений Григорьевич мой учитель. Дело в том, что 1990-е годы в целом — это время дикорастущего гражданского общества. В этом процессе можно выделить несколько волн. Мы помним конец 1980-х годов. Тогда появились, точнее, вышли на поверхность неформалы, стали возникать новые профсоюзные движения, экологические движения. Потом они пошли несколько на спад. Но в начале 1990-х годов начало активизироваться движение по защите прав потребителей, к которому я тогда приложил руку и довольно хорошо знаю, что происходило внутри. Кроме того, с середины 1990-х годов и во второй их половине стали возникать вполне реальные ассоциации бизнеса. Потому что бизнес начал как-то определяться в жизни и проявлять какие-то формы общественной активности.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Александр Александрович, очень часто пишут, что многие российские демократические институты базировались на протестантской идее уважения

к собственности, к приватной жизни. Как-то вообще можно сопоставить это с тем, что обычно называется «российская ментальность»?

А. АУЗАН: Вы думаете, в конце 1980-х годов у нас случился массовый переход в протестантство?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Нет...

А. АУЗАН: Мне кажется, что в конце 1980-х мы вышли из Советского Союза с большим запасом того, что социологи, экономисты называют социальным капиталом, взаимным доверием. Ведь мы же не из тоталитарного общества выходили. Тоталитарное общество у нас умерло раньше, в 1950-е годы. А к концу 1980-х это было уже авторитарное общество, где можно было разговаривать, где можно было рассказывать друг другу политические анекдоты, свободно беседовать с друзьями...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И садиться за это.

А. АУЗАН: Да, но уже не в таких масштабах, как за тридцать лет до этого. Потому у людей был большой запас взаимного доверия, и они легко выходили на улицы в очень больших количествах. Демонстрации 1990–1991 годов собирали в Москве по несколько сотен тысяч человек. Такого в 2000-е годы уже не было. Мне кажется, протестантская этика тут ни при чем. Социальный капитал, нормы доверия были на высоком уровне в начале девяностых. А потом они оказались разъедены очень тяжелым процессом трансформации. Исчезли прежние общности. Среди прежних одноклассников, например, один стал успешным бизнесменом, а другой не мог свести концы с концами. И каждый считал другого не вполне правильным человеком. В этих трудных процессах, конечно, сжигалось доверие, а в результате произошла та атомизация, про которую справедливо говорил Евгений Григорьевич. Думаю, что мы еще даже не достигли предела атомизации. Отвечая на вопрос «Можно ли доверять людям?», под 80% отвечали «нет», потом появилась цифра 84%. Но это не рекорд: в Германии конца сороковых 92% считали, что людям доверять нельзя. А потом за пять-семь лет все изменилось. И началось немецкое экономическое чудо.

Е. ЯСИН: Сначала чудо или сначала доверие?

А. АУЗАН: Сначала доверие, потом чудо.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А откуда взяться доверию?

А. АУЗАН: Мы говорим про 1990-е годы или про нынешнее время?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я хочу понять общий смысл модели, которую, может быть, нужно было бы использовать в данной ситуации. Почему, например, в 1990-е годы доверие стало резко падать?

А. АУЗАН: Началось с расслоения, с тяжелых реформ. Тот накопленный энергетический потенциал, который был в людях рубежа 1980–90-х годов, оказался израсходован. Теперь он близок к минимуму, но неизбежно опять начнет накапливаться. Вопрос только в каких формах. Потому что его носителями могут быть, например, этнические группы, или землячества, или преступные группировки. Внутри этих сообществ очень высокий уровень взаимного доверия. Они же друг другу спину прикрывают.

Е. ЯСИН: Это то, что называется фамилизм.

А. АУЗАН: Да, конечно.

Е. ЯСИН: Или клин тела. Тут связь другая, и она противна общественному движению.

А. АУЗАН: Вот как раз тут мы и подошли к вопросу о гражданском обществе. Потому что доверие может начать восстанавливаться в таких формах, что в итоге мы никакого гражданского общества не получаем. И никаких позитивных результатов от этого не будет. Хотя доверие станет восстанавливаться.

Е. ЯСИН: Значит, если все-таки речь идет об уходе в частную жизнь, то это предполагает повышение доверия среди членов семьи и это тоже социальный капитал?

А. АУЗАН: Повышение доверия среди членов семьи, близких друзей и так далее уже идет. Это по социологии видно. Я хочу сказать об одной смешной цифре. Мы в середине 2000-х годов в нашем институте проводили исследование по поводу личной безопасности. И на вопрос, кому вы доверяете в плане личной безопасности, президент страны проиграл родным, близким и друзьям.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это нормально.

А. АУЗАН: На самом деле это парадоксально, потому что как раз родные, близкие и друзья не могут обеспечить

личной безопасности. Это как раз функция, с которой государство обычно лучше справляется.

Е. ЯСИН: Мне кажется, что если восстанавливается доверие среди членов семьи, то это не означает роста общественного доверия. А гражданское общество, как бы его ни определяли — мы об этом еще поговорим, — не предполагает, что человек может спрятаться в семью, как в норку. Оно предполагает, что есть какие-то общественные связи. Существуют известные социальные психологические теории, которые используют категорию «радиус доверия». Самый короткий радиус доверия в семье. Это правда. Но считается, что общественные связи, социальный капитал тем больше, сильнее и лучше качеством, чем шире и больше доверие к публичным институтам. К людям, с которыми вы находитесь в публичных отношениях, рассчитывая на то, что как раз публичные институты вас будут защищать и поддерживать.

А. АУЗАН: Я отчасти с вами соглашусь. Отчасти, потому что иметь норку, вообще говоря, довольно важно, чтобы чувствовать себя защищенным. Вопрос только в том, вылезает зверек из норы для жизни в большой природе или не вылезает. Поэтому то, что семья становится некой крепостью, может быть, и неплохо. Но одновременно встает вопрос: возникает ли доверие к публичным институтам? Это опять-таки происходит очень по-разному с государственными институтами, к которым, как мы видим, пока доверие все падает, падает и падает. Что касается общественных организаций, то, как ни странно, тут уровень доверия довольно приличный — 27 или 30% по различным видам общественных организаций, правозащитных, потребительских, экологических. Поэтому я бы не сказал, что дело так безнадежно.

Е. ЯСИН: Я думаю, что мы должны поберечь такие оптимистические ноты для завершения нашего разговора. Пока же нужно разобраться с тем, что такое гражданское общество.

А. АУЗАН: Давайте попробуем. Вспомним, что мы начинали в 1990-е годы с достаточно активным гражданским движением. И люди были более заинтересованы в обще-

ственных делах, но потом все это куда-то ушло по разным причинам. Однако у меня такое ощущение, что оно не уходило совсем. И его всегда можно было «поднять». Правда, начиная с нового века ситуация изменилась. Выяснилось, что в этой ситуации, с провозглашением строительства вертикали власти, институты гражданского общества стали просто ненужными. Это происходит даже тогда, когда власть пытается их приручить, показать, что она их поддерживает. Но у нас все равно не получается: люди уходят в норки. В то же время видно, что в норки не все уходят. Например, на заседании фонда «Либеральная Миссия» заслушали доклад Евгения Шлемовича Гонтмахера о новых неформалах. Он говорил о таких движениях, которых не было ранее, например о движении автомобилистов, о многих других движениях, которые ныне проявляются. Есть некоторые результаты и у экологов. Были результаты и у общностей, которые возникают на уровне жителей одного или соседних домов в связи с защитой их жизненных и уже межсемейных интересов. А это и есть проявления гражданского общества, ведь оно всегда так «мигает». Уходит одно проявление; кажется, что вообще все ушло, а вы посмотрите в другую сторону, там, может быть, растет что-нибудь новое и интересное.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Александр Александрович, хотелось бы, чтобы вы сказали несколько слов о некоммерческих организациях 1990-х годов. Ведь во многом с подачи «сверху» и усилиями штатных пропагандистов в достаточно широких слоях населения сложилось убеждение, что представители этих организаций «шакалили» по посольствам в ущерб национальным интересам страны.

А. АУЗАН: Я должен прежде всего обратить ваше внимание на то, что некоммерческие организации в России образовались раньше, чем появились все эти иностранные гранты. Реально грантовый поток стал нарастать где-то к середине 1990-х годов. А так называемые неформальные движения зарождались и оформлялись в конце 1980-х годов. Так что причинной связи здесь нет. Кроме того, были и остаются направления деятельности, которые вообще никак не связаны с грантами и финансированием. Например,

мои родные общества защиты прав потребителей в 1990-е годы грантов практически не получали, а жили на доходы от юридической деятельности, от ведения тяжб в судах, от информационных договоров с газетами, с телевидением, наконец от своих изданий. Тем более это касается ассоциаций бизнеса. Они, вообще-то, тоже являются формами гражданского общества. Но они уж точно на гранты не жили и в 1990-е годы, и в нулевые.

В то же время, рассматривая этот аспект нашей темы, важно подчеркнуть, что гранты в те годы играли важную роль проводников определенной некоммерческой культуры. Потому что вместе с грантами пришли определенные технологии. Но если бы не было зарубежных грантов, все равно развитие некоммерческих организаций шло бы так же, как то было в начале 1990-х годов. Просто этот феномен является естественной частью нового рыночного и демократического общества. Кстати, интересно, что тогда никто не говорил о гражданском обществе. О нем стали говорить гораздо позже: в 1999–2000 годах.

Е. ЯСИН: Тогда, когда его элементы уже стали консолидироваться.

А. АУЗАН: Когда консолидировалось государство, возник вопрос и о контрагенте. Я по этому поводу часто цитирую Марка Твена, который сказал, что, конечно, хорошо, что Колумб открыл Америку, но, может, было бы лучше, если бы он ее не заметил и проплыл мимо. То же самое и с гражданским обществом. Я иногда думаю, что, возможно, было бы лучше, если бы государство не заметило его и проплыло бы мимо. Но в начале и середине 1990-х годов был такой период, когда все формировалось и не было необходимости в некотором скрепляющем понятии. Когда же возникла общая опасность и стало назреть такое противопоставление общества государству, то, конечно, возникли споры, есть ли у нас гражданское общество.

Е. ЯСИН: Все-таки я вновь хочу обратиться к вопросу о том, что же такое гражданское общество. Есть такое понимание, что гражданское общество — это совокупность людей, граждан, каждый из которых интересуется не только своими личными делами, но и общественными и как бы

проявляет, как говорили в советские времена, некую общественную сознательность. Гражданин готов действовать в общественных интересах, даже принося в ущерб свои личные. Мне это напоминает те представления об идеалах коммунистического общества, которыми была наполнена советская пропаганда. Поэтому я как-то сомневаюсь, что именно это и является гражданским обществом. Есть другой вариант, согласно которому гражданское общество — некая совокупность граждан или некое состояние членов общества. Когда это общество готово противостоять государству, если у того появляются поползновения покунуться на права общества, на права гражданина.

И третье представление, которое мне лично нравится. Это понимание гражданского общества как такого объединения, в котором граждане готовы защищать свои права. Я подчеркиваю — готовы! Не просто хотят, не просто имеют такое желание, а именно готовы. Мне мой знакомый, бывший генеральный директор ИКЕА, рассказал о таком случае. Он зашел в какое-то наше присутственное место, и на его глазах подошел здоровенный лоб, который без очереди просунул свои бумаги. Там стояло довольно много людей, но они как-то все это проглотили. Как будто сила — важный аргумент. В Швеции, отметил мой знакомый, это бы ни за что не прошло. Гражданин самых больших размеров не осмелился бы так себя вести.

А. АУЗАН: Зачем в Швецию ездить? Гражданское общество новой волны в России рождалось в огромных очередях 1980-х годов. Общества защиты прав потребителей возникли ровно там, в очередях. Потому что они решали кучу вопросов, например можно ли пропустить без очереди беременную женщину, можно ли пускать по одному удостоверению, а по другому нельзя и т.д. Это и у нас было. Но вернемся к теме определения.

Евгений Григорьевич, я бы сказал так: критерий готовности защищать права, видимо, правилен, но трудноосязаем. Потому что люди сегодня могут быть готовы, но завтра почему-то не готовы, а послезавтра опять почему-то готовы. Поэтому я предпочитаю понимание гражданского общества как совокупности автономных самоорганизаций — ав-

тономных от государства. К такой совокупности относятся организации от дачного кооператива и до историко-просветительского общества «Мемориал», или движения «Гринпис», или отраслевой ассоциации бизнеса. Вообще, любую проблему можно решить тремя способами. Либо принуждением, и мы тогда имеем государство. Либо частной сделкой, и мы имеем бизнес. Либо самоорганизацией, и тогда мы имеем гражданское общество. Гражданское общество в любой стране намного меньше, чем общество в целом. Другое дело, что, например, в Швеции, да вообще в Скандинавии, 30–40% населения — члены каких-либо неполитических организаций. И еще 20–25% из них члены политических организаций. У нас, конечно, совсем не такие цифры. Нашу сегодняшнюю ситуацию можно сравнить с тонким слоем масла на воде, но он у нас есть. И он вырос в 1990-е годы...

Е. ЯСИН: По-моему, в одном докладе Общественной палаты по итогам обследования, которое там проводилось, было сказано, что этот тоненький слой масла составляет порядка 8% населения.

А. АУЗАН: Думаю, даже меньше. Но это к вопросу, который часто звучит: гражданское общество — это не все общество. В то же время оно у нас есть.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Итак, будем считать, что мы дали какие-то реперные точки, определяющие наличие или отсутствие гражданского общества.

Е. ЯСИН: Мне кажется, что дали. Потому что, собственно, Александр Александрович подтвердил мою позицию. Он как бы ее развил. Мне только хотелось бы еще раз оттенить тему взаимоотношений между обществом и государством. Потому что это существенный вопрос. Помню, в начале 2000-х годов, когда собирался первый Гражданский форум, государство сделало попытку установить определенный контроль над организациями гражданского общества, но не получилось. А что делать, если в дальнейшем, предположим, получится? Появилась Общественная палата, которая уже считается как бы органом, который консолидирует гражданское общество. Но так это или не так? Я своим коллегам говорю: «Вы сначала добейтесь этого, и только потом уже можно будет говорить о себе как о таком орга-

не. Но если вы сами признаете себя таковыми, хотя никто, кроме вас, так не считает, то все это фикция». Но все-таки, Александр Александрович, что вы думаете по этому поводу?

А. АУЗАН: Я думаю, что, во-первых, государство, даже авторитарное государство, в известном смысле заинтересовано в существовании определенных институтов гражданского общества. Например, когда не работает парламентский контроль, когда падает эффективность управления, когда «наверху» очень плохо понимают, что происходит «внизу» государственного аппарата, то возникает попытка использовать неполитические гражданские институты как способ некоего «фотографирования» происходящего: что людям на самом деле нужно, какие группы интересов существуют.

Ведь Общественная палата — это попытка заменить неработающий парламент. Потому что нельзя создавать законодательные акты в закрытом кабинете, когда невозможно учесть разнообразие групп социальных интересов. Не получается. И уже в середине 2000-х годов начались срывы, как, например, со 122-м законом о монетизации льгот, и не только с ним. Стали искать обратную связь: давайте, раз нет реально работающего парламента и сколько-нибудь реальных политических партий, попробуем поговорить с некоммерческими организациями, которые все-таки что-то «внизу» для людей делают, имеют у них какой-то авторитет, какое-то знание. Обращаю внимание, что в проекте концепции долгосрочного развития России, разработанной еще в конце нулевых годов, среди приоритетов, правда почему-то после 2020 года, записаны слова о развитии гражданского контроля за деятельностью государства и бизнеса в стране. А среди ближайших мер прописаны шаги по налаживанию мониторинга со стороны получателей государственных услуг, со стороны бизнеса и граждан, потребителей. То есть мониторинга того, что происходит с государством. Без этой обратной связи даже авторитарному государству довольно трудно, если оно выходит за пределы одного города. Другое дело Сингапур. Там глава государства прошелся по улицам и понял, что происходит. В России так этот вопрос не решается. По-

тому власть периодически пытается скомпенсировать недостаток обратной связи таким контактом с институтами гражданского общества. А дальше начинается парадокс, потому что если мы имеем контролируемые институты, то это все равно, что вместо окна поставить зеркало. Президент смотрит в окно, но всюду видит свое лицо. Если же это неконтролируемые институты, то чиновникам с ними трудно. Эти институты не соглашаются то с тем, то с этим, требуют изменений законодательства. Ведь с 2005 года законодательство действительно с каждым годом становилось все ужаснее. Во многом из-за этого все и ушло в неформальную сферу. Этому способствовал и новый шаг в цифровой революции — в интернете можно создавать любые сетевые организации.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Александр Александрович, а как же народ? Например, в Японии, когда решили изменить некую подробность в учебниках истории, 100 тыс. человек вышли на улицы. У нас же такого не видно...

А. АУЗАН: У нас народ выходил на улицы по поводу и, извините, даже без повода в первой половине 1990-х годов. Поэтому подождите, прилив социального капитала, доверия придет, и тогда, возможно, даже станет проблемой то, что люди выходят на улицы. Это ведь тоже не всегда хорошо. Пусть сейчас принимаются законы, открывающие возможность для жесткого или даже жестокого подавления уличной, да и любой, активности. Есть, например, закон об экстремизме. Но он перестает работать, когда на улицы выходят десятки тысяч людей. Все принимаемые сегодня «точечные методы» дают сбой, перестают работать.

Е. ЯСИН: Хорошо, а если не будет десятков тысяч на улице, разве это свидетельствует об отсутствии гражданского общества?

А. АУЗАН: Разумеется, не свидетельствует. Если бы не было никаких форм самоорганизации людей, тогда можно было бы сказать, что нет гражданского общества. А выливается волна на улицу или не выливается — это уже зависит от других факторов.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но могут ли наши гражданские институты иметь экономические основания, отличные от

стандартов общества потребления, про которые, например, так много говорил Солженицын?

А. АУЗАН: Это интересный вопрос, потому что, конечно, классические институты гражданского общества — западные институты. Это, правда, не означает отсутствия гражданского общества в странах незападных. Оно есть, но несколько другое. Мне кажется, что тут вопрос скорее о той системе ценностей, которая формируется в стране. Потому что в 1990-е годы вместе с технологиями мы во многом транслировали в страну и привычные западные ценности, в том числе ценности общества потребления. Причем, по-моему, эти ценности общества потребления не стоит так принижать. Я много имел дел с защитой прав потребителя и могу сказать, что организации, занимающиеся этим видом деятельности, выступают не в защиту некоего шкурного интереса, а в защиту человеческого достоинства. Причем эта защита очень результативная. Сколько людей научилось пользоваться судебной системой, практикуя защиту прав потребителя! А ведь этот навык потом никуда не уходит, и, когда нужно будет защитить уже другое свое право, он поможет, если, конечно, судебная система работает.

Е. ЯСИН: Но я слышу от людей, что в последние годы шел демонтаж хрупких конструкций гражданского общества, зародившихся в 1990-е годы. Можно ли при нынешних властях что-то сделать по его восстановлению или сейчас это нереально?

А. АУЗАН: Я считаю, что реально, и могу сказать почему. По-моему, мы очень преувеличиваем возможности контроля со стороны государства. Как экономист, я хочу сказать, что для меня вопрос о контроле — это всегда вопрос о ресурсе, который государство должно затратить на этот самый контроль. Нужно большое количество заинтересованных чиновников, которые осуществляли бы такой контроль. Я вас уверяю, что только тоталитарное государство способно взять весь ресурс в свои руки, чтобы тотальным контролем перешибить все. В авторитарном государстве так не получается. Поэтому в таком государстве начинается развитие институтов гражданского общества. Второй момент связан с тем, что есть сферы, всегда трудноконтролируемые. Вновь

вспомним интернет, где идет очень активное формирование неформальных сетей. Третий момент обусловлен тем, что социальным и экономическим органам правительства позарез нужна обратная связь. И они все время, даже вопреки прямой политической установке, будут искать эту самую обратную связь и как-то пытаться поддерживать ее институты. Поэтому я полагаю, что сейчас возможности для развития институтов гражданского общества, при всех ограничениях этого процесса, все же существуют.

Е. ЯСИН: Но все-таки есть ощущение, что сам менталитет наших сограждан таков, что они просто не в состоянии заниматься организованными коллективными действиями. Общество атомизировано. Подвигнуть его к тем действиям, о которых вы говорите, может либо какой-то начальник, либо какой-то демагог, либо еще кто-то подобный. И люди будут или терпеть, или нарушать законы, каким-то образом обманывая и государство и общество в своих интересах. И от такой ментальности мы не можем избавиться. Потому мы и не можем выйти в какую-то другую реальность, в другую жизнь, где есть и гражданское общество, и политические институты.

А. АУЗАН: Евгений Григорьевич, я бы сказал так: ментальные проблемы — исторические, и они, конечно, есть. Если мы пятьсот лет жили в условиях той или иной степени авторитарности государства, то и сложившиеся навыки жизни населения — это навыки жизни на оккупированной территории. В такой ситуации формируется какая-то самозащита, а вот активный конструктив, образование достаточно больших организаций, конечно, затруднены. Но в то же время давайте посмотрим на факты 1990-х годов. Они в этом смысле достаточно удивительны. Тогда ведь — по сути, в условиях катастрофы — из ничего довольно активно возникали гражданские движения. Вспомним вкладчиков в 1998 году, во время финансового кризиса. Сколько организаций они создали, сколько идей выдвигали, какие схемы находили, какие законопроекты предлагали! И это были десятки тысяч людей.

Е. ЯСИН: Но сейчас те же люди говорят, что все это ограничивается тем, что где-то что-то вспыхнуло, подымит,

покоптит какое-то время, а потом все разбежались и дело заглохло.

А. АУЗАН: Евгений Григорьевич, вот давайте подумаем, о чем мы дискутируем. Если говорят, что у нас люди ментально не способны к самоорганизации, то я говорю — извините! Есть факты 1990-х годов, и не только девяностых, но и более близких к нам, когда люди поднимались, например, в связи с какой-то нравственной проблемой. Вспоминаю достаточно широкое движение в защиту ветеринарных врачей, которых бесосновательно обвиняли в распространении наркотиков, запретили им применять ряд препаратов, усугубляя тем самым страдания оперируемых животных. В защиту ветеринаров поднялись люди, которые проводили акции на улицах, очень остроумные перформансы. И все вместе добились результатов, столкнувшись, между прочим, с такой тогда немаленькой спецслужбой, как Госнаркоконтроль. И это было не так уж давно. Поэтому факты свидетельствуют: люди на самом деле способны на самоорганизацию. Другое дело, что это не носит тех масштабов, не обладает такой эффективностью и постоянством, как в странах, где гражданское общество существует пятьсот лет. Но надо ли этому удивляться?

Е. ЯСИН: Тогда еще один вопрос. Является ли наличие гражданского общества условием демократии? И эту связь часто упоминают, чтобы сказать: раз гражданского общества у нас нет, то нам и демократию рано строить. Вы сначала приучитесь быть гражданами, изживите свой старый менталитет и так далее, а после этого поговорим о демократии. Подозреваю, Путин считает, что ему требуется время для подготовки нашего общества к демократии. Это моя догадка. А что вы скажете?

А. АУЗАН: Скажу, что гражданское общество, конечно, предпосылка демократии. Я думаю, что слабости демократии 1990-х годов, в частности, объяснялись и тем, что гражданское общество еще неросло, не пустило прочных корней. В строгом смысле слова гражданское общество — это уже демократия. Потому что люди в подъезде сами решают свои дела, а не исполняют указания мэра или префекта о том, например, как установить домофон и какую фирму

для этого непременно надо пригласить. Они уже самостоятельно принимают решения о коллективных действиях.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это уже такое зачаточное гражданское общество.

А. АУЗАН: Это еще и зачаточная демократия. Потому что вообще любая некоммерческая организация, любое садовое товарищество и так далее не управляются «сверху». Люди там как-то сами умудряются принять решения. Пусть попробует мэр дать указание жилищному кооперативу о том, как решить какой-нибудь имущественный вопрос. Что вы получите на собрании этого кооператива? Другое дело, что выступать на таком собрании иногда бывает очень сложно, но это и есть школа демократии. Вообще, мы очень мало договороспособны. И в этом смысле гражданское общество — школа договороспособности, которая создает предпосылки демократии. Поэтому я считаю, Евгений Григорьевич, что у нас демократии сейчас нет, а гражданское общество в значительных элементах как раз есть. И это позволяет нам считать, что возникают предпосылки демократии. Только надо улавливать эти предпосылки и опираться именно на них, а не на свое желание наладить какие-то институты. Вот эти предпосылки нужно развивать в сторону политической демократии.

Е. ЯСИН: Я не согласен с теми, кто считают: давайте устроим гражданское общество, поднимем его до определенного уровня, чтобы у нас половина населения относилась к среднему классу, создадим еще какие-то условия, а после этого демократия появится. Могу сказать определенно: я считаю, что Россия и сегодня готова к демократии. Просто вопрос заключается в том, что объективные предпосылки есть, а субъективные не созрели. Есть такая проблема. Но если вы дадите возможность спокойно формироваться и развиваться политическим партиям, если у вас будет нормальный парламент, то рано или поздно и с демократией все наладится. При этом я не противопоставляю гражданское общество и демократическое общество. Я просто обращаю внимание на одно интересное обстоятельство. В Америке с переездом значительного числа населения в крупные города гражданская активность в значительной

степени упала. Потому что одно дело, если вы живете в городе с 30 тыс. населения, где люди знают друг друга, где они как-то структурированы и т.д., там действительно, например, выборы шерифа превращаются в общественное действие. В большом же городе ситуация существенно иная. Там значительную роль играет как раз политическая система. Когда я говорю «политическая система», то имею в виду не тех, кто осуществляют политическую власть, а политические партии как институт, их активистов, возможности проведения собраний, политических кампаний. Разумеется, это и работа представительных органов и т.д.

А. АУЗАН: Я сказал бы более конкретно. Потому что одна из причин превращения в призраки политических партий в России 1990-х годов, на мой взгляд, состоит в следующем. Вообще-то, неполитические гражданские институты играют огромную роль в западных партийно-политических системах, потому что гражданские институты — это такой представительный заказчик. У нас же политические партии формировались по принципу личного политического кооператива. В нем вождь есть, программная идея есть, а трудно сказать, представителем интересов каких групп этот «кооператив» является и каков механизм связей с этими группами. Поэтому мне кажется, что в 1990-е годы политические партии не вполне правильно пытались выстраивать свои отношения с гражданским обществом. Они вспоминали — и до сих пор вспоминают — о неполитических организациях перед самыми выборами, чтобы наwerbовать электорат. Причем, как правило, «сгорали» те некоммерческие организации, которые включались в активный политический процесс. Потом они были уже не способны делать что-то полезное. А между тем у них другая функция. Это функция не помощников политической партии, а ее контролеров от имени соответствующей группы населения. Вот когда мы сможем такое взаимодействие гражданских объединений и политических партий наладить, у нас и политические партии будут по-другому расти.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А не могли бы вы, Александр Александрович, поделиться своим личным опытом как предста-

вителя некоммерческой организации, рассказать немножко об «Общественном договоре»?

Е. ЯСИН: Да, что это за институт с таким странным названием — Институт национального проекта «Общественный договор»? Правда, оговорюсь, что это название возникло лишь в 2000 году.

А. АУЗАН: Должен заметить, что к формированию института мы пришли через опыт 1990-х годов, через опыт движения в защиту прав потребителей, саморегулирование бизнеса, переговоров с правительством по поводу реструктуризации ГКО в 1998 году. Стало понятно, что мы выходим на более крупные проблемы роста гражданского общества, где важна уже не деятельность отдельных организаций, а некоторая структура отношений власти, бизнеса и общества, которая лежит в основе нормального функционирования всей институциональной системы страны. И вышли на понятие, известное еще с XVIII века, — общественный договор. Что это такое? Есть определение, что это некоторый обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы в обществе. И общественный договор лежит в основе любой конституции, он определяет эффективность этой конструкции и набор неких правил, соблюдения которых люди ожидают от реальной исполнительной власти. Сошлюсь на простой пример. Нередко у нас цитируют известное стихотворение Булата Окуджавы: «Вселенский опыт говорит, / что погибают царства / не оттого, что тяжек быт / или страшны мытарства. / А погибают оттого / (и тем больней, чем дольше), / что люди царства своего / не уважают больше». Вот общественный договор и есть некоторая форма достижения взаимного уважения. Я полагаю, что у нас это пока не сформировалось. И наша задача, как мы ее понимали еще в 2000 году, состояла в том, чтобы создать исследовательский центр с целью способствовать формированию определенной структуры отношений, которые заложили бы основы живого общественного договора. Чтобы это был не просто набор правовых норм, зафиксированных в Конституции, а совокупность принципов, пронизывающая все общественные отношения. Пришел я к этому, дорогой Евгений Григорьевич, не только читая книжки,

например, нобелевских лауреатов Джеймса Бьюкенена или Ричарда Талера, но и прежде всего анализируя практики гражданского общества 1990-х годов. Потому что оно стало дорастать до постановки этих вопросов.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Александр Александрович, скажите, пожалуйста: практика деятельности гражданского общества 1990-х годов применима в 2000-е годы или все настолько изменилось, что мы опять все должны начинать заново?

А. АУЗАН: Она отчасти применима. Потому что многие успехи были рассчитаны на технологии работающего суда. А российский суд в 1990-е годы работал лучше, чем в нулевые. Это сказывалось, в частности, и на определенном уровне свободы прессы. Конечно, со свободой прессы и в 1990-е годы все было не так просто, как кажется, тут не надо иллюзий. Но пресса точно была конкурентной, и в этом смысле контролировалась разными группами. Можно было это использовать. Так же как и конкуренцию фракций в парламенте. Это и в 2000-е годы можно было использовать, скажем, в третьей Государственной Думе. А уже в четвертой и пятой думах, думаю, нет. Поэтому в целом, конечно, многие мои коллеги-экономисты, которые в 1990-е годы работали в правительстве, к концу девяностых пришли с довольно пессимистичными взглядами. А у меня настроение было более оптимистичное. Я это объясняю тем, что не работал с правительством в 1990-е годы, а развитие структур гражданского общества происходило у меня на глазах. И это был столь впечатляющий процесс, что он сам по себе задавал некоторую долю личного оптимизма. Поэтому, когда мы снова стали встречаться и разговаривать о проблемах государства, экономической политики и так далее, выяснилось, что с позиции опыта гражданских структур 1990-х годов на дальнейшие возможности и перспективы как-то более светло смотришь.

Е. ЯСИН: У меня на семинаре однажды был один выдающийся юрист, московский нотариус, который слушал наши беседы, в ходе которых многие участники сетовали на то, что потеряны завоевания 1990-х годов. И этот юрист сказал: «Ребята, послушайте, что мы там такое потеряли? На самом деле у нас еще ничего по-настоящему не было. Были

какие-то зачатки. Они родились из протеста против тоталитарного режима. Мы старались сменить ситуацию, когда казалось, что достаточно одной волны усилий, и все сложится так, как хотелось. Но мы не получили пока устойчивых институтов. Поэтому давайте посмотрим так: у нас сзади просто еще почти ничего нет. Все впереди, все надо делать. И если вы так подойдете ко всем проблемам, то и оптимизм окажется вполне уместен». Хотя я, честно говоря, думаю, что прав и Александр Александрович. Его институт и многие другие гражданские организации работают в глубоком убеждении, что они оказывают содействие общественному развитию. Само это — доказательство того, что гражданское общество живо, что не только власть способна добиваться каких-то целей.

А. АУЗАН: Евгений Григорьевич, мы можем, конечно, сильно заблуждаться в отношении результатов своих усилий. Но социология свидетельствует, что, скажем, у обществ защиты прав потребителей уровень доверия в районе 33%. Это сильно выше рейтинга доверия Государственной Думе России. Вот это, на мой взгляд, и есть результативность гражданского общества, понимание того, что гражданское общество — функциональная вещь, которая работает.

Е. ЯСИН: В заключение я хочу сказать: дорогие сограждане, не забывайте, что у вас есть права, за них надо бороться и для этого объединяться в разного рода ассоциации. А их совокупность и есть гражданское общество.

ФОРМИРОВАНИЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ (Е. ЯСИН — А. КЫНЕВ)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня мы с Евгением Григорьевичем Ясиным решили обсудить проблему формирования многопартийной системы в России 1990-х годов. И для этого пригласили Александра Владимировича Кынева, руководителя региональных программ Фонда развития информационно-политической политики. Я хотела бы, уважаемые собеседники, если вы не возражаете, начать с такого вопроса: нужны были партии в 1990-е годы? Ведь все равно выход из кризиса был один, причем безумно сложный и болезненный. В чем была суть наличия разнообразных партий?

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Отвечая на ваш вопрос, я хотел бы прежде всего напомнить, что тогда страна переживала особый исторический момент. Мы должны вспомнить, что все это началось с демократизации, которую проводил Михаил Сергеевич Горбачев. И возникновение многих партий после многодесятилетнего господства одной-единственной партии, КПСС, стало как бы символом свободы. Я также напомню, что первой группой, открыто заявившей о своей оппозиционности в высшем законодательном органе — на I съезде народных депутатов СССР, была Межрегиональная депутатская группа. Потому что она тогда, еще в 1989 году, представляла собой, по существу, оппозиционную партию.

Однако, до того как переходить к нашим конкретным делам, я хотел бы сделать маленький теоретический экскурс. Когда-то в теориях французского Просвещения, в том числе у Жан-Жака Руссо, была идея всеобщего блага, ради которого, собственно, организуется народное представительство. И программа, обеспечивающая всеобщее благо, должна приниматься на всеобщих выборах. Затем эта идея проникла в более основательные теоретические

построения разного рода. И мы получили представление о том, что существует такая организация общества, при которой невозможно сделать ничего, что бы ухудшало состояние кого бы то ни было. Это был оптимум по Парето. Он соответствовал идеалу Руссо. Но в жизни все же непонятно, как такого состояния достичь. Ответом на эти благородные мысли стала идея Йозефа Шумпетера. Он высказал ее в своей книге «Капитализм, социализм и демократия», где писал: чтобы это все могло происходить в жизни, невозможно всем вместе или по отдельности сидеть и думать о народном благе и согласовывать все предпочтения, потому такую идею невозможно в реальности осуществить. Но в жизни есть определенная активность определенных людей. Они имеют свои взгляды относительно развития общества и их предлагают, оформляют в программы. В ходе такой работы появляются лидеры, которые создают партии. Для того чтобы не препятствовать этим процессам, во всех демократических конституциях появляются понятия свободы ассоциаций. И созданные разными лидерами партии со своими программами выступают на выборах, между ними происходит политическая конкуренция, которая, собственно говоря, и создает механизм, благодаря которому ни одной из политических партий, если она получает власть, не предоставляется возможность монополю ее захватить. Ведь предполагается, что через обусловленный законом срок снова будут свободные выборы. И партии, выработавшие более сильные предложения, победят и сменят ту партию, которая ранее находилась у власти. В большинстве развитых стран так и происходит. Поэтому я считаю, что политические партии — необходимый элемент демократической политической системы. Думаю, это было необходимо и в 1990-е годы. Прежде всего потому, что к тому времени в ходе процесса демократизации уже появились какие-то зачатки политических партий. Правда, реально они оформились только к выборам в Государственную Думу в 1993 году. Хотя и перед этим существовало сильное движение «Демократическая Россия», а в ходе работы съезда народных депутатов РСФСР оформилось движение «Коммунисты за демократию», которое

возглавил Александр Владимирович Рущкой. Я опускаю тут формирование и деятельность таких, например, партий, как Либерально-демократическая партия Жириновского, и других подобных партий, которые еще в 1990 году регистрировались в рамках советской системы, скорее всего под патронажем известного государственного комитета. Они задумывались как своего рода громоотвод для канализации усиливавшихся протестных настроений. Но реально политические партии другого, уже более современного типа стали появляться с 1992 года. Были ли они такими же, как в развитом демократическом обществе? Конечно, нет. Есть много вопросов относительно того, что это были за партии, как они работали, оправданны ли они были, стоило ли вообще их допускать на политическое поле. Это, может быть, стоит обсудить. Об этом может рассказать Александр Владимирович. Он один из лучших знатоков партийной системы у нас в России, который уже многие годы работает по этой проблематике, хотя о фонде, где он работает, я думаю, мало кто знает.

АЛЕКСАНДР КЫНЕВ: Спасибо. Я бы хотел кое-что добавить к тому, что сказал Евгений Григорьевич. Часто говорят: «А зачем вообще партии нужны? Не надо никаких партий, и так хорошо живем». На самом деле ведь партии существуют не потому, что появилась некая мода, не потому, что кому-то надо поставить галочку, что и у нас есть партия. Партия такое же изобретение цивилизации, как электричество или автомобиль. Они возникли естественным путем просто как элемент человеческого развития. Что такое партия? Это механизм самоорганизации людей, в основе которого лежат общие интересы, общие взгляды. Именно на такой основе возникает партия в современном понимании этого слова. Конечно, можно прочесть и про Древний Рим, что там были партии, и про Средневековье. Но партия, как мы понимаем ее сегодня, — это изобретение современной цивилизации. Это XVIII–XIX века, когда появляются парламенты в странах Европы и возникает проблема совместных действий людей, избранных от разных территорий. Совершенно очевидно, что первоначально они объединяются во многом просто потому, что им так удобнее

работать. Но постепенно на их объединение все большее влияние оказывает идеологический фактор. То есть, несомненно, исторически всегда возникновение партий происходит именно внутри стен парламента. Сначала это были в некотором смысле клубы элиты. Но постепенно расширялось избирательное право, и, помимо фактора объединения для совместного продвижения каких-то нужных законопроектов, все более важным становится фактор работы с избирателем. Важной оказывается не просто совместная работа, а создание некой политической машины. Сам кандидат уже не может объехать на своей повозке всех избирателей маленького округа. Избирателей становится много, и партии становятся все более массовыми. Возникают уже некие избирательные машины, и постепенно начинают формироваться уже внепарламентские партии. Таким образом возникают, например, социалистические партии. А дальнейшая история партийного строительства идет уже именно как процесс развития и эволюции в обществе как таковом.

И еще одну вещь очень важно понимать. Дело в том, что, когда я говорил об этой истории возникновения партий, я имел в виду прежде всего идею необходимости совместных действий как естественного альянса людей. Очень важно, что именно фактор наличия этого совместного интереса — главный критерий того, является ли данное объединение партией или нет. То есть неважно, сколько людей вошло в нее. Хотя в политологии принято считать, что единственное мерило права партии на существование — то количество голосов, которое она получает. В большинстве стран мира никаких ограничений по числу членов партии нет. Например, во Франции вы можете пойти и зарегистрировать себя как политическую партию. Если вас поддержат, значит у вас будут сторонники. Если нет, то не будут. Такая ситуация существует и в Финляндии. А, скажем, в соседней с нами Украине, для того чтобы стать партией, достаточно, чтобы в совокупности в ней было 27 человек, но набранных по разным областям. Собирайте подписи в поддержку новой партии и регистрируйтесь. В Кыргызстане десяти человек достаточно. Главное — чтобы за вас голосовали

люди. Это главный признак. А что такое массовые партии? Это просто цензы в современных условиях. Вот у нас до 2012 года действовал закон, по которому если у вас есть 50 тыс. членов, значит вы партия.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А если 49 999?..

А. КЫНЕВ: То это не партия. Но если мы посмотрим на ту же историю, то обнаружим очень интересный феномен. Появившиеся массовые партии, в которых много членов, — это пришло в конце XIX века — были партиями социалистическими. Они возникали по сугубо экономическим причинам. Поскольку они ставили во главу угла защиту интересов малообеспеченных рабочих и не хотели идти в услужение каким-то, как мы сегодня говорим, олигархам, то возникала проблема их финансирования. Снять офис, издать газету и т.п. Соответственно, какой был вариант? Нужно было вовлечь максимальное количество членов, и те деньги, которые требуются на работу, разделить на большое количество членов партии. И никакой другой причины создания массовых партий, кроме альтернативного способа финансирования, изначально не было. Поэтому то, что было законодательно введено в России в середине 2000-х годов по требованию минимального количества членов партии, — это полный абсурд. Потому что численность ради численности никогда не была мерилем создания политических партий.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: После массовых протестов конца 2011 — начала 2012 года эта норма была изменена и требования по количеству членов резко сократились.

Е. ЯСИН: Я сейчас не хочу вдаваться в эти подробности, потому что мы говорим все-таки про 1990-е годы. Не стоит в данной беседе слишком много внимания уделять проблемам 2000-х годов. Но просто можно зафиксировать, что выдвигался и такой тезис: в 1990-е годы было слишком много партий. На выборах в 1993 году их было что-то около сотни. И хотя в Думу в результате выборов прошли только восемь, все равно раздавались голоса: «Что это за парламент, как с ним справиться, если там такое количество партий?» Это был один из тезисов, который затем выдвигался Кремлем, чтобы обосновать необходимость вводимых ограничений по

числу членов, затем — по численности организаций в каждом регионе, по количеству регионов, где у партии должна иметься организация численностью более пятисот человек. Все это делалось для того, чтобы ограничить число партий, которые получают доступ к выборам.

Но в 1990-х годах ничего этого не было. Законодательство о партиях, насколько я понимаю, было близко к тому, что существует в Европе. Но самое важное состоит в том, что если партия отражает какую-то идеологию, то самым удивительным образом проявляется та структура идей, что существуют в обществе. И глядя на партии, которые возникли в 1990-е годы, сразу же можно сказать, какие течения российского идейного спектра возникли после свержения коммунистического режима и насколько каждое из них было популярно. В Думе 1993 года оказались сторонники социалистического направления и коммунисты, КПРФ. К ним, по сути, примыкали аграрии. Демократическое, либеральное направление представляли «Демократический выбор России» и «Яблоко». Присутствовало и националистическое течение, представленное с самого начала партией Жириновского...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Там еще были какие-то «Регионы России».

Е. ЯСИН: Да, образовалась фракция, ставящая своей целью отстаивание интересов регионов, точнее — региональных элит, но это было позднее.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А «Наш дом — Россия»?

Е. ЯСИН: Он создавался уже к выборам 1995 года. Это уже была первая попытка выстроить партию власти. Я хочу подчеркнуть, не правящую партию, а партию власти, то есть партию тех, кто поддерживает власть.

А. КЫНЕВ: Но все же почему я сделал такую преамбулу? Важно понимать, что на самом деле, когда мы говорим о 1990-х годах, надо сравнивать нашу специфику и то, как возникали партии в Европе. Если мы посмотрим на начало 1990-х годов, то увидим, что наша партийная система — возможно, в более сжатые сроки — проходила все те же фазы, что и система создания политических партий в Европе. Несомненно, и результат, наверно, был бы аналогичным,

если бы этот процесс не был искусственно зажат, не были созданы принудительные жесткие рамки, которые отсекали все, что не укладывалось в прокрустово ложе неких наших политехнологов. Если бы всего этого не было, то система шла бы примерно к тому же. Потому что есть такие вещи, которые искусственно задать невозможно. Политические партии, показывает исторический анализ, возникают как устойчивые конструкции только тогда, когда образуются путем свободного объединения граждан. Нет сегодня в мире ни одной устойчивой политической партии, которая была бы создана где-то в пробирке и потом искусственно насажена. Есть такое понятие — институционализация политических партий. В переводе на русский язык — устойчивость. Устойчивой считается политическая партия, которая смогла прожить и добиваться успеха, проходить в парламент как минимум четыре электоральных цикла. То есть, грубо говоря, двадцать лет.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: При условии, что речь идет о нормально функционирующей системе. У нас Коммунистическая партия семьдесят лет успешно «выигрывала» все «выборы».

А. КЫНЕВ: Конечно, мы говорим о конкурентной среде. С этой точки зрения у нас сегодня в стране фактически только две политические партии, которые могут быть признаны относительно устойчивыми. Это КППРФ и ЛДПР.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Хотела сказать, что грустно. Потом осеклась на всякий случай.

Е. ЯСИН: Я прошу прощения, но есть и непарламентские партии, а это тоже достаточно устойчиво. Я вижу признак устойчивости в том, что они действительно отражают определенные идейные течения. Здесь прежде всего я назвал бы «Яблоко». Партии либерального спектра крайне слабы, но все же они существуют.

А. КЫНЕВ: Вообще, для стран, переживающих переменны, неустойчивость партийной системы — это нормальное явление. Если мы посмотрим на страны Восточной Европы, на Польшу, Венгрию, Чехию, Болгарию, то увидим, что из партий, которые в тех странах доминировали в начале 1990-х годов, сегодня нет никого. Это парадокс. Сам период

реформ был тяжелым во всех странах. И оказывается, что легче создать некие новые проекты, не отягощенные антирейтингом, чем реанимировать старые проекты, по отношению к которым у избирателя именно из-за этих реформ возникает отторжение.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А как же демократы и республиканцы в США?

А. КЫНЕВ: Но американской партийной системе почти двести лет. Я же сейчас говорю про страны Восточной Европы, которые стали складываться в начале 1990-х годов. Что касается системы политических партий США, то за первые сто лет их существования там было несколько вариантов партийной системы. Там тоже не сразу все складывалось, и двухпартийная система в нынешнем ее варианте сформировалась примерно к концу XIX века.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Александр Владимирович, все же я бы вас попросила, изыскивая аналогии, быть немножко поближе. Восточная Европа, конечно, очень близко. Но, может быть, стоит хотя бы несколько слов сказать об истории российской партийной системы в период с 1905 по 1917 год.

А. КЫНЕВ: Ну, что касается того краткого периода, когда в России существовал избираемый парламент, Государственная дума, то тут также надо помнить, что в отличие от стран Европы парламент у нас появился гораздо позже. И в отличие от Европы в России первые партии возникали все-таки не парламентским путем. Они носили характер полуподпольных обществ. С одной стороны, это была «Народная воля», различные левые организации. С другой стороны, правые партии в России возникали уже как ответная реакция на существование этого левого полуподпольного движения. Причем возникли они фактически уже в ходе первых кампаний по выборам первых государственных дум — по сути, как объединения либеральных помещиков или либеральных аристократов, включающие в себя и представителей зарождающейся буржуазии, и видных интеллектуалов либерального толка. Самые известные — это кадеты, октябристы. Появилась тогда и правая составляющая в виде черносотенцев и т.п. В этом смысле партийное движение

отличалось от европейского, но на то были свои причины, просто потому, что сам процесс сначала искусственно блокировался, а потом прорвался как результат революции 1905 года.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А если вспомнить советское время, то, наверное, много говорить о партийной системе нет смысла. Системы не было, была партия.

Е. ЯСИН: Да, даже с такими союзниками, как левые эсеры, быстро покончили. И там была одна партия. Хотя до какого-то момента в ней допускалось существование разных фракций. В конце концов, было достигнуто полное единство. Мечта наша! И затем, вплоть до конца 1980-х годов, никаких вариантов не было. Лишь на XIX конференции КПСС в 1988 году были сделаны робкие попытки: институционализировались Демократическая и Марксистская платформы КПСС, но они существенной роли не сыграли. Вроде бы в значительной степени была продемонстрирована порочность однопартийной системы, но в конце концов именно она привела страну к катастрофе.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Я бы хотела сейчас задать вопрос о выборах 1996 года — «Голосуй или проиграешь». Была тогда такая страшилка, называвшаяся «коммунисты». Можно ли было тогда, в тех условиях, когда реформы еще не дали результата, допустить, чтобы их лидер — Зюганов — выиграл президентские выборы? Ведь, с одной стороны, все мы помним историю: и то, что делали коммунисты у нас в стране, и то, что в 1930-е годы в Германии в результате демократических выборов к власти пришло сами знаете что. А с другой стороны, выборы — это народное волеизъявление, и его испугались до одури. Можно ли было пустить все на самотек и отдать власть представителю коммунистов?

Е. ЯСИН: Александр Владимирович, конечно, тоже выскажет свое мнение, но я анализировал эту ситуацию с такой точки зрения. Государственная Дума согласно новой Конституции была избрана в 1993 году. Прошло два года. На парламентских выборах в декабре 1995 года коммунисты получили практически большинство голосов. Там они, по-моему, разделились, выделили несколько мест идейно близкой им аграрной фракции. В целом они контролиро-

вали Думу. Кроме того, жители сорока регионов выбрали губернаторами представителей КПрФ. Рейтинг президента Ельцина был очень низок. Я хочу напомнить, что в его окружении, в недрах первого избирательного штаба, который был создан для проведения избирательной кампании, зрела мысль об отмене президентских выборов, то есть, по сути, о государственном перевороте. Было ощущение, что коммунистам осталось сделать последний шаг и они вернутся к власти. Тогда все достижения, все начинания — все, чего уже удалось добиться ценой таких жертв, погибнет. Ведь в анализе той ситуации сокрушающиеся о поражении Зюганова забывают, что наши коммунисты совсем не те бывшие коммунисты, которые примерно в тот же период стали выигрывать выборы в восточноевропейских странах, но не покушались на достижения прошедших реформ. Наши же коммунисты, по сути, остались верными наследниками КПСС. Они пользовались тем, что давала им наша пусть незрелая, но демократия. Однако было очень большое сомнение в том, что, получив власть демократическим путем, они сохранят верность демократическим принципам. С их точки зрения, именно реформы Горбачева, перестройка, гласность, демократизация и были тем злом, из-за которого рухнул Советский Союз. Поэтому, честно говоря, я думаю, что решающий вклад в последующую победу Ельцина внес сам Зюганов. Победив на парламентских выборах, он многих испугал. И среди испугавшихся были как демократы и реформаторы, так и олигархи и т.п. Они не хотели победы коммунистов и считали, не допуская мысли о государственном перевороте, от которого они отговорили Ельцина, что никоим образом коммунистов к власти допускать нельзя. Я должен сказать, что тогда был с ними согласен, согласен и сейчас. Ситуация была остроконфликтная. Рассчитывать на то, что дальше развитие пошло бы по нормальному демократическому пути, как в Польше, было трудно. Разумеется, я знаю о противоположных точках зрения. И, рассматривая их, я могу согласиться только с одним: сам по себе этот факт — процесс выборов 1996 года, использование в ходе его ряда политических уловок — содержал в себе противо-

речия, из которых могли вырасти и в итоге выросли очень опасные плоды.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Евгений Григорьевич, вспомните тот «политический Новый год», который устроили на телевидении во время подсчета голосов на выборах в Думу в 1993 году, ожидая победы «Выбора России». А в итоге победил Жириновский. Тогда тоже все очень испугались. А в общем-то, ничего страшного не произошло.

Е. ЯСИН: Но тогда прошли парламентские выборы, а до президентских было далеко. Кроме того, Жириновский получил большинство лишь по партийным спискам, а фракция «Выбора России» в итоге, благодаря одномандатникам, все же была больше. И другие партии демократического направления прошли в парламент. А в 1996 году была реальная опасность.

А. КЫНЕВ: История, конечно, не предполагает сослагательного наклонения: что было бы, если бы это было иначе. Это касается и 1996 года. Но мне кажется, что с победой Зюганова ничего радикально страшного бы не произошло. На мой взгляд, плюс в виде возможного легитимного перехода власти перевешивал бы все те минусы, которые могли бы быть связаны, возможно, со снижением качества управления на какой-то период. Гораздо важнее, по-моему, было бы привить эту традицию нормальной передачи власти из одних рук в другие. В принципе, об этом говорит опыт выборов в регионах. А выборы губернаторов проходили в основном после президентских выборов, до этого они были только в экспериментальном порядке. Некоторым регионам, чьи губернаторы вызывали доверие, указами президента разрешили выборы провести. Массовые выборы губернаторов начались у нас с конца 1996 года. И, как показывает опыт, многие из победивших так называемых красных губернаторов оказались очень неплохими руководителями. И никакой охоты на ведьм не было. Даже проявился парадокс: как раз очень многие так называемые левые руководители, которых мы воспринимали как пугало, оказались гораздо демократичнее, чем «демократические» лидеры. Просто, может быть, потому, что в них жила некая советская мораль, этика. Они оказались гораздо более ща-

дьячими по отношению к оппонентам, чем так называемые предприниматели, не отягощенные никакими моральными комплексами. Приходя к власти, они устанавливали в своих регионах такие авторитарные политические режимы, что потом слава о них гремела на всю страну. Зачем далеко ходить. Есть у нас такой чудный регион, как Калмыкия, есть еще ряд регионов, где избранные губернаторы потом действовали крайне жесткими методами.

Е. ЯСИН: Ну, хочу просто напомнить, что во время кризиса 1993 года Кирсан Илюмжинов выступал за Верховный Совет. И уж считать его большим демократом...

А. КЫНЕВ: Но он не проходил, скажем, советскую элитную школу, то есть он был такой чистой воды неофит. А тогда заигрывали и с теми, и с теми. Однако все-таки мы сегодня говорим о партиях. Важно понимать, что партии — это детище парламентаризма. Они возникали именно в рамках демократического взаимодействия, когда есть парламентский институт. Но что мы получили в 1993 году? Систему, в которой вся власть фактически принадлежит одному человеку и формируемой им администрации. Парламенту, по сути дела, в современных российских условиях во многом отведена полудекоративная функция. Но фактически единственный орган, где партии могут чего-то добиться, — это парламент. А если власти у него нет, то получается, что и реального стимула создавать партии в рамках той системы разделения властей, которая существует в России, по сути дела, не существует. Потому что бессмысленно выдвигать программы, если их нельзя реализовать через победу на этих выборах. В результате мы имеем то, что имеем практически с 1993 года, — абсолютно эфемерную партийную систему, в которой партии партиями не являются. Это фактически на сегодняшний день просто некие учреждения, имеющие печать и являющиеся посредниками между некими кандидатами, которым нужно баллотироваться, и избирательными комиссиями. И всё. Они отличаются от бизнеса только тем, что не некие продукты продают, а заняты некой специфической деятельностью, ее даже политической можно назвать лишь условно. Все остальное — это чистая конъюнктура: с легкостью переходят из левых в пра-

вые или в националисты. Потом все вступают в партию власти. И во всем этом нет никакого противоречия, потому что это в чистом виде ярмарка тщеславия, и только...

Е. ЯСИН: Я просто хочу сказать, что в свое время Вячеслав Никонов, он тогда еще не служил «Единой России», сказал, что в России не получается партийная система, потому что приз, который предлагается партии, — это только парламентская фракция, больше ничего. Никакой реальной власти она не получает. Но если бы призом была реальная власть, то есть возможность формировать правительство, осуществлять свою программу, то тогда и можно было бы сказать, что партия играет реальную политическую роль. Я даже не готов возражать Александру Владимировичу в полном смысле. Единственное, что мне хотелось бы добавить как экономисту, состоит в следующем. Мне в то время казалось и сейчас кажется, что в конце концов реальное значение имели не демократические процессы, которые тогда происходили, — обязательная смена власти в результате выборов, формирование парламентом правительства и т.д. Тогда главным, по-моему, был вопрос доведения до какой-то точки невозврата начатых рыночных реформ. Если мы бы этого не сделали, то и в дальнейшем собственного прочного основания у демократической политической системы все равно бы не было. Потому что если у вас нет рыночной экономики, нет экономической конкуренции, то и политическая конкуренция не очень-то нужна. Вот поэтому я еще раз повторяю свой тезис. Хотя должен признать, что реально после 1996 года политических условий для углубления реформ тоже не было. И попытка правительства младореформаторов в 1997 году что-то предпринять, как вы знаете, тоже натолкнулась на большие препятствия, а затем случился кризис...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Александр Владимирович, ну, давайте все-таки вернемся к нашей многопартийной системе. Насколько правда то, что партии во всем мире свое уже отживают?

А. КЫНЕВ: Всюду партийная система меняется, на месте не стоит. И, конечно, ныне те классические партийные системы, которые были сформированы в XIX и XX

веках, переживают сложный период. На них сказывается и изменившееся общество, и изменившиеся средства связи, и изменяющаяся психология населения. Конечно, старые жесткие, авторитарные партийные системы уходят в прошлое. Если мы посмотрим, как меняются, например, партии в странах Западной Европы и в государствах — наших бывших союзниках, то увидим, что в основном на политическую сцену выходят максимально мобильные партии, максимально чуткие к конъюнктуре конкретного момента. На место забюрократизированных партий приходят некие партии-проекты, которые порой не имеют даже привычной нам системы комитетов, организации и т.д. Приведу маленький пример. Вспомним, как появился Барак Обама. Просто такой чертик из табакерки. Выскочил неизвестно откуда. Но думаю, что это такая лакмусовая бумажка происходящего сегодня с политическим элитами и с политическими партиями. Вспомню еще об одном более старом примере тоже из практики США, где доступ к интернету является почти всеобщим. Там еще до Обамы был в некотором смысле его предшественник — Говард Дин, и он тоже хотел стать кандидатом в президенты, но ему немножко не хватило голосов. Главное, что Дин построил кампанию через интернет. Люди списывались, договаривались, что вот в такой-то день мы соберемся, проведем митинг. Он собирал деньги. То есть он и его сторонники вообще никаким образом не обращались к имеющейся партийной бюрократии.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть появляется партия новой технологии.

А. КЫНЕВ: Да. И на самом деле — посмотрим на феномен Барака Обамы, на его гигантский успех еще на этапе борьбы за право стать кандидатом от Демократической партии при полном отсутствии помощи крупных корпораций и поддержки со стороны классической демократической элиты, больших денежных мешков. Мы увидим, какую роль в его успехе сыграло огромное количество мелких пожертвований. То есть он, как признали в Америке, вовлек в политику новые слои. По сути, случилась та самая революция, которая стала возможна благодаря новым технологиям.

Когда возникает параллельная система социальной связи, которая не опирается на классические, казалась бы, механизмы. Что-то похожее, только с отголоском, может быть, с отставанием, происходит и в Европе. Мы видим, как возникают новые проекты такого типа. Например, в послевоенной Италии сложилась система, которая пятьдесят лет почти не менялась. А ныне — где христианские демократы, где коммунисты? Ничего нет, все рассыпалось. Возникли такие полувождистские проекты. Часто их связывают с именем Берлускони. Вокруг него сложилось такое во многом чисто временное образование, где есть разные группировки. В то же время мы видим постоянно меняющиеся конструкции на левом фланге. Потом пришли разные популисты. Но прежняя итальянская система рухнула. Серьезные подвижки политической системы происходят и в других европейских странах — и в Германии, и во Франции. Возникают абсолютно эфемерные проекты. И люди за них голосуют. Просто потому, что это что-то новое...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть расширение информационного мира ведет к краху партийной системы?

А. КЫНЕВ: Это не крах...

Е. ЯСИН: А у меня сразу параллельно вопрос. Значит, у нас все идет правильно?

А. КЫНЕВ: Нет, у нас не так...

Е. ЯСИН: Но то, что вы говорите, в каком-то смысле доказывает, что Путин был прав, сконструировав, по сути, однопартийную систему.

А. КЫНЕВ: Нет, ничего подобного. Как раз те примеры, которые я приводил, свидетельствуют о том, что она неэффективна. Самыми конкурентоспособными оказываются наиболее гибкие, наиболее свободные модели, где нет никаких жестких регламентирующих норм. Во всем мире эти жесткие образования с фиксированным членством, с партсобраниями, с огромной партийной бюрократией, да и с имущественными цензами, умирают, это позавчерашний день. А мы создаем партийную систему из XIX века.

Е. ЯСИН: Но и в XIX столетии все-таки конкурировали между собой несколько партий. И можно было решать, какая из них может обеспечить представительство того спек-

тра политических идейных течений, который ближе именно вам. Очень интересно то, что вы говорили о ситуации в США. Но все же там утвердилось лидерство двух партий с определенными программами — Республиканской и Демократической. Я думаю, Обама со своими идеями не мог бы претендовать на лидерство в Республиканской партии. Кроме того, там в результате длительного развития сложился очень сильный консенсус по большинству вопросов относительно национальных интересов Соединенных Штатов. Поэтому там партийные съезды действительно превращаются в шоу. Нам же все-таки надо заниматься своими делами.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И тут я хотела бы вернуться к одному пришедшему к нам сообщению. Оно звучит так: «В парламенте должны заседать партии, для которых понятие священного права частной собственности и прав человека — основа основ и абсолютные ценности. Существующие на момент начала реформ партии, кроме “Демвыбора России”, по сути, являлись носителями государственнической идеологии. С ними дальнейшее развитие демократии в виде выборов стало не просто тормозить реформы, но привело фактически к их остановке. Нужно было Ельцину начиная с 1994 года ввести прямое президентское правление, сформировать президентский совет, ввести туда юристов, экономистов — толковых, умных людей либерального толка, сформировать правительство во главе с Гайдаром и начать неуклонное, поступательное движение вперед. И только после того, как рыночные преобразования набрали бы реальную мощь и наличие реально существующего среднего класса не вызывало бы сомнения, можно было бы начинать парламентскую деятельность». Должна сказать, что это как раз то, что Владимир Владимирович Путин и сделал, если не считать того, каков в действительности его «президентский совет», ведь этого мы, если честно, не знаем. Правда, реформам это не помогло. Однако хотелось бы уточнить: имеет ли нынешняя партийная система некие преимущества перед партийной системой 1990-х годов?

А. КЫНЕВ: Ну, я бы все-таки сначала коротко ответил на присланный вопрос. Все-таки то знание ценно, которое

приобретается естественным путем. И, на мой взгляд, было бы важнее, если бы, возможно, более медленно, более мучительно, но более устойчиво шли те процессы, которые развивались с начала 1990-х годов.

Е. ЯСИН: Причем надо, чтобы это были именно общественные процессы, а не спущенные по команде «сверху».

А. КЫНЕВ: Это ложные идеи, что во имя каких-то «святых реформ» можно сегодня пожертвовать правами, а завтра эти права, как манна небесная, вновь вернуться, с неба упадут. Это тот самый случай, когда вы во имя какой-то пусть благой цели можете кого-то ограничить в правах и убеждены, что вы правы. Но в такой ситуации почти всегда получается, что завтра в правах ограничат и вас. Это бумеранг, который неизбежно возвращается. Так у нас и получилось. Поэтому, на мой взгляд, 2000-е годы — это расплата за 1993 год в некотором смысле слова. Это бумеранг, который вернулся. А что касается различий, то в современной политической системе и той, что была в начале 1990-х годов, они есть.

У нас был краткий период, когда где-то с 1989 или с 1990 года несколько лет шло свободное развитие, когда действительно появлялись новые идеи, новые проекты и новые лидеры. А начиная с 1993 года происходит постепенное затухание, сворачивание этих процессов. Ведь все, что мы сегодня имеем устойчивого в партийной системе, возникло до 1993 года. После этого ничего нового, по сути дела, не было. Это в чистом виде эфемерные конструкции. Партию власти чем-то устойчивым я считать не могу. Да, есть КПРФ, есть ЛДПР, можно говорить, что наши правые являются как бы правопреемниками тех движений, которые были в начале 1990-х годов. Но наша партия власти — это в чистом виде профсоюз госслужащих. С точки зрения именно партийных критериев она никакой политической партией вообще не является. Потому что принадлежность к ней определяется не взглядами, а должностным положением.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А как вы оцениваете с точки зрения характеристики партийной системы, скажем, историю с беспартийным лидером партии власти, каковым стал Путин в 2008 году?

А. КЫНЕВ: Это некий нонсенс, дополнительное свидетельство того, что «Единая Россия» не партия. Потому что партия с действительными членами, которых в совокупности объединяет некая идеология, у которой есть некое самосознание, никогда не согласится предоставить человеку, не являющемуся даже ее членом, фактически неограниченные права по принятию в отношении нее практически любых кадровых решений. То есть, по сути дела, это не что иное, как признание себя банкротами, введение внешнего управления со стороны одного человека.

Е. ЯСИН: Единственное, что я хотел бы добавить: мне кажется, что этим Владимир Владимирович положил последний кирпич в конструкцию, которая обеспечивает его политическое долголетие.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ну, тогда позвольте сакраментальный вопрос. Прошла ли в 2008 году Россия испытание смелой власти?

Е. ЯСИН: Думаю, что как раз не прошла. Самая тяжелая процедура в процессе формирования демократической системы — это смена власти в результате выборов. Приходит оппозиция к власти или не приходит. Можно сравнить Россию и Украину. Сколько всего сказано про Украину плохого: что там и хаос, и беспорядок, и вообще неизвестно что и т.д. Но я хочу обратить внимание, что она несколько раз выбирала президентов на свободных выборах. И реально происходила смена власти демократическим путем. А Россия придумала некий институт преемничества. Это прежде всего идея обеспечения пребывания у власти определенной группировки. Конечно, можно обосновать это тем, что новая власть воспользуется своими полномочиями, чтобы продолжить реформы, вывести страну на новый этап, подготовить ее к демократии. А потом посмотрим... Собственно, о такой конструкции, только с другими персонажами, и шла речь в прочитанном вами сообщении. Но у власти есть много других привлекательных черт, о которых нам обычно не говорят. Поэтому нужно отнестись к приведенным доводам с очень большим недоверием. А если говорить все-таки о партийной системе, то лично я глубоко убежден: время создания

многопартийной системы еще придет. Возможно, она потом вырастет во что-то другое, но пусть это произойдет в ходе естественного процесса. А сейчас мне кажется, что все те идейные течения, которые представлены в России, должны получить свое представительство. Можно сколько угодно говорить, что за правых или за «Яблоко» не хотят голосовать. Но так же не хотели голосовать за националистов Рогозина. Главное, что наш народ должен почувствовать ответственность за тех людей, которых он выбирает, и свою ответственность за сделанный выбор. А если ему будут каждый раз говорить: «Нет, ты не умеешь, ты не того губернатора выберешь, ты не того депутата выберешь», то как он обретет это чувство ответственности?

А. КЫНЕВ: Я бы вспомнил одного американского президента 1920-х годов Калвина Кулиджа. На мой взгляд, он очень емко описывал весь принцип многопартийности: «Любая партия, каким мудрым ни было бы ее руководство, вследствие длительности пребывания ее у власти перестает быть эффективным элементом управления. Наилучшим вариантом для такой партии является переход в оппозицию и возможность поработать в качестве критика».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тогда желательно закрепление этого в Основном законе.

А. КЫНЕВ: Вы знаете, если в стране существует нормальное разделение властей, если парламент является действительно органом, имеющим реальные полномочия, то никакой монополии на власть у одной партии возникнуть просто не может. Любая монополия всегда в первую очередь прописывается в законе. У нас же на сегодняшний день существует монополия одного человека вместо монополии партии. Это главное, что у нас сегодня изменилось по сравнению с советскими годами.

Е. ЯСИН: Мне нечего возразить. Единственное, что хочу сказать: наши люди должны понимать, что они сами делают свою судьбу. И поэтому голосование, выбор людей, которые затем будут принимать решения, — это дело, которое нельзя никому перепоручать. Один из авторитетов мировой теории демократии говорил: «Нельзя никому поручать выработку повестки дня».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Евгений Григорьевич, я, конечно, очень извиняюсь, но это дело уже перепоручили.

Е. ЯСИН: Нет, на самом деле все не совсем так. Мы проводили анализ, в котором принимали участие видные аналитики выборов. И Александр Владимирович, наверное, может подтвердить, что непосредственное манипулирование на выборах позволяет изменить результат на 3–4%. Не больше. На самом деле только вся политтехнологическая машина, начиная с избирательного законодательства, определенной нацеленности средств массовой информации, прежде всего таких, как телевидение, и т.п., обеспечивает достижение нужного результата. То есть такого, чтобы человек де-факто оказывался в ситуации отсутствия выбора, чтобы результат был гарантирован.

А. КЫНЕВ: Но все же, при всех наших сложностях и проблемах, я считаю, что капля камень точит. Ничто не возникает вдруг. И за свои права нужно бороться. Их никто никогда никому не дарует.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: По нашим законам и особенно по правоприменительной практике это ведь трактуется как экстремизм.

А. КЫНЕВ: Это не экстремизм, экстремизм — это призыв к насильственному изменению. Я же призываю к включению в нормальную политическую жизнь, к возвращению на первых порах хотя бы тех норм, которые развивались в 1990-е годы.

Е. ЯСИН: Да, мы просто предупреждаем, что мы не экстремисты. И вся наша дискуссия, критика сложившейся в стране политической системы не экстремизм, а призыв к возвращению общества в нормальное состояние, когда осознанное волеизъявление человека вливается в общий процесс мирной эволюции общества.

НКО В 1990-Е ГОДЫ И СЕГОДНЯ (Е. ЯСИН — С. САНОВИЧ)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня мы хотели бы поговорить о некоммерческих неправительственных организациях 1990-х годов, с которыми в 2000-е годы так успешно начали бороться. Надеюсь, многое нам разъяснит Сергей Викторович Санович, сотрудник Лаборатории институционального анализа экономических реформ Высшей школы экономки. Но сначала я попрошу Евгения Григорьевича кратко очертить круг проблем, которые мы решили обсудить.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Во-первых, я должен сказать, что некоммерческие, или неправительственные, кратко именуемые НКО, организации, я тут специально подчеркиваю обе эти характеристики, потому что и то и другое очень важно, — это необходимая часть функционирования современного развитого общества. В нем обязательно должны быть организации, независимые и от государства, и от бизнеса. В то же время они должны откуда-то получать средства для осуществления собственной весьма важной деятельности. Как правило, это разного рода спонсорские взносы, которые расходуются такими организациями на свои уставные цели. Сережа, еще будучи студентом, зарекомендовал себя как специалист по данному вопросу. В частности, именно он внес довольно существенный вклад в подготовку доклада Общественной палаты еще в 2007 году. В этом докладе была на базе специального обследования довольно подробно представлена картина российского гражданского общества, понимаемая именно в таком узком плане. Могу сказать, что Сережа один из тех людей, которые сегодня продолжают работу, начатую их предшественниками в 1990-е годы. Это вообще характерно для всей атмосферы Высшей шко-

лы экономики. А теперь Сережа сам расскажет, что он думает об НКО. Что это такое? Что такое вообще гражданский сектор и какую примерно роль он играет у нас в стране и за рубежом?

СЕРГЕЙ САНОВИЧ: Спасибо большое, Евгений Григорьевич. Прежде всего нужно сказать, что понятие «гражданское общество» довольно широкое. И люди его понимают по-разному. Когда мы спрашиваем российских граждан о том, что они понимают под гражданским обществом, обычно нам говорят о каких-то признаках хорошего, правильно устроенного общества.

Е. ЯСИН: Иногда я узнаю черты, которыми наделяли коммунистическое общество в советские времена.

С. САНОВИЧ: Говорят в целом о некоем социальном организме, который существует для людей. Но есть и более специальное определение, выделяющее гражданское общество как особенную часть всего общественного устройства. Она состоит из некоммерческих неправительственных организаций и некоторых структур, еще ими не ставших, но являющихся объединениями людей, направленными на достижение каких-то общественно значимых целей. Иначе говоря, это ассоциации свободных людей, причем обязательно с добровольным членством. Скажем, к числу таковых не может быть отнесена национальная группа, преследующая исключительно цели отстаивания своих национальных интересов в ущерб соседям других национальностей. Вот совокупность таких объединений, ассоциаций и называется «гражданское общество».

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Возникает вопрос. При советской власти, наверное, теоретически существовали некие некоммерческие, неправительственные организации. Скажем, общество любителей аквариумных рыбок, общество книголюбов, филателистов, рыболовов-любителей. Все эти общества существовали ровно столько и потому, что они никому не мешали. В 1990-е годы, возможно я ошибаюсь, государство резко ограничило свое вмешательство в частную жизнь граждан, в том числе в их головы и души. Возникли лакуны, которые надо было заполнять, как бы это сказать, гражданским объединением. Это одна версия. А вторая вер-

сия, нередко блуждающая в головах наших людей, что всему виной проклятые империалисты. Они, увидев бедных российских граждан, живущих без холи и неги, решили раскинуть свои сети под видом НКО.

С. САНОВИЧ: Видите ли, вы будете смеяться, но вторая версия, очень извращенная конечно, в каком-то смысле ближе к истине. Дело в том, что лакуны действительно появились. С одной стороны, государство перестало оказывать ряд услуг, которые оно предоставляло до этого. А с другой стороны, люди должны были крутиться, выживать, они пребывали в таком маргинализированном состоянии, им было трудно самим объединиться. Вспомним, что доверие в обществе очень резко пошло вниз в начале 1990-х годов. И вот ассоциации такого низового плана, которые люди стали создавать для решения своих текущих проблем на местном уровне, в подобной атмосфере появлялись довольно медленно и трудно. В этих условиях сам факт того, что гражданское общество в России состоялось, что все-таки некоммерческих организаций у нас довольно много, — это как раз результат помощи, которую оказывали разные иностранцы.

Тут важно особо сказать, чем занимались иностранные фонды в начале 1990-х годов. Кого обычно вспоминают? Прежде всего Фонд Джорджа Сороса. Однако на самом деле у него тогда были совсем не главные, не самые масштабные проекты. Самые крупные проекты осуществляли правительственные агентства (такие специальные агентства есть и в США, и в Великобритании), которые от имени своих граждан распределяют деньги в разные страны мира, не только в Россию. Просто в начале 1990-х годов, в связи с тем что наша страна только что открылась, они попали как раз в Россию. И эти организации по соглашению с российским правительством оказывали так называемую техническую помощь. У них было очень много разных проектов. И эти проекты были действительно самыми крупными по масштабу. Они, например, переучивали чиновников. Другое дело, что самыми известными стали, может быть, небольшие, но заметные проекты, потому что они осуществлялись не в сфере, скажем, государственного управления

и не в сфере гуманитарной помощи, а в культурной сфере, в сфере науки. Таковы были известные проекты Сороса, который в критической ситуации поддерживал российских учителей, профессоров, издавал книги.

Е. ЯСИН: Скажи два слова про Сороса, потому что, насколько мне известно, он был любимым героем наших спецслужб. Они все время старались убедить нас в том, что он шпион, что он тут собирает ученых и как бы за бесценок отбирает их знания. И эти знания передает ЦРУ, не знаю, кому еще... Но дело в том, что я сам наблюдал за его проектами в области науки и образования. Я считаю, что мы должны просто низко поклониться ему. Потому что он в самое тяжелое время пришел нам на помощь, причем не только с деньгами, но и с опытом отличной организации благотворительной деятельности. И он спас эти отрасли.

С. САНОВИЧ: Вы совершенно правы, Евгений Григорьевич. Он помогал людям, которые остались в России. Выплачивал существенные по тем временам стипендии. Были соросовские учителя, соросовские профессора. Это люди, которые работали в России, и только благодаря ему они смогли, во-первых, не уехать из России и, во вторых, остаться в профессии. Потому что в ином случае...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Им бы просто не на что было бы жить.

С. САНОВИЧ: Да, их судьбой была бы либо эмиграция, либо уход в бизнес, либо еще куда-то, но они не смогли бы заниматься своей основной деятельностью. И в первый период Сорос буквально спас некоторую критическую массу ученых, профессионалов, высокообразованных людей, которые потом стали основой российского научного сообщества, учительского сообщества и т.д. Стали лидерами, создававшими какие-то новые практики. Вообще, об этом мало говорят, но некоммерческие организации в начале 1990-х годов были одними из лидеров модернизации. Поскольку им поступала прямая помощь иностранцев и она при этом не накладывалась на российскую бюрократическую культуру. Все в этой сфере создавалось с нуля, и эти организации были очень эффективно устроены. Это были организации с западной системой менеджмента. Причем замечу, что для

НКО, которая распределяет деньги, очень важно избежать конфликта интересов, чтобы конкурсы проходили честно, на равных условиях. И именно такие практики были успешно привнесены в этот сектор. Вы будете смеяться, но потом, по крайней мере на региональном уровне, я лично видел, как они использовались российским государством. Дело в том, что, например, в Нижнем Новгороде местная администрация платила некоммерческим организациям деньги за обучение чиновников работе с конкурсом. Ведь раньше государство всегда выделяло деньги на сметной основе. У вас есть школа, и вам выделяются средства просто потому, что вы есть. Когда появились в середине 2000-х годов медведевские национальные проекты, когда появились конкурсы, именно НКО обучали чиновников. Что такое грант? Чиновник не знал. Часто он думал, что это слово пишется с буквой «д». И те люди, которые прошли обучение в НКО, были как раз теми, кто затем выигрывали гранты по национальным проектам. И чиновники платили деньги НКО за обучение, за тренинги и т.д. То есть принесенные нам знания были использованы в том числе и российским государством.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Хорошо. Тогда еще несколько слов о некоммерческих организациях как организациях, спешествующих, если угодно, повышению уровня гражданского самосознания.

Е. ЯСИН: Вот здесь я хотел бы немножко вспомнить историю. Дело в том, что, вообще-то, некоммерческие организации, или институты гражданского общества, лучше будем так говорить, возникли в XVIII–XIX веках вместе с подъемом третьего сословия. С приближением момента, когда буржуазия должна была взять власть в свои руки. Скажем, в немецком языке гражданское общество – это бюргерское общество. Ведь бюргер – это буржуа. То есть в начале это были просто люди, занимавшиеся предпринимательством, у которых были деньги. По сути, это были налогоплательщики. И в то время они готовили демократию налогоплательщиков. В связи с этим появился и сам термин «гражданское общество». Кстати, его исследовал Гегель и целый ряд других современных ему ученых.

С. САНОВИЧ: Нельзя забывать тут и Карла Маркса.

Е. ЯСИН: Да, разумеется. И можно вспомнить очень много других интересных философов, социологов и т.д. Только потом, в XX веке, Запад уже забыл, что такое гражданское общество. Для него эта проблема больше как бы не существовала. Но он знал, что есть разного рода волонтерские благотворительные организации. Есть какие-то гражданские институты, но он как-то не считал это какой-то особой категорией. Однако, когда возникла проблема противостояния между коммунизмом и обществом, коммунистической властью и обществом, в особенности в Восточной Европе и Советском Союзе, мыслители и политики Запада обратили внимание на то, что там творилось. А там была явная потребность в гражданских организациях как некоем институционализирующем образовании, нацеленном на защиту прав граждан. И в них объединяются те граждане, которые готовы защищать свои права. Причем в условиях господства просоветских режимов деятельность таких объединений была отнюдь не розовой. Люди, вставшие на этот путь, были готовы жестко отстаивать свои интересы, в том числе эгоистические. А также готовы были пострадать за свои убеждения и за свою деятельность. Но это были все-таки объединения граждан. Сначала складывались небольшие кружки единомышленников, а затем, уже к концу 1970-х годов, мы видим варианты таких организаций, как, скажем, «Солидарность» в Польше или «Хартия 77» в Чехословакии.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Не забудем и Московскую Хельсинкскую группу, например.

Е. ЯСИН: Да, в 1976 году наше государство подписало заключительный акт в Хельсинки, где было, я напомним, три корзины: оборонная, экономическая и гуманитарная, в которой прописывалась тема прав человека. Для СССР это был на самом деле ящик Пандоры. Потому что, как только мы подписали это соглашение, а кроме того, его опубликовали в широкой печати, сразу наши правозащитники получили право сказать: «Вы же подписали заключительный акт, у вас есть международные обязательства. Кроме того, у вас есть самая демократическая в мире Конституция, где все эти права описаны. Ну, выполняйте сами свои обяза-

тельства». И поэтому каждый раз, когда возникали случаи нарушения прав человека, тут же на них реагировали правозащитники. Напомню историю, которая случилась в Москве 25 августа 1968 года, сразу после ввода войск СССР и других стран Варшавского договора в Чехословакию. Тогда на Красную площадь вышла отважная семерка. Назову их фамилии, потому что они не так уж часто звучат, а это, между прочим, люди, которыми наша страна может и должна гордиться. Это Лариса Богораз, Павел Литвинов, Константин Бабицкий, Наталья Горбаневская, Виктор Файнберг, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга. Многие думали так же, как они: военное подавление «пражской весны» у многих вызвало шок. Но именно эти люди имели мужество выйти на Красную площадь. Они сели на парапете около Лобного места и развернули свои плакаты, осуждающие вторжение и напоминающие известный еще со времен польского восстания 1830 года лозунг «За вашу и нашу свободу». Их акция длилась всего несколько минут. Их скрутили люди в штатском, некоторых сразу избili. Но все равно они уже навсегда попали...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В историю.

Е. ЯСИН: Сначала в тюрьму и в ссылку, но в то же время и в историю.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В тюрьму, слава Богу, не навсегда.

Е. ЯСИН: Не посадили тогда только Наталью Горбаневскую, которая пришла на площадь с грудным ребенком. Ее крестный путь через советские психушки, а затем и вынужденную эмиграцию начался чуть позже. Но самое важное то, что, когда в обществе есть такие люди, оно не безнадежно. А после этого в 1976 году возникла Московская Хельсинкская группа. Уже в 1990-х годах, когда в новой России это движение было легализовано, можно было себе позволить намного больше. Тогда появилось и много других правозащитных организаций.

С. САНОВИЧ: Тех людей, которые создали Московскую Хельсинкскую группу, почти всех довольно быстро пересажали, и к 1982 году на свободе оставалось только три человека, которые тоже были под угрозой ареста. И группа была вынуждена заявить о прекращении своей деятельности.

Но сразу после начала перестройки они смогли активизироваться. В 1989 году было проведено специальное совещание людей, занимающихся правозащитной деятельностью. Они создали сеть организаций в регионах страны. Сначала появилось всесоюзное, а потом, после развала СССР, международное общество «Мемориал». Это были лидеры нарождающегося российского гражданского общества. Они осознали себя таковыми, а кроме того, они были носителями уникального опыта борьбы за права человека в тяжелых условиях, существовавших в СССР. Этот опыт транслировался, передавался в регионы с помощью тех средств, которые им, благодаря их высочайшей репутации и умению работать на всей территории страны, выделяли иностранные доноры. Через них были созданы сети организаций, многие из которых до сих пор действуют и приносят пользу людям. Причем тут надо отметить, что это были не только организации по защите политических прав, но и организации, призванные отстаивать социальные права, потребительские права и многие другие.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Там же был еще один важный момент. В советских условиях, когда человек оказывался, что называется, под колпаком, его отсекали от обычной жизни. То есть у него начинались неприятности на работе, его лишали возможности заработка, а значит, ему и его семье не на что было жить. У него начинались неприятности со всей нормальной человеческой жизнью. И, как я понимаю, такого рода организации и тогда помогали тем, кто оказался в подобной ситуации. Эта традиция сохраняется и сейчас.

С. САНОВИЧ: Конечно. Был создан знаменитый Комитет защиты заключенных — он так, по-моему, назывался, который оказывал поддержку с помощью имевшихся в его распоряжении средств. Как известно, Солженицын передавал в эту организацию гонорары от изданий за границей «Архипелага ГУЛАГ». Это было очень трудно, но все равно каналы передачи действовали, пусть только на уровне личных контактов. Они очень много сделали для отдельных людей, которые попали в такую трудную ситуацию прессинга со стороны государства. А в 1990-е годы этот прессинг почти исчез, хотя есть разные точки зрения на этот счет.

Думаю, скорее сложилась ситуация некоего игнорирования этой сферы по принципу «мы вас не замечаем и в то же время не мешаем». Мы создаем такие условия, что вы можете работать, если где-то найдете деньги. Живите так, как нормально функционирующие некоммерческие организации за границей — в основном за счет частных взносов. Раньше у нас такого быть не могло.

Е. ЯСИН: Напомню, что тогда и у государства тоже не было денег.

С. САНОВИЧ: Не было денег и не было желания передавать их некоммерческим организациям. Надо сказать, что, когда деньги появились, такое желание возникло, но в очень, я бы сказал, своеобразной форме.

Е. ЯСИН: Об этом чуть позже, а сейчас я хотел бы охарактеризовать роль, которую играет третий сектор в жизни общества у нас и, скажем, за рубежом. Насколько это распространенное явление, потому что у большинства людей вообще нет представления о том, что это за организации. А некоторые до сих пор думают, что они специально устроены или ЦРУ, или МИ-6, или такими структурами, которые работают на иностранные разведки. Или специально готовящие провокации, чтобы устроить в России «оранжевую революцию» или что-то в этом роде. Потому очень важно, чтобы люди знали, чем такие организации занимаются, насколько они многочисленны.

С. САНОВИЧ: В России, по официальной статистике, около 650 тыс. некоммерческих организаций; если исключить из них государственные органы и учреждения, остается где-то 350 тыс. Ясно, что это зарегистрированные организации. Правда, многие из них существуют только на бумаге. Реально действующих, по экспертным оценкам, примерно 70 тыс. И надо сказать, что типичная организация — это не Московская Хельсинкская группа, не «Мемориал» и не какие-то организации, борющиеся, например, за права заключенных, как «Русь сидящая». Типичная организация — это объединившиеся в каком-нибудь маленьком городе или в регионе родители детей, больных одним и тем же заболеванием. Эти люди объединяются для того, чтобы вместе решать общие проблемы. Пробивать получение

каких-то денег, которые, между прочим, должны выделить местной администрации, изменение каких-то законов или местных инструкций. Отстаивать право учить своих детей не только в государственных учреждениях, но и в созданных ими самими лучше устроенных школах или детских садах. Надо сказать, что в 1990-е годы статистика некоммерческих организаций в России была поставлена очень плохо. В мире она тоже не идеальна, но там все-таки с этим обстоит лучше и постоянно происходят некоторые улучшения.

Что мы знаем из этих данных? В 1998 году примерно 2% ВВП в России создавалось некоммерческими организациями. В 2002 году это был уже 1%. По оценкам 2006 года, и они зафиксированы в докладе Общественной палаты, примерно 0,5%. Падает и доля НКО от всех зарегистрированных юридических лиц. Когда-то, к началу 2000-х годов, она составляла 12%, а к 2008 году — около 8%. То есть этот сектор пусть и находится под угрозой, но тем не менее существует. Однако по сравнению с бурно развивавшейся в 2000-е годы остальной экономикой и очень сильно растущим государством растет значительно медленнее или вообще стагнирует. Соответственно, на общем фоне и его влияние, и экономическая активность, и способность помогать людям, а это его основная цель, конечно, снижаются.

Е. ЯСИН: Вспоминаю, что в середине 2000-х годов у нас в Высшей школе экономики выступала Шерри Бут, супруга бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра. Она рассказывала о движении некоммерческих организаций в Британии, поскольку их курировала, была их покровительницей. Для стран Запада характерно, что супруга премьер-министра или президента занимается какой-либо благотворительной общественной деятельностью. Это принято. Кстати, она очень квалифицированный юрист и весьма любопытный человек. Она назвала такие цифры. В Британии, где 55 млн населения, больше 600 тыс. неправительственных организаций существовало во время премьерства Тони Блэра. Из них только примерно 100–150 тыс. были зарегистрированные, а остальные просто не считали нужным обращаться к государству. У государства всегда могут быть претензии к неправительственным организациям — до-

пустим, если оно подозревает их в какой-то политической деятельности, особенно если государство авторитарное. В Великобритании этой проблемы не возникло. Но само по себе приведенное Шерри Бут соотношение очень любопытно: 600 тыс. и 100–150 тыс. — это те, кто регистрировались и должны были платить налоги, потому что они занимались какой-то деятельностью, приносящей доход. Они не становились от этого коммерческими организациями, но должны были подавать документы о том, что эти доходы потрачены на уставные цели. А что у нас, согласно докладу Общественной палаты?

С. САНОВИЧ: Если сравнивать Россию с другими странами, то картина такая: примерно 0,5% ВВП создается в этом секторе, а в странах — лидерах по этому показателю — где-то 15%. Это маленькие европейские страны. Но, скажем, в Нидерландах даже больше — около 20%. А в таких крупных странах, как США, где-то 4–6% ВВП. Все это намного больше, чем в России. Там данный сектор существенно крупнее и дает в общей сложности больше триллиона долларов. Тут важно отметить еще одно распространенное мнение. Когда сравнивают российские НКО с зарубежными, говорят: конечно, там они получают деньги правительства и ничем не отличаются от правительственных организаций. Это совсем не так. Дело в том, что там созданы очень сложные и цивилизованные способы взаимоотношений между некоммерческими организациями и государством. Если государство выделяет деньги, это не значит, что оно определяет, кому они будут выплачены.

Е. ЯСИН: И за что.

С. САНОВИЧ: Тем более за что. Там государство их выделяет на конкурсной основе и это независимым образом оценивается. Сейчас в России тоже есть президентские гранты.

Е. ЯСИН: Такой порядок выделения государственных средств НКО действует не один год. Надо сказать, что за эти годы процедура распределения средств стала более культурной. В то же время нельзя не отметить, что те организации, которые по-настоящему оппозиционны и представляют угрозу для власти, точнее — власть думает, что

они представляют угрозу, эти конкурсы, как правило, не выигрывают.

С. САНОВИЧ: Хотя это как раз те организации, которые выполняют одну из важнейших общественных функций — контроля за властью. Это просто по определению одна из важнейших, основных, базовых функций НКО. И именно им труднее всего получить доступ к выделенным государством деньгам.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: У меня вот какой вопрос. Есть много организаций, защищающих людей от произвола в тех или иных ситуациях, несмотря на довольно жесткий прессинг. Вспомним, например, Комитет солдатских матерей. В обычной ситуации некий абстрактный человек может считать, что они никому не нужны. Но это до тех пор, пока не выясняется, что его ребенок в армии подвергается издевательствам и существует угроза для его здоровья и жизни. И тогда вспоминают о солдатских мамах. Но тем не менее, когда в России пошла война с некоммерческими организациями, у меня сложилось впечатление, что «поход» властей против НКО встретил массовое одобрение, прошел под приветственные «ату их».

С. САНОВИЧ: Тут очень сложный вопрос. Дело в том, что когда мы спрашиваем людей, допустим, об их отношении к тому, к чему больше всего привязывались власти, — к иностранному финансированию, то тут часто сталкиваемся с непониманием, связанным прежде всего с утвердившимися пропагандистскими клише. Часто нам отвечают, что эти люди находятся на зарплате у ЦРУ и ведут здесь подрывную деятельность. Но на самом деле если посмотреть, как функционируют НКО за рубежом и по каким принципам они оказывают поддержку НКО в других странах, то мы увидим, что в этой работе действуют единые стандарты. И НКО России здесь не исключение. Однако нельзя не признать и того, что не всегда эти зарубежные организации угадывали, кому надо помогать. Скажем, женские организации в России не так сильны, как во многих других странах. Это связано просто с менталитетом российских граждан и российских женщин. У нас феминизм пока не так развит. В то же время солдатские матери — то, с чем угадали. Им по-

могали, и это было востребовано, потому что здесь была реальная проблема каждого человека. В то же время, когда пошел накат на НКО, мы спрашивали у людей в 2006–2007 годах, как они относятся к иностранному финансированию. И многие говорили, что это неважно, самое главное, чтобы дело делали. Хотя были и с опаской относящиеся к иностранному финансированию, связывая его с деньгами ЦРУ, с какой-то подрывной деятельностью и т.п. Конечно, «Солдатские матери» — одна из организаций, которая имеет самый высокий уровень доверия в российском обществе. Он, может быть, несколько меньше, чем у ветеранских организаций, но тем не менее один из самых высоких. У них действительно хорошая репутация.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И все-таки можно ли на сегодняшний день собрать, или вычислить, или систематизировать количество людей, которым помогли некоммерческие организации в 1990-е годы?

С. САНОВИЧ: Посчитать это очень трудно, но можно привести какие-то интересные примеры. Например, возьмем не самый масштабный, не самый крупный проект Джорджа Сороса — это программа по переводу иностранной гуманитарной литературы на русский язык. В его рамках было переведено приблизительно двести книг. И в общей сложности на эту программу было потрачено 3–5 млн долларов. Для сравнения: общий бюджет, который выделил Сорос на проекты в России, составляет, по самым скромным оценкам, примерно 800 млн долларов. То есть для него эта программа была небольшой. Тем не менее если вы откроете программу любого курса по экономике, по социологии, по истории в любом российском университете, в том числе в крупных федеральных университетах, то обязательно найдете там книги, переведенные именно тогда. Мало того, многие самые лучшие программы и самые квалифицированные доноры старались не только обеспечить текущую помощь, и у них это во многом получалось, но и оставить какие-то работающие структуры. В частности, в рамках этого проекта — его возглавлял Александр Яковлевич Ливергант — они помогли появиться независимым маленьким издательствам, которые умеют с такими вещами работать.

Потом эти издательства действовали уже самостоятельно, зарабатывая на рынке и получая гранты от первых фондов частных российских компаний. Стали появляться фонды отдельных предпринимателей, людей, которые отошли от дел, но передают какие-то деньги на благотворительные нужды. А инфраструктура для развития такого рода деятельности была создана именно тогда. Нельзя не сказать и о распространении книг через библиотеки, и о спасении российских толстых журналов. Сорос выкупал, по-моему, по 1300 экземпляров примерно десяти журналов и рассылал по библиотекам. Он помогал тем самым и самим журналам, и людям, которые в далеких маленьких библиотеках смогли получить доступ к современной литературе.

Е. ЯСИН: Я должен сказать, что тоже являюсь президентом такой некоммерческой организации — фонда «Либеральная Миссия». Мы также занимаемся переводом и распространением книг, рассылаем их во все регионы и по библиотекам, и по университетам. А источники средств — это наши бизнесмены. В том числе и Дмитрий Борисович Зимин, который выделяет деньги из своего фонда, занимающегося естественными науками. Он немножко выделяет и для «неестественных», то есть для общественных, гуманитарных наук.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Для «неестественных» — это хорошо.

Е. ЯСИН: Это слова, которые принадлежат Георгию Ивановичу Петровскому, бывшему ректору Московского государственного университета. Это он как-то сострил. Но тут важно то, что Дмитрий Борисович помогает и нам тоже. Кроме того, я бы хотел сказать и о той работе, которую делал Михаил Борисович Ходорковский. Его фонд «Открытая Россия» в самом начале 2000-х годов выполнял целый ряд очень важных проектов, направленных на просвещение людей, прежде всего молодых. К сожалению, с его арестом эта широкомасштабная деятельность была свернута.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Притом что все 2000-е годы говорили о ее необходимости. Вспомним хотя бы то, что именно он в начале 2000-х годов выделил средства на оснащение школ компьютерами.

Е. ЯСИН: Государство стало выделять деньги на поддержку неправительственных организаций, одновременно ставя заслоны неподконтрольному ему, прежде всего зарубежному, финансированию. Конечно, нельзя не отметить, что определенная поддержка была оказана государством таким организациям, как Московская Хельсинкская группа и «Мемориал», хотя они, в общем, получили довольно скромные суммы. Но в то же время гораздо более существенные суммы стали передаваться, скажем, известному движению «Наши». Они же тоже являются неправительственной, некоммерческой организацией. Или клубу байкеров «Ночные волки»... Но дело не в этом, а в том, что сама по себе эта идея была, хотя и без большой, может быть, охоты, перехвачена из рук тех людей, которые не прибегали к помощи государства. Например, такая организация, как, скажем, «Мемориал», в значительной степени опирается уже и на членские взносы. Кроме того, она обладает умением проводить свои акции с очень скромными средствами за счет использования работы большого числа волонтеров. То же самое касается Московской Хельсинкской группы, других подобных организаций, наиболее известных именно потому, что они умеют вести дело.

С. САНОВИЧ: Я бы попробовал определить нынешнюю позицию российского государства примерно так. С одной стороны, был четко и ясно дан сигнал, что если вы чем-то нас всерьез будете не устраивать, то мы вас уничтожим. Это было продемонстрировано и с «Открытой Россией», и с фондом «Образованные медиа» Мананы Асламазян, который был уничтожен, как показал Конституционный Суд, по абсолютно несостоятельному поводу. С другой стороны, тех людей, которые готовы сотрудничать с властью, можно тоже разделить на две части. Есть просто имитационные структуры типа движения «Наши», а есть старые действующие организации, которые готовы сотрудничать, чтобы без помех заниматься своим делом. Вот им выделяются гранты, их руководителей приглашают в Общественную палату и т.д. То есть одновременно дается и отрицательный сигнал — что с вами будет, если вы не будете с нами сотрудничать, и положительный — создаются стимулы для заинтере-

ресованности в этом сотрудничестве. Это в каком-то смысле поддерживает равновесие.

Е. ЯСИН: Мне кажется, тут важно отметить одно обстоятельство. В принципе, наши НКО всегда были у государства на подозрении. Я думаю, это понятно, ведь НКО в демократическом обществе являются также и инструментами общественного контроля, которого нам, кстати, так не хватает для борьбы с коррупцией, для обеспечения независимости суда и т.д. А это очень часто раздражает власть, которая не хочет подпускать общественность близко к своей «кухне». И так же, как в свое время КГБ пас старые некоммерческие организации, общественные организации, его преемники продолжают делать это сейчас. В значительной степени поворот в отношении к НКО, думается, обусловлен этим вниманием.

Должен сказать, что с тех пор, как Владимир Владимирович Путин пришел к власти, мы ощутили поворот в политике по отношению к неправительственным организациям. Просто, наверное, у государства до них не сразу дошли руки. Но я помню, что еще в 2002 году в Президент-Отеле проходили общественные дискуссии. На одной из них, предварявшей собрание первого Гражданского форума, куда должны были собраться общественные, гражданские организации, Валерий Федоров, нынешний генеральный директор ВЦИОМ, высказал такую мысль. Есть старые гражданские организации, которые воевали с государством, они уже устарели, их деятельность не нужна. Теперь нужно собирать на Гражданский форум новые общественные организации, которые вносят положительный вклад, помогают государству. Может быть, это общество пчеловодов; может быть, это общество филателистов. Но на форуме не нужно организаций, которые занимаются политикой. Сама такая позиция вызывает определенные подозрения. Я тогда возразил, сказав, что, если вы по такому принципу станете отбирать общественные организации, относиться к ним как к приводным ремням, они потеряют статус гражданских институтов, или неправительственных организаций, не смогут выполнять свои функции.

С. САНОВИЧ: Евгений Григорьевич, мне кажется, что представление о двух разных политиках по отношению

к разным некоммерческим организациям не подтверждается реальной ситуацией в регионах. Там жестко относятся к любым НКО вне зависимости от их отношения к политике. Скажем, есть масса примеров того, как маленькую организацию, которая помогает глухим или слепым детям, выселяют из помещения в центре города просто потому, что это помещение кому-то понадобилось. Поднимают в десять раз ставки аренды, причем настолько, что даже коммерческие банки не хотят арендовать эту площадь. Но в результате НКО теряют возможность нормально работать. Или другая ситуация. Есть государственный детский дом, который делает из глухих детей слесарей-фрезеровщиков такого-то разряда. А рядом появляется другой, частный, существующий на деньги родителей этих детей детский дом, где их адаптируют так, что уже в пятый класс они могут идти в обычную школу. Но к ним приходит администрация и говорит: «Ребята, вы же понимаете, у нас тут государственное учреждение, имеющее свой штат сотрудников. И там должно быть минимум столько-то детей. Значит, вы конкуренты, и, соответственно, мы будем с вами воевать, потому что вы нам мешаете». Это говорится вполне откровенно, и я тут вижу прямое следствие того, что в Москве начинают бороться с теми самыми «старыми организациями», наследниками диссидентов. Здесь есть прямая связь.

Е. ЯСИН: Я хочу также затронуть тему разграничения политической и неполитической деятельности. По определению гражданские организации, даже если они ориентированы на защиту прав граждан и на общественный контроль, не являются политическими. Это у них записано в уставах. Они могут влиять на власть, но никогда не ставят перед собой цель ее завоевания. Это принципиальная разница. Политическая организация та, которая борется за власть. И это, вообще-то, вполне легальная деятельность в демократическом обществе.

С. САНОВИЧ: То есть политические организации по определению находятся вне сектора НКО, а внутри этого сектора есть люди, занимающиеся, например, лоббированием интересов какой-то ущемленной социальной группы

и т.д. Но такое лоббирование отнюдь не означает, что эти люди сами хотят получить властные полномочия.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Подводя итоги нашей беседы, скажите, пожалуйста, какие можно сделать выводы о том, что дали России некоммерческие неправительственные организации в 1990-х годах.

С. САНОВИЧ: Это вопрос и простой, и очень сложный. Я бы отметил несколько важных моментов. Во-первых, некоммерческие организации привнесли в Россию новую организационную культуру. Они помогли создать более эффективные форматы работы, ныне используемые даже государством. Часто, скажем, государство выделяет деньги на социальную рекламу. Оно знает, что если поручить это какому-то департаменту министерства, то половина денег просто будет украдена, а другая использована предельно неэффективно. Альтернативный способ — отдать заказ на такую рекламу некоммерческим организациям, которые из этих денег выжмут максимум. И государству это известно.

Е. ЯСИН: Я думаю, есть большое количество людей с разным потенциалом, которые просто хотят творить добрые дела и оказывать более слабым или всему обществу какие-то услуги. В нашем мире, испорченном социальным цинизмом сверху донизу, существует представление, что каждый думает лишь о своей выгоде, и тем самым оправдывается поведение, подчиняющееся законам того же социального цинизма. Но стоит подумать и о том, что есть люди другого свойства. И тогда, возможно, самим таким циникам станет стыдно. Я уже как-то говорил, что вообще цивилизация основана на таких чувствах, как стыд и вина. И если вы не чувствуете этого, значит у вас нет совести. Но важно, что есть и другие люди, и их большинство. Например, такие, как Людмила Михайловна Алексеева, известная всей стране. По-моему, это просто святая женщина. Она, кстати, была в первом составе Московской Хельсинкской группы с самого ее основания. Вместе с Александром Ильичем Гинзбургом, Юрием Федоровичем Орловым, многими другими известными правозащитниками. Или Арсений Борисович Рогинский, сопредседатель «Мемориала». Можно продолжать и продолжать перечислять этих замечательных

людей. Общаться с ними просто удовольствие. Потому что у вас никогда не возникает мысли, что у них есть какой-то другой интерес, кроме общественного. И таких людей много. Это почувствовали люди как раз в 1990-е годы. Спрашивают: что они такого сделали? Они породили ощущение, что пусть их немного, хотя уже насчитывается несколько десятков тысяч волонтеров, но они очень нужны людям.

С. САНОВИЧ: Их намного больше — сотни тысяч, может быть миллионы. А в Америке волонтеры почти все население, по крайней мере больше 70%. В России, конечно, меньше, но с каждым годом в разные виды деятельности в качестве волонтеров включается все больше людей.

Е. ЯСИН: Самые передовые в этом смысле страны — скандинавские. Там практически все население занимается какой-то деятельностью на благо общества. И для защиты своих собственных интересов. В жизни возникают самые разные ситуации, когда человеку необходима помощь. Вот для этого и существуют такие организации, чтобы было куда пойти. Можно пойти к «Солдатским матерям». Можно пойти в такую организацию, как «Общественный вердикт», которая, если тебя побили сотрудники полиции, поможет правильно составить все документы, и ты сможешь грамотно предъявить обвинение, защитить свои права в суде и т.д. Короче, есть масса самых разных организаций, оказывающих помощь и больным детям, и одиноким старикам, и несправедливо осужденным, и ставшим жертвами какого-то произвола и т.д. и т.п.

С. САНОВИЧ: Важно также отметить, что, помимо конкретной помощи, которую может получить человек, избитый полицией, или мама, стремящаяся помочь своему сыну не попасть в армию, где его искалечат, они создают атмосферу доверия в обществе. Эта атмосфера складывается именно через такие ассоциации. А известно, что уровень доверия в российском обществе очень низок. Он был очень низким, по мировым меркам, в 1991 году, а потом еще резко упал. Когда людей спрашивают, можно ли доверять окружающим или нужно к ним относиться с осторожностью, только 22% населения России отвечают, что к окружающим можно относиться с доверием. И эта цифра не меняется.

Е. ЯСИН: Думаю, что переломить ситуацию можно только через расширение сфер деятельности некоммерческих, неправительственных организаций. Только так мы сможем преодолеть еще один порок нашего общества — его атомизацию, препятствующую объединению людей для решения и локальных проблем, и проблем, затрагивающих все общество. А без этого движение по пути реформ невозможно. Потому что в противном случае все за нас будут решать чиновники. А к чему это приводит, мы уже поняли.

СВОБОДА СЛОВА В 1990-Е ГОДЫ

(Е. ЯСИН — А. ВЕНЕДИКТОВ)

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Сегодня мне хотелось бы поговорить о том, какова была свобода слова в России 1990-х годов. И в качестве эксперта мы попросили выступить Алексея Алексеевича Венедиктова — главного редактора радиостанции «Эхо Москвы».

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Мне кажется, что разговор на эту тему стоит начать с того, чтобы определиться: что же это — свобода слова? Свобода, или вседозволенность, или беспредел?

Е. ЯСИН: Прежде всего отмечу, что свобода в отличие от пресловутой воли предполагает ответственность. Но только ответственность не ту, которая возлагается внешним законом, а ту, которая как бы входит в само существо свободного человека. Он не позволяет себе того, чего не допускают нормы морали. И в этом смысле не бывает свободы как вседозволенности. Другое дело, если мы вернемся, скажем, в начало 1990-х или в конец 1980-х годов, то обнаружим там и вседозволенность. Потому что с самого начала эти нормы, естественные для человека, выросшего в условиях свободы, отнюдь не всем были известны. Вернее, так: в нашем обществе страх действовал в большей степени, чем нормы. И поэтому сначала просто оглядывались по сторонам. Кто смелее, тот решался и говорил. И чем дальше эти рамки раздвигались, возможности открывались, тем больше появлялось и всякой дряни. Но, с моей точки зрения, даже если у вас наступает период вседозволенности, а он касался, как известно, не только свободы слова, то тогда надо дать возможность обществу созреть, пройти этот период, переболеть такими всплесками «воли». И совсем необязательно сразу действовать палкой.

АЛЕКСЕЙ ВЕНЕДИКТОВ: Я не согласен с Евгением Григорьевичем. Во-первых, не было никакой вседозволенности. Это миф, придуманный теми, кто хочет как раз ограничить зону свободы слова, или свободы распространения, получения информации, загнать ее в гетто. Это ложь, я бы даже сказал клевета. Потому что тут мы видим заведомо ложные измышления. В 1990-е годы уже существовала масса законов, по которым журналистов привлекали к ответственности и закрывали средства массовой информации, иногда незаконно, но, еще раз повторяю, иногда законно. То есть вседозволенности не было. Свободы всегда ограничивались законом. Но есть некое впечатление у добросовестно заблуждающихся относительно сути нашей темы. К ним, наверное, относитесь и вы, Евгений Григорьевич. Попробую объяснить свою позицию. Конечно, если посмотреть на прессу 1991 года и, скажем, 1985 года, то видно, что это просто два разных мира. И когда все мы, жившие в Советском Союзе, перешли от одного состояния к другому, нам действительно казалось, что это вседозволенность. А когда я смотрю на это сейчас, я все пытаюсь понять: какая там была вседозволенность?! Ее не было. Просто там достаточно быстро появилась разная профессиональная пресса. Разножанровая и, главное, разная политическая пресса. Была коммунистическая пресса, которую Борис Николаевич Ельцин в одночасье в 1993 году закрыл, а через два дня открыл, напомним, по требованию журналистов демократических изданий, в том числе и журналистов «Эха Москвы». Покойный Андриюша Черкизов, который был ярким антикоммунистом, написал Ельцину открытое письмо по этому поводу. Вот это, я считаю, был наезд на свободу слова. Поэтому мне кажется, что сам термин «вседозволенность» неверный. Он искажает картинку.

Е. ЯСИН: Я на самом деле картинку не рисовал. Готов согласиться с тем, что ты говоришь, но акцент моего заявления такой: свобода не включает вседозволенность. Она предполагает ответственность. И если не давать людям свободы, то они никогда не станут ответственными.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну, на вопрос, что в данном случае лучше, хаос или порядок, я отвечаю: конечно, хаос.

Е. ЯСИН: Да?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, хаос. Потому что порядок рождается из хаоса.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но многие предполагают, что публикации, телерепортажи не были действенными, власть часто игнорировала их, а в итоге не происходило движения общества, его трансформации.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Как это не происходило, когда Владимир Владимирович Путин все время говорит, что мы стоим на плечах или, вернее, на костях тех, кто делал реформы 1990-х годов. И кто создал то, чем мы сейчас пользуемся. Это можно слышать от Путина, который не является поклонником того, что случилось в 1990-е годы. Хотя и сам он из 1990-х годов. И он прекрасно понимает, каким образом действует пресса. Он это понимает гениально. А я считаю, что пресса, во-первых, на первом этапе преобразований в России сыграла свою роль четвертой власти. А потом она была отстранена от этой роли. Будем надеяться, что с развитием технических возможностей, в первую очередь интернета, а также спутникового, кабельного, цифрового вещания, ведущих к усилению неподконтрольности журналистов отдельным государствам и группам, пресса вернется в ситуацию, когда она вновь станет катализатором процессов внутри общества. Разных процессов, иногда прямо противоположных. Но их катализатором будет именно свободная пресса.

Е. ЯСИН: Ты вспомнил момент, связанный с Андреем Черкизовым, с его протестом. А я хочу просто обратить внимание на то, что в начале 1990-х годов действительно была свобода слова. Она заключалась в том, что журналисты очень энергично отстаивали свои права, а власть к ним прислушивалась и даже часто слушалась. И общество как бы было готово защищать журналистов. То есть общественное мнение было большей частью на их стороне. Это принципиально важно, потому что сегодня, мне представляется, ситуация иная и определенные личности начинают бороться с журналистами, со свободной прессой под предлогом недопущения крайностей в СМИ. Начинаются разные кампании под лозунгами борьбы с клеветой. Причем именно

СМИ объявляются во всем виноватыми, и под этим предлогом закрывают или разоряют разные издания.

А. ВЕНЕДИКТОВ: У меня есть в связи с этим важный пример. Одним из главных героев журналистской критики и разоблачений был некогда занимавший пост министра атомной промышленности Евгений Олегович Адамов. И при встречах со мной он, еще будучи министром и очень влиятельным человеком, неоднократно позволял себе делать мне публичные выволочки: дескать, как вы смеете клеветать на меня. Как-то в Давосе, где произошло очередное наше публичное столкновение, я ему сказал: «Вы знаете, возможно, вы правы. Возможно, где-то пресса и мы, “Эхо Москвы”, переживаем. Возможно, для вас это очень болезненно. Но я вас уверяю, что, когда вы сядете, ваши адвокаты смогут прийти только в свободные издания». Затем события шли своим чередом. И когда случилось, что Адамов попал сначала в швейцарскую тюрьму, мне позвонили его контактеры и сказали, что он доверяет только нашей радиостанции, потому что мы можем сделать с ним прямой эфир. Это было сделано, и потом он неоднократно приходил сюда.

Думаю, эта история очень важная. Люди очень не любят прессу, которая их критикует, и, пользуясь административным рычагом, я имею в виду власть, эту прессу гнобят. Но, когда к ним самим приходит беда, они понимают, что возможность изложить свою позицию у них имеется только в независимых СМИ. Тех самых, которые до этого они нередко пытались угородить. Вспомним того же Геннадия Андреевича Зюганова. Я вам даже не буду рассказывать, что в 1993 году в Белом доме со мной делала его охрана. Но затем, когда ситуация изменилась, он неоднократно получал у нас эфир. В общем, такие люди, оказываясь в ситуации «снизу», начинают понимать, что только пресса, только наличие свободной, неподконтрольной прессы может предоставить им площадку для защиты собственного мнения, иногда свободы, а иногда и жизни. Вы что думаете, Андрей Луговой нас сильно любил? Но после отравления Литвиненко ему все побоялись открыть площадку. Но мы, «Эхо Москвы», считаем, что и его мнение — это общественно

важное мнение. Оно должно прозвучать так же, как и позиции другой стороны — и британского посла, и вдовы Литвиненко, и Бориса Березовского. Это нормально. Слушатели не идиоты. Пусть они сравнивают все позиции. Но я еще раз повторю: те люди, которые зажимают прессу и считают ее ненужной, заблуждаются. Причем говоря о возможности донести до широких масс свою позицию, я имею в виду не только представителей власти или известных персон в любых областях, но и простых людей. Вспоминаю, что у нас перед зданием редакции долгое время стояли пикеты лимоновцев, потому что, чего греха таить, у нас шли очень жесткие комментарии по поводу не Эдуарда Вениаминовича Лимонова как писателя, а лимоновцев как движения, как идеологии большевизма. Но, когда их стали сажать, их мамы начали нам писать просьбы рассказать об этом. И мы, конечно, откликнулись на эти просьбы. В этом наша работа. Хотя эти ребята пикетировали «Эхо Москвы», требуя его закрыть, потому что оно...

Е. ЯСИН: Непатриотичное.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Непатриотическое, ненациональное, небольшевистское и т.д. А потом они поняли, что мы даем и им, национал-большевикам, слово. И это нормально. Я всегда говорю людям, которые сейчас работают в Кремле: «Ребята, вы или ваши адвокаты всегда welcome на “Эхо Москвы”, когда потеряете работу». Я говорю это и простым людям, которым кажется, что мы зовем только великих, скажем только Ходорковского защищаем. Но позвольте! А история с солдатом Сычевым, ставшим жертвой дедовщины в армии и лишившимся обеих ног... Что было семье этого солдата Сычева до свободы слова, пока их не стукнуло? Это что, очень известный, богатый человек? И таких случаев было много. В этом тоже работа прессы. Люди идут к нам, когда у них возникает проблема. Их, например, выселяют, или рядом с домом функционирует мусорный полигон, или еще что-то. Это нормально. Я просто хочу, чтобы люди понимали: пресса существует в том числе и для освещения проблем, которые есть у них.

Е. ЯСИН: Вообще, не только пресса, но и демократия в целом существует именно для того, чтобы в тот момент,

когда человек остался один со своей бедой и когда вроде бы неоткуда ждать помощи, на его защиту должны вставать демократические институты. Это как раз свободная пресса, независимый суд и т.д. Важно, чтобы в этих институтах работали такие люди, которые действительно ценят, уважают и самих себя, и те институты, в которых они служат, чтобы они действительно выполняли свои общественные функции. Это исключительно важно.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Сегодня самое мощное средство воздействия на мозги и души — это телевидение. А как было в 1990-х годах?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Так же было и в девяностых, но тогда, на мой взгляд, было разное телевидение. И в этом был огромный плюс этого хаоса. Тогда у нас так же, как и в других постиндустриальных странах, средства массовой информации, телевидение выражали разные точки зрения. Они отражали интересы разных групп. Было государственное телевидение, созданное, скажем, Анатолием Григорьевичем Лысенко и Олегом Максимовичем Попцовым. Оно было государственным изначально. Было ОРТ, такое полугосударственное, не очень понятное образование, потом — полуберезовское, даже более Бадри Патаркацишвили. Был московский канал, Третий, связанный с московским руководством, с Юрием Михайловичем Лужковым. Было НТВ, которое принадлежало Владимиру Александровичу Гусинскому, частному инвестору. И поскольку интересы владельцев или кураторов этих каналов были разные, то и сами телевизионные каналы, только-только народившиеся как новое телевидение, освещали одно и то же событие с разных позиций. И это тоже правильно, тоже хорошо!

Е. ЯСИН: Я хочу, чтобы мы эту идею несколько развили, Алексей Алексеевич, потому что, мне кажется, многие как раз сомневаются в наличии свободы слова в 1990-е годы именно потому, что это были крупные компании, каждая из которых выстраивала редакционную политику, имея в виду свои интересы. Каждый пытался стать инструментом политического давления и стремился, чтобы в своем воздействии на умы власть медиа была бы больше, чем политиче-

ская власть, чем органы государства. И многие считают это, в общем, негативным явлением, потому что какие-то люди...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это было позитивным явлением.

Е. ЯСИН: Ну, я же задаю вопрос...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я вам возражаю.

Е. ЯСИН: Позвольте мне довести вопрос до конца. Потому что тут главный аргумент, который выдвигается сомневающимися в наличии свободы слова в 1990-е годы. Причем не только простыми людьми, но и некоторыми активными участниками тех событий. И кстати, из упомянутых вами персон и Гусинский и Березовский, можно сказать, стали инициаторами информационных войн. Тогда два контролируемых ими канала объединились в борьбе с правительством, прежде всего с Чубайсом и Немцовым. А вот также один из видных владельцев частных телеканалов того времени — Ирена Стефановна Лесневская никогда в подобном не участвовала. О ней я никогда не слышал разговоров, что она использует свой информационный ресурс в каких-то личных экономических или политических интересах.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Очень легко ответить.

Е. ЯСИН: Я же не задаю вам тяжелых вопросов. Я задаю вопрос о том, что есть некое мнение, согласно которому нельзя говорить о свободе слова в 1990-е годы.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я считаю, что это неправильный подход. Конечно, не Гусинский — свобода слова. И не Березовский — свобода слова. И не государственный канал. Это все равно что сказать, допустим, что рука — это Венедиктов, или нога — это Венедиктов, или голова — это Венедиктов. Но всё вместе — это Венедиктов. Когда вы имеете разные средства массовой информации, с разными интересами, с разными взглядами — это и есть свобода слова. Когда журналист, разделяющий точку зрения, условно говоря, коммунистическую или социал-демократическую, находит себе издание там, где ему не противно работать. Оно более или менее влиятельно, но главное — это то, что оно существует. А другой журналист имеет другую точку зрения, и он тоже может найти себе место работы по душе. Вернусь к США. Идет война. Ваша страна воюет. Неважно,

справедливая эта война или несправедливая. Люди считают по-разному. Существует канал «Фокс», который принадлежит Мердоку и который полностью в редакционной политике поддерживает эту войну. И журналисты, там работающие, говорят о правильности политики страны, потому что мы несем демократию и т.д. Но существуют другие каналы — ABC, CBS, на которых чаще можно увидеть людей, выступающих против войны. И люди, избиратели смотрят на это и говорят: вот, пожалуй, эти правы или правы те. Они узнают об этом. А потом это знание отражается на выборах в США, во Франции, в Италии, в демократических странах, где сталкиваются разные интересы, разное понимание того, что хорошо для страны. Поэтому и результаты выборов часто оказываются достаточно близкими, что отражает уровень поддержки противоборствующих партий. Поэтому и демократия.

Е. ЯСИН: Я продолжу свой вопрос. Подойдем к такому моменту 1990-х годов, когда сложилась эта ситуация: Гусинский и Березовский объединились и напали на Чубайса и Немцова. Они «мочили» их почему зря. И действовали заодно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Но тогда Второй канал во главе с Николаем Сванидзе и Михаилом Швыдким занимался тем, что «мочил» Березовского и Гусинского. Тем не менее, замечу я, существовали разные, альтернативные точки зрения. Да, я согласен, они «мочили». Они занимались политической работой.

Е. ЯСИН: Политической работой в своих корыстных интересах. Ведь поводом для этого нападения стало то, что Гусинскому не дали по льготной цене приобрести пакет акций «Связьинвеста».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да, в своих корыстных интересах. В результате выиграл Чубайс и Второй канал.

Е. ЯСИН: А что он выиграл?

А. ВЕНЕДИКТОВ: В результате та сделка, которая обсуждалась, была признана Джорджем Соросом самой неудачной за всю его жизнь.

Е. ЯСИН: Но для государства, для бюджета, а тогда это было крайне важно, то была наиболее удачная сделка по продаже пакета акций, принадлежащих государству.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я говорю о другом. Было разнообразие точек зрения. Государственный канал защищал государственного Чубайса. И правильно делал, замечу я. Я же не буду сейчас разбираться, кто прав, кто виноват. Были разные обстоятельства одного дела. И разные средства информации, исходя из разных посылов, корыстных, не корыстных, идеалистических, прагматических, занимали позицию в редакционной политике. Но зритель мог смотреть НТВ и РТР или ОРТ и РТР. Вот эти говорят, что Чубайс – черный, а эти говорят, что Чубайс – белый. Неужели лучше было бы, чтобы все говорили, что он белый? Или что он черный?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть наличие владельцев у СМИ не нарушало наше гражданское право на получение информации?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Всегда у СМИ есть владелец. Но наличие различных владельцев с разными интересами и разнообразными взглядами, многообразных владельцев увеличивает площадку, дает более объемную картину события. Ситуацию с наличием одного владельца, кстати, мы проходили: у всех СМИ в СССР был один владелец – КПСС. Проводилась одна редакционная политика. Сейчас у всех телевизионных СМИ один владелец – государство. Если хотите, Кремль. Это увеличивает поляну для обсуждений или сужает? С моей точки зрения, сужает.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В 1990-х годах был принят закон, дававший свободу СМИ, так называемый федотовский закон. Каковы его плюсы и минусы? Говорят, что этот закон был очень демократичный.

Е. ЯСИН: Я считаю, что, во-первых, это действительно хороший закон. Вернее, я считаю положительным то, что он сохраняется и суть его не меняют, хотя поправки уже вносили. Дело в том, что у нас Конституция тоже довольно-таки несовершенна, но практически все согласны с тем, что ее пока лучше не менять. Скажем, уже было довольно много попыток начать процесс с того, чтобы вносить изменения во вторую главу, где идет речь о правах и свободах человека. Но пока все они кончились ничем. То же самое с законом о печати. Он, вообще-то говоря, сделан в период

демократической эйфории в 1990 году, когда было еще не ясно, как станут разворачиваться события дальше. А дальше появилась рыночная экономика. Появились разные хозяйствующие субъекты. И стало понятно, что эти хозяйствующие субъекты, которые и будут содержать соответствующие средства массовой информации, могут их закрывать, несмотря на все, что предусмотрено в законе для защиты свободы слова. И это так и было. Не в 1990-е годы, но потом именно по этим причинам, из-за этих слабостей закона и удавалось закрывать уже довольно серьезные СМИ. Если не закрывать, то по крайней мере в корне менять собственность и редакционную политику крупных компаний, в том числе на каналах федерального значения. Поэтому я думаю, что когда придет время менять Конституцию, то, вообще-то говоря, надо будет поменять закон о СМИ, но поменять так, чтобы там обязательно были защищены права журналистов, чтобы эти вопросы были как-то разведены и увязаны. Вот с этим вопросом я хочу обратиться к Алексею Алексеевичу, потому что он принимал активное участие в дискуссиях, развернувшихся, по-моему, после первого разгона НТВ.

А. ВЕНЕДИКТОВ: На самом деле в законе четко написано, что учредители — тогда было слово учредители, а акционеры — не имеют права вмешиваться в редакционную политику, но имеют право назначать главного редактора. Вот и вся история. То есть это абсолютно нормально. Я считаю, что, конечно, в законе нужно кое-что поменять. На мой взгляд, эти изменения должны быть направлены в сторону защиты интересов потребителя: не журналиста, а именно потребителя информации. Главное — право на получение информации, а не на ее распространение. В принципе, я считаю, что и действующий закон такие права дает. И в рамках действующего закона, собственно говоря, построена модель «Эха Москвы». Никто не может сказать, что мы газпромовская радиостанция и отражаем информационную политику «Газпрома». Хотя наш акционер действительно «Газпром». И вы знаете, что отношения с ним действительно всегда непростые, даже когда дело касается непосредственно интересов «Газпрома» как организации коммерческой. Мы средство массовой информа-

ции. Нам удается — кстати, благодаря в том числе и вам, Евгений Григорьевич, — так формировать совет директоров «Эха Москвы», что, несмотря на наличие у «Газпрома» двух третей акций, все-таки там четыре директора от «Газпрома», три директора от «Эха» и два независимых директора. Это на самом деле позволяет принимать взвешенные и, как правило, консенсусные решения. Мы нашли эту модель в ходе действующего закона и ведем редакционную политику независимо от акционеров. Но мы прибыльны. И это еще один важный момент. Мы работаем в рыночных условиях. Потому если я беру деньги у своих акционеров, то, извините, я должен их обслуживать. Это неправильно, но в такой ситуации я их должен обслуживать. Одно дело, если я беру кредит с возвратом, другое дело, если я живу на дотации. Тогда надо делать книксен. А если я плачу дивиденды своим акционерам, то есть в известной степени я их содержу, то это дает мне как средству массовой информации право на более самостоятельную редакционную политику.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть история с НТВ — это только спор хозяйствующих субъектов?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, нет.

Е. ЯСИН: Вот это как раз вопрос. Потому что Алексей Алексеевич здесь как бы не говорит всего...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вы хотите сказать лицемерит?

Е. ЯСИН: Нет, не лицемерит, но не договаривает. Говорит только правду...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но не всю.

Е. ЯСИН: Не всю правду. На самом деле правда, если добавить немножко, заключается в том, что есть, может быть, гласное, а может быть, негласное соглашение относительно «Эха Москвы» и еще каких-то изданий, которым...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Позволено быть в особом положении?..

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да, я могу дополнить эту историю. И это абсолютно нормально, потому что мы действуем не в интересах группы людей, а в интересах наших слушателей, независимо от их политических взглядов.

Е. ЯСИН: Ну, все это вы рассказывали раньше, когда говорили, что должно быть много средств массовой информации.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но тогда почему нам разрешено, а кому-то нет?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это вопрос к тому, кто разрешает...

Е. ЯСИН: «Витрина».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да, и «витрина». Но, извините, если бы мы были недоходны, то «витрина», не «витрина», а изволь делать то, что тебе говорят.

Е. ЯСИН: Однако я так думаю, извините меня, что власти нетрудно сделать любую компанию недоходной.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Ну да...

Е. ЯСИН: И это один из способов давления, которые нам хорошо известны. Причем не только на средства массовой информации.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А я вам должен сказать, что в 2001 году на наших рекламодателей было оказано такое давление. Однако они не ушли. Мы потеряли лишь одного рекламодателя, другие не ушли с нашего рынка. Хотя они точно знали, что рискуют. С ними разговаривали посредники, друзья, они нам рассказывали про это. В 2001 году надо было обрушить рекламу «Эху Москвы», чтобы показать наше неумение вести редакционную политику. Но рекламодатели не ушли. Причем в комплексе причин этого вопрос не только журналистов. Это также вопрос слушателей...

Е. ЯСИН: Я тогда как раз к вам и пришел.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, но не как рекламодатель.

Е. ЯСИН: Не как рекламодатель, но тоже не просто так.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, Евгений Григорьевич. Но сейчас я акцентирую внимание на том, что наше исключение должно стать правилом. Как у нас выстроена позиция, каким образом мы соотносимся с собственником? У нас есть два ограничения. Ограничение первое: когда идет негативная информация о собственнике, мы ставим его в известность, получаем его комментарии, потому что эту информацию мы все равно выпустим. Ибо мы — средство массовой информации.

Е. ЯСИН: Всё. Значит, я прошу, чтобы про «Эхо Москвы» вы нам больше не рассказывали.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А про что вам рассказывать?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Про свободу слова.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А что есть свобода слова?

Е. ЯСИН: Свобода «Эха Москвы» — это и есть свобода слова.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Типовая ли модель?

А. ВЕНЕДИКТОВ: К сожалению, нет. Потому что свобода слова — это свобода, когда человек в городе, где нет «Эха Москвы», получает информацию не только из государственных средств массовой информации, но и из средств массовой информации, которые принадлежат частным или юридическим лицам или общественным организациям с другой редакционной политикой. Потому что если в одном городе есть «Маяк», государственный «Маяк», «Эхо Москвы», «Русское радио», «Бизнес ФМ», «Сити ФМ», то человек, сопоставляя информацию, лучше ориентируется в ситуации и соответственно принимает решение. Если же в этом городе есть только «Эхо Москвы» или только «Маяк», то тогда никакой свободы нет, даже если это самое свободное СМИ, потому что это монополия на информацию, а в монополии нет свободы.

Е. ЯСИН: Согласились. Только с этим никто не спорит.

А. ВЕНЕДИКТОВ: А тогда в чем спор?

Е. ЯСИН: Вопрос принципиально заключается, по моему, в той мысли, которая в нашей беседе раньше уже высказывалась. Суть не только в наличии разных каналов информации и возможности сопоставления разных позиций, разных точек зрения. Важно не то, чтобы каждый приходил и говорил что захочет. На самом деле важна не свобода слова, а свобода печати и ответственность журналистов за свои выступления.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Что касается ответственности журналистов, то я категорически против.

Е. ЯСИН: Внутренняя ответственность.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет...

Е. ЯСИН: Тоже не надо?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Она ведь и так есть у любого человека. Но один понимает ответственность так, как его мама воспитала, а другой иначе. Потому что она внутренняя, а не внешняя. А внешняя ответственность — это закон. Закон, или устав редакции, или корпоративный договор. А так

ведь всем по-разному говорили, что такое хорошо и что такое плохо. Что можно, а что нельзя.

Е. ЯСИН: Но в то же время есть еще одна такая «мама», как общественная этика...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет. Для журналистов ее нет. Я просто вам удивляюсь.

Е. ЯСИН: И я тоже удивляюсь.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Попытаюсь привести пример. Скажите мне, пожалуйста, аморально одновременно жить, извините меня, и спать с двумя женщинами? Это аморально или нет?

Е. ЯСИН: Но приятно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это конечно. Но аморально или нет? Как общественное мнение к этому отнесется? Если оно узнает, что...

Е. ЯСИН: Общественное мнение тут будет складываться из мнений каждого по отдельности, но...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, это не ответ.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вы ушли от ответа. А я вам скажу, что, например, в исламской культуре, которую у нас разделяет 15–20 млн человек, это не аморально. Может быть, незаконно, но не аморально. А в христианской культуре верующие люди будут считать это аморальным. Просто у разных культур разная этика. Потому что этику определяют в том числе и религиозные взгляды или отсутствие таковых. Вот, собственно, и всё. Скажем, существует газета «Комсомольская правда», с одной стороны, а есть газета «Коммерсантъ», с другой стороны. Есть вещи, которые никогда не появляться в «Коммерсанте», потому что это, с их точки зрения, неэтично. А «Комсомолка», напротив, это напечатает.

Е. ЯСИН: Ну, хорошо. Я же не сужу об этом профессионально. Мы же беседуем о том, насколько важна свобода слова. Я хочу обратить внимание на то, что обсуждается требование или пожелание внести в качестве поправки к закону о СМИ положение, согласно которому можно было бы закрыть издание за клевету. Причем необязательно, чтобы текст был квалифицирован как клевета судом. Я считаю, что в принципе не должно быть возможностей закрывать СМИ за клевету у людей, лично заинтересованных в том,

чтобы их никто не критиковал. В этом смысле я с вами согласен. Но я не думал, что вы на меня так наброситесь из-за того, что я считаю внутреннюю ответственность журналиста его главной защитой.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Потому что это разные вещи.

Е. ЯСИН: А я и не спорю...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Это частный вопрос, наверное.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, не частный. Попытаюсь объяснить. Я уже рассказывал эту историю, но изложу ее немножко по-другому. Условно говоря, существует то, что называется «желтая пресса», которая, скажем, сужает границы частной жизни, но при этом является профессиональной журналистикой. Потому что настоящие папарацци — это профессиональные журналисты. Некоторые считают их деятельность неэтичной, некоторые — этичной. Каждый выносит свой приговор, причем каждый — отдельно. С позиций общественного мнения это неэтично, но тиражи у таких изданий максимальные. Вот и верь после этого общественному мнению. Поэтому в такой ситуации все разговоры об этике журналиста я просто не понимаю — это лицемерие. Потому что люди, которые осуждают деятельность журналистов такого рода, сами в массе своей в первую очередь читают именно те газеты, в которых данная деятельность представлена особенно ярко.

Е. ЯСИН: Но я как раз говорю не о законе, а о том, что...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Позиция журналиста не кодифицируется, Евгений Григорьевич. У меня сто журналистов, и у них сто разных этических позиций. Посмотрите на Нателлу. У нас может быть с ней единая этическая позиция?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Почему нет? Я более толерантна, чем вы. Но давайте вернемся к 1990-м годам.

Е. ЯСИН: Мы опять уходим от объявленной темы, и это все из-за вас. Дело в том, что сейчас незаметно центральным предметом дискуссии становится именно этика журналистов. А я о другом говорю. О том, что для существования свободы слова важно, чтобы журналист отвечал за свои публикации. И совсем не нужно, чтобы его мог карать какой-то чиновник.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я против такого противопоставления. Вы сейчас пытаетесь подставить журналиста. А я счи-

таю, если журналист сказал правду, почему он должен отвечать за то, что донес до общества правдивую информацию?

Е. ЯСИН: Если сказана правда, то даже вопроса нет... Но если дана неверная информация, тем более вброшенная в общество в чьих-то конкретных интересах...

А. ВЕНЕДИКТОВ: То, извините меня, пусть это будет журналист или СМИ, но в таком случае решать спор с ними надо в суде. Только через состязательный судебный процесс. С правом апелляции, а до этого никаких закрытий СМИ, никаких санкций к журналисту. Это очевидно.

Е. ЯСИН: Тут, дорогие мои друзья, я хочу обратить внимание на один очень важный момент. На роль свободных СМИ в демократическом обществе. Оставим тему этики журналиста, потому что чувствую, что вы начнете меня на этом поле профессионально «забивать», и я буду «плавать». Меня эти вопросы как ваши внутрицеховые дела не интересуют. Но особо важное общественное значение имеет то, что свободные СМИ неслучайно считаются одним из столпов демократии. Даже часто слышишь разговоры, что если в стране есть свободные выборы, то они могут кончиться тем, что люди выбирают то ли Гитлера, то ли Муссолини, то ли Лукашенко, то ли еще кого-то, кто потом уничтожит демократическую систему.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ну не выбирают же таких в Германии уже семь десятилетий...

Е. ЯСИН: Так это там сегодня не выбирают. Однако ситуация состоит как раз в том, что есть некий набор институтов, который прилагается к собственно выборам. И он также составляет смысл демократии. Без них демократии не существует. Не существует политической конкуренции. Нет возможности сопоставления взглядов. Значит, в этом смысле свободная пресса — абсолютно необходимый компонент. Если мы этого не имеем, мы не можем претендовать ни на какие свободные выборы. Значит, выборы оказываются несвободными по определению. Я просто приведу пример, который напрямую, кажется, и не относится к этому. Вспоминаю, что в советское время Государственный комитет по науке и технике добился через КГБ издания постановления относительно того, что все упоминания об автоматизиро-

ванных системах управления, АСУ, за которые он отвечал, являются государственной тайной. И всякое издание, которое писало что-то об АСУ, или о том, как она функционирует, или о том, что у нас в этом деле успехи, скажем так, весьма скромные, подвергалось преследованию. Тогда издание такого постановления для меня стало неким открытием. Я не думал, что любой чиновник мог подготовить проект, послать его на Лубянку, где его рассмотрят положительно. В результате тема АСУ из серьезной прессы ушла. И внешне казалось, что у нас с АСУ все стало отлично. Но когда прошло время, оказалось, что нам необходима инновационная экономика. И сейчас я думаю, что на наших сегодняшних проблемах в этой сфере сказывается и то давнее постановление. Потому что тогда под удобным покровом государственной тайны ничего не было сделано. А теперь я хочу перейти к нашему этапу, к 1990-м годам. И возвращаясь к ним, я должен сказать, что ничего похожего на то, что происходило в стране в советский период, в 1990-е годы не было. Тогда на самом деле была реальная свобода слова. Она не всегда и не всем нравилась, но она была.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Позвольте не согласиться. Многие считают, что в 1996 году значительная часть журналистов, возможно, из искреннего сочувствия Ельцину дали возможность ему приподняться. И вот с этого начались проблемы со свободой слова. Потому что ввали.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я знаю эту точку зрения и ее не разделяю. Причем этой точки зрения придерживается масса людей: от уважаемого Сергея Адамовича Ковалева, который в нашем эфире говорил, что лучше бы тогда победил Зюганов, до Владимира Александровича Гусинского, который считает, что в 1996 году была совершена ошибка, что канал НТВ не должен был работать на Ельцина. Я же считаю, что это бред. Я должен сказать страшную вещь: большинство журналистов в 1996 году симпатизировало не Борису Николаевичу Ельцину, а Григорию Алексеевичу Явлинскому. Достаточно посмотреть публикации. Несмотря ни на какие указания руководства каналов, которые решали свои проблемы. И на Первом, и на Втором, и на Третьем масса журналистов безумно ему симпатизировала и выражала эти

симпатии в своей работе. Была часть журналистов, которая симпатизировала Александру Ивановичу Лебедею. Сейчас все это забыли. Но когда возник второй тур, тогда действительно большинство средств массовой информации поддерживало открыто, замечу еще раз, Бориса Николаевича Ельцина. При этом никакого вранья не было. Просто урезали время Зюганову. Но все равно его показывали, хотя и такое урезание времени плохо. Но самое главное, я напомним, что там были настоящие выборы. В первом туре Ельцин получил 35%, а Зюганов 32%. Ничего не решали средства массовой информации, стреляя в сторону Зюганова. А во втором туре было 53% на 42%, приблизительно такое соотношение. Ни о каких 87% или 75% речи не было. Несмотря на позицию СМИ. Это тоже грандиозный постоянно муссируемый миф о выборах 1996 года. Более того, я слежу за выборами во Франции, в США и читаю, например, что в редакционных статьях газета «Вашингтон пост» откровенно пишет: надо поддержать такого-то кандидата, потому что он принесет счастье Америке. Это редакционная позиция одной из влиятельных газет. А руководство канала «Фокс» ратует за другого кандидата. Потому что это их мнение. Но рядом есть и другие СМИ со своими позициями.

Я опять возвращаюсь к той же проблеме. Смысл заключается в том, что в 1990-х годах и у нас были другие СМИ. Общий тираж коммунистических газет в 1996 году, извините меня, пожалуйста, перебивал тиражи всех остальных газет. Россия на треть, наполовину была коммунистическая страна... И никого не сняли с выборов, никому не отказали в регистрации. Могли же снять Зюганова или Лебедея, пошел бы один Борис Николаевич с 3% и стал бы победителем. Но никого не сняли. И пресса бы не дала снять.

Е. ЯСИН: Я напомним, что выборы губернаторов, которые проходили после президентских выборов, принесли 40% мест губернаторам-коммунистам.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: То есть мы снова выходим на проблему права граждан на получение объективной информации. Однако в одной из наших бесед о дефолте 1998 года Евгений Григорьевич сказал, что, с его точки зрения, информация о дефолте, сглаживающая острые углы, была аб-

солютно правильная. Потому что если бы началась паника, то непонятно, чем бы все это в тех условиях обернулось.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Журналисты не являются экспертами ни в вопросах денежного обращения, ни в вопросах противоракетной обороны, ни в вопросах внешней политики. Конечно, и среди них есть какие-то отдельные эксперты, но, в принципе, роль журналистов и средств массовой информации — дать слово экспертам. Я хочу сказать, что тогда давали слово Андрею Николаевичу Илларионову, который публично предупреждал о надвигающейся опасности. Но абсолютная масса всех остальных — министры, экономисты, все говорили, что это невозможно. Мы всем давали слово. Мы им не должны были давать слово?

Е. ЯСИН: Кстати, когда я говорил в той беседе о роли информационного фона в кризисе 1998 года, я имел в виду не журналистов, а правительственных чиновников.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но они же врали, Евгений Григорьевич...

Е. ЯСИН: Да не врали, а уверены были, что спасали страну, и шансы на спасение, как объяснял Михаил Михайлович Задорнов, были серьезные. А кроме того, кто сказал, что правительство всегда обязано говорить правду? Оно не должно врать, но оно может сказать не всю правду. Оно должно делать так, чтобы было лучше стране. И бывают ситуации, когда лучше не возбуждать толпу. В этом я не вижу ничего зазорного. Управление страной предполагает и это. Другое дело, что постоянного откровенного вранья быть не должно. Это правда.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это не вопрос прессы.

Е. ЯСИН: Разумеется.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Что мы получили в итоге от свободных СМИ в 2000-е годы? В общем, пока получается, что ничего хорошего мы не наблюдаем.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Мы получили современную страну. Страну, которая бурно развивается, пусть и с вывертами. Мы получили конкурентную экономику. Мы получили то, что люди могут принимать более правильные решения, сравнивая разную информацию. Вот, например, я человек, который варится в информационном котле, и если

я куда-то еду из Москвы, то смотрю не один погодный сайт, а три.

Е. ЯСИН: Потому что их всего три.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, их порядка сорока, но я выбрал себе три, которым доверяю. Потому что человеку нужна серьезная информация для принятия правильных решений в своей жизни. Для того, чтобы сделать следующий шаг.

Е. ЯСИН: С моей точки зрения, на самом деле проблема выглядит так. Есть мнение, что больше информации, чем сегодня дают СМИ, подавляющему большинству граждан России просто не нужно. В конце концов, основные факты сообщаются. А когда нужно давать какие-то комментарии неких событий, то для этого можно позволить иметь некую площадку. То есть, в принципе, для тех людей, которые придерживаются демократических взглядов, достаточно, скажем, «Эха Москвы», «Новой газеты», «Ведомостей»...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Евгений Григорьевич, когда человеку нужна метеосводка, это не вопрос его взглядов. Когда человеку нужно куда-то вложить деньги, это не вопрос взглядов. И когда человек отдает своего ребенка в армию, это тоже не вопрос взглядов. Неважно, консерватор он, коммунист или фашист. Важный вопрос — возможности получения информации из разных источников, ее доступности. Чтобы и консерватору, и либералу, и коммунисту, и националисту было в результате понятно, где опасно, а где нет, как минимизировать те или иные риски. Где врут, а где не врут. Человек должен сравнивать информацию из разных источников, чтобы составить себе более-менее полную картину и тогда уже предпринимать какие-то действия или уклоняться от них. Почему некоторые манипуляторы информацией решают за Ивана Ивановича Иванова, про что он может знать, а про что не должен. Это не их дело, не дело власти решать за Ивана Ивановича Иванова, что он должен знать. Он сам решит, когда у него будет возможность доступа ко всей поляне информации. Ведь нельзя же поставить в библиотеке десять книг и сказать: «Вот этих десяти тебе достаточно». А он хочет одиннадцатую, он о ней слышал. Но ему дают только десять, уверяя, что для одиннадцатой он слишком глупый, что для него это слишком умная книга.

Е. ЯСИН: Я-то согласен с тобой.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Вот и хорошо.

Е. ЯСИН: Но я же говорю о том, что сейчас очень многие люди считают, что свобода слова в стране обеспечена и к власти нет никаких претензий.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Причем сами они читают так называемый белый ТАСС, да и с большим удовольствием.

Е. ЯСИН: И все же в той завесе, которой от людей хотят скрыть информацию, сегодня много щелей, просветов, брешей. Все больше людей не ограничиваются традиционными источниками информации типа телевидения, хотя его воздействие тоже нельзя преуменьшать. Но есть интернет. И растущая доля населения России стала довольно серьезно использовать его в качестве источника информации. Конечно, там много мусора, и надо учиться грамотно пользоваться этим инструментом. И все же его массовое освоение, надеюсь, даст новый импульс развитию полей самой разной информации. А это и станет толчком к новому качеству того, что мы понимаем под свободой слова, столь необходимой для подлинно демократического общества.

VII. РОССИЯ В МИРЕ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В 1990-Е ГОДЫ (Е. ЯСИН — Г. КУНАДЗЕ)

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: Один из важнейших факторов, позволяющий высветить особенности российской жизни 1990-х годов, — проводимая страной внешняя политика. Мы решили обсудить эту тему с бывшим заместителем министра иностранных дел России Георгием Фридриховичем Кунадзе, ведущим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений РАН.

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: Я бы хотела начать, с вашего позволения, с «непарламентского» вопроса: Россия в 1990-е годы во внешней политике подавала все позиции? Ведь это очень распространенная точка зрения.

Е. ЯСИН: Для начала я скажу два слова. Мое восприятие того времени вообще и той внешней политики в частности таково: в те годы вообще речь шла не о сдаче позиций или, наоборот, завоевании каких-то позиций, скажем об усилении военной мощи или влияния на другие страны. На самом деле в 1990-е годы произошло, можно сказать, эпохальное событие — кончилась холодная война. У нас появилась возможность вступить с Западом в отношения совершенно другого типа, когда мы могли бы просто сотрудничать, опираясь на общечеловеческие ценности. Мы ощутили свою общность по крайней мере со странами Европы, ощутили себя продолжением европейской цивилизации, которая, как известно, не ограничивается Европой, а развивается и в других странах — США, Австралии, Канаде. О себе я могу сказать, что я разделяю те ценности, которыми пропитана европейская культура. К ней, кстати, относится и Россия. Мне кажется, что в 1990-е годы и даже ранее, во время правления Михаила Сергеевича Горбачева, как раз произошел этот перелом в наших отношениях, нащупывалось то, что

мы можем жить с опорой на общие ценности. Это создавало основу для того, чтобы навсегда исключить какие бы то ни было конфликты. Сейчас эти положения подвергаются критике, но, честно сказать, она мне не кажется убедительной. Наоборот, я очень сожалею, что мы сегодня лишились наследия наших отношений с Западом, накопленного в 1990-е годы, а ведь мы могли бы воспользоваться им сегодня. Можно рассуждать о том, что мы некритически относились к каким-то шагам западных правительств или что мы плохо отстаивали свои национальные интересы. Думаю, Георгий Фридрихович сможет проанализировать это, исходя из своего опыта. Я же поделюсь своим опытом работы как личного представителя президента — шерпы, как называют таких людей, в ходе подготовки важных встреч на высшем уровне, прежде всего «Большой семерки», которая именно тогда приобрела формат «семь + один», а затем и «Большой восьмерки». То было для меня недолгое время, но там, на этих встречах, тоже приходилось отстаивать национальные интересы, правда без такого шума, без лишних внешних эффектов. Но ведь настоящая дипломатия, как и финансы, любит тишину.

ГЕОРГИЙ КУНАДЗЕ: С моей точки зрения, в первой половине 1990-х годов Россия, действуя на ощупь порой, методом проб и ошибок, испытывая острую нехватку ресурсов, смогла завоевать в цивилизованном мире те позиции, которые сейчас, обладая несравненно большими, чем тогда, возможностями, сдает. Или уже сдала. Совершенно согласен с Евгением Григорьевичем: мы растранижирили то, что получили в начале девяностых авансом, прежде всего неданный кредит доброй воли и доверия.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но сегодня очень многие уверяют, что тогда на нас смотрели свысока, воспринимали как бедных родственников, как «дикарей», еще вчера «сидевших на пальмах». И говорят так отнюдь не только простые обыватели, но и лица, занимающие высокие посты и в законодательной, и в исполнительной власти.

Г. КУНАДЗЕ: Мой собственный опыт, как и любой личный опыт, ограничен. Но, опираясь на него, я бы сказал, что в цивилизованном мире нас принимали с уважением

и радостью, как некогда заблудившихся родственников, наконец вернувшихся в свою семью.

Е. ЯСИН: Полностью согласен с этим. Причем подчеркну, что тогда в России было очень сложное экономическое положение. Мы проходили через острейший кризис, который давно назревал — об этом мы много говорили, — и к тому же в условиях падения цен на нефть, экспорт которой прежде позволял СССР худо-бедно сводить концы с концами.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: В этом, кстати, тоже упрекают мировую закулису.

Е. ЯСИН: Конечно, наши позиции с чисто экономической, а значит, и с политической точки зрения были достаточно слабыми. Насколько я знаю, было острое желание основных стран Запада помочь нам пережить эти трудности. Я вспоминаю саммит «Большой семерки» в 1991 году, в котором впервые участвовал Горбачев. Он просил помощи Запада, причем очень значительной. Напомню, что незадолго до этого советское руководство отвергло программу «500 дней». На пост премьер-министра СССР был назначен Валентин Сергеевич Павлов, выдвинувший свою «антикризисную программу» весьма сомнительного свойства. И все же уже на этом саммите его участники решили оказать нам помощь. Но к тому времени у СССР уже были проблемы с внешней задолженностью, и потому было решено, что кредиты нам предоставят не отдельные страны, а Международный валютный фонд и Всемирный банк. Ведь члены «Большой семерки» — демократические страны, в которых решения о выделении кредитных средств иностранному государству принимаются с согласия парламентов. Провести через них кредиты для иностранного государства, еще вчера бывшего врагом, непросто. Международные финансовые организации в этом смысле более свободны в своих решениях. Они выдвинули нам условия, направленные на реформирование нашей экономики. И под это выделили средства. Хотя, честно сказать, немного. Я считаю, что тогда Запад не учел сложность наших проблем и упустил историческую возможность применить к России план вроде Плана Маршалла. Я своим иностранным коллегам это всег-

да говорю. Но тем не менее пусть незначительная, но помощь оказывалась.

При этом Запад стремился сделать так, чтобы наша страна, уже ставшая Российской Федерацией, поскорее почувствовала себя равной среди равных. Этим как раз и объяснялось принятие России в «Большую семерку», пусть пока только в политическую «семерку». Вспоминается такая история. Во Франции собрались министры труда стран «Большой семерки». Меня пригласили туда не как министра, а как шерпу, наблюдателя. Я слышал идущие там разговоры, споры. Представитель Японии говорил: Россия не подходит для «Большой семерки», потому что у нее ВВП на душу населения намного меньше, чем, скажем, в Австралии. А я говорил, что, во-первых, вы неправильно считаете, надо брать по паритету покупательной способности. Кроме того, не забывайте, что это сегодня Россия слаба, а завтра она будет сильнее. Представители всех остальных стран «семерки» меня поддержали. В конце концов, принятие нашей страны в политический клуб «Большой семерки» уже в начале 1990-х годов было политическим решением, нам давали аванс на будущее. Потому что тогда мы действительно в нашем кризисном состоянии не отвечали никаким критериям для вхождения в этот привилегированный клуб. Но тем не менее они не хотели, чтобы мы чувствовали себя униженными. Поэтому я, исходя из опыта собственных наблюдений, считаю, что к нам было очень уважительное отношение, понимание того, что Россия была, есть и будет великой державой, но просто сейчас она попала в очень сложную ситуацию. Ведь переживать переход к рыночной экономике и демократии — это трудная проблема.

Г. КУНАДЗЕ: Я бы добавил вот что. Конечно, наш прием в «Большую семерку» сопровождался некоторой неловкостью. Как ее теперь называть: «семеркой», «восьмеркой» или клубом «семь с половиной»? В итоге сначала называли «семь + один». Но, разумеется, для нас это был большой аванс. Ведь это объединение основывалось не только на чисто экономических показателях. «Семерка», куда в конце концов приняли нашу страну, была в первую очередь клубом единомышленников. Туда же не приняли, напри-

мер, Китай, который, в общем, по своим валовым экономическим показателям уже тогда вполне тянул на членство. Но туда, еще раз подчеркну, принимали именно единомышленников. И Россию авансом рассматривали не просто как великую державу, способную преодолеть экономический кризис и выйти по показателям ВВП на душу населения на сопоставимый с другими членами «семерки» уровень. Главное — в ней видели страну, стремящуюся стать на демократические рельсы, самостоятельно отказавшуюся от коммунистической идеологии как государственной.

При этом идеализировать отношение Запада к России в тот период, конечно, не надо. Отношение Запада было разным. Иногда говорили, что, победив в холодной войне, Запад получил право учить Россию жизни, чуть ли не диктовать ей свою волю. С такими настроениями приходилось сталкиваться и мне. И когда я работал в Москве в центральном аппарате МИДа, и когда был послом России в Республике Корея. Я же своим зарубежным собеседникам всегда говорил: «Самостоятельно отказавшись от коммунистической идеологии и политики, Россия стала победителем в холодной войне наравне с Западом. Мы выиграли холодную войну все вместе». В начале 1990-х годов многие из нас искренне верили в это.

При этом, конечно, опьянение победой не только над СССР, но и над его продолжателем — Россией — тогда существовало. Носители этих настроений предпочитали воспринимать Россию как наполовину уменьшившийся СССР. А некоторые наши действия такие настроения уже тогда подогревали. Ну, что сказать, те в нашей стране, кто воспринимал победу в холодной войне как общую победу демократической России и Запада, ошиблись. А те на Западе, кто отождествлял Россию с СССР, оказались правы. В этом смысле чем больше мы сейчас пытаемся строить из себя СССР, берущий реванш за «унижения» 1990-х годов, тем сильнее мы отталкиваем от себя Запад. И тем сильнее побуждаем его к жесткому ответу.

Е. ЯСИН: Я бы добавил к этому только одно. Мне не приходилось сталкиваться с людьми, которые подчеркивали победу Запада в холодной войне. Я знаю, что они были,

но те люди, с которыми я сталкивался в ту пору, то есть как раз в те самые для нас тяжелые 1990-е годы, в тех кругах, с которыми мне приходилось общаться, такие настроения по крайней мере не проявляли. Никто нам об этом не напоминал.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Давайте все-таки вернемся к теме экономической помощи России со стороны Запада в 1990-е годы и к тому, какую роль она сыграла.

Е. ЯСИН: Напомню, что у нас было очень плохое финансовое положение, цены на нефть низкие, доходов от других источников практически не было. В это время займы, предоставлявшиеся на определенных условиях, советы, которые давали нам, скажем, МВФ и Всемирный банк, а также специально созданный для стран с переходной экономикой Европейский банк реконструкции и развития, России здорово помогли. Я могу вспомнить и случаи, когда рекомендации Запада были мотивированы соображениями, не касавшимися реальных потребностей России. Но таких случаев было мало, два-три, не больше. А все остальное было реальной и квалифицированной помощью. Сейчас модно критиковать эти международные финансовые организации, обвинять их, например, в том, какие они дурные, вопрошать, не они ли довели нас до дефолта, и т.д. Это все совершенно не соответствует действительности. Напоминаю: тогда в России почти не было людей, хорошо понимавших, что такое рыночная экономика, как можно перейти к ней от планового хозяйства. Нам помогали многие западные специалисты, не только Джеффри Сакс или кто-то вроде него. Кстати, он неплохой ученый, просто нередко слишком много берет на себя. Но сюда приезжали очень сильные команды из западных ведомств, которые составляли доклады для своих правительств, из Всемирного банка, из МВФ. Там были собраны, можно сказать, едва ли не лучшие экономисты мира. Они анализировали ситуацию, давали советы, говорили, по-моему, дело. Сейчас модно говорить, что был некий «вашингтонский консенсус», следуя принципам которого мы получили кризис. Дескать, если бы никого со стороны у нас в советчиках не было, мы бы все сделали совершенно иначе и гораздо безболезненное.

Но самое интересное, что и там, на Западе, в США, тоже есть ученые, думающие примерно так же, в частности нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц. Он выступает и говорит: все, что вам советовали, ерунда, надо было брать пример с Китая. Я не знаю его лично, но уверен, что он умный человек и талантливый ученый, ведь даром нобелевские премии не дают. Однако тут я вижу просто поразительное непонимание того, что происходит в Китае и что происходит здесь.

Г. КУНАДЗЕ: На самом деле разговор о том, насколько применим был в России опыт Китая или других стран, собственно говоря той же самой Индии, это, я бы сказал, разговор бесконечный. Короткий ответ обычно такой: у нас нет столько китайцев, чтобы воспринять опыт Китая. А более длинный состоит в том, что на самом деле и Китай очень разный. Это богатая страна бедных людей, в не меньшей, а пожалуй, в большей степени, чем Россия. Это еще и страна хуже информированных людей. Жестких порядков и государственного контроля, подобных тем, что имелись в СССР.

Или взять, к примеру, Индию, крупнейшую демократию мира. В этой стране около 300 млн человек относят себя к среднему классу по уровню доходов, качеству жизни и образования. Но, условно говоря, еще больше людей в Индии живут в крошечной нищете. На них просто махнули рукой. Россия далеко не идеальная страна, она тоже страдает от массы проблем, в том числе от невиданного разрыва между богатыми и бедными. Но, как мне кажется, по остроте стоящих перед ней социальных проблем даже такая Россия — это далеко не Индия.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Георгий Фридрихович, один американский экономист высказался по поводу помощи России в том смысле, что каждый транш помощи нам подобен дополнительной инъекцией наркотика наркоману. Так ли это?

Г. КУНАДЗЕ: На самом деле мне трудно ответить на этот вопрос. Это скорее тема Евгения Григорьевича. Я могу только сказать, что, работая в 1990-х годах в Министерстве иностранных дел, мои коллеги и я постоянно ощущали, что вопрос получения экстренной помощи всегда был одним из главных в повестке дня текущей внешней политики.

Об этом не следует забывать. Сейчас принято, разумеется, критиковать и чуть ли ни проклинать все, что было в 1990-е годы, а особенно в их первой половине. Говорят, что Россия была слабая, а в этом виноваты те, кто продался Западу, работали по указке Запада, соглашались с Западом. Но не будем забывать, что возможности для внешней политики были тогда очень ограничены необходимостью постоянно думать о том, где найти денег, где получить помощь. Такова была реальность. Но я, если можно, повернул бы все же к теме несбывшихся надежд. Поговорил бы о том, какие надежды определяли внешнюю политику России в первой половине 1990-х годов.

Многим моим коллегам в МИДе, как и мне, казалось, что воспринявшая идеи либеральной демократии Россия не имеет никаких оснований оставаться вне цивилизованного западного сообщества. Казалось, что, опоздав на старте, мы должны максимально быстро пройти свой путь и стать нормальным европейским государством. Вот на это была нацелена тогда внешняя политика. И Россия поначалу действительно встала на путь возвращения к себе домой, в европейскую цивилизацию. Увы, встала, постояла и пошла назад.

Вот сегодня я читаю, допустим, выступление руководящего работника МИДа, в котором он говорит, что главная наша цель — сохранение баланса стратегических вооружений с США. Эта же цель была и у СССР времен застоя. Из этого я делаю вывод, что за последние десятилетия мы прошли полный круг и вернулись к тому, от чего был готов отказаться СССР уже в конце 1980-х годов. Это очень грустно. Видя такую смену настроений, я не могу не признать, что надежды, конечно же, не сбылись, вне всякого сомнения. И теперь вновь звучат те же мотивы, что и во времена СССР. Я не очень понимаю и разговоры о том, что, дескать, расширение НАТО на Восток — это угроза для России. Во всяком случае, никто не может мне внятно объяснить, в чем, строго говоря, эта угроза заключается, если мы не враги, если мы разделяем те же самые ценности. Или уже не разделяем? Уже снова враги? Это, на мой взгляд, серьезнейший вопрос, мировоззренческий, если угодно.

И, конечно, мы не смогли отделить внешнюю политику от внутренней. Понятно, что это во многом сообщающиеся сосуды, но не до такой же степени, чтобы внешняя политика превращалась в функцию внутренней.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Согласно закону сохранения энергии, мне кажется, что все-таки они взаимосвязаны.

Г. КУНАДЗЕ: Конечно, взаимосвязаны, но проблема в том, что в каждом конкретном случае лежит в основе этой взаимосвязи. Например, мы часто сталкиваемся с внешнеполитическими акциями, которые явно адресованы не нашим партнерам во внешнем мире, а соотечественникам, живущим внутри страны. Возьмите, скажем, антиамериканскую истерию, которую очень профессионально раздувают, и уже достаточно давно. Это все не обращено к американцам, это обращено к нам.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Скажите, пожалуйста, насколько вообще правдива такая мысль, что, дескать, Советский Союз развалили проклятые империалисты, американцы прежде всего?

Г. КУНАДЗЕ: Бог его знает, что называется, не доказано. Как говорит Путин, СССР был противником Запада, а на войне как на войне. И все, что работало на ослабление СССР, в рамках разумного Западом предпринималось. Наверное, так и было. Но в то же время я не представляю, чтобы такую великую державу, как СССР, можно было развалить извне. Это, конечно же, абсурд.

Е. ЯСИН: Кстати, я в связи с этим вспомнил один учебник, по которому учатся наши студенты. Это учебник истории мировой экономики. Знаете, что считается его главным достоинством, почему его рекомендуют? Оно заключается в том, что он легче для понимания, чем другие учебники, в том числе иностранных авторов. И там, между прочим, мы можем прочесть в одном месте такое соображение, что наша страна потерпела поражение или попала в кризис из-за интриг ЦРУ и вообще западных стран. Именно они способствовали падению мировых цен на нефть и создавали препятствия для вывоза советского газа, закрывали от нас свои передовые исследования, а это сказывалось и на уровне наших научных исследований в военной

области. Все это привело к истощению советской экономики и т.д. Вот такая нарисована теория заговора.

Если оставить учебник, то я должен признать, что встречался с подобными рассуждениями. Они основывались на том, что в конце 1980-х годов ЦРУ действительно подготовило доклад о Советском Союзе, где предсказывало нарастающие трудности в экономике и т.д. В духе того, что говорил Георгий Фридрихович, возможно, там были какие-то рекомендации для американского руководства. Но это не значит, что они могли предпринять такие действия, которые бы развалили советскую экономику, если бы она сама не подошла к краю пропасти. И как мы уже говорили, нельзя не признать, что как раз наше руководство своим бездействием, боязнью реформ в немалой степени способствовало углублению кризиса и ускорению процессов разложения экономики. Так что ЦРУ, США, Запад в целом ничего не могли сделать. Больше того, я лично глубоко убежден, что, несмотря на все доклады ЦРУ, работы Збигнева Бжезинского, многих западных экономистов, руководители западных стран не верили в то, что такое может случиться. Распад СССР в 1991 году, несмотря ни на что, оказался для них полной неожиданностью. Во всяком случае, я читал книгу, написанную на кафедре Бжезинского и посвященную анализу мировой политики, где говорилось, что самое вероятное развитие событий в Советском Союзом после смерти Брежнева — это оттепель типа той, что была во времена Хрущева. Трудно представить себе ужесточение режима, потому что элита больше не хочет приносить жертвы и она этого не допустит. Но демократизации России по той модели, по которой пошел Горбачев, они не предвидели. Вернее, они сказали, что если это случится, то Советский Союз развалится. Но вероятность такого исхода оценивалась в сотых долях процента.

Однако мы знаем, что все случилось именно так. Я не утверждаю, что это произошло только потому, что Горбачев начал демократизацию, хотя, несомненно, этот фактор сыграл свою роль. Главное же состояло в том, что кризис назревал давно, потому что советская система была нежизнеспособна, я не хочу повторяться, а внешняя политика, на

мой взгляд, в то время должна была исходить из складывавшихся тогда реальностей. Этот принцип действует и сейчас: внешняя политика должна исходить из существующих реальностей. Они говорят, что нам сегодня нужно добиваться того, чтобы роль России в мировой политике была конструктивна. Мы должны отстаивать свои интересы такими методами, чтобы к нам относились с уважением.

Вообще, за последние десятилетия нельзя не признать, что были и, на мой взгляд, крайне опрометчивые шаги со стороны Запада, спровоцировавшие наше охлаждение. Например, бомбардировки Белграда, политика в отношении Косово и т.д. Я с подобными акциями тоже не согласен. И хотя это были скорее, на мой взгляд, исключения, но они сыграли свою отрицательную роль. В то же время позиция, которую мы занимаем сейчас, заявляя, что все вокруг нас враги и мы должны себя вести по принципу «с волками жить, по-волчьи выть», так же ошибочна. На самом деле я убежден в том, что сегодня мир устроен иначе и «волчьими» методами ничего добиться нельзя. Вы можете только испортить отношения с другими, подорвать доверие, а потом в результате вдруг оказывается, что, скажем, Россия, которая была лидером демократического процесса на территории бывшего Советского Союза, уступает эту свою позицию другим странам. Нельзя забывать, что демократия не бывает без ссор среди власть имущих. Но, с моей точки зрения, если мы будем ссориться со всеми, как говорится, по всему периметру границ, то ничего хорошего ждать не приходится.

А что касается национальных интересов, то я хочу все-таки вернуться к тому моменту, когда я выполнял роль шерпы. По моей просьбе рядом со мной почти все время находился сотрудник нашего МИДа, который меня консультировал, поскольку все-таки сфера внешнеполитических отношений весьма специфическая. Но я даже его не спрашивал, когда зашел разговор о том, что мы помогаем строить атомную электростанцию в Иране. Я сказал моим коллегам шерпам: «Понимаете, сейчас, когда цена на нефть двенадцать долларов за баррель, нам нечем торговать. У нас есть из современных товаров атомные технологии. И мы

не можем упускать рынки, на которых мы завоевали те или иные позиции, в этом заключаются наши национальные интересы. Я буду их отстаивать, и вы поймите, вы же точно так же, если вам, скажем, предложат уступить нам рынок вооружений в Малайзии или согласиться еще на какую-то операцию, чтобы облегчить нам жизнь, пожертвовать своими интересами, тоже на это не пойдете. Мы должны исходить из того, что мы учитываем интересы друг друга, поэтому не трогайте наш экспорт в Иран». То есть я хочу подчеркнуть, что тогда была возможность переговоров, не было истерики и тому подобного и можно было так говорить. Поэтому я должен сказать, что в 1990-е годы, без шумихи, мы все-таки отстаивали национальные интересы России.

Г. КУНАДЗЕ: Мне кажется, я могу сказать, когда наши надежды 1990-х годов в области внешней политики перестали сбываться, когда они начали стопориться. Это произошло, когда появилась пресловутая теория многополюсного мира. Мне кажется, наше увлечение этой теорией, которое шло волнообразно, очень нам навредило. Ведь в чем состояла идея? Борис Николаевич Ельцин, уважаемый мной политический деятель, однажды сгоряча так изложил эту теорию. Мол, напрасно Клинтон думает, что Америка будет диктовать всем в мире, это сделаем мы с нашим другом Китаем, это мы будем диктовать. То есть идея состояла не в равенстве всех в международных отношениях, а в том, что есть несколько стран, которые имеют право рулить и будут это делать. И Россия окажется именно среди этих стран. Вот такая была упрощенная трактовка теории многополюсности. А многополюсность на самом деле, если разобраться, состоит в том, что среди единомышленников, среди стран, разделяющих общие ценности, существует договоренность об уважении интересов друг друга. И в каких-то ситуациях необходимо будет, чтобы голос каждого был учтен, чтобы каждый участник этой группы единомышленников имел право вето. Посмотрите на НАТО, в котором все равны, все имеют право вето на любые решения. Да, при этом ясно, что одна страна большая, другая меньше, третья совсем маленькая. Так вот, мы, даже не успев стать членом клуба единомышленников, начали претендовать на право вето на его

решения. Кстати, напомним, что на заре путинской администрации был очень интересный документ — открытое письмо кандидата в президенты России Путина к избирателям. Там были замечательные слова в области внешней политики — цитирую, конечно, по памяти, — что никогда больше Россия не позволит увлечь себя иллюзорными национальными интересами. Я тогда, помню, даже где-то написал, что с многополюсностью как движущей силой и идейной основой нашей внешней политики покончено. А потом вдруг где-то в середине 2000-х годов снова все больше и больше начали мелькать рассуждения о многополюсности, что мы теперь будем диктовать миру свою волю, что мы имеем на это право и не допустим однополюсности. А однополюсность — это, вообще говоря, абсурд, поскольку не бывает в природе одного полюса. Да, было два стратегических полюса в период холодной войны, когда каждый из этих полюсов определялся прежде всего ядерным потенциалом.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, Георгий Фридрихович, ведь сегодня — конечно, в известной степени, я понимаю, что это натяжка, — тоже можно говорить о двух полюсах: о мире, тяготеющем к терроризму, и мире, борющемся с ним. Можно поделить мир по таким полюсам?

Г. КУНАДЗЕ: Да, умозрительно, наверное, можно. Хотя трудно сказать, собственно, где кончается борьба с терроризмом.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И где начинается ему содействие...

Г. КУНАДЗЕ: Нечто иное, но очень похожее на содействие терроризму. Я здесь не стал бы так проводить разделительные линии.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но, кроме того, есть и абсолютно разные позиции у людей по отношению к внешней политике 1990-х годов. Одни считают: спасибо 1990-м годам за то, что у нас не было врагов, а другие возмущены: Восточный блок сдали Западу без боя, хотя, как я помню, это происходило в 1989–1990 годах.

Г. КУНАДЗЕ: Тогда в ответ на подобные речи Михаил Сергеевич Горбачев спрашивал: «Вы снова хотите танки?»

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А к этому есть один замечательный вопрос, также бытующий в общественном сознании: как

вы оцениваете роль Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе в «продаже» интересов СССР?

Г. КУНАДЗЕ: Да, такое клише существует. Как и положено большой личности, Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе очень сложный человек. Но я отметил бы две вещи. Первое. Я помню выступление Шеварднадзе, когда его только назначили министром иностранных дел. Помню, с каким воодушевлением его слушали сотрудники МИДа. Это было действительно революционное для тех времен выступление. А упомянутое вами клише, кроме каких-то домыслов относительно его роли в «продаже» Восточной Германии или чуть ли не в «продаже» Берингова пролива, не имеет под собой никаких оснований. Во всяком случае, я за ним особых грехов по этой части не знаю. Пусть мне сторонники такой позиции объяснят, что они имеют в виду.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Как я понимаю, тут сложился некий групповой собирательный образ — немножко Шеварднадзе, немножко Козырева. Очень многие воспринимают деятельность людей, принимавших решения в 1990-е годы, как направленную во вред России. Как Евгений Григорьевич с этим ни борется.

Е. ЯСИН: Я хочу в этой связи отметить одну черту. Вообще говоря, у наших людей на все, что происходит внутри, как правило, критический взгляд, а на все, что происходит вовне, — сугубо патриотический. Большинство очень чувствительно к тому, что мы где-то что-то уступаем. Тут у нас еще не прошли известные многим бывшим империям фантомные боли. Вспомним, что творилось во Франции, в Великобритании после распада колониальной системы. У нас же тоже была великая империя, которая контролировала чуть ли ни треть мира и иногда, может быть, больше, а сегодня это только Россия, хотя и новая, пусть демократическая, но Россия, которую обкорнали со всех сторон. И кто должен быть в этом виноват.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Враждебная Украина, враждебная Грузия... Пожалуйста, сразу нашли виноватых...

Е. ЯСИН: Я понимаю чувства людей, я соглашаюсь, что есть основания для таких чувств, если не задумываться о сути и логике всех событий. Но мы-то как раз и беседуем для того,

чтобы люди задумывались. Потому что выстроенная с учетом таких чувств внешняя политика чревата постоянными эмоциональными взрывами, вызывающими ухудшение отношений с какой-то очередной страной или группой стран. В результате мы получаем ответную реакцию, на которую вновь реагируем, а ситуация с каждым таким всплеском лишь ухудшается. Причем мало того, что это вызывает ухудшение внешнеполитических отношений. Мы и внутри страны накачиваем квасной патриотизм по поводу наших взаимоотношений с той или иной страной, с Эстонией, с Украиной, с Грузией... Каждый раз что-то такое возникает. Об антиамериканизме я даже не говорю, хотя США, с моей точки зрения, это первая страна, с которой мы должны были бы дружить. Ведь США — это мировой лидер инновационной экономики, а мы не можем строить инновационную экономику в отрыве от других. Китай, который отнюдь не является демократической страной, посылает десятки тысяч студентов учиться в Америку в расчете на то, что они затем приедут и будут помогать строить китайскую экономику, хотя возвращается не так-то много. А мы заявляем только, что американцы так беспокоятся о своих национальных интересах, что каждый раз наступают нам на пятки. Я не хочу обелять американскую внешнюю политику, я неоднократно критиковал ошибочные, с моей точки зрения, действия разных американских президентов. Скажем, считал неприемлемым, что ради интересов национальной безопасности США надо было лезть в Ирак. И многие другие их внешнеполитические действия мне тоже не нравятся. Но я не должен думать все время о США. Я предпочитаю думать о своей стране. В конце концов, я гражданин России и должен добиваться того, чтобы наши политики вели себя разумно.

Поэтому мы и говорим обо всем этом сегодня с пониманием того, что люди имеют основания думать о какой-то сдаче позиций и т.д. и т.п. Но надо всегда помнить, что дипломат, который не может идти на уступки, это плохой дипломат.

Вспомним, что было после русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Тут Георгий Фридрихович, надеюсь, меня поддержит. После Андрианопольского мира, когда русские

войска выгнали турок из Болгарии, состоялся Берлинский конгресс. И на этом конгрессе были приняты решения, в соответствии с которыми Россия вынуждена была пойти на уступки, в том числе по размерам Болгарии, по той части, которая останется Турции и т.д. Это сделал знаменитый дипломат Александр Михайлович Горчаков, потому что он исходил из ситуации, которая сложилась в тот момент в мире, и, взвешивая все «за» и «против», согласился на итоговые решения конгресса. Многие считают это провалом, но забывают, что Россия в итоге избежала массы других военных конфликтов. А Александр III, не забудем, назывался Миротворцем. Затем засасывание Европы в воронку Первой мировой войны во многом стало следствием неуступчивости дипломатии всех без исключения противоборствующих стран.

Г. КУНАДЗЕ: Здесь, собственно, и говорить особо не о чем. Но я хотел бы в заключение подчеркнуть один момент. В начале 1990-х годов во внешней политике мы стремились прежде всего делать акцент на общих с нашими партнерами ценностях, выстраивать отношения, находя с ними точки соприкосновения в процессе выстраивания некоего общего ценностного вектора. В его рамках и мы, и наши партнеры стремились находить решения, устраивающие всех. Однако затем, уже в середине и особенно в конце 1990-х годов, ценностные приоритеты стали постепенно подменяться приоритетами личных отношений глав государств. Тут можно вспомнить многие примеры. Скажем, у Ельцина сложились хорошие отношения с Шираком, да и с Клинтоном. Путин наладил отношения со Шредером, а с Меркель таких отношений не сложилось. Соответственно, и в отношениях с Германией произошли изменения.

Е. ЯСИН: Можно вспомнить и знаменитую фразу Бушамладшего о том, что он увидел в глазах Путина при их первой встрече. А потом с Обамой таких отношений не сложилось. И сейчас, по сути, весь комплекс отношений с США подвешен на тонкой ниточке того, удастся ли Путину установить контакт с Трампом... Ценности же ушли далеко на задний план. И в этом, по моему мнению, мы как раз и «сдали» очень важные позиции по сравнению с тем, чем была наша внешняя политика в 1990-е годы.

VIII. ЕЛЬЦИН

РЕФОРМЫ И БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЕЛЬЦИН (Е. ЯСИН — А. ЧУБАЙС)

НАТЕЛЛА БОЛТЯНСКАЯ: В нашем цикле бесед о 1990-х годах мы не можем не поговорить о такой фигуре, как Борис Николаевич Ельцин. Для этого мы с Евгением Григорьевичем пригласили Анатолия Борисовича Чубайса, который с Борисом Николаевичем работал, много общался с ним. Сегодня, через столько лет после ухода Ельцина от власти и даже после его ухода из жизни, о нем продолжают спорить. Говорят очень много и хорошего и плохого. Нам хотелось бы помочь людям, интересующимся тем, что на самом деле было в 1990-х годах, разобраться в этой очень сложной фигуре нашей недавней истории.

ЕВГЕНИЙ ЯСИН: В разговоре о 1990-х годах не сказать ничего о Борисе Николаевиче Ельцине было бы совершенно неправильно. Потому что он был знаменем того времени. И мы должны оценить его вклад в развитие нашей страны, в те преобразования, которыми было ознаменовано то время. Я прекрасно понимаю, что и об этом времени, и о самом Ельцине существует очень много разных мнений. Иногда достаточно осмысленных, иногда просто глупых. Я не буду скрывать и свое мнение по этому вопросу. Но все-таки должен подчеркнуть, что, при всей разности оценок, нельзя не признать: Ельцин — это колоссальная фигура. Многие вспоминают его 19 августа 1991 года, когда он стоял на бронетранспортере и зачитывал свой знаменитый указ. Он возглавил сопротивление ГКЧП, четко объявив о своей позиции тогда, когда, казалось, шансов на победу практически нет. Это был звездный час в его жизни, который останется в истории России. Но все-таки мне бы хотелось, чтобы мы сегодня поговорили о Борисе Николаевиче не как о некой легендарной фигуре, не как об иконе, не как об

истукане. Думаю, сегодня нам очень важно говорить о нем как о живом человеке, у которого были свои достоинства и свои недостатки. Мы должны постараться оценить всю противоречивость и сложность этой фигуры. Причем, сказав «всю», я тем не менее вполне сознаю, что это трудно осуществить. Но, в принципе, хотелось бы, чтобы мы поняли: все люди живые, в том числе и президенты страны. В том числе и те, кто возглавляют страну, делающую лишь первые шаги своего нового существования. А понять мотивы решений и поступков Бориса Николаевича и сложности, с которыми он сталкивался именно по-человечески, — задача очень трудная. А каково, Анатолий Борисович, ваше мнение? Я помню, как мы с вами встретились первый раз в Соснах при подготовке программы российских реформ. Тогда вы еще были заняты в Петербурге свободной экономической зоной. Но с тех пор вы много общались с Борисом Николаевичем. А каково было ваше первое впечатление?

АНАТОЛИЙ ЧУБАЙС: Если позволите, я все-таки сначала буквально два слова скажу не о первых впечатлениях, а об оценке фигуры в целом. Вы правильно сказали, что дать исчерпывающую оценку нам вряд ли удастся, но, наверное, надо выделить самое значимое. Это, по-моему, то, что во главе страны, оказавшейся на беспрецедентном по сложности, по глубине историческом переломе, когда она из одной жизни, из одной культуры, из одной системы ценностей, из одной экономики переходила в другую, оказался такой человек. Разумеется, при этом кому-то нравится одна система, кому-то — другая. Я сейчас хотел бы убрать этот аспект. Самое важное, что на этом переломе исторического масштаба во главе страны оказался человек, адекватный этому масштабу. Человек, который как мало кто другой понимал существо советской системы, советской экономики, советской партийной системы, советского государства, знал, как оно управляется, как оно живет. Человек, который при этом был адекватен и в понимании масштаба того, что нужно сделать для строительства новой жизни. Людей, которые на сломе этих двух миров, двух жизней оказываются на уровне заданной планки, вообще единицы. Назовите сходу десяток имен, которые гремели тогда и оста-

лись сегодня. Это сделать непросто. Таких людей единицы, причем это касается и многих других сфер человеческой деятельности. А в политике это еще более сложно. В этом смысле сам факт того, что России выпало на том переломе оказаться с лидером масштаба, адекватного преобразованиям страны, я считаю, просто какой-то фантастической для нас удачей.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Анатолий Борисович, лидер адекватного масштаба — это такая качественная характеристика. А в чем, с вашей точки зрения, главная заслуга Ельцина перед страной?

А. ЧУБАЙС: Он уничтожил коммунизм и дал возможность свободного развития. Если бы даже вообще больше ничего ни в какой сфере и никоим образом Борис Николаевич не сделал, то лишь за это мы должны быть ему благодарны.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Конечно, многие понимают: главное, что дал народу Ельцин, — это свобода. Победа над коммунизмом. Но, по-вашему, кто помешал или что помешало ему провести люстрацию?

А. ЧУБАЙС: Отвечая на этот вопрос, для начала я должен сознаться в том, что всегда был горячим противником люстрации и остаюсь им до сих пор. Я знаю людей, придерживающихся противоположного принципа, и считаю, что они не понимают, что такое Россия. Люстрация в Чехии после двух поколений коммунизма, привнесенного извне, из-за рубежа, или в Польше, или в Словакии — это одна история. А люстрация в СССР после пяти поколений, выросших в условиях социалистического строя, где львиная доля мыслящих людей находилась в партии, означала бы чудовищный подрыв кадрового потенциала новой российской жизни. Я понимаю, что, говоря это, возможно, искажаю реальность в силу собственной истории: я был членом КПСС. Но на всякий случай напомню, что у нас членами КПСС были 95% первого российского правительства.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но речь, как я понимаю, может идти не столько о люстрации партийных работников, сколько о запрете бывшим сотрудникам спецслужб занимать те или иные позиции в государственном аппарате. Согласитесь,

что все-таки МГБ, НКВД, КГБ много крови пролили в стране за более чем семьдесят лет.

А. ЧУБАЙС: Не то что соглашусь, а это чистейшая правда. Только, принимая государственное решение, кроме этой правды — исторической, эмоциональной, нужно отвечать и на вопрос не про историю, а про завтрашний день. Вот я выскажу, наверное, для вас ужасную мысль: вообще, государств без спецслужб не бывает.

Е. ЯСИН: Я говорил это, вы не первый.

А. ЧУБАЙС: Серьезно? Евгений Григорьевич, и вы тоже говорили? Ну, тогда вы подготовили аудиторию к этой жуткой мысли. Если вы хотите построить государство, в котором не обойтись без спецслужб, и попытаетесь это сделать вообще с нуля, полностью уничтожив весь потенциал КГБ, включая разведку, контрразведку, ряд других важнейших спецслужб, то вы окажетесь в ситуации, когда лет на пять-семь для новых спецслужб просто неоткуда будет брать кадры. То есть вы остаетесь без этих структур со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Е. ЯСИН: Там на самом деле все-таки в разных странах все происходило по-разному. Я читал, например, статью бывшего посла Чехии в России, которому было поручено выполнять закон о люстрации. Он был назначен в Министерство национальной безопасности и выяснил, что там было всего 5 тыс. офицеров спецслужб, которые занимались внутренними делами. В такой ситуации это было нетрудно. А в двух таких странах социализма, как СССР и ГДР, количество людей, тем или иным образом связанных со спецслужбами, было невероятно велико. Но отмечу, что ГДР влилась в объединенную Германию, соединилась с ФРГ, где были свои спецслужбы. У нас же ситуация была качественно иной. И Александр Николаевич Яковлев, который, помнится, занимался изучением этого вопроса, сказал, что у нас это было бы просто невозможно. Вы должны были бы обвинить огромное количество людей, которые на самом деле, может быть, и были в чем-то виноваты, но, по сути, это груз нашей истории. Хотя признаю — все это создало бы очень напряженную ситуацию в стране, добавило бы напряжения к тому, что и так существовало даже без люстрации.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Давайте все-таки вернемся к фигуре Ельцина. Вот еще один вопрос, который мне тоже кажется важным. Нельзя ли было в начале 1990-х годов организовать пропагандистское сопровождение реформ? Мне кажется, это очень важный вопрос.

А. ЧУБАЙС: Это очень тяжелая тема. Тяжелая потому, что я хорошо знаю: был момент, когда к Борису Николаевичу ровно с таким предложением пришли мои коллеги. Они довольно долго и тщательно готовили свои аргументы. Я не присутствовал при этой встрече, потому, может быть, что-то скажу неточно. Но, насколько я знаю, Борис Николаевич долго и мучительно размышлял, ходил по кабинету. Потом сказал: «Вы хотите, чтобы я создал министерство пропаганды? Отдел пропаганды ЦК КПСС? Пока я президент, этого не будет. До свидания». Вот здесь тот случай, когда его глубинная, ну, просто на клеточном уровне убежденность в каких-то фундаментальных основах строительства демократического общества вошла в противоречие со сделанным ему предложением. На мой взгляд, это тот случай, когда Борис Николаевич ошибся. Но он президент, он принял такое решение.

Е. ЯСИН: Я могу сказать к этому несколько дополнительных слов. Дело в том, что, с моей точки зрения, тогда агитировать или не агитировать было, по сути, бессмысленно. Если у вас люди сталкиваются с определенными трудностями и вы им не можете помочь, а только объясняете, почему они стали жить хуже, это невозможно воспринять. Наверное, про приватизацию можно было объяснять немножко лучше, чем то, почему так выросли цены, например, на молоко, но соответственно не выросла пенсия. Все равно заменить пропагандой жизненный опыт, накопленный в течение нескольких лет, я считаю, невозможно. Будучи министром, я много времени уделял встречам с людьми, разговорам с ними. Иногда мне сейчас при встрече говорят, что вы тогда хорошо объясняли. А я понимаю, что, по сути, ничего не объяснил.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, а если вернуться к первым годам Ельцина в Москве — тогда же с его стороны была масса проявлений совершенно классического популизма.

Е. ЯСИН: Да, были и поездки на троллейбусе. Он также, помните, строил районные рынки, терема, в которых нечем было торговать. И было ощущение, что он ищет, что бы такое сделать для привлечения внимания людей. У него, может быть, этого и не было. Тогда чувствовалось, что у него не было ясной картины того, что, собственно, надо делать. Потом у меня сложилось такое представление, что наступил момент, когда он встретился незадолго до I съезда народных депутатов СССР с представителями демократического движения, в том числе с академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым, и он осознал ту платформу, с которой должен идти. Причем я хотел бы, чтобы мы вспомнили то быстро меняющееся время. Как созревала общая потребность в необходимости радикальных реформ. И происходило это хотя и довольно быстро, но не мгновенно. До платформы необходимости радикальных реформ надо было дойти. Ельцин прошел этот путь довольно быстро. И с тех пор он верно служил этой платформе.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А давайте спросим Анатолия Борисовича. Известно вообще, как пришла Ельцину в голову мысль о необходимости реформ или это все было, в общем, интуитивно?

А. ЧУБАЙС: Мне кажется, два события, которые вы сейчас обсуждали, — поездка в троллейбусе и приход к демократическим реформам, как это ни покажется странным, произрастали из одного и того же корня. Да, я очень хорошо помню, как Бориса Николаевича обвиняли в популизме. Это было таким распространенным и, в общем, имеющим основания предметом критики. Но в то же время я считаю, что у этих двух вещей один общий корень. Он приехал в Москву из Свердловска, с Урала. Оказался в самом бюрократизированном, самом оторванном от российской жизни, самом отравленном советскими традициями элитарном городе страны со всеми его законами. Может быть, главное, что он тут ощутил, как мне кажется, называется «ложь». Ложь, которая вообще была основой поздней советской власти. В Москве, уж извиняюсь перед москвичами, я, как бывший питерец, так считал и считаю, особенно в высших эшелонах советской власти ложь была сконцентрирована

в такой невероятной степени, что, только притерпевшись, «принохавшись», можно было ее не замечать. А Борис Николаевич приехал извне. И, мне кажется, это острее ощущение абсолютного вранья: вранья Политбюро, вранья Центрального комитета, вранья генерального секретаря, вранья газеты «Правда», вранья новостей и т.д. и т.д. — толкало его на шаги, которые со стороны кажутся наивными, совсем, может быть, поверхностными. Все эти поступки, начиная с поездок в троллейбусе и кончая ярмарками, исходят, по-моему, из этого ощущения. Кстати, тогда и в Москве стало трудно с продовольствием, а Ельцин организовывал ярмарки по выходным, стараясь накормить людей, что, в общем, было несистемно. И конечно, локальные вещи так не переворачивают десятиллионный город. Тем не менее в основе этих действий была попытка какого-то движения к реальной жизни. В чем смысл руководителя вообще? Первый секретарь Московского горкома партии отвечает за жизнь города, за жизнь людей в городе. А как живут эти люди?

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Да плохо они живут.

А. ЧУБАЙС: Совершенно верно. А как ты разглядишь это из автомобиля ЗИЛ, из-за кремлевской стены и из своей квартиры или из кабинета? Разглядеть это можно только если ты пошел в магазин, если ты сел в троллейбус. Я, может быть, банальные вещи говорю, но мне кажется, что в основе таких действий была попытка понять настоящую правду, которая способна вырвать страну оттуда, где она находилась. Именно в этом мне видятся этические корни того, почему Борис Николаевич оказался с демократами. Они не в идеологии, они не в каких-то фундаментальных теоретических изысканиях. Мне кажется, они проистекают из очень простой вещи — из правды жизни.

Е. ЯСИН: Вы говорили, что его предки были староверами?

А. ЧУБАЙС: Нет, я этого не говорил. Я просто был на Урале в невероятно интересной поездке. И как-то для себя понял, что такое Урал в истории России. Вся уральская горнозаводская цивилизация, и роль в этом староверов, и вся их культура, основанная на правде. На том, что нужно рабо-

тать, а сколько заработал, столько и получил. Обманывать нельзя. Врать нельзя, курить нельзя. Нужно делать то, что должен делать. И многие другие банальные вещи, которые, как мне кажется, Борис Николаевич так или иначе впитал еще в детстве.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Еще одну важную тему нельзя обойти — противостояние Горбачева и Ельцина, длящееся даже после ухода из жизни Бориса Николаевича. Насколько я понимаю, Михаил Сергеевич до сих пор иногда позволяет себе достаточно жесткие высказывания в адрес Ельцина.

А. ЧУБАЙС: Я хотел бы напомнить, что существует распространённое мнение, что Ельцин был одержим властью и ради нее воевал с Горбачевым. И поэтому мы дошли до развала СССР и перенесли многие беды. Как это было на самом деле? Я, наверное, не очень хороший эксперт в этом вопросе, поэтому могу лишь поделиться какими-то мыслями. Ну, вот представьте себе позднее советское время: 1988, 1989, 1990 годы. Поздний Советский Союз. Горбачев — генеральный секретарь ЦК КПСС, а затем президент СССР. Ельцин с осени 1987 года в опале, снят с поста первого секретаря МГК КПСС, а затем с какого-то момента и политический враг номер один. Какой объем ресурсов у Михаила Сергеевича Горбачева в этом случае? Что делают КГБ, другие спецслужбы? Как они осуществляют контроль передвижения, отслеживание перемещений, аудио-контроль, визуальный контроль, как они сопровождают анализируемое лицо, как они работают с его ближайшими родственниками, друзьями, детьми, знакомыми, какими методами они это делают? Вы можете себе это представить? И сколько накопилось личностного у человека, у Бориса Николаевича Ельцина, за более чем год жизни в условиях лобового противостояния с самым могущественным лицом в государстве. И государство было тоже не из последних. Поэтому, конечно же, здесь личностный аспект был. Хотя могу сказать, что за всю мою работу с Борисом Николаевичем я ни разу не слышал от него ничего плохого о Михаиле Сергеевиче. Правда, и хорошего ничего не слышал. Но это он держал внутри. Это было его личностным. Мне казалось, что там есть большая личная обида.

Не знаю, как хотите называйте. Я думаю, что ее можно в этой ситуации понять.

Однако все равно главный мотив в отношениях этих двух фигур, конечно же, лежит не в личностной сфере. Что ни говорите, Михаил Сергеевич Горбачев после завершения своей работы президентом СССР получил Горбачев-Фонд. Уж точно он не был выброшен на улицу, не был проклят. Отношение Михаила Сергеевича к Борису Николаевичу тоже хорошо известно. В том числе и события с выборами. Ельцину всячески пытались помешать избраться и народным депутатом СССР от Москвы в 1989 году, и особенно председателем Президиума Верховного Совета РСФСР в 1990 году. А Михаилу Сергеевичу не мешали вести свою избирательную кампанию, когда он выдвинулся кандидатом в президенты России в 1996 году. Хотя и не помогали. Результат его был менее 1%, несмотря на то что он в ходе кампании объяснял, что вот он сейчас вернется и наконец порядок в стране наведет. В этих событиях тоже примерно понятен личностный слой, но все же я считаю, что не он главный. А главный слой, конечно же, исторический. Какие исторические силы стояли за Горбачевым и какие стояли за Ельциным.

Е. ЯСИН: Я смотрю на все те события несколько иначе. У меня, честно говоря, такое отношение. Оба они выдающиеся люди, и Михаил Сергеевич, и Борис Николаевич. Каждый из них сыграл свою роль в процессе преобразования страны. Если бы не перестройка, то, конечно, труднее было бы делать то, что последовало за этим. Мне кажется, что придет время, и в какой-то момент уйдут личные мотивы, и мы должны будем понять, что оба эти деятеля сыграли исключительно важную роль в истории нашей страны.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: И тогда наверняка дорисуют недорисованные ныне портреты. А следующая наша тема — это ваши, Анатолий Борисович, отношения с Борисом Николаевичем. По-моему, до сих пор цитируют фразу Ельцина: «Во всем виноват Чубайс». Расскажите немножечко поподробнее о том, как складывались ваши отношения.

А. ЧУБАЙС: Вы знаете, про личные отношения даже трудно рассказывать, потому что особенно личных отноше-

ний не было, ни в 1992, ни в 1993 году. Уже позже, где-то в 1994–1995 годах, они стали возникать. Там была довольно тяжелая ситуация. В тот период Борис Николаевич опирался на других людей — на Александра Васильевича Коржакова, на Михаила Ивановича Барсукова, на Олега Николаевича Сосковца. В общем, у них были свои политические задачи, они имели колоссальный объем общения с Борисом Николаевичем и, конечно, влияли на ситуацию в том направлении, которое им было интересно. Что же касается того, что во всем виноват Чубайс, то, во-первых, это в значительной степени правда, а во-вторых, разве можно какие-то такие личные истории ставить на чашу весов рядом с серьезными проблемами, от решения которых зависит судьба страны.

Е. ЯСИН: Я прошу прощения, это не совсем личные истории. Потому что как раз Александр Васильевич Коржаков и его коллеги способствовали формированию такого образа Чубайса...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Его демонизации.

Е. ЯСИН: Да, в головы людей, и Бориса Николаевича в том числе, внедрялась мысль, что пора поставить его на место, что стоит убрать Чубайса, и, скажем, плохие результаты парламентских выборов конца 1995 года будут объяснены. И можно будет переходить к следующим задачам.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Тем не менее прошло лишь несколько месяцев после того, как вы были отправлены в отставку, и Борис Николаевич пригласил вас в свой избирательный штаб. Но все же хотелось бы сделать шаг назад, в период приватизации. Каковы были тогда ваши служебные, рабочие отношения?

А. ЧУБАЙС: Если коротко, то нерабочих отношений не было никаких, а служебные были предельно позитивные. То есть мне, конечно, доставалось от Бориса Николаевича, но я твердо знал, что, когда дело уж совсем плохо, а такое бывало, когда нас уже придушивали общими усилиями наши оппоненты, в этот момент я доходил до Бориса Николаевича. И очень хорошо помню две абсолютно критические ситуации в приватизации в целом, которые удалось вытащить только благодаря его лобовой однозначной помощи.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но возникает такой вопрос: насколько с вами Ельцин часто советовался и как взвешивал аргументы, прежде чем принимать решения? Например, советовался ли он с вами или с вашими соратниками по Чечне, по экономическим вопросам, легко ли поддавался давлению?

А. ЧУБАЙС: Что касается Чечни, то, как говорится, я был тогда еще маленький. Меня точно не спрашивали, тем более что это совсем не моя сфера. Никакого разговора не было. А по экономическим вопросам часто спрашивал, и еще какие споры были, какие кипели страсти! Высказывались абсолютно противоположные мнения.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Можно ли было его переубедить?

А. ЧУБАЙС: Чрезвычайно трудно. Стоило это просто абсолютной концентрации всех имеющихся сил, и неимеющихся тоже. У меня были считанные случаи в моей жизни, когда мне удавалось позицию Бориса Николаевича с «да» изменить на «нет». Буквально в нескольких ситуациях, крайне редко.

Е. ЯСИН: Есть очень важный момент. Говорят, что в 1996 году хорошо было бы, если бы мы не боролись за победу Ельцина, а победил бы Зюганов, и тогда все пошло бы иначе. Я хочу напомнить, что, в общем, на самом деле нам угрожал не столько Зюганов, сколько государственный переворот. И я думаю, что это один из немногих случаев, о которых говорил Анатолий Борисович, когда ему удавалось переубедить Бориса Николаевича. У нас тогда, особенно после выборов в Государственную Думу конца 1995 года и формирования там коммунистического большинства, было очень тяжелое соотношение между демократическими преобразованиями и экономическими реформами. В конце концов предпочтением приходилось отдавать экономическим реформам. Но заходить слишком далеко в свертывании демократических преобразований было невозможно. К тому же у всех в памяти был кризис сентября-октября 1993 года, кончившийся пролитием крови в Москве. Поэтому я убежден, что Анатолий Борисович совершил просто подвиг, отговорив Бориса Николаевича от роспуска парламента и отмены президентских выборов 1996 года.

А. ЧУБАЙС: Вы упомянули об этом, так как есть часть интеллигенции, даже среди моих знакомых и товарищей, которая считает, что не надо было так уж сильно бояться в 1996 году победы Зюганова. Всем было понятно, что в экономике все плохо и дальше вряд ли нас ждет что-то хорошее. Ну, победил бы Зюганов, и он бы забрал весь этот негатив.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: При таких ценах на нефть.

А. ЧУБАЙС: Да. Кстати говоря, цены на нефть вы упомянули совершенно верно. Но я уже устал обсуждать эту тему. У меня есть один маленький вопрос. Пусть я встаю на вашу позицию. Хорошо, победил Зюганов. Чудесно. Ровно через четыре года, строго в соответствии с Конституцией, в стране состоялись бы абсолютно демократические выборы с возможностью равного доступа всех кандидатов к телевидению и средствам массовой информации. И демократы, сконсолидировавшиеся на выборах, победили бы Зюганова...

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Какую-то знакомую ситуацию вы описываете, Анатолий Борисович...

А. ЧУБАЙС: Но совершенно ясно, что если бы тогда действительно победил Зюганов, а Зюганов 1996-го и современный Зюганов — это два разных Зюганова, то, с учетом тех реальных сил, которые стояли за Зюгановым в 1996 году, можно с уверенностью сказать, что это были бы последние выборы, которые состоялись бы в нашей стране.

Е. ЯСИН: И еще один вопрос я хочу задать. У меня не было с Борисом Николаевичем во время моей работы в правительстве тесных контактов, хотя какое-то время я был его личным представителем, как говорят шерпой, по взаимоотношениям со странами «Большой семерки». Но у меня осталось все-таки впечатление, что Ельцин был своего рода двуликим Янусом. Не в смысле лицемерия — он действительно был очень цельный и порядочный человек, — но у него как бы было два «я». Одно лицо — это демократический президент новой России, а другое лицо — это секретарь обкома. И он не мог как-то так сразу развести эти роли или избавиться от одной.

А. ЧУБАЙС: И слава Богу... Я извиняюсь, что перебиваю вас, Евгений Григорьевич. Потому что в таком прош-

лом Ельцина был и залог успеха страны. Я очень хорошо помню себя в 1992, 1993, 1994 годах. Юноша, можно сказать. Передо мной сидит, например, генеральный директор производственного объединения, не хочу называть имен, у которого лет тридцать производственного стажа. Он все прошел, все видел. А тут перед ним какой-то пацан, какой-то завлаб, чудом оказавшийся чуть ли не в Кремле. И он будет объяснять, что его заводу делать, а чего не делать. Я же вижу по его глазам, как он меня воспринимает. Я могу говорить грозным или не грозным тоном, но ясно, что я для него — ничто, ноль. А Борис Николаевич для него человек, который прошел все ступени, от директора строительного треста до первого секретаря обкома и члена Политбюро. Ему надо было не то что речь сказать, он бровь нахмурил — и все понятно директору. Тогда абсолютно все для такого директора вставало на свои места. Если бы не было за нашей спиной Бориса Николаевича, мы бы как пушинки слетели. Мы в принципе несопоставимы были, наш вес был несопоставим с масштабами задач, которые надо было решать. А его вес был адекватен. Именно в этом был залог успеха.

Е. ЯСИН: А меня он обзывал саботажником за то, что я не считал возможным выписывать деньги, которые не были предусмотрены в бюджете. Люди ходили и жаловались на меня, а он меня потом спрашивал: «Вы правда саботируете мои указания?» Я отвечаю: «Я не саботирую, но строчки в бюджете нет». И я понимаю, насколько это смешно, странно, как-то необычно было в его глазах. Но я иначе не мог. И в то же время хочу отметить, что это был человек, который очень ценил свободу слова, очень уважал демократические нормы, которые появились в нашей стране.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Кто при нем был уполномоченным по правам человека?

А. ЧУБАЙС: Уполномоченным по правам человека он сделал весьма неудобного для себя Сергея Адамовича Ковалева. Такое сейчас трудно себе представить.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Евгений Григорьевич, я бы все-таки хотела вернуться немножечко назад, в 1993 год, который тоже ставят в вину Ельцину. В тот год, помимо так называ-

емого разгона парламента, был референдум, запомнившийся слоганом «да, да, нет, да», был сентябрьский указ № 1400. Как бы вы охарактеризовали этот период ельцинского правления?

А. ЧУБАЙС: Я думаю, что это был один из самых драматических периодов, и, как мне кажется, хотя, в общем, я не был близок с Борисом Николаевичем, для него события октября 1993 года лично были предельно драматическими.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Он советовался или решения принимались им лично?

А. ЧУБАЙС: Я не был тогда включен в процесс принятия решения. Насколько мне известно, там был очень узкий круг людей. И я не готов сказать, насколько детально он обсуждал вариант с указом № 1400. Для нас все решения поступали уже как инструкция для исполнения. Вместе с тем я до сих пор считаю, что если рассматривать события 3–4 октября именно с позиций тех двух дней, то есть после того, как коммунисты и вооруженные фашисты напали на штаб вооруженных сил Варшавского договора, напали на военных, пытались захватить этот командный пункт, причем там от шальной пули погибла женщина, просто жившая рядом, я уж не говорю о кровавом захвате мэрии Москвы 3 октября, то никаких других действий, кроме использования масштабной военной силы для уничтожения противника, уже не существовало. Можно оспаривать правомерность действий предшествующего периода и предъявлять претензии, скажем, к нерешительности Ельцина после упомянутого референдума и ко всей ситуации, в результате которой мы пришли к этой трагической точке. Можно рассуждать о вариантах того, реально ли ее было обойти, причем если быть объективным, то рассуждать надо, анализируя действия не только Ельцина, но и его оппонентов из Верховного Совета, равно как и вице-президента, и председателя Конституционного Суда. Но если уж мы оказались в этой точке, когда у тебя на улицах столицы вооруженные мятежники убивают людей, то их нужно уничтожать. Точка. Никаких других действий нет и быть не может. В этом смысле я считаю, что в тот момент Борис Николаевич взял на

себя колоссальный, тяжелейший груз исторической ответственности, который в определенном смысле так и остался на нем висеть навсегда. И эти события все равно остались в народной памяти как тяжелые, драматические. Но именно своим решением он спас страну от настоящей, большой крови.

Е. ЯСИН: А я к этому хочу добавить, что на самом деле был момент, когда прошел апрельский референдум: «да, да, нет, да», на котором, к изумлению депутатов Верховного Совета РСФСР, Ельцин получил поддержку, получил большинство. Причем напомним, что вопросы референдума формулировали именно депутаты, которые не сомневались по крайней мере в отрицательном ответе на вопрос о поддержке проводимой экономической политики. И ответы на вопросы о перевыборах как Ельцина: «нет», так и самих депутатов: «да» — были в пользу президента. Хотя под влиянием Зорькина Конституционный Суд перетолковал требование о перевыборах депутатов, так как решил подсчитывать результат не от числа пришедших на референдум, а от общего числа избирателей. Я тогда тоже не был причастен к узкому кругу советников президента, но про себя думал: если ты получил такую поддержку народа, такое преимущество, то его нужно как-то реализовать. Потому что те положения, которые были заложены еще в советской Конституции РСФСР, а к тому же неоднократно поправлявшиеся в ходе съездов народных депутатов РСФСР под председательством Хасбулатова, причем нередко не то что после какого-то обсуждения, а прямо «с голоса», позволяли «конституционно» избавиться от Ельцина. И поэтому он должен был принимать решения. Я себе представляю, как он тянул время с апреля до конца сентября, чтобы принять это решение. Сейчас, конечно, говорят, что был «расстрел парламента» и т.д. Я понимаю, тогда для всех нас, и прежде всего для Ельцина, это было действительно испытание. Но в чем я вижу величие Бориса Николаевича Ельцина? Это был человек не просто очень умный, очень цельный, хотя я не называл бы его философом. Но он обладал уникальным свойством: брал на себя ответственность, чувствовал момент, когда он должен это сделать и когда никто не может его

в этом заменить. И в такие моменты он принимал решения. Несколько раз это действительно было решающим фактором в истории нашей страны.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Ельцин именно личность, именно фигура.

Е. ЯСИН: У меня такое ощущение, что наши граждане все-таки в большинстве своем не очень понимают, что происходило в то время. Что было на кону, какие проблемы приходилось решать и чем мы рисковали. Вот Борис Николаевич принял несколько таких решений, которые позволили нам действительно выйти на широкую дорогу развития. Анатолий Борисович сказал, что прежде всего ценностями для него были свобода и демократия. С моей точки зрения, еще более важную роль он сыграл в продвижении рыночных реформ, создании рыночной экономики. Если бы не провели эти реформы в 1992 году, а затем и комплекс других реформ, в том числе приватизацию и т.п., мы бы не смогли развиваться уже с конца 1990-х годов, а затем и в 2000-е годы. Всем же было известно, что раньше мы забрались в тупик и никак не могли из него выбраться. Но в то же время, когда вы принимаете такие решения, рассчитывать на благодарность тех людей, которые в это время несут бремя испытаний и тягот, бесполезно. Надо было обладать подлинным пониманием своей исторической ответственности, чтобы эти решения принимать. Сейчас, когда мы уже привыкли к тому, что у нас в магазинах все есть, что мы уже опять сильны, встали с колен и т.д., хорошо бы вспомнить об этом тяжелейшем периоде.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Еще один сложный период — это 1996 год. Напомню, что на выборах 1995 года демократы потерпели поражение. «Демократическому выбору России» Егора Гайдара не хватило около десятой доли процента для вхождения в Думу, скорее всего из-за отделения от него нескольких лидеров, решивших создать самостоятельные избирательные блоки, которые в результате получили по 1–2% голосов. Именно после тех самых выборов прозвучала знаменитая фраза, что во всем виноват Чубайс. Однако через несколько месяцев вас, Анатолий Борисович, пригласи-

пашют в избирательный штаб Бориса Николаевича. Как бы вы охарактеризовали тот период?

А. ЧУБАЙС: На волоске была судьба страны. Очевидная мощная, широкая народная поддержка коммунистов и на старте кампании предельно слабый Ельцин, равно как и сильно дискредитированная власть в целом.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Дискредитированные чем?

А. ЧУБАЙС: Тяжелейшим положением в экономике, низким уровнем жизни, массовой бедностью, невыплатами зарплат и т.д. А впереди демократические выборы, которые являются символом того, что Борис Николаевич и демократы в целом привнесли в нашу жизнь. Демократические выборы, которые по всем законам должны принести поражение демократам. Ситуация почти тупиковая. И пройти эту ситуацию мог только человек масштаба Бориса Николаевича.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Но там в ходе кампании был ваш конфликт. Евгений Григорьевич считает, что это была просто-напросто схватка с Александром Васильевичем Коржаковым.

А. ЧУБАЙС: Там все просто. Александр Васильевич был сторонником отмены выборов. При этом возник «мелкий» вопрос: как будем отменять выборы... С ответом на него было сложновато: отменить и всё, просто написать указ. Я говорю: «Александр Васильевич, указ написать можно, только он нарушает Конституцию, а там Конституционный Суд...» И через час получил отмену указа. Получил отмену и что? Обсуждать такие вещи всерьез с ним было довольно сложно. Но главное — он был частью серьезной партии, ориентированной на то, чтобы любым способом сохранить Бориса Николаевича, но ослабленного отказом от выборов, сохранившего власть без выборов. Вот суть их позиции.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Анатолий Борисович, Евгений Григорьевич, я где-то читала, что Ельцин свою колоссальную харизму положил в платформу реформ, не побоялся ею пожертвовать. Я бы хотела, чтобы прозвучало несколько слов о человеческих качествах Бориса Николаевича, которые, безусловно, играли роль и в политике тоже.

А. ЧУБАЙС: Я бы сказал так. Для Бориса Николаевича эта тема была очень тяжелой. Ведь в конце 1980-х годов, в период политической борьбы с Горбачевым, он опирался именно на народную поддержку.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Какие митинги были в его поддержку...

А. ЧУБАЙС: Он искренне и глубоко был уверен в том, что мы обеспечим безболезненный переход к рынку. Это было не что-то такое, что он прочитал и повторил. Он был глубоко убежден и считал, что только так и может быть. Тогда с большим трудом Егор Гайдар убедил его — при поддержке Евгения Григорьевича, насколько я знаю, — сказать в ключевом выступлении на Съезде народных депутатов РСФСР осенью 1991 года, где принималось решение о начале реформ, что все-таки полгода будет плохо, тяжело. За это потом долго критиковали и Бориса Николаевича, и нас. Смотрите, мол, какой он наивный, или какой лживый, или какой нечестный. На самом же деле и в этом-то убедить его было крайне сложно. Потому что он искренне считал, что нужно просто навести порядок в экономике. Да, рыночный, но порядок. И тогда экономика начнет расти и всем будет хорошо. Понимание того, что на это потребуются годы, к нему прошло не сразу. Когда же оно пришло, оказалась, что тут ровно та дилемма, о которой вы сказали. Дальше нужно было вкладывать весь свой политический вес, всю свою харизму в то, чтобы удерживать процесс реформ, теряя шаг за шагом на каждом следующем решении свой политический ресурс. Что он, собственно, и сделал.

Е. ЯСИН: На самом деле напомним, о чем я говорил. Я вспомнил свой разговор с Егором Тимуровичем Гайдаром. Это было в начале ноября 1991 года. Я спрашивал, на что вы рассчитываете, и он мне сказал: «Понимаете, то, что нам предстоит сделать, можно делать либо при военной диктатуре, либо если мы имеем лидера, который обладает харизмой и готов эту харизму принести на алтарь победы преобразований. И нам повезло. Потому что мы имеем такого лидера, как Борис Николаевич Ельцин». Это был действительно один из решающих моментов. Ведь еще за год до начала реформ он был уверен, что есть какие-то секре-

ты, с помощью которых можно лучше и безболезненнее перейти из одного состояния в другое. Но с ним работали, ему объясняли. И он почувствовал, что испытывает уважение к этим людям, а потому взял на себя ответственность за весь ход реформ. Понимаете, история стран меняется оттого, что лидер в ответственный момент принимает решение. Я смотрел на руководителей других стран того времени. В Соединенных Штатах Америки был совсем неплохой президент – Билл Клинтон. Я видел премьер-министра Великобритании, президента Франции. Они были такие крупные, уважаемые. А я чувствовал, что по сравнению с Ельциным, хотя у него были, может быть, не такие хорошие манеры и он был не так хорошо воспитан, они пигмеи. Потому что на их долю не выпадала тяжесть принятия таких решений.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: А скажите, пожалуйста, Ельцин после болезни, после операции – это уже был немножко не тот Ельцин?

А. ЧУБАЙС: А он очень разный был после болезни. Бывали совсем тяжелые моменты, когда действительно это был как бы уже не Борис Николаевич и просто опускались руки. А потом вдруг совершенно внезапно, как птица Феникс, воскресал. Вновь полный сил, тот же напор, энергетика просто незримая такая излучается. В этом смысле здесь перед нами какой-то совершенно загадочный характер. И совершенно загадочные свойства личности, даже какие-то физиологические.

Е. ЯСИН: Знаете, меня иногда спрашивают, какие в свое время были великие люди в нашей истории – Александр Невский, Дмитрий Пожарский и Козьма Минин и т.д. А у нас что? Все измельчало... А я думаю, что пройдет время и люди будут говорить, какой крупной фигурой был Ельцин. При этом, прошу прощения, добавлю: и Горбачев тоже, и Александр Николаевич Яковлев, и многие другие. 1990-е годы – это действительно время больших людей. Борис Николаевич, может быть, был среди них номером один.

Н. БОЛТЯНСКАЯ: Очень хочется еще раз сказать: светлая память Борису Николаевичу.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абалкин Л.И. 24, 26, 27, 28, 117
Абрамов Г.А. 281
Аганбегян А.Г. 19, 272
Адамов Е.О. 446
Александр II 351, 352, 355–356,
362, 367
Александр III 49
Александр Невский 503
Александренко С.В. 185, 186,
210, 212
Алексеева Л.М. 440
Алекперов В.Ю. 161
Андроников И.Л. 7
Андропов Ю.В. 19, 258, 259
Анчишкин А.И. 19, 272
Артемова Т.К. 210
Асламазян М.А. 437
Аузан А.А. 385, 386
- Бабицкий К.И. 429
Бажов П.П. 302
Бальцерович Л. 28, 33
Барсуков М.И. 494
Березовский Б.А. 146, 153, 154,
447, 448, 449, 450
Берлускони С. 417
Бессонов В. 13
Бжезинский З. 476
Блэр Т. 432
Богданов В.Л. 161
Богораз Л.И. 429
Бойко О.В. 212
Бор Н. 273
Боровиков Д.А. 374
Бразаускас А. 299
Брежнев Л.И. 345, 476
Булгак В.Б. 114
Бут Ш. 432, 433
- Валенса Л. 300
- Васильев Л.С. 103
Васильев С.А. 99
Вашенков Е. 374
Вебер М. 102
Венедиктов А.А. 443, 446,
453–454
Вермут Й. 184
Виноградов В.В. 153
Воронин Л.А. 26
Вьюгин О.В. 184
- Гайдар А. 302
Гайдар Е.Т. 6, 19, 21, 26, 35, 36,
45, 46, 48, 63, 64, 65, 77, 78,
81–82, 83, 88, 90, 99, 129, 170,
172, 173, 259, 273, 274, 302, 304,
334, 502
Герашенко В.В. 170–171, 208, 331
Гинсбург А.И. 440
Гинзбург В.Л. 381
Гитлер А. 458
Голодец О.Ю. 156
Гонтмахер Е.Ш. 389
Горбаневская Н.Е. 429
Горбачев М.С. 23, 24, 27, 28, 37,
42, 43, 44, 49, 56, 77, 84, 85, 117,
252, 258, 272, 297, 302, 345, 467,
476, 479, 492–493, 502, 503
Горчаков А.М. 482
Горький М. 290
Грачев П.С. 306
Грейф А. 103
Гурвич Е.Т. 184
Гусинский В.А. 146, 154, 448, 449,
450, 459
- Данилов В.В. 364, 372–373,
380–381
Дворкин В.И. 197
Дворкович А.В. 184

- Делоне В.Н. 429
 Дин Г. 416
 Додж Дж. 31
 Дорнбуш Р. 82
 Дремлюга В.А. 429
 Дубинин С.К. 203
- Ельцин Б.Н. 35, 37, 39, 43, 44, 46,
 50, 53–56, 58, 59, 60, 62–66, 71,
 85–86, 117, 132, 168, 169, 175,
 176, 236, 247, 252, 284, 298, 302,
 304, 306, 307, 354, 412, 418, 444,
 459–460, 478, 485–503
- Жванецкий М.М. 11
 Жириновский В.В. 46, 51, 173–
 174, 413
- Задорнов М.М. 236, 245, 247, 248,
 252, 461
 Заславская Т.И. 19, 34, 78, 287
 Засулич В.И. 373, 380
 Зеленин В.В. 112
 Зеленин Д.В. 112
 Зимин Д.Б. 35, 108–111, 114,
 119–121, 123–125, 281, 286, 436
 Златкис Б.И. 218
 Золотухин Б.А. 350
 Зорькин В.Д. 57, 354
 Зюганов Г.А. 305, 411, 446, 459–
 460, 495–496
- Игнатъев С.М. 90
 Изосимов А.В. 122
 Илларионов А.Н. 176
 Илюмжинов К.Н. 414
- Кавелин К.Д. 49
 Капица П.Л. 272, 273,
 Каплун И.В. 113
 Квасъевский А. 300
 Квачков В.В. 372, 373, 380
 Керенский А.Ф. 61, 62
 Кириенко С.В. 243, 244, 260, 357
 Киселев О.В. 91, 95–96
 Капелюшников Р.И. 311
- Клинтон Б. 176, 478, 503
 Ковалев С.А. 459, 497
 Козлов А.А. 210, 212, 370
 Козырев А.В. 480
 Колумб Х. 390
 Комарь Д.А. 42
 Кордонский С.Г. 93
 Коржаков А.В. 494, 501
 Корнаи Я. 300
 Королев С.П. 272
 Косыгин А.Н. 13, 15
 Коуз Р. 134, 159,
 Кох А.Р. 149, 152,
 Красавченко С.Н. 169
 Кристи А. 365
 Кричевский И. 42
 Крючков В.А. 77
 Кудешкина О.Б. 361
 Кулидж К. 421
 Кунадзе Г.Ф. 467
 Кынев А.В. 403, 405
- Ландау Л.Д. 272, 273
 Ландсбергис В. 299
 Лебедь А.И. 460
 Левада Ю.А. 104
 Ленин В.И. 12, 61, 79, 289–290
 Лесневская И.С. 449
 Ливергант А.Я. 435
 Лимонов Э.В. 447
 Линде А.Д. 125
 Лисичкин Г.С. 14
 Литвиненко А.В. 446
 Литвиненко М. 447
 Литвинов П.М. 429
 Лопатников Л.И. 36
 Львов Д.С. 286
 Луговой А.К. 446
 Лужков Ю.М. 144, 448
 Лукашенко А.Г. 458
 Лундер Дж. 122
 Лысенко А.Г. 448
 Людовик XVI 41
- Мавроди С.П. 181
 Мазовецкий Т. 33

- Маркс К. 427
 Маслоков Ю.Д. 26, 27, 28
 Матюхин Г.И. 208
 Медведев Д.А. 105, 349, 350
 Мердок Р. 450
 Мериме П. 30
 Минин К. 503
 Минц А.Л. 112
 Митрохин С.С. 304
 Михайлов А.Ю. 252
 Михалков Н.С. 374
 Мороз О.П. 67
 Мостовой П.И. 29
 Муссолини Б. 458
- Найшуль В.А. 93, 130,
 Наполеон I 363
 Немцов Б.Е. 100, 154, 183, 449,
 450
 Никитинский Л.В. 367
 Нордхаус Б. 82, 169,
- Обама Б. 416, 418
 Овчарова Л.Н. 329
 Окуджава Б.Ш. 400
 Окунь Л.Б. 284
 Оливер Х. 223
 Олсон М. 163
 Ооржак Ш.О. 200
 Орлов Ю.Ф. 440
- Павлов В.С. 17, 28, 34, 77, 139,
 469
 Пайпс Р. 49
 Пармонова Т.В. 182, 208
 Патаркацишвили Б. 448
 Пашин С.А. 349
 Петр I 290
 Петраков Н.Я. 19, 272
 Петров В.А. 195
 Плевако С.Н. 367
 Поддубный И. 375–377
 Пожарский Д. 503
 Попов Г.Х. 118, 338
 Попцов О.М. 448
 Потанин В.О. 153, 154, 155, 156,
- Примаков Е.М. 6, 19, 248, 251,
 Проханов А.А. 310
 Путин В.В. 51, 105, 156, 338, 349,
 357, 420, 445, 475, 479
- Распутин В.Г. 297
 Резерфорд Э. 273
 Рогинский А.Б. 440
 Рогозин Д.О. 421
 Ростовский Я. 82, 223
 Ростропович М.Л. 39
 Рузвельт Ф. 318
 Руссо Ж.-Ж. 403
 Руцкой А.В. 405
 Рыжков Н.И. 27, 28, 84, 168, 258,
 263, 312, 359
 Рыжов Ю.А. 288, 381
- Сакс Дж. 472
 Салтыков Б.Г. 262, 271, 276, 286,
 289, 291
 Самуэльсон П. 169
 Санович С.В. 423
 Сахаров А.Д. 291, 297, 490
 Сванидзе Н.К. 450
 Семенов Н.Н. 272
 Серова Е.В. 107
 Ситнов А.П. 257
 Смирнов Г.Л. 297
 Смоленский А.П. 211, 246
 Собчак А.А. 38, 89
 Сойфер В.Н. 284
 Солженицын А.И. 14, 295, 297,
 430
 Сорос Дж. 284, 425–426, 435, 436,
 450
 Сосковец О.Н. 494
 Сталин И.В. 13, 16
 Стиглиц Дж. 155, 473
 Сычов А.С. 447
- Тамбовцев В.Л. 109, 126, 137, 146
 Тамм И.Е. 272
 Танци О. 82, 223,
 Тарпищев Ш.А. 177
 Твен М. 390

- Тесла Н. 275, 276
Товстоногов Г.А. 21
Толстой А.К. 115
Травкин Н.И. 226
Трунин И.В. 220
Тургенев И.С. 49
Тэтчер М. 106, 138, 307–308
- Ульман Э.А. 363
Уринсон Я.М. 260
Усов В. 42
- Фабела О. 111, 112
Файнберг В.И. 429
Фарадей М. 291
Федоренко Н.П. 291
Федоров Б.Г. 172–173
Федоров В.В. 438
Федотов М.А. 451
Френкель А.Е. 211, 370
Фридрих II 363
- Хасбулатов Р.И. 58, 354
Хижа Г.С. 26
Хлопонин А.Г. 157
Ходорковский М.Б. 153, 281, 436
Хрущев Н.С. 220, 476
- Черкизов А.А. 444, 445
Чернов В.М. 62
Черномырдин В.С. 154, 155, 172, 184,
- Чичерин Б.Н. 49
Чубайс А.Б. 19, 99, 100, 135, 140, 146, 149, 150, 152, 154, 182, 183, 184, 304, 306–307, 449–451, 485, 493–495, 497
- Шаталин С.С. 168
Шафаревич И.Р. 297
Шварцман О.С. 156
Швядкой М.Е. 450
Шеварднадзе Э.А. 480
Шик О. 16
Шмелев Н.П. 345
Штудниц Э.Й. фон 363
Шумпетер Й. 404
- Эрхард Л. 31, 32, 33
- Явлинский Г.А. 24, 27, 28, 65–66, 168, 169, 252, 304, 459
Яковлев А.Н. 43, 44, 359, 360, 488, 503
Янаев Г.И. 42
Яременко Ю.В. 19
Ясин Е.Г. 13, 20, 23, 25, 27, 28, 29, 36, 41, 48, 81–82, 83, 85, 137, 150, 152, 184, 185, 223, 235–236, 252, 258, 262, 286, 291, 303, 312, 314–315, 332, 385, 497, 502
Ясина И.Е. 137
Ясина Л.А. 88, 137

Книги издательств
«Социум», ИРИСЭН и «Мысль»
можно купить в интернет-магазине

sotsium.ru

ДЕВЯНОСТЫЕ – ГОДЫ ТЯГОТ, НАДЕЖД И СВЕРШЕНИЙ

Корректор: *Е. Абоева*

Дизайнер: *А. Демочкина*

Верстка: *Д. Зотов*

Подписано в печать 15.04.2019. Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 32,0 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ № .

ООО «ИД «Социум»
sotsium.ru ; тел. (495) 330-51-98

Дэвид БОУЗ
ЛИБЕРТАРИАНСТВО
История, принципы, политика

(Челябинск: Социум, 2014. 408 с. 32 илл.)

Либертарианство — это политическая философия, выводящая принципы устройства общества из аксиомы самопринадлежности права собственности человека на собственное тело. Исходя из убеждения, что человек сам должен распоряжаться своей жизнью и имуществом и имеет право самостоятельно решать, как ему жить, при условии, что он признает такое же право за другими людьми, либертарианцы отстаивают максимально широкие права личности и требуют сведения роли государства к необходимому минимуму защите жизни и собственности граждан. Автору удалось в популярной форме представить весь комплекс либертарианских идей в области философии, экономики и права в их историческом развитии. В книгу включены 32 цветные иллюстрации, освещающие основные вехи развития либертарианской традиции и выделяющие наиболее важные идеи.

1. Грядущая эра либертарианства	7. Гражданское общество
2. Корни либертарианства	8. Рыночный процесс
3. Какие права у нас есть	9. Природа большого правительства
4. Достоинство человека	10. Современные проблемы
5. Плюрализм и веротерпимость	11. Обветшавшее государство
6. Право и конституция	12. Либертарианское будущее

Рональд РОТУНДА

**ЛИБЕРАЛИЗМ КАК СЛОВО И СИМВОЛ
Борьба за либеральный бренд в США**

(Челябинск: Социум, 2016. 212 с.)

Рональд Ротунда (1945—2018) — известный американский правовед, специалист по конституционному праву, написавший авторитетный трактат по этой теме. Его небольшое исследование «Politics of Language: Liberalism as Word and Symbol», наверное, единственное в своем роде, в котором рассказывается, как произошло столь загадочное изменение значения слов «либерализм» и «либералы» в США. Там либералы странным образом выступают за всестороннее вмешательство государства в экономику.

Автор показывает, что это случилось не само собой, а в результате сознательной подмены понятий Франклином Рузвельтом, искавшим подходящий словесный ярлык для своей программы регулирования экономики. Для этого он выбрал не использовавшееся в США, но престижное и имеющее только благоприятные ассоциации слово «либеральный».

Так получилось, что одновременно права на этот бренд предъявил Герберт Гувер и исход спора решился в ходе избирательных компаний 1932—1940 гг. Рассказ об этом историческом эпизоде составляет сюжетный центр книги. Но эта история предваряется интересными размышлениями автора о роли символов в политике и кратким обзором истории слова «либерал» и «либеральный» как обозначения социально-экономической программы в Англии и США в XIX—XX вв.

Гвидо ХЮЛЬСМАНН
ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ ЛИБЕРАЛИЗМА

Жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса

(М.; Челябинск, 2013. 893 с.)

Людвиг фон Мизес (1881—1973) — один из величайших мыслителей XX в., австрийский экономист, философ и политолог. С 1940 г. жил и работал в США. Наибольшую известность ему принесли сочинения по экономике. Мизес завершил разработку экономической теории австрийской школы (ведущей свое начало от К. Менгера и О. Бём-Баверка), превратив ее в общую теорию человеческой деятельности праксеологию, отличающуюся от естественных наук, с одной стороны, и от истории — с другой.

Опираясь почти исключительно на архивные документы, Й. Г. Хюльсманн ведет подробное жизнеописание своего героя на богатом событиями историческом фоне первых двух третей XX в. Особое внимание уделяется интеллектуальному и идеологическому климату, в котором проходило вначале мировоззренческое становление Л. фон Мизеса, а затем его политическая и/или научно-преподавательская деятельность: Австро-Венгрия и Вена рубежа XIX—XX вв., межвоенная Европа, США 1940—1960-х годов, титанические битвы между социализмом/интервенционизмом и капитализмом, свободой и диктатурой, централизованным планированием и рынком, историзмом и австрийской школой, позитивизмом и праксеологией.

Почти треть книги составляет изложение теоретических взглядов Л. фон Мизеса в области экономики, эпистемологии социальных наук, политологии.

Книга содержит более 100 фотографий и обширный справочный аппарат, в том числе наиболее полный в настоящий момент список произведений Л. фон Мизеса.

Людвиг фон МИЗЕС
ЛИБЕРАЛИЗМ

(М.; Челябинск: Социум, 2018. 300 с.)

Единственное систематическое изложение принципов либерального устройства общества и государства, основ либеральной экономической и внешней политики. Демонстрирует тесную связь между международным миром, частной собственностью, гражданскими правами, свободным рынком и экономическим процветанием. Автору удалось развеять множество сомнений и недоразумений, возникавших при обсуждении социальных и политических проблем, а также касающихся либеральной доктрины.

Введение

Либерализм
Материальное благополучие
Рационализм
Цель либерализма
Либерализм и капитализм
Психологические корни антилиберализма

Глава 1. Основы либеральной политики

Собственность
Свобода
Мир
Равенство
Неравенство богатства и доходов
Частная собственность и этика
Государство и политика
Демократия
Критика доктрины силы
Аргументы фашизма
Границы деятельности правительства
Веротерпимость
Государство и антиобщественное поведение

Глава 2. Либеральная экономическая политика

Организация экономики
Частная собственность и ее критики
Частная собственность и правительство
Неосуществимость социализма
Интервенционизм
Капитализм: единственно возможная система общественной организации

Картели, монополии и либерализм
Бюрократизация

Глава 3. Либеральная внешняя политика

Границы государства
Право на самоопределение
Политические основы мира
Национализация
Империализм
Колониальная политика
Свободная торговля
Свобода передвижения
Соединенные Штаты Европы
Лига наций
Россия

Глава 4. Либерализм и политические партии

Доктринерство либералов
Политические партии
Кризис парламентаризма и идея Конгресса, представляющего особые интересы
Либерализм и партии особых интересов
Партийная пропаганда и партийная организация
Либерализм как партия капитала

Глава 5. Будущее либерализма

Приложения

1. Литература о либерализме
2. О термине «либерализм»

Комментарии
Указатель имен
Предметный указатель